

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ*

Петрозаводск
2005

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
Сборник научных статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2005

ББК 81.66
Б 901

Под редакцией
докт. филол. наук, профессора *П. М. Зайкова*,
канд. филол. наук, доцента *Т. И. Старшовой*

*Проведение научных конференций и публикация
настоящего сборника статей осуществляются при поддержке
Правительства Республики Карелия*

**Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания
прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. / Под ред.
П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ,
2005. — 340 с.**

ISBN 5-8021-0342-6

Данный сборник включает в себя публикации преподавателей, научных сотрудников и аспирантов Петрозаводского госуниверситета, Карельского педуниверситета, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

В книге представлены статьи, посвященные различным проблемам исследования и преподавания языков, литератур, истории и культуры прибалтийско-финских народов.

**ББК 81.66
Б 901**

ISBN 5-8021-0342-6

© Петрозаводский
государственный
университет, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беликова А. Е.</i> Экспериментальное исследование финских глаголов звучания	3
<i>Беликова А. Е.</i> Объяснительное описание синонимического ряда <i>havista, kahista, humista, suhista</i>	16
<i>Богданов Е. В.</i> Творчество Л. Онерва в восприятии финляндских академистов	27
<i>Богданова Е. Г.</i> Обучение студентов I курса стратегиям аудирования текстов на финском языке	43
<i>Богданова Е. В.</i> История возникновения возвратного спряжения в карельском языке	50
<i>Богданова Е. Г., Храмцова О. А.</i> Проблемы сравнительной типологии фонологических систем русского и финского языков в аспекте методики преподавания финского языка как иностранного	57
<i>Гилова Н. М.</i> Исторические суффиксы вопросительных местоимений карельского языка	64
<i>Гурин Г. Б.</i> О содержании курса «Общее языкознание» на филологических факультетах	68
<i>Жуков А. Ю.</i> Карельская земля: административно-территориальное оформление в XIII—XV веках	74
<i>Жукова О. Ю.</i> Роль и основные мотивы причитаний в похоронном обряде вепсов	88
<i>Жукова О. Ю.</i> Система метафорических замен в вепсских причитаниях	93
<i>Зайков П. М.</i> Формы I причастия актива в карельском языке	98
<i>Зайков П. М.</i> История происхождения форм I причастия актива в карельском языке	112

<i>Зайцева Н. Г.</i>	
Диалекты и новописьменные языки: противостояние или взаимодействие (на материале прибалтийско-финских языков Карелии)	117
<i>Захарова Е. В.</i>	
Полукальки в топонимии Восточного Обонежья	122
<i>Исламаева Т. И.</i>	
Трудные случаи преподавания грамматики финского языка. Пути их решения (аккузатив как самостоятельный падеж).....	131
<i>Керт Г. М.</i>	
О лингвистическом наследии Д. В. Бубриха	139
<i>Козьяр И. П.</i>	
О социолингвистическом аспекте влияния русского языка на финскую лексику (1920—1940 годы)	144
<i>Козьяр И. П.</i>	
О развитии лексики финского языка в Карелии в 20—30-е годы XX века	148
<i>Кондратьева С. Ф.</i>	
Особенности преподавания карельского языка в Финно-угорской школе им. Э. Лённрота г. Петрозаводска (из опыта работы).....	154
<i>Коробейникова С. В.</i>	
О проблемах проведения педагогической практики студентов факультета прибалтийско-финской филологии и культуры (финский язык).....	160
<i>Криничная Н. А.</i>	
Магия слова в карельских эпических песнях	165
<i>Кузьмин Д. В.</i>	
Топооснова Nämeһ- в топонимии Карелии	172
<i>Лебедева Н. А.</i>	
Ойконимия посессивного типа Центральной Ингерманландии	181
<i>Лебедева Н. А.</i>	
Адаптация русским языком финноязычной ойконимии Центральной Ингерманландии	190
<i>Логинова Е. В.</i>	
Сова как ментальный образ в европейских языках.....	197
<i>Миронова В. П.</i>	
Мотив брачных испытаний в южно-карельских эпических песнях...	202
<i>Миронова В. П.</i>	
Семейно-бытовая тема в южно-карельской эпической поэзии	210

<i>Момотова Н. М.</i>	
Проблема обучения лексике с национально-культурным компонентом семантики в лингвострановедческом аспекте	217
<i>Муллонен М. И.</i>	
Словарь живой народной речи.....	222
<i>Наумова М. В.</i>	
К вопросу об исследовании управления глаголов в финно-угорских языках	227
<i>Пулькин М. В.</i>	
«Инородческая» школа на Европейском Севере России (конец XIX — начало XX в.)	237
<i>Родионова А. П.</i>	
Послеложные падежи в новописьменном карельском языке (ливвиковское наречие).....	249
<i>Сидорова А. П.</i>	
Перевод и литературный пересказ в детской литературе.....	253
<i>Сойни Е. Г.</i>	
Образ финляндии в поэзии русской эмиграции 1920—30-х годов	259
<i>Строгальщикова З. И.</i>	
Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия	270
<i>Титова М. А.</i>	
Карельский ведун « <i>tiedoiniekku</i> »: социально-психологический портрет (на южно-карельском материале)	288
<i>Флиппова Е. В.</i>	
История исследования именного суффиксального словообразования в диалектах карельского языка	297
<i>Храмцова О. А.</i>	
Использование комплексного анализа лексической единицы в рамках курса лексикологии финского языка.....	304
<i>Чикина Н. В.</i>	
Актуальные вопросы развития карелоязычной литературы на рубеже XXI века.....	318
<i>Чикина Н. В.</i>	
Современное состояние литературы на людиковском наречии карельского языка.....	322
<i>Ыйстуу Я.</i>	
Обновление языка и языковая политика: о судьбе прибалтийско-финского флективного суффикса <i>-ni-</i> в эстонском литературном языке.....	330

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНСКИХ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ

Большинство исследователей, так или иначе затрагивавших проблему дескриптивной и оноματοпоэтической лексики финского и родственных ему языков, обращали внимание на особый фонетический состав этих слов, на явное соотношение звукового облика слова с его денотатом, на очевидную связь звучания слова и его значения (см., например: Ruoppila V., 1935; Ravila P., 1952; Haarala R., 1974; Leskinen H., 1991; Veldi E., 1997; Leskinen J., 1998, 2001; Mikone E., 2000; Jarva V., 2001). С чем это связано, что лежит в основе таких явлений, насколько они распространены в генетически неродственных финскому языках, носят они универсальный или только лишь национальный характер? Все эти вопросы составляют круг проблем, разрешить которые можно, опираясь на теорию *звукосимволизма* и опыт, накопленный в результате экспериментальных исследований в этой сфере (о теоретических основах звукосимволизма см.: Воронин С. В., 1982; об экспериментальном изучении см.: Левицкий В. В., 1973; Левицкий В. В., Стернин И. А., 1989).

С целью выявления степени *звукоизобразительности*, то есть того, существует ли произвольная, мотивированная связь между звучанием слова и его значением, а также того, насколько она интернациональна, нами был проведен эксперимент. Тип проведенного эксперимента в литературе, посвященной экспериментальному субъективному звукосимволизму, называется *экспериментом подбора*. Субъективный звукосимволизм противопоставляется объективному. Субъективный звукосимволизм понимается как связь определенных звуковых и семантических единиц в психике человека, а объективный — как связь определенных звуковых и семантических единиц в том или ином языке. При этом первый тип изучается с помощью психолингвистических (экспериментальных) методов; второй же предполагает применение необходимого в этом случае строгого математического аппарата и других точных критериев (Левицкий В. В., Стернин И. А., 1989, 155—156).

Считается, что если участники эксперимента угадывают значения неизвестных им слов, опираясь исключительно на собственные ассоциации, а также на фонетический облик и значение слов родного языка,

то это говорит о наличии звуко­симво­ли­зма (а в нашем случае звуко­изо­бразительности) в исследуемых словах.

Для данного эксперимента были привлечены 68 человек: студенты-филологи II и III курсов ПетрГУ (22 человека) и ученики старших классов с углубленным изучением математики Державинского лицея г. Петрозаводска (46 человек), при этом финским языком ни студенты, ни школьники не владели. Студенты получили анкету-таблицу со списком из 25 оно­мато­позитических глаголов, школьники — из 19 (из-за ограниченности во времени при проведении эксперимента список пришлось немного сократить). Поскольку оценивать необходимо было акустические ощущения, все слова были также прочитаны мною вслух.

Перед участниками эксперимента были поставлены следующие задачи:

1) попытаться угадать по звучанию финского оно­мато­позитического глагола его значение;

2) охарактеризовать предполагаемое звучание по таким параметрам, как громкость (*тихий* — *громкий*: 0—5 баллов для студентов, 1—3 — для школьников), эмоциональное впечатление (*приятный* — *неприятный*: 0—5 баллов для студентов, 1—3 — для школьников), тембр (*глухой* — *звонкий*: 0—5 баллов для студентов, 1—3 — для школьников). Школьникам была предложена шкала с меньшим диапазоном (1—3), с одной стороны, для облегчения работы, и, с другой — из-за ограниченности во времени. Студентам-филологам предлагалось дополнительно попытаться оценить звучание с точки зрения его происхождения. Например, удар и его варианты порождают такие звуки, как стук, шлепок, дребезжание, звон (высокая частота последовательно производимых ударов) и др., в результате трения возникают такие звуки, как шелест, шуршание, скрип и др. В том случае, если причина возникновения звука, по мнению опрошенных, была иная: не удар и не трение (например, звук текущей воды, мычание коровы и подобное), то в соответствующих графах предлагалось написать «другое». Если же звук имел смешанную природу, то есть в нем сочетались удары с трением (как, например, при лязгании), то в обеих графах таблицы, характеризующих происхождение звучания, респонденты проставляли плюсы;

3) попытаться подобрать финскому глаголу русский эквивалент и, если возможно, перечислить источники звучания. В вопросе стилистической принадлежности слов респондентам была предоставлена полная свобода выбора, предлагаемые ими эквиваленты могли относиться как к литературной, книжной, лексике, так и к разговорной, даже просторечной.

Результаты эксперимента представлены в сводных таблицах.

Финский глагол	Тихий — громкий 0—5	Приятный — неприятный 0—5	Глухой — звонкий 0—5	Удар (серия ударов, звон) + / -	Трение + / -	Русский эквивалент; процент «угадываемости»
suhise-	1,86	2,18	1,36	-	+	68
kahise-	3,14	2,68	2,41	-	+	14
rapise-	3,95	3,14	3,68	+	-	5
lirise-	3,14	1,36	4,05	другое		64
pirise-	3,33	2,76	3,05	-	+	23
rämise-	3,82	2,95	3,64	+	-	32
kolise-	3,59	2,27	3,41	+	-	27
vinku-	3,41	1,91	3,59	+	-	23
pörise-	3,14	3,50	2,68	другое		9
kumise-	3,09	2,55	2,91	+	-	23
helise-	2,18	2,73	2,64	другое		18
ulvo-	3,36	2,77	3,41	другое		18
kalise-	3,95	2,29	3,71	+	-	32
ritise-	3,40	2,65	3,70	-	+	9
polski-	2,95	3,00	3,20	другое		36
möllise-	3,05	2,86	3,32	другое		18
lotise-	3,35	2,40	3,20	+	-	27
kirsku-	3,45	3,41	3,18	-	+	41
inise-	2,50	1,52	3,14	-	+	23
sihise-	2,09	2,55	1,82	-	+	45
kähise-	2,52	3,24	2,19	другое		32
rytise-	3,27	3,00	3,32	+	-	5
litise-	2,76	1,90	3,05	другое		59
narise-	3,64	2,64	3,68	другое		5
lorise-	3,62	2,76	3,52	+	-	23

Финский глагол	Тихий — громкий 1—3	Приятный — неприятный 1—3	Глухой — звонкий 1—3	Русский эквивалент; процент «угадываемости»
suhise-	1,33	1,87	1,07	65
kahise-	1,67	2,09	1,67	9
pirise-	2,20	1,89	2,37	15
rämise-	2,54	2,17	2,59	2
kolise-	2,37	1,83	2,24	30
vinku-	2,35	1,52	2,48	37
pörise-	2,06	2,26	1,83	11
kumise-	2,00	2,00	1,87	13

helise-	1,52	1,80	1,54	9
ulvo-	2,35	2,13	2,33	13
kalise-	2,22	1,96	2,22	22
polski-	2,02	2,09	1,76	11
mölise-	2,02	2,00	2,09	2
lotise-	2,20	1,85	2,35	15
kirsku-	2,35	2,30	2,22	20
inise-	1,87	1,67	2,26	7
sihise-	1,63	2,15	1,83	39
kähise-	1,72	2,13	1,46	26
litise-	2,04	1,76	1,37	63

Среднее число угаданных эквивалентов по отношению к общему количеству анкет в каждой группе составляет 6,6 лексем (или 30%) среди студентов и 4,1 (или 9%) у школьников (среднее арифметическое 20% от общего числа глаголов в обеих группах). Возможно, эта величина была бы больше, если бы все участники более внимательно отнеслись к поставленной перед ними цели. Тогда в качестве вероятных эквивалентов не были бы использованы слова, фонетически сходные с заданным глаголом, но ничего общего не имеющие с семантикой исследуемой лексико-семантической группы, как, например, в случае, когда для глагола *vinkea* предлагался вариант *венок* или *винуть*, для *pöristä* — *перышко*, для *piristä* — *пирс* или *пировать*, для *inistä* — *иней*, для *narista* — *нарывать*, для *suhista* — *сушить*, для *mölistä* — *молиться*, для *polskia* — *польский*. Такое явление в литературе по экспериментальной лингвистике называют языковой привычкой. Однако следует сразу заметить, что не было ни одной анкеты, где бы не обнаружилось ни одного верно подобранного эквивалента. В некоторых анкетах число «попаданий» достигало 9 (6 анкет) и даже 14 (1 анкета).

Средний показатель «угадываемости» (20%) может показаться, на первый взгляд, не очень высоким, но если изучить усредненные данные в других графах таблицы, то ситуация начинает представляться в несколько ином свете. Описываемые респондентами ощущения, разложенные по нескольким параметрам, то есть субъективные характеристики приписываемых глаголам значений, оказываются очень близки к истинным значениям слов. Предлагаемые информантами эквиваленты иногда поражают тонкостью языкового чутья и точностью в определении характера звука: приводимый пример звучания настолько конкретен и узок, что даже заставляет усомниться в незнании опрашиваемыми исследуемого языка. Например, для глагола *vinkea* 'визжать' было предложено такое определение: *звук, возникающий при вкручивании*

винта в стену, или трение бумагой по стеклу; для *mölistä* — вой машины скорой помощи; *lirisee* — соловей или музыкальный инструмент, *narista* передает звук, когда карандаш рисует по бумаге.

В списке были и такие глаголы, значение которых по фонетической структуре информантам было установить довольно трудно, и число анкет с верно подобранными эквивалентами в этом случае не превысило 10%, то есть от 1 до 4 правильных ответов в каждой группе: *kahista*, *rämistä*, *helistä*, *mölistä*, *inistä* — у школьников, *rapista*, *pöristä*, *ritistä*, *rytistä*, *narista* — у студентов. Тем не менее небольшой процент угадываемости этих слов может свидетельствовать не только о невысокой степени звукоизобразительности, но также о том, что многие слова этой лексико-семантической группы не настолько частотны, чтобы сразу, за небольшое количество времени, информанты смогли бы подобрать соответствующее русское слово. В пользу последнего утверждения говорит и тот факт, что при отсутствии эквивалента все промежуточные графы таблицы, характеризующие «услышанное» информантами звучание, для большинства указанных глаголов были заполнены правильно. Например, глагол *kahista* ‘шуршать, шелестеть’, имея по громкости показатель 1,67, по приятности — неприятности — 2,09, по звонкости — 1,67, обозначает, по мнению школьников, довольно тихий и глухой звук, не являющийся ни крайне приятным, ни крайне неприятным. Большинство студентов (55%) посчитали, что звук, обозначенный глаголом *kahista*, возникает в результате трения предметов друг о друга.

Звук, обозначаемый глаголом *helistä* ‘звенеть, звякать, дребезжать’, обеими группами респондентов оценен как довольно тихий (1,52 и 2,18), относительно приятный (1,8 и 2,73) и глухой (1,54 и 2,64). *Helisevät* обычно твердые и прочные объекты, сделанные из металла, стекла или похожего на них материала, так как контакт металлических, стеклянных и им подобных предметов создает высокий, звонкий звук: *helisevät kulkuset* ‘звонящие бубенцы’, *heliseviä rahoja taskussa* ‘звонящие в кармане деньги’, *ikkunanlasit helisevät* ‘оконные стекла дребезжат, звонят’, *helisevän kova hanki* ‘наст такой твердый, будто звонит’. Употребленный в переносном смысле этот глагол не утрачивает семантического компонента ‘звонкость’, и поэтому выражения *kumeasti*, *koleasti* *helisevä laulu* ‘глухо звонящая песня’ или *matalan helisevä ääni* ‘низко звонящий голос’ выглядят не вполне естественными. По происхождению данное звучание респонденты отнесли к группе «другое», но перевес этой группы по отношению к группе «удар — серия ударов» оказался всего в один голос. Отклонение анкетных данных от естественных по показателю глухости-звонкости можно объяснить наличием в абсолют-

ном начале слова глухого ларингального согласного *h*, не позволившего отнести это звучание к ряду звонких, поскольку в русских глаголах с таким значением используются исключительно взрывные согласные или же сочетания фрикативных и вибрантов, фрикативных и взрывных: *звенеть*, *дребезжать*, *звякать*, *брякать*, *трезвонить*. Сходные сочетания фоном наблюдаются в английских и французских эквивалентах: англ. *to jingle*, *to clink* 'звенеть', *to tinkle* 'дребезжать'; фр. *tinter* 'звенеть', *cliqueter* 'звякать', *trembler* 'дребезжать'. Этот глагол ассоциировался у информантов с шуршанием, пыхтением, шелестом, шипением. Что касается громкости звука, обозначаемого глаголом *helistä*, то она может быть как максимальной [*Mies kumautti voimalla takaisin niin että ikkunaruuutu helisi ja karjaisi: — Nyt tuli nilkulle noutaja!* (CSC-korpus)], так и небольшой [*Tuoreita jäitä helisevä ginilasi kädessäni katsoin Doraan* (CSC-korpus), *Tuulikellot helisivät hiljaa* (CSC-korpus)], то есть у данного глагола этот показатель факультативен.

Для глагола *narista* 'скрипеть, хрустеть' предлагались самые разные варианты соответствий, но верным оказался только один, очень конкретный, ответ, хотя он представлял собой не отдельную глагольную лексему, а развернутое описание ситуации, при которой возможен этот звук (*когда карандаш рисует по бумаге*). По всей видимости, сочетание двух сонорных и заднерядного гласного в начале слова не вызывает у респондентов четких и похожих ассоциаций и, следовательно, не может быть отнесено к универсальным звукоизобразительным элементам. Однако если на месте первого сонорного появляется плавный, то ситуация заметно меняется. У пары глаголов *liristä* 'журчать, струиться' — *lorista* 'журчать; перен. бормотать' показатели угадываемости резко возрастают (64 и 23% соответственно). И это несмотря на то, что большинство русских слов (возможных соответствий) не имеет звукокомбинаторный *лир-* или *лор-* (*струиться*, *журчать*, *булькать*), хотя есть глагол *лить* и *литься*, но такой вариант соответствия был назван только одним из всех респондентов. Еще Э. Кивиниemi указывал, что звуки *l* и *r* в финском языке часто используются при номинации явлений, так или иначе связанных с водой (Kiviniemi E., 1971, 31), но оказалось, что такое сочетание звуков вызывает соответствующие ассоциации и у носителей другого языка.

Были среди ответов и очень близкие к истинным варианты соответствий: *журчание ручейка*; *течение реки*; *плеск воды*; *звук, издаваемый небольшой струей воды*; *шум ручья*; *звук текущей воды*. В итоге из-за языковой привычки результаты звукоизобразительного исследования этого глагола оказались несколько размытыми. Но при сопоставлении

этого глагола со словом *lotista* звучание, обозначаемое глаголом *litistä*, оценивается и студентами, и школьниками как более тихое, более приятное и более глухое, нежели *lotista*. Примеры это подтверждают: *Hän ei ehtinyt hakemaan kumisaappaita, vesi litisi pikkukengissä. Karita lotisi syödessään kuin pesukone (CSC-korpus).*

Значение глагола *inistä* ‘пищать, повизгивать, скулить’ больше поддалось группе студентов (23% угадываний), нежели школьников (7%). Но общее затруднение с подбором эквивалента, видимо, связано с минимумом согласных, представленных в слове, что совсем не характерно для русского языка как языка консонантного строя. Тем не менее информанты единодушно признали это звучание довольно тихим (1,87 и 2,50), средним по глухости — звонкости (2,26 и 3,14) и приятным (1,67 и 1,52). Многие исследователи (Leskinen J., 2000, 67; Ульманн С., 1970, 281—292; Сепир Э., 1993, 327—330) отмечали, что фонема *i* в сознании людей чаще соотносится с объектами небольших размеров. Вполне вероятно, что наблюдение маленьких объектов вызывает положительные эмоции, и звуки, которые эти объекты могут издавать, также соотносятся с приятными звуками. Тем более этот эффект усиливается при дублировании *i* в двух первых слогах этого слова.

Оба глагола, содержащие в первом слоге звук *ö*, были оценены информантами как не очень громкие, не очень звонкие, но неприятные (*pöristä* — 2,6 и 3,0, *mölistä* — 2,0 и 2,6). Из них менее неприятным оказался *mölistä* ‘мычать, реветь’, так как в сравнении с глухим и взрывным начальным *p* в глаголе *pöristä* ‘жужжать, рокотать’ сонорный *m*, безусловно, воспринимается как звук более приятный, но общая пейоративность, заключенная в звуке *ö*, очень сильна, так что все слово целиком приобретает для слушателя негативный оттенок. Глагол *piristä* ‘звенеть, зудеть, шипеть’, содержащий тот же самый набор согласных фонем, но отличающийся от *pöristä* только первой гласной, уже имеет заметно меньший показатель по этому параметру (1,89 — у школьников и 2,76 — у студентов), что свидетельствует о более позитивном восприятии этого звукокомплекса. Действительно, этот самый молодой из всех гласных финского языка звук (Leskinen H., 1993, 103) выделяется тем, что только небольшая часть содержащих его слов являются нейтральными в стилистическом отношении, а остальные — слова, указывающие на что-то неприятное, или же просто сниженная лексика (Haarala R., 1974, 28—29). Кроме того, частотность этого гласного в ономастопозитивных и дескриптивных словах гораздо выше, чем в прочей лексике. Очевидно, что слова с фонемой *ö* изначально содержали сильный эмоциональный оттенок, с одной стороны, из-за соотносимости их со зву-

ками, издаваемыми животными и воспринимающимися как неэстетичные, и, с другой стороны, из-за четко осознаваемой новизны этого гласного (Naarala R., 1974, 29). В группе студентов глагол *pöristä* получил наибольшее количество баллов по эмоциональному восприятию (3,50), по их мнению, он обозначает самый неприятный звук. В сравнении с глаголом *pöristä* звукокомплекс слова *piristä* по громкости и звонкости оказался несколько выше (по громкости *pöristä* — 2,06 и 3,14, *piristä* — 2,20 и 3,33, по звонкости *pöristä* — 1,83 и 2,68, *piristä* — 2,37 и 3,05), что соответствует действительности: *pirisee* телефон, фонтан, муха, детский щебет, дверной звонок [*Keskemmällä salia pirisee heleästi suihkulähde laajalehtisten, korkeiden viherkasvien ja suurten akvaarioiden keskessä.* (CSC-korpus)], *pörisee* машина, мотоцикл, скутер, шмели, мухи, шершни [*Ja pian pörisevä pikkutopo parkkeerasi aivan vesipajatson viereen. Kaikki tämä puhe jumalista ja jumalattarista, kristityistä ja mithralaisista saa pääni särkemään niin että on kuin herhiläiset pörisisivät korvissani* (CSC-korpus)].

Таким образом, участники эксперимента при характеристике своих ощущений, полученных при прослушивании финских глаголов, совсем недалеко ушли от объективных данных конкретных звучаний, называемых исследуемыми словами, и их субъективного восприятия носителями финского языка. Затруднение возникло только при подборе русскоязычного эквивалента. И это понятно: ведь одному русскому глаголу может соответствовать несколько финских: *грозотать* — *jyristä, jylistä, rytistä, kolista, kalista, jyskää, ryskää*; *шуметь* — *kohista, kahista, humista, hurista*; *жужжать* — *surista, hyristä, pöristä* и т. п.

Глагол *kirskua* ‘скрипеть, хрустеть, скрежетать’ имеет по всем параметрам, особенно по негативному эмоциональному восприятию (у школьников первое место, у студентов — второе), очень высокие показатели. Процент «угадываемости» тоже довольно высок: у школьников 20%, у студентов 41%. Это легко объясняется сходным, даже одинаковым, набором фонем *k*, *r* и *s* для обозначения этого звучания: *kirskua* и *скринеть, скрежетать*. Сходные сочетания звуков представлены в соответствующих лексемах и других индоевропейских языков: англ. *to squeak, to creak, to crunch* ‘скрипеть’; фр. *craquer, grincer* ‘скрипеть, скрежетать’.

Идентичный состав согласных фонем в финском глаголе *polskia* ‘плескать, производить плеск’ и его русском эквиваленте обеспечивает этому слову высокий показатель «угадываемости» у студентов (36%) и, как ни странно, довольно низкий в группе школьников (11%). Последнее можно объяснить влиянием языковой привычки информантов: они соотнесли *polskia* с выражением *говорить по-польски* (9%) и *ползти*

(28%). Аналогичный консонантный состав имеет англ. *to splash, to plash* 'плескать, плескаться'.

Безусловным лидером по процентному показателю «угадываемости» в обеих группах является слово *suhista* 'шуметь, шипеть, жужжать, шептаться' (65% у школьников и 68% у студентов). С одной стороны, это может быть связано со сходством начальных фонем (в обоих языках первый слог образует фрикативный шипящий согласный в сочетании с лабиализованным гласным верхнего подъема: *suhista* и *шуметь, жужжать, шушать*), а с другой стороны, с высокой частотностью русских глаголов *шуметь, шушать* (11—14 случаев на миллион словоупотреблений), обеспечившей быстрый подбор эквивалента. В обеих группах глагол *suhista* получил наименьший балл по громкости и звонкости, что свидетельствует о том, что такое сочетание звуков (альвеолярный фрикативный — узкий гласный — ларингальный фрикативный) воспринимается респондентами как обозначение тихого, глухого звучания, возникающего в результате трения. Основной семантический компонент в паре *suhista* — *sihistä* (а именно возникновение характерного звука при соприкосновении и интенсивном движении воздуха о какое-либо препятствие) задается так называемой «консонантной рамкой», чередующиеся гласные внутри которой лишь придают слову особые оттенки (Ruoppila V., 1934, 25). В сравнении с глаголом *sihistä* 'шипеть', имеющим более высокий показатель по громкости и звонкости, при произнесении глагола *suhista* воздух более свободно проходит через ротовую полость ввиду большей открытости гласного *u*. Возможно, оказавшись между двумя *i*, звук *h* позиционно смягчается и это снижает эмоциональную оценку слушателем глагола *sihistä*. Экспериментально было доказано, что русские оценивают мягкий [x'] как очень неприятный звук, в сравнении, например, с немцами, воспринимающими его как нейтральный (Левицкий В. В., 1973, 85). Он оценен обеими группами как звук, более неприятный, нежели *suhista*. Для сравнения фр. *siffler* 'шипеть', *chuchoter* 'шептать, шептаться, шушукаться'; англ. *to hiss* 'шипеть', *to whizz* 'жужжать', *to whisper* 'шептать, шептаться'.

Глагол *rapista* 'шуршать, шелестеть, скрипеть' выпадает из общего правила по всем показателям: обозначаемый им звук характеризуется информантами как самый громкий, довольно неприятный и один из самых звонких. Происхождение этого звука участники эксперимента, в основном, связывают с серией ударов. Кажется довольно странным, что только один из информантов при подборе эквивалента для этого слова вспомнил о глаголе *царапаться* (=скрестись), имеющем в своей структуре (правда, не в начале слова) аналогичное сочетание фонем,

ведь *rapista* может быть переведено и так: *Hiiri rapisee nurkassa* ‘мышь царапается в углу’, а не только при помощи вариантов, предлагаемых Финско-русским словарем (1997). Такое несоответствие предполагаемых и объективных характеристик подтверждает не только предположение о том, что не все звукоподражательные слова звукоизобразительны по своей природе, но еще и то, что связь между означаемым и означающим, даже при номинации звучаний, хотя и существует, но все-таки в некоторой степени условна.

При подборе русских эквивалентов финским глаголам испытуемые проявили согласие и приписали одно и то же значение одному и тому же звуковому комплексу, но при этом совсем не угадали его подлинное значение (Левицкий В. В., Стернин И. А., 1989, 174). Например, многие посчитали, что глагол *kahista* означает ‘кашлять’: 41% школьников и 10% студентов (средний показатель 25%); правильно же определили его значение (‘шуршать, шелестеть’) только 9% школьников и 14% студентов (средний показатель 12%). Возможно, у опрашиваемых срабатывала языковая привычка к устоявшейся в русской орфографии передаче этого звука посредством буквосочетания *кх*! Истинное значение слова *kähistä*, семантика которого в большом количестве случаев приписывалась глаголу *kahista*, было угадано уже 26% школьников и 32% студентов (средний показатель 29%). Таким образом, студенты оказались более чувствительными (по всей видимости, по причине большего опыта в изучении нескольких иностранных языков), чем школьники, к продвинутой первой гласной, несмотря на то, что для русского уха фонетическая разница между словами *kahista* и *kähistä* не столь уж очевидна. В целом же приписываемые этим глаголам значения оказались сходными.

Заметно большую роль при определении семантики слов *kahista* и *kähistä* сыграли согласные, характер которых в целом и предопределил их соотношение с одним и тем же значением. Взрывной заднеязычный *k* образуется при столкновении воздушной струи с препятствием, создаваемым приподнятой к небу задней частью языка. Второй согласный в корне *h* уже фрикативный, то есть воздух при его произнесении свободно проходит сквозь речевой аппарат. На смене характера прохождения воздуха при произнесении данной последовательности звуков и возникает ассоциативная связь с кашлем, при котором сначала возникает горловой спазм, который становится препятствием для движения воздуха по дыхательным путям, а затем резко высвобождающийся воздух, преодолевая это препятствие, с шумом вырывается наружу с характерным звуком. Кстати хрип (а ‘хрипеть’ является основным значением глагола

kähistä) имеет аналогичную природу, что и кашель, только состоит из нескольких (и при этом гораздо более мелких, чем при кашле) квантов — последовательно сменяющих друг друга фаз возникновения препятствия и его преодоления. Кроме русского соответствия (*кашлять*) сходный фонетический состав имеют слова и других индоевропейских языков: англ. *to cough* ‘кашлять’; фр. *tousser* ‘кашлять’ (французские согласные совпадают с русскими и финскими по способу образования, но отличаются по месту: *t* и *s* — дентальные).

Несмотря на яркую звукоизобразительность согласных, входящих в состав слов *kahista* и *kähistä*, нельзя не отметить определенной роли гласных первого слога при подборе русского эквивалента. В русском слове *кашлять* первая гласная *a* — среднего ряда и нижнего подъема. Такие характеристики, безусловно, склонят русского информанта к предположению значения ‘кашлять’ в слове *kahista*, содержащем аналогичную гласную, нежели *kähistä*, первая гласная которого входит в группу финских гласных переднего ряда. Кроме того, *k* и *h* в слове *kähistä* не только заметно продвинуты вперед из-за соседства переднерядного гласного, но и благодаря ему же несколько смягчены, иначе позиционно палатализованы. Позиционная полумягкость, судя по данным эксперимента (см. столбец «приятный — неприятный»), вызывает у информантов более приятные ассоциации: у большинства глаголов, содержащих в первом слоге *i* или *e*, показатель негативной эмоциональной оценки минимален (*liristä, vinkua, inistä, litistä, helistä*). А поскольку хрип и кашель нельзя отнести к приятным звучаниям, то и ассоциативной связи между ними и словами с позиционной палатализацией не возникает, и слова с полумягкими *k* и *h* в начальных слогах респонденты к приятным звучаниям не относят.

Низкий процентный показатель «угадываемости» у слова *kahista*, возможно, объясняется и тем, что русские глаголы *шуршать* и *шелестеть* имеют в начале и середине слова, в отличие от финского взрывного *k* в *kahista*, фрикативные согласные, которые чаще используются в русских словах, обозначающих звучания, возникающие в результате трения предметов друг о друга (*свистеть, жужжать, шипеть*). Скорее всего, это правило носит универсальный характер: англ. *to whistle* ‘свистеть’, *to hiss, to sizzle* ‘шипеть’, *to hum, to whizz* ‘жужжать’; фр. *soupirer* ‘шелестеть’, *siffler* ‘шипеть, свистеть’. Финские глаголы также этому правилу не противоречат: *humista, havista, sähistä, hyristä, viheltää* и т. п. Взрывные согласные обычно используются при номинации акустических явлений, возникающих в результате удара или серии ударов (фин. *pamahtaa, kilistä, taputtaa, kopista*; рус. *греметь, бахнуть, топать*; англ. *to bang, to tap* ‘стучать’, *to tinkle* ‘дребезжать’; фр. *coups* ‘стук, удары’, *gronder, tonner* ‘грохотать’).

Вышеизложенный материал позволяет сделать некоторые выводы о характере звукоизобразительности финских ономатопоэтических глаголов.

Во-первых, довольно высокий показатель «угадываемости» некоторых слов свидетельствует о том, что для передачи одних и тех же звучаний в финском и русском языках используются одинаковые или артикуляционно очень близкие звуки и сочетания.

Во-вторых, степень звукоизобразительности разных гласных и согласных неодинакова. Изменение первого гласного в глаголе, как правило, передает изменение интенсивности одного из объективных параметров звучания (громкости, эмоционального восприятия, звонкости и т. п.): например, приближающийся мотоцикл сначала *pyrisee* 'трещит', затем *pörisee* и уже совсем рядом со слушателем *pärisee*. Изменение согласного часто может быть связано с изменением самого характера и источника звучания (*kolista* 'стучать, гремять, грохотать' — *solista* 'журчать', *kahista* 'шуршать, шелестеть' — *kalista* 'стучать, лязгать, брякать').

В-третьих, приписываемое слову «символическое значение» далеко не всегда совпадает с его лексическим значением (Левицкий В. В., 1973, 54): например, *vinkua* 'визжать, свистеть, скрипеть' оценен как очень громкий, самый приятный (в группе школьников) и почти самый звонкий (в обеих группах) звук, *rapista* 'шуршать, шелестеть, скрипеть' был воспринят информантами как самый громкий (в группе студентов), очень неприятный и один из самых звонких, его возникновение респонденты оценили как удар. Кроме того, на результаты эксперимента может оказать влияние языковая привычка.

В-четвертых, некоторые фонемы и их сочетания обладают большей звукоизобразительной силой, некоторые — меньшей и, следовательно, звукоизобразительность носит не абсолютный, а относительный характер.

В-пятых, параллели, проводимые и с другими, неродственными финскому, языками, в частности английским и французским, говорят об универсальном характере звукоизобразительности некоторых звуков и звукокомплексов. Они «справедливы для большинства языков, но не обязательны для любого языка» (Левицкий В. В., Стернин И. А., 1989, 181).

Список литературы

Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.

Левицкий В. В. Семантика и фонетика: Пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований / Черновицкий гос. ун-т. Черновцы, 1973.

Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989.

Сетур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993.

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 250—299.

Haarala R. Onomatopoeettisten verbien vokaalivaihtelusta. Käsikirjoite. Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 1974.

Jarva V. Lainattujen ja ekspressiivianesten suhteesta suomen murteiden sanastossa // Itämerensuomalaista ekspressivisanaston tutkimusta / Toim. Juha Leskinen; Jyväskylän yliopisto. Suomen kielen laitoksen julkaisuja 42. 2001. S. 30—35.

Kiviniemi E. Suomen partisiippinimistöä. Forssa, 1971.

Leskinen H. Quantitative Untersuchung der expressiven Lexik im Finnischen und seinen nächstverwandten Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen 51. 1993. S. 87—124.

Leskinen H. Vieläkö nuoret nurisevat? — Huomioita onomatopoeettisten sanojen tutkimuksen tulkinnaasta // Virittäjä. 1991. № 95. S. 355—370.

Leskinen J. Miten vieraskielisiä imitatiiveja tunnustetaan? // Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 228. 1998. S. 310—315.

Leskinen J. Ovatko imitatiivit kielikohtaisia? Suomen ja eräiden muiden kielten imitatiivien vertailua // Folia Uralica Debreceniensia 7. Debreceni Egyetem Finnugor Nyelvtudományi Tanszék. Debrecen, 2000. S. 67—85.

Leskinen J. Suomalaiset, karjalaiset ja virolaiset korkeakouluopiskelijat imitatiivien käyttäjinä ja tuntijoina // Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta / Toim. Juha Leskinen; Jyväskylän yliopisto. Suomen kielen laitoksen julkaisuja 42. 2001. S. 40—73.

Mikone E. Zur Erforschung deskriptiven Wortschatzes // Linguistica Uralica XXXVI. 2000. № 2. S. 92—102.

NS = Nykysuomen sanakirja. Lyhentämätön kansanpainos. Kolmastoista painos / WSOY. Porvoo; Helsinki; Juva, 1992.

Ravila P. Onomatopoeettisten ja deskriptiivisten sanojen asema kielen äännesysteemissä // Virittäjä. 1952. № 56. S. 262—274.

Ruoppila V. Muutampia piirteitä puheesta // Virittäjä. 1934. № 38. S. 22—34.

Ruoppila V. Vokaalivaihtelu äänne- ja merkitysoyellisena tekijänä. Piirteitä deskriptiivisistä sanoista // Virittäjä. 1935. № 39. S. 128—136.

Veldi E. Some typological characteristics of Estonian onomatopoeitic formations // Estonian: Typological studies II / Ed. Mati Ereht. Publications of the Department of Estonian of the University of Tartu 8. Tartu, 1997.

CSC-korpus kielipankki CSC — Tieteellinen Laskenta OY. Helsinki — Espoo (компьютерная база данных).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ
СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА
HAVISTA, KAHISTA, HUMISTA, SUHISTA

Традиционный словарь синонимов финского языка не дает пользователю представления о значении каждого члена синонимического ряда, о семантических оттенках и синтаксических особенностях синонимов. По замыслу группы академика Ю. Д. Апресяна — создателей «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (НОСС, 1997; 2000), объяснительный синонимический словарь должен строиться на четырех основных теоретических принципах:

1) принципе **активности** (т. е. содержание наиболее исчерпывающей информации о лексеме, необходимой как для понимания ее в любом тексте, так и для правильного употребления данной лексемы в речи говорящего; при этом, кроме информации о значении лексем, словарная статья должна содержать также сведения о дериватах, аналогах, о сочетаемости и особенностях синтаксического управления);

2) принципе **системности** (т. е. описание лексемы как элемента определенного лексикографического типа или типов);

3) принципе **интегральности** (т. е. описание лексики в комплексе с достаточно общими правилами данного языка, среди которых семантические, прагматические, коммуникативные и иные правила организации содержания текстов);

4) иметь **установку на отражение языковой, или «наивной», картины мира** (означающей, что при описании того или иного лексикографического типа надо стараться увидеть определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку, и учитывать это особое мировидение, которое может сильно отличаться как от научной картины мира, так и от способов видеть мир, свойственных иным языкам).

На основе этих принципов в данной статье предпринимается попытка по возможности подробно описать один синонимический ряд финских глаголов звучания.

Большая часть иллюстративного материала почерпнута в Языковом банке (*Kielipankki*), принадлежащем Центру обработки научной информации г. Хельсинки (*Center for Scientific Computing*, или *CSC*, —

*Tieteellinen laskenta Oy*¹). В нашем распоряжении имелось 69 научных и художественных изданий на финском языке, вышедших в издательстве WSOY в течение четырех лет (1996—1999). Общее количество словоупотреблений составляет 3 429 007 слов.

В качестве примера интегрального описания возьмем синонимический ряд с общим значением ‘шуметь, шуршать, шелестеть’: *havista, humista, kahista, suhista*.

В толковом словаре глаголы данного ряда имеют следующие толкования и комментарии: *havista* kahista, suhista, humista (NS, I, 392); *humista* tuulen puissa yms. synnyttämästä tasaisesta, rauhallisesta äänestä sekä sen kaltaisista muista (luonnon) äänistä: suhista, kohista, tohista ‘о ровном, спокойном звуке, вызываемом ветром среди деревьев, а также о похожих на этот звуках природы...’ (NS, I, 524); *kahista* havista, rahista (NS, II, 135); *suhista* esim. tuulen puissa synnyttämästä jatkuvasta äänestä; vrt. humista, kohista, tohista, sihistä, sähistä ‘например, о продолжительном звуке ветра среди деревьев; ср. ...’ (NS, V, 302).

Как видно, лексемы *humista* и *suhista* в толкованиях почти совпадают; традиционные толкования у них дополнены синонимическим рядом. Лексемы *havista* и *kahista* вообще имеют вместо толкований только ряд синонимов.

ЗНАЧЕНИЕ. В качестве основного значения всего синонимического ряда (*havista, kahista, humista, suhista*) может быть следующее: ‘производить довольно тихие, глухие звуки, шумы, возникающие при трении, соприкосновении легких объектов друг с другом или чем-л., а также при контакте быстро движущихся объектов с воздухом или при быстром прохождении воздуха сквозь что-л.’

Данный синонимический ряд входит в довольно обширный класс глаголов, обозначающих звуки, которые издают объекты *неживой природы, артефакты*, а также некоторые объекты *живой природы* (а именно животные и части тела животных).

Синонимы этого ряда различаются по следующим смысловым характеристикам:

- 1) *характер объектов*, участвующих в трении;
- 2) *скорость движения объектов и сила трения* при контакте;
- 3) *громкость, высота, тембр звука*.

По некоторым признакам данный синонимический ряд распадается на две группы: *havista, kahista* и *humista, suhista*. В первую очередь на

¹ Адрес базы данных CSC в Интернете: <http://www.csc.fi/kielipankki>.

это разделение влияет круг объектов, которые могут издавать описываемые глаголами звуки. При *havista*, *kahista* их круг сильно ограничен, узок и даже сводим к простому перечислению, а при *humista*, *suhista* — довольно широк, их объекты можно распределить по нескольким семантическим группам.

ПЕРВАЯ ПАРА: HAVISTA — KAHISTA. Синонимы *havista*, *kahista* описывают невысокий, тихий, довольно ровный звук, возникающий в результате трения объектов или их частей друг о друга, а также в результате контакта некоторых объектов (например, крыльев) с воздухом. При этом плотность контакта между ними, сила трения, относительно мала из-за легкости объектов. Контакт такого рода возникает между легкими, гибкими и тонкими объектами, например, складками тканей, бумагой [*housujen kahinaa* ‘шорох брюк’, *turistin puku kahisee uutuuttaan* ‘туристический костюм шуршит своей новизной’, *saniaisten lehdet kahisevat* ‘шуршат листья папоротника’ (CSC)], а также между объектами, движущимися с довольно большой скоростью, например, листьями на ветру, крыльями [*siivet havisevat ilmassa* ‘крылья шелестят в воздухе’, *puun lehvät kahisevat* ‘ветви деревьев шелестят’ (CSC)].

Но в случае с *kahista* предполагается, что сила трения несколько больше, чем у *havista*, и контакт, соответственно, тоже несколько сильнее. *Kahisevat* обычно трава (например, под ногами), стелющиеся или низкорослые растения [*mie oikein nautiskelin lintujen piipityksestä ja marjanvarvutten kahinasta jalvoissa* ‘я по-настоящему наслаждалась щебетом птиц и шуршанием ягодных кустиков под ногами’ (CSC)], занавес в театре [*Muistan net hajut näyttämön takana, esiripun kahinan* ‘Я помню те запахи за сценой, шуршание кулис’ (CSC)], платья, костюмы, бумага. *Havisevat* птичьи крылья (при легком взмахе) или развевающиеся волосы [*Hipaiseppas kasvojani ja kuuntele tuokio hiusteni havinaa* ‘Коснись моего лица и вслушайся на миг в шелест моих волос’ (CSC)]. Оба глагола используются для обозначения звуков, издаваемых листьями, но *havisevat* только живые листья, находящиеся еще на деревьях, а *suhie*, *onavie* листья уже не могут *havista*, они, как правило, *kahisevat*. Звук, обозначаемый глаголом *havista*, может возникать только в результате быстрого движения (ветра, взмаха) при соприкосновении легких предметов (листьев, перьев), при *kahista* контакт возникает часто не только между однотипными объектами (листьями, тканью), но и между ними и какими-либо тяжелыми и твердыми или негибкими, жесткими объектами [*Sukset kahisevat riitteisellä hangella* ‘Лыжи шуршали по заледневшему насту’ (NS, II, 135)]. И тот, и другой глаголы обозначают довольно равномерный, ровный звук. Интенсивность контакта в случае

с лексемой *kahista* может быть различной, тогда как при *havista* звук несколько более ровный. При *havista* объекты лишь легко касаются друг друга, и так как интенсивность контакта в разные моменты приблизительно одинакова, то и звук воспринимается как равномерный, в сравнении с *kahista*, когда звук может быть более или менее интенсивным, прерываться, сходить на нет (например, звук листьев под ногами), в результате чего звучание не кажется таким же ровным (как, например, при шелесте листьев на ветру).

В некоторых контекстах, однако, противопоставление по признаку «равномерности — неравномерности звучания» нивелируется, но выявляются другие семантические отличия. Оба глагола, в частности, могут обозначать звук, который издает лес при ветреной погоде, но глагол *kahista* может указывать на *любой* лес (и хвойный, и лиственный, и смешанный), глагол же *havista* может быть применим только по отношению к *лиственному* лесу.

В данном контексте к слову *kahista* приближается глагол *humista*, который называет звук, издаваемый лесом или деревьями, безотносительно к тому, хвойные они или лиственные [*Pihlajat ja kuuset pihassa humisivat* ‘Рябины и ели качались и шумели’ (CSC)]. Здесь же вполне употребим и глагол *suhista* [*puiden moniääninen suhina* ‘многоголосый шум деревьев’, *suhisevien isojen koivujen ympäröimässä puutalossa* ‘в домике, окруженном большими шумящими березами’ (CSC)], но слово *suhina* обозначает звук более громкий, нежели *havina* и *kahina*. Однако этот звук все же тише того, что обозначается глаголом *humista*. Для обозначения *самого громкого* звука в данной ситуации можно воспользоваться глаголом *kohista* [*Sinä päivänä puhalsi kova tuuli. Sininen järvi kiehui vaahtopäissä, rannan puut taipuivat ja kohisivat* ‘В тот день дул сильный ветер (CSC)], который включен в синонимический ряд для слова *havista* (CD-CompOpus, 1999; Leino A., Leino P., 1996).

ВТОРАЯ ПАРА: *HUMISTA* — *SUHISTA*. Лексемы *humista* и *suhista* немного отстоят от описанных выше *kahista* и *havista*. Обозначаемые данными глаголами звуки могут издавать объекты, которые уже упоминались для синонимов *havista*, *kahista*, а именно деревья, кустарников, крыльев птиц. Исключение составляют объекты *листва*, *листья*, которые не могут выступать в качестве источника звучания при глаголе *humista*.

В качестве источников звучания при глаголах *humista* и *suhista* могут выступать также и некоторые *другие* объекты. Последние имеют и иные физические характеристики. Оба глагола, в частности, могут быть использованы по отношению к *ветру*. В списке употреблений

этот объект как источник звучания не упоминается ни при глаголе *havista*, ни при глаголе *kahista*. В данном случае звук возникает в результате быстрого *перемещения воздушных масс* [Tuuli *suhisi hämärtyvässä suysillassa* ‘Ветер шумел в сгущавшихся осенних сумерках’ (CSC)]. По этой же причине, то есть из-за перемещения воздуха, аналогичный звук возникает в трубах, вентиляционных отверстиях, дымоходах [*hormin huminan seasta kuului lausumia piispasta, keskitysleiristä* ‘сквозь шум дымохода доносились какие-то фразы о епископе, концлагере’ (CSC)].

По всей видимости, к группе употреблений, связанных с ситуациями, в которых звук — результат движения воздуха, примыкает случай, когда *быстро движущийся предмет*, например снаряд или стрела, *рассекает воздух*, в результате чего возникает звук, который обозначается глаголом *suhista* [*Ammuksen lähestyvä suhina loppui räiskähtävään jysähdykseen* ‘Приближающийся свист <шум> снаряда разразился сильным грохотом’ (CSC)].

С точки зрения финской языковой картины мира такие ситуации, как *жужжание* и *шипение*, похожи или напоминают звуки, о которых говорилось выше (шелест листвы, шум деревьев, ветер), поэтому для их обозначения может быть использована лексема *suhista*. При этом жужжать или шипеть могут как *живые существа*, например, *Käärmeen vihainen suhina* ‘злое шипение змеи’ (NS, V, 302), так и *артефакты*, например, *öljylamppu suhisi* ‘керосиновая лампа шипела’ (CSC).

Иногда звук, исходящий из какого-либо прибора или агрегата, говорит о *неисправности* или неполадке аппарата или свидетельствует о сбое в системе, куда вовлечен данный прибор или агрегат. Глагол *suhista* в некоторых контекстах указывает именно на это: *Vastaanottimen suhisevat siviäännet* ‘Посторонние шипящие звуки в приемнике’ (NS, V, 303).

Глагол *humista*, как и *suhista*, может обозначать звуки разного рода *агрегатов, двигателей, машин*. При этом у глагола *humista* таких контекстов в сравнении с *suhista* значительно больше: *kuulin koneitten etäisen huminan* ‘я услышал далекий шум машин’ (CSC).

Однако нельзя не заметить, что звучание, обозначаемое лексемой *humista*, иногда воспринимается как очень *неопределенное*, так как непонятно, от чего он исходит, каков объект звучания. Например, в следующем контексте звук *humina* — это непонятный шум: *Se kuuli huminaa ja vaistosi valtatieen. Humina muuttui jyrinäksi ja tuntui kypälien alla* ‘Он услышал шум и почувал шоссе. Шум сменился грохотом, кото-

рый ощущался под лапами' (CSC). В звуке, обозначаемом глаголом *suhista*, источник звучания более предсказуем.

В отношении природных объектов, для обозначения звучаний которых используется глагол *humista*, следует отметить, что кроме ветра, деревьев и леса такой звук (*humina*) могут издавать и некоторые *водные объекты* — река, море. Например, *joen humiseva jorpakko* 'рокочущий речной поток, стремнина' (CSC). В словаре «*Nykysuomen sanakirja*» ни при каком другом глаголе данного ряда в качестве источников звучания подобные объекты не обнаруживаются. В Языковом банке корпуса CSC нашелся единственный случай употребления другого глагола — *kahista*, при котором в качестве источника звучания выступает вода, но с учетом специфики авторской языковой манеры писательницы Р. Ликсом сочетание этого глагола с существительным, обозначающим водный объект, можно считать маргинальным: *kiihtynyt vesi kahisee pauhaavalla tohinalla ränniä pitkin suvantoon* 'разогнавшаяся вода устремляется (букв. шуршит) с грохочущим шумом по желобу к плесу' (CSC). Кроме того, один из финноязычных респондентов отметил, что он мог бы сказать *Meri suhisee* 'море шумит, шепчет', но такое употребление лексемы *suhista*, пожалуй, можно назвать метафорическим.

Различия синонимов по громкости, тембру и высоте связаны с тем, что при *humista* объекты, участвующие в образовании звука, движутся *быстрее*, чем при *suhista*, в результате чего возникает и более громкий звук. Особенно это заметно, если сопоставить аналогичные контексты, где в качестве источника звука будет выступать какое-нибудь транспортное средство. При естественном употреблении лексемы *humista* в тех предложениях, где объекты-источники звучания движутся быстро, глагол *suhista* в этих же предложениях выглядел бы сомнительно, например: *Mittari nousi noin kahteensataan. Kaikkialla humisi, tien yksityiskohdat hävisivät* 'Спидометр показывал около двухсот километров. Все шумело, деталей уже было не разглядеть' (CSC).

Все объекты при глаголе *humista* достаточно *крупные*, тогда как издавать звук, обозначаемый лексемой *suhista*, могут как крупные, так и мелкие объекты: *Puut humisivat* 'шум деревьев', *suuret puut suhisivat alkiloaista suvivirttä* 'большие деревья пели <шумели> летнюю песню' (CSC). Но если источником звучания является *небольшой* объект, замена лексемы *suhista* на лексему *humista* в некоторых случаях некорректна, в частности, низкорослые растения не могут *humista*.

Аналогичным образом по признаку «величина объекта» противопоставлены глаголы в паре *havista* — *kahista*: глагол *kahista* может обозначать как звук больших деревьев, так и стелющихся растений: *Metsä*

heidän ympärillään kuiskii ja havisee ‘Лес кругом шепчет что-то и шумит’ (CSC). Употребление глагола *havista* по отношению к небольшим растениям уже сомнительно, как и в случае с глаголом *humista*.

При глаголе *humista* в качестве объекта, издающего звук, может выступать *огонь*: *Kanto paloi ja tuli humisi palaessaan* ‘Пень горел и огонь шумел’ (CSC). Информанты, однако, указывают, что слово *огонь* может быть использовано и при глаголе *suhista*: *Uunissa palava tuli suhisi, koska polttopuut olivat vielä kosteita* ‘Пылающий в печи огонь шипел, так как дрова были еще сырые’ (информант Т. Laakkonen). Но в данном случае, по всей видимости, объектом звучания все же следует считать не сам огонь, а дрова, так как огонь сам по себе шипеть не может, он лишь нагревает влажные поленья, которые испаряют с шипением влагу. Поэтому в данном контексте говорящий переносит действие, то есть образование звука, с одного объекта на другой.

Таким образом, во-первых, каждый из синонимов отличается от других членов ряда по всем трем смысловым признакам (характеру объектов, скорости или интенсивности движения, контакту между ними самими или с другими объектами, громкости, высоте звука), во-вторых, синонимы данного ряда распадаются на две противопоставляемые друг другу группы (*havista, kahista* и *suhista, humista*), члены которых имеют минимум отличий по смысловым признакам внутри одной группы и максимум отличий при сопоставлении синонимов одной группы с синонимами другой.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. В данный синонимический ряд электронный и синонимический словарь А. и П. Лейно включает также глагол *kohista*, общее значение которого можно определить как совокупность звуков, обычно глухих, часто не вполне определенных, сливающихся в относительно ровный звук. Неопределенность, неясное происхождение звука очевидны, например, в следующих фразах: *Kai linnut harjoittivat kuorolaulua myös kesällä, mutta silloin niiden musiikki hukkui luonnon tuuhun kohinaan* ‘Наверное, птицы хором репетировали и летом, но в ту пору их музыка тонула в шуме природы’. *En ehtinyt arvailla mistä tuo ääni lähti, kun alkoi kuulua valtava kohina, joka nopeasti lähenei ja voimistui hirvittäväksi pauhuksi* ‘Я не успел сообразить, откуда этот звук, когда вдруг раздался сильный шум, который быстро приблизился, набрал силу и превратился в жуткий грохот’ (CSC).

Быстрое *перемещение воздушных масс, воздуха*, например, при дыхании или ветре, звук вырывающегося наружу пара также могут быть обозначены глаголом *kohista*: *Lumituisku kohisi järvenselillä* ‘Вьюга бушевала <шумела> над озером’. *Höyryvoimalaitos käynnistyi ja*

tuuletushormiin työntyi kohisten höyryä 'Паровая электростанция заработала и в вентиляционную отдушину вырвался с шумом пар' (CSC). *Ogony* при активном горении также издает похожий звук: *Kun poika avasi pesän luukun, nainen kavahti loitommas keltapunaisestä kuumuudesta ja roihun kohinasta* 'Когда мальчик открыл заслонку, женщина отпрянула, испугавшись оранжевого жара и шума пламени'. *Korissa oleva kaasuliekki kohisi* 'Газовое пламя в кабине шумело'. *Ovi tupaan oli raollaan, tuli kohisi molempien huoneitten uuneissa* 'Дверь в дом была приоткрыта, огонь шумел в печах обеих комнат' (CSC).

Как и в случае с лексемой *humista*, при глаголе *kohista* в качестве источника звучания не могут выступать такие объекты, как *листья, листва*. Они могут участвовать в образовании звука *kohina* (< *kohista*), но лишь как второстепенные объекты; основным объектом в этом случае, как правило, выступает ветер: *Enhän minä itsekseni mitään ollut, enintään vaimeaa tuulta, jäsentymätöntä kohinaa* 'Я ничего особенного из себя не представляла, так, не более чем слабый ветерок, едва различимый шум' (CSC). Вообще такие объекты, как *лес, деревья*, используются при *kohista* довольно редко. Примеры такого употребления единичны: *Sininen järvi kiehui vaahtopäissä, rannan puut taipuivat ja kohisivat* 'Синее озеро покрылось барашками, прибрежные деревья раскачивались и шумели'. *Ja tuuli kohisisi ystävällisesti puissa* 'И ветер бы добродушно шумел среди деревьев' (CSC).

Наиболее частым источником звучания при глаголе *kohista* является какой-либо *водный объект* (водопад, пороги, дождь, водный поток, река, душ и др.). При этом объект может быть как крупным, так и небольшим, но движется он непременно *быстро*: *Miima ei kuullut kun suihku kohisi* 'Миима не слышала, как шумел душ'. *Talvi meni, tuli maaliskuu, lumet sulivat, purot kohisivat* 'Зима кончилась, пришел март, снег таял, ручьи шумели'. *Alhaalla kohisi harmaa meri* 'Внизу шумело серое море'. *Jossain kohisi vesiputous* 'Где-то шумел водопад' (CSC).

Движущийся *транспорт* (автобусы, автомобили, поезда) тоже издает звук, который можно обозначить глаголом *kohista*: *Kaupungin valot loimusi etäisesti ja valtatie kohisi kaukana* 'Городские огни ярко горели и магистраль шумела вдалеке'. *Välillä kuuluu äkillinen, räjähdysmäinen kohina, kun toinen juna tulee vastaan* 'Иногда внезапно раздается шум, похожий на взрыв, когда навстречу попадает другой поезд'. *Liikenne kohisi niin ettei ollut varma kuuluiko humina puista vai oliko se autoista lähtöisin* 'Транспорт издавал такой шум, что было непонятно, шум ли это деревьев или же он исходит от автомобилей' (CSC).

Глагол *kohista* может быть использован не только как глагол звучания, но и как глагол движения. Движение в этом случае сопровождается соответствующим звуком. Изменение тематического класса глагола очевидно в следующем примере: *Hän ärjyi kun bussi kohisi paikalle* 'Он закричал, когда автобус с шумом подъехал к остановке' (CSC).

Звучания большинства объектов, приведенных для глаголов *kahista*, *havista*, *humista*, *suhista* (за исключением некоторых легких, мягких объектов, издающих тихие звуки, и животных), можно обозначить лексемой *kohista*. Поэтому данный глагол можно считать *гиперонимом* по отношению ко всем синонимам данного ряда.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Глаголы *kohista*, *humista* и *suhista* имеют также близкое к рассмотренным выше значение, которое можно обозначить как *kohista 2*, *humista 2*, *suhista 2*, то есть 'находиться в болезненном состоянии, испытывая такое ощущение, при котором кажется, что слышен звук, похожий на тот, что издают некоторые объекты объективной реальности', а именно те объекты, что были перечислены выше для соответствующих лексем. При этом финские конструкции с именем существительным в форме инессива аналогичны соответствующим русским конструкциям с местным падежом: *в голове шумит*, *в ушах шумит*. Например, *hän ei saanut vakautetuksi käsiään eikä sydäntään, joka jyskytti niin että korvissa kohisi* 'он никак не мог успокоить ни свои руки, ни сердце, которое стучало так, что в ушах шумело', *mun korvissa humisi ja ohimoissa tykytti* 'в ушах шумело и в висках стучало', *hänen päässään humisi* (CSC), *hänen korvissaan suhisi* 'в ушах у него шумело' (NS, V, 303). В некоторых случаях все же возможно употребление имени существительного в форме номинатива, что, однако, вовсе не указывает на источник звука; голова и уши — это всего лишь место локализации звука: *Veri nousi päähän ja korvat suhisivat* 'Кровь бросилась в голову и в ушах зашумело (букв. уши зашумели)' (NS, V, 303). В русском языке такая конструкция невозможна: *Pääsi humisee melusta* 'Твоя голова шумит от гама' (CSC) (ср. рус. *голова шумит, *уши шумят).

ФОРМЫ. Общей особенностью данного синонимического ряда является то, что все лексемы не употребляются в форме 1 и 2 л. ед. и мн. числа во всех склонениях (**me havisemme*, **sinä kahiset*, **minä humisisin*, **te suhisette*, хотя возможно *kahiset silkissä*²). Это связано

² Глаголы *humista* и *suhista* в конструкциях типа *te humisette ihastuneesti* в значении 'вы шумите от восторга, галдите', а также *minä suhisen Katin korvaan* 'я шепчу в ухо Кати' употреблены в другом значении и в терминологии Московской семантической школы являются другими лексемами.

с тем, что лексическая семантика данных глаголов накладывает ограничения на таксономическую категорию субъекта [Т-катеорию, по Е. В. Падучевой (Падучева Е. В., 1998)]. В качестве грамматического подлежащего при данных глаголах могут выступать лишь неличные имена, то есть имена, обозначающие предметы, стихии, части тела живых существ. Они не способны участвовать в коммуникации и, соответственно, обозначаться личными местоимениями 1 и 2 л.

Однако при олицетворении обращение к объектам неживой природы все же возможно. В этом случае приведенное выше ограничение снимается и императив в таком контексте выглядит вполне естественным: *Te palmujen korkeat latvat, humiskaa...* 'Вы, высокие кроны пальм, шумите...' (CSC).

КОНСТРУКЦИИ. Все глаголы данного ряда имеют валентность субъекта, соотносимого с источником звучания. Как правило, эта валентность выражена именем существительным в форме номинатива или в редких случаях — партитива: *Metsä havisee* 'Лес шелестит', *tien keskellä kasvavat kasvit suhisivat auton alla* 'растения, росшие посреди дороги, шуршали по днищу' (CSC).

В некоторых случаях глагол *kahista* допускает расщепление валентности субъекта: (1a) *silkki kahisee* 'шелк шуршит' и (1b) *silkissä kahisevia naisia* 'женщины, шуршащие в шелке' (NS, II, 135).

Участники ситуации, когда возникает звук, также могут быть связаны отношением части и целого. В этом случае могут возникать метонимические замены. Метонимический перенос ощущается, например, в предложении *Mutta vesihanen kohina peitti puheen alleen* 'Но шум крана перекрыл ее слова' (CSC), где сущность звучащего объекта — воды переносится на кран, из которого она вытекает. В результате местоположение источника звука переосмысливается как сам источник.

Все глаголы ряда обладают валентностью места, где образуется, распространяется или слышен звук, но она носит факультативный характер. Выражается она именем существительным или местоимением в местном стативном, не направительном, падеже (инессиве, адессиве), сочетанием локативного послелога с существительным в генитиве или локативным наречием. Например, *Tuuli humisi lintutornin viereisissä kuusissa* 'Ветер шумел в ельнике возле Птичьей башни', *keittiössä humisi tiskikone* 'в кухне шумела посудомоечная машина', *kuivat lehdet kahisivat jaloissani* 'под ногами шуршали листья', *lehdet kahisevat polulla* 'листья шуршат на тропинке', *puistossa puut kahisivat* 'в парке деревья шумели', *hänen sisällään suhisi pelästynyt tuuli* 'в душе у нее шумел испуганный ветер' (CSC).

Глагол звука часто используется в форме инструктива 2-го инфинитива при каком-либо другом глаголе, как правило, глаголе движения, называющем основное действие. Эта конструкция «глагол движения в личной форме + глагол звука в инструктиве 2-го инфинитива» обозначает действие, выраженное глаголом в личной форме, которое сопровождается определенным звуком, называемым инструктивным инфинитивом звукового глагола: ... *kurkien palajaa parvet / yli kattojen havisten* '... журавлиные клинья возвращаются / над крышами шума' (NS, I, 392).

СОЧЕТАЕМОСТЬ. Первая валентность всех синонимов ряда замещается названиями *предметов*: *puut, latvat, tuuli, meri, liekki* и др.

В отдельных случаях, замеченных нами у глаголов *havista* и *kahista*, данная валентность может быть замещена животными (птицами) и человеком: *silkissä kahisevia naisia* 'женщины, шуршащие в шелке' (NS, II, 135), *silloin kotkat havisivat uhkaavina ylle kuin kuoleman varjo* 'тогда орлы угрожающе прошумели (букв. прошелестели), точно тень смерти' (CSC).

Все синонимы ряда довольно свободно выступают в сочетании, во-первых, с наречиями, обозначающими *громкость* звука (*suhista vaimaasti, vienosti, hiljaa* 'слабо, тихо'), во-вторых, с наречиями, указывающими на *высоту* или *тембр* звука (*humista matalavireisesti*, 'шуметь глухо, низко'), в-третьих, с наречиями, указывающими на *временные параметры* звучания (*kahista hitaasti* 'шуршать тихо', *humista tasaisesti* 'шуметь ровно'). При отглагольных существительных аналогичную функцию выполняют прилагательные, также характеризующие громкость, высоту, тембр или продолжительность звучания. Сочетания отглагольных существительных с прилагательными встречаются при этом заметно чаще, чем сочетания самих глаголов звука с наречиями.

Список литературы

НОСС = Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. Вып. 1; 2000. Вып. 2.

Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3—24.

CD-CompOpus = Tietokone ja kirja yhdessä. CompOpus-kustannus. 1999.

CSC = Kielipankki. CSC-Tieteellinen laskenta Oy (Center for Scientific Computing). Helsinki — Espoo (компьютерная база данных).

Leino A., Leino P. Synonyymisanasto. Keuruu: Otava, 1996.

NS = Nykysuomen sanakirja. Lyhentämätön kansanpainos. Kolmastoista painos / WSOY. Porvoo; Helsinki; Juva, 1992. Osa I—VI.

ТВОРЧЕСТВО Л. ОНЕРВА В ВОСПРИЯТИИ ФИНЛЯНДСКИХ АКАДЕМИСТОВ

Финляндский неоромантизм изучен в достаточной степени. Имеются работы финских и отечественных ученых, посвященных рассмотрению основных особенностей течения, роли наиболее значительных его представителей. Отмечается преемственность неоромантизма как одного из этапов развития национальной литературы и культуры Финляндии, говорится об обусловленности его ценностей духовными процессами, определявшими сознание Европы на рубеже XIX—XX веков. Без внимания не оставлен и общественный пафос неоромантической литературы.

Нельзя утверждать, что творчество всех неоромантиков исследовано в одинаковой степени. Применительно к Онерва Э. Г. Карху отметил в свое время, что поэтесса никогда не была особенно обласкана вниманием со стороны критики и академических исследователей. Сравнивая судьбы двух «долгожителей» финской литературы — И. Кианто и Л. Онерва, он писал: «Если о Кианто все же существует небольшая обзорная книга В. Лаурила в качестве предварительного введения к более углубленному исследованию, то об Онерва нельзя сказать и этого. Все написанное о ней ограничивается редкими статьями, предисловиями и столь же лаконичными главами в общих курсах» (Карху Э. Г., 1972, 239). Несмотря на то, что ситуация мало изменилась на сегодняшний день, состояние дел вокруг творчества Онерва видится в положительном свете. Критикой и академической наукой давно сформирован ряд представлений касательно данного предмета, что позволяет говорить о том, что положение и роль поэтессы и писательницы как среди неоромантиков, так и в национальной литературе достаточно прозрачны. Выработанные устойчивые формулы рассматривают проблематику ее основных произведений, отражают главные положения эстетики, поэтики и идеологии автора и их развитие. На этом фоне можно говорить о существовании традиции интерпретации творчества Онерва.

Хилья Онерва Лехтинен дебютировала сборником стихов «Диссонансы» («*Sekasointuja*», 1904) под творческим псевдонимом Л. Онерва. Ее приход в литературу пришелся на тот этап, когда неоромантизм переживал смену акцентов. Если ранее авторам свойственны восторг бытия, полифоническое настроение, то мировидение Онерва уже полностью лишено такой стройности. Взамен появляется ощущение одиночества и заброшенности в мир. С другой же стороны, как бы в противовес,

основа ее эстетики — пафос сильной личности — приобретает в ее стихах более выпуклые формы.

Роман «Мирдя» («Mirdja», 1908) потрясал откровенностью настроения и чувства, поэтому и реакция на образ главной героини была самая противоположная. Отметим, что несколько «программный» эпатаж не заслонил собой художественной ценности произведения. Очевидным для всех оставалось то, что в своем произведении Онерва кардинально обновляла форму и язык прозаического произведения, подчиняясь требованиям нового содержания. Уже через год после «Мирдя» автор зарекомендовала себя как не лишенная таланта новеллистка. Ее сборник «Изломы» («Murtoviivoja», 1909) продолжил начатую линию. С другой стороны, как в этих двух произведениях, так и в поэтическом сборнике «Стихи» («Runoja», 1908) ясно проступают все противоречия, с которыми сталкивается неоромантический герой.

В творчестве периода 1910-х годов Онерва отказывает деструктивным мотивам в праве доминировать в философии индивида и стремится заменить «эстетику на этику». Автор много внимания уделяет утверждению общегуманистических идеалов. Следует подчеркнуть значение мировой и гражданской войн для формирования авторского сознания. На 1920-е годы приходится время творческой зрелости Онерва, когда вышли в свет некоторые ее лучшие произведения. Творческая активность Онерва не ограничивалась только сказанным. Она зарекомендовала себя как переводчик с французского языка: в 1915 году увидел свет перевод книги И. Тэна «Философия искусства» (Hippolyte Taine. Taiteen filosofia). Онерва принадлежит целый ряд обзоров об изобразительном искусстве, она активно сотрудничала с периодической печатью. Литературоведческая сторона ее таланта обрела свое выражение в уникальном по значимости двухтомном исследовании жизни и творчества одного из крупнейших представителей литературы Финляндии — Эйно Лейно.

В финляндском литературоведении фигура академика Р. Коскимиеса является ключевой с позиции формирования основных представлений об Онерва. Где-то его выкладки опираются на замечания предшественников, где-то он вступает в полемику с критическими мнениями оппонентов писательницы. Вдобавок он выделил в творчестве Онерва моменты, которые до него были заслонены от внимания исследователей по тем или иным причинам. Необходимо подчеркнуть, что сам Коскимиес со временем пытается раздвинуть рамки своего восприятия, склоняясь в сторону европейского культурного поля и «репрезентативного европейского канона». Отсюда неоднозначность и полемичность его взглядов на творчество Онерва. Интересно, что в монографии «Писатели

Финляндии» («Suomen kirjailijoita», 1927), говоря о неоромантизме, учений не посвящает ей отдельной главы. Но в трехтомной «Живой национальной литературе» («Elävä kansalliskirjallisuus», 1946) голос Онерва уже слышен в полной мере.

Попытка более подробного погружения в проблематику была принята Коскимиесом в предисловии к «Избранным произведениям» («Valitut teokset», 1956) Онерва, которое, по признанию многих, имело огромное значение для формирования именно писательской репутации Онерва, ведь она была прежде всего известна как поэтесса, проза же ассоциировалась, пожалуй, только с романом «Мирдя». В этой связи ключевой стала фраза критика о том, что «многообразная лирика Онерва почти заслонила собой ее романы и сборники новелл. Действительно, настало время предложить читателям крепкую подборку тех произведений, которые при издании получили слишком мало внимания» (Koskimies R., 1956, 5). Особо стоит отметить то, что здесь автор впервые обращает внимание на межлитературные и межкультурные контакты и на их важность для Онерва. Статья заканчивается фразой о том, что «в саду Онерва на самом деле растут разные цветы, как экзотические, так и свои родные. Однако большая часть из них посажена ею самой, и их запах стойкий» (Koskimies R., 1956, 14). Можно заметить, насколько сделанный вывод разнится с мнением оппонентов поэтессы. Статья Коскимиеса по широте охвата тематики является одной из краеугольных. Предпринятая попытка компенсировать пробел имела широкий резонанс, что позволило несколько позже Э. Круну назвать академика «защитником прозы Онерва» (Krohn E., 1967, 37).

Многие идеи, высказанные еще в трехтомнике, были развиты им в коллективном восьмитомном академическом издании «Литература Финляндии» («Suomen kirjallisuus», 1965), которое не утратило своей актуальности и авторитета по многим принципиальным вопросам до сих пор. Правда, эффект несколько сглаживается по причине сильного крена в сторону влияния Лейно на жизнь и творчество Онерва. Упомянутый факт позволил Э. Г. Карху впоследствии предположить, что в представлении критики существует устойчивое представление об Онерва как о поэтессе, «по-своему одаренной и литературно образованной, но без яркой оригинальности» (Карху Э. Г., 1990, 147). Хотя оглядка на Лейно сопровождает Коскимиеса практически во всех наблюдениях, помимо скромной попытки ревизии франкоманства поэтессы, он пишет, что ей уже в своем дебютном сборнике поэзии удастся пронести такие понятия, которые «большой частью еще отсутствуют даже у самого Лейно» (Koskimies R., 1967, 10).

Указывая на то, что литература символистов была практически неизвестна финскому читателю, он придает особое значение литературным контактам поэтессы с Ш. Бодлером, П. Верленом и А. Рембо. Отмечается то, что процесс не носил характера слепого копирования или механического переноса чужеродного материала на финскую почву. Онерва и ее современникам удалось подхватить настроение декаданса, умело «придав ему хорошо проработанные домашние формы» (Koskimies R., 1956, 6). Через франкоманство Онерва вплотную подошла к темам, волновавшим европейских авторов, а это и *fin de siècle*, и декаданс, тема «старых» и «молодых» наций и культур. Она была настоящим знатоком французской литературы, она «не только постоянно ссылалась на галльских мастеров, но обнаруживала редкие способности в переводе лирики, романов и новелл» (Koskimies R., 1967, 8). Онерва — единственная из финляндских авторов рубежа веков, кто настолько хорошо знал современный французский модернизм.

То, что Онерва принесла в своем творчестве на финскую почву, «не было особенно знакомо нашей публике» (Koskimies R., 1946, 127). Прибегая к метафоре, он отмечает, что поэтесса «ни в коем случае не предлагает чистую ключевую воду или неразбавленное вино, но прежде всего абсент, этот настоящий на пряных травах, искусно смешанный наркотик литераторов *par excellence*» (Koskimies R., 1946, 127). На основании этого Э. Г. Карху полагает, что исследователь якобы представляет интересы консервативно-охранительной критики, которая отказывалась считать декаданс финским явлением, так как «в Финляндии общество казалось им еще достаточно “здоровым”» (Карху Э. Г., 1990, 149).

Думается, что уже на этапе «Живой национальной литературы» позиция Коскимиеса все же иная. Он полемизирует с давними оппонентами поэтессы и заявляет об оригинальности и новизне ощущений ее субъективного «я», о том, что мир поэзии и прозы Онерва отражает все глубинные «движения современной, разбитой и мучимой отсутствием надежды души» (Koskimies R., 1946, 126). В книге «Литература Финляндии» Коскимиес ссылается на авторитет Л. Вильянена, который подметил в свое время, что «исходным моментом для Онерва является... пьянящее чувство свободы, безудержный индивидуализм...» (Koskimies R., 1965, 440); ее творчество космополитично и наполнено тонким ощущением *fin de siècle*, оно «вне зависимости от тяжести государственной атмосферы и бесконечных партийных распри 1900—1915 годов, отмечено знаком некоего праздника жизни и почти сенсуалистичного наслаждения» (Koskimies R., 1946, 35).

Известно, что для Коскимиеса неоднозначным казалось соседство имен Онерва и Лейно. В трехтомнике отмечается, что Онерва выделяется из когорты молодых поэтов начала века. Она — одухотворенная поклонница красоты и гуманности. С другой же стороны, образ «мастера и его творчество» повлияли на ее поэтику, хотя она ни в коем случае и «не была осуждена на несамостоятельность, с течением времени став заметной фигурой» (Koskimies R., 1946, 126). Тем не менее свои лучшие произведения Онерва создала в первые два десятилетия XX века, находясь «рядом с вулканом финского духа». Особенно сильно влияние проявилось в ранних сборниках стихов поэтессы, тогда образцом для нее служили «укороченная строфа», «оригинальная диалектика поэтических образов», «богатые начальные и конечные рифмы» — все то, чем увлекался Лейно в тот же период собственного творчества. Увлекаясь пеоном, она также следовала «образцу и учителю», который обладал «практически неистощимой» способностью воспроизводить лексику, как калевальскую, так и неологизмы. Соответственно, это не могло не отразиться на поэтическом языке Онерва. Итак, автор оглядывается на «заряжающий электричеством ближайший круг Эйно Лейно», что отразило к тому времени укрепившуюся традицию видеть в Онерва «друга своего коллеги Эйно Лейно и супругу композитора Лееви Мадетоя» (Nieminen R., 1982, 6).

Но в отличие от представителей консервативной части критики Коскимиес не отрицает самобытности творчества поэтессы и не оспаривает его ценности для национальной литературы. Она сумела оставить яркий след в национальной литературе, обладая особыми для того предпосылками. Коскимиес с восхищением перечисляет «отменное знание языков, особенно французского, полезные в духовном отношении посещения центров Европы, обостренное эстетическое чутье, которое было направлено не только на поэзию, но и на изобразительное искусство, а также истинная свобода духа... противодействие всему слишком мещанскому и зажатому...» (Koskimies R., 1946, 439). Ей удалось рано доказать свою писательскую зрелость, а роман «Мирдя» стал не чем иным как «редкостным в своем роде», «лишенным прирученного пафоса», «поражительной демонстрацией мощи в своем жанре», «вызовом обществу и условной морали».

Коскимиес полагает, что главным стержнем творчества Онерва является субъективное мировосприятие. Она «в своих стихотворениях, романах и рассказах... трактовала свои основные впечатления от жизни» (Koskimies R., 1946, 126). В рамках разговора о субъективизме отмечается, что поэтический взгляд Онерва всегда обращен на внутреннее, что

рождает ощущение интимного диалога. Как указывает Р. Ниеминен, Онерва особенно подчеркивала значимость субъективизма, когда в начале 1950-х перечитывала свои первые произведения для написания оставшихся в набросках мемуаров. Действительно, грань между авторским «я» и персонажем условна и размыта, а субъективизм возведен в максимум.

Восторг Коскимиеса сочетается с некоторой иронией: ее мировидение отражает все движения современной разбитой и жалующейся души и уже в своем дебютном сборнике Онерва «поет об утраченных иллюзиях, словно заглянула в глубины жизни; с пафосом и тоской, как и полагается молодой девушке» (Koskimies R., 1946, 127). Такое настроение сохранялось без особых изменений, в результате извечная переключка с «мировой скорбью» («maailmantuska») романтиков XIX века, переходящая у нее из сборника в сборник, по прошествии десятилетий производит впечатление «монотонной и несколько сухой» (Koskimies R., 1946, 126). И вообще в первых поэтических сборниках Онерва «нет особенных достижений, безусловных вершин, не говоря уж о шедеврах...» (Koskimies R., 1965, 442). Стихи Онерва 1900-х годов интересны при анализе общих родовых признаков неоромантизма, в контексте пространного разговора о динамике творчества поэтессы, ведь «критический взгляд обнаруживает то, что она создала свои самые красивые песни после периода бурления молодости» (Koskimies R., 1946, 128). Отход диссонансов на второй план позволил добиться музыкальности, четкость формы свидетельствует о гармоничном восприятии жизни и глубине чувства, и поэзия Онерва все больше напоминает исполняющую кантилену скрипку.

При разговоре о творчестве Онерва 1910-х годов Коскимиес подчеркивает мысль, что в нем нет непосредственных указаний на поворот к «неокатолицизму» и религиозности как таковой. Следует говорить об авторском эксперименте и увлеченности легендами. И вообще, начиная с этого этапа можно говорить о самостоятельности и творческой зрелости поэтессы, когда «давняя тяга Онерва к поклонению и храмовности обретает устойчивые художественные цели. Используемая прозрачность формы указывает на опыт, а ее чувство становится более глубоким» (Koskimies R., 1946, 129). Академик приветствует «конфессиональность» поэтессы, ее обращение к восточному пантеизму, серьезным теософским проблемам и общегуманистическому пафосу, что свидетельствует о поиске материала, способного существенно раздвинуть тематические рамки творчества. Характерно, что на все это в свое время указывал еще известный ученый Л. Вильянен. В книге «Литература

Финляндии» Коскимиес вообще высказывает полное недоумение по поводу закрепившегося в науке представления, будто сборники «Вечерний звон» («Iltakellot», 1912) и «Далекая весна» («Kaukainen kevät», 1914), стихотворение «Отшельник» и последующее творчество доказывают факт обращения Онерва к религиозности.

Отдельно укажем, что прозаические произведения Онерва, как и ее поэзия, вызывали неоднозначную реакцию критики уже при своем появлении. За писательницей признавались отточенность стиля и психологизм повествования: «В нашей литературе Онерва лучше всех в написании психологических новелл. Ее стиль, то, как она справляется с темой и анализом, помечены редкой, можно сказать, мужской объективностью. Она проникает до самых глубин описываемой личности, и ее взор ничего не оставляет без внимания...» (Suolahti H., 1911, 718). Можно выделить также В. А. Коскенниemi, который в свое время был «весьма влиятельной фигурой в Финляндии, одним из тех, кто формировал ее культурную политику» (Карху Э. Г., 1990, 228). Коскенниemi называли «молодым старофинном», он обладал редкой гуманитарной эрудированностью, имел вкус к античной и новоевропейской культуре и, кстати, как отмечает К. Марьянен, чувствовал духовное родство с парнасцами и в известной степени склонялся к франкоманству.

У Коскенниemi восхищение новеллами Онерва сочеталось с отказом воспринимать ее произведения крупной формы. Литературный альманах «Айка» («Aika»), главным редактором которого он был, отреагировал довольно резкой рецензией на второй после «Мирдьи» роман Онерва «Инари» («Inari», 1913). В частности, там указывалось: «Сил отточенного прозаического стиля Онерва, великолепно проявившегося в искусстве новеллы и журналистике (“Изломы”, “Новые люди”), недостаточно, чтобы скрыть в романе дефицит художественности и изобразительных средств, что, по-видимому, характерно в случае с этим автором» (Koskenniemi V. A., 1913, 427). Писательница вновь прибегла к излюбленному методу, называемому в статье «абстрактным погружением в воспаленные чувства женщины». Полученный результат лишил сочинение цельности и драматизма настолько, что «его страницы можно перечитать и в другой последовательности, чем они есть, причем общая картина от этого особенно не пострадает» (Koskenniemi V. A., 1913, 426). Настроение книги напоминает «атмосферу лечебницы», а герои однотипны и бесчувственны. Во всем Коскенниemi видит демонстрацию «поразительной беспомощности авторского воображения», считая, что повествование было бы более убедительным, если бы Онерва суме-

ла показать переживания своих героев отстраненно, как и следует «истинному рассказчику».

Некое сходство с рассуждениями Коскимиеми обнаруживается и у Коскимиеса, указывающего, что персонажи Онерва больше похожи на математически рассчитанную единицу, лишённую жизни: «Эти новеллы помечены резонерством, они далеки от жизни и от того, чтобы быть большим искусством... они лишены тепла» (Koskimies R., 1946, 133). Они «живые, но обычно картонные и больше похожие на силуэты», что при всей остроте текста не позволяет погрузиться в глубину чувства. Причины критик видит в «аналитическом», практически «журналистском» стиле писательницы. Логичен поэтому и вывод: в новеллах и романах Онерва отсутствуют предпосылки воспринимать их как «богатое, разнообразное, идущее изнутри» искусство показа человека. Нет, он не отказывает Онерва в оригинальности восприятия и понимания жизненных явлений — все это проявляется в ее прозе, беспокойной, демонстрирующей внутреннее движение, часто лиричной и как размышление являющей собой образчик повествования высокого уровня. Все же он склонен считать, что характеры ее произведений «больше поданы, нежели созданы», а их холодность объясняется им тем, что «истинный показ людей сочетается с любовью к людям, и в этом, собственно, кроется таинство созидания». Собственно, слабость авторского стиля Онерва видится ученым в очарованности «французской школой», поэтому хотя «ее интеллект частенько ярко сверкает, ей редко удается крепко ухватиться за человека, несмотря на всю явную и неприкрытую анимационность в изображении» (Koskimies R., 1946, 133). Приблизительно в таком же ключе высказывается упомянутый Х. Суолахти, кстати, профессор германистики Хельсинкского университета. На его взгляд, талантливое, «если не гениальное», умение выводить внутренние переживания героев, «обостренная объективность», к большому сожалению, сочетаются с тем, что Онерва показывает, но не сочувствует, «исследует, констатирует и выявляет, но у нее отсутствует большое и глубокое сострадание к человеку» (Suolahti H., 1911).

Впоследствии Коскимиес также не отрицал того, что «новелла могла превратиться в теоретический опыт разума, практическое исследование» (Koskimies R., 1965, 446), особенно в тех случаях, когда героиня Онерва — это женщина-интеллектуалка. Однако выводы он делает совершенно иного плана, что свидетельствует об изменении угла зрения на известные особенности поэтики писательницы. Так, путем сталкивания различных точек зрения, вывода широкий спектр характеров, Онерва «действительно удается глубоко проникнуть в самую суть вопроса»

(Koskimies R., 1956, 8), но она своими «теоретическими опытами мысли», как и прежде, «уводит своего читателя в ледяной, определяемый интеллектом космос» (Koskimies R., 1956, 9). В стиле Онерва выделяются увлеченность «интересными деталями», с помощью которых она стремится углубиться в свойства человеческой породы. И что особенно важно, Коскимиес понимает, что перед писательницей в действительности не стояла задача эпического показа — его она компенсировала остротой проблемного анализа и «сторонним наблюдением за жизнью, разбором человеческих страстей и погружением в частности» (Koskimies R., 1965, 446). И далее, это представляло известную сложность, как указывается, в связи с частичным отсутствием творческого инструментария. И все же столкнувшись с проблемой подобного плана, Онерва сумела добиться ценных результатов, «особо примечательных с позиции сделанных наблюдений и в культурно-историческом плане» (Koskimies R., 1965, 446).

С позиции формирования имиджа Онерва-прозаика большое значение имеет заявление Коскимиеса о том, что она в действительности была намного более утонченной и обладала большим чувством стиля, нежели то признавали современники. Обобщая свой опыт чтения ее прозы, он подчеркивает новизну решений и отточенность стиля. Внимание критика привлекает также и техника изображения, построенная на основе монолога, который «...в целом интересен, он стимулирует интеллект, несмотря на известную упадочность “конца века”» (Koskimies R., 1946, 131). Через десятилетие, вновь обратившись к данному вопросу, он указывает на плохую «запоминаемость» персонажей Онерва как таковых, но объясняет эту особенность тем, что все они суть разные лики писательницы, это разговор авторского «я» с самим собой. Писательнице удастся добиться наилучших результатов в остром и вместе с тем плавном диалоге, который был основным «техническим средством» ее как новеллистки: «Это не реалистичный диалог — таким он никогда и не стал. Это интеллектуальный и утонченный разговор двух персон, который в основе своей суть монолог» (Koskimies R., 1956, 6). Насыщенный монолог имел пользу, позволив Онерва отточить свой собственный слог и в известной степени облагородить «молодой язык северных уголков Европы» (Koskimies R., 1956, 6).

Конечно, у Онерва Коскимиеса в большей степени интересуют эстетизм и стилизация, но он не забывает упомянуть и то, что ее проза не лишена общественного пафоса, хотя эта сторона и трактуется несколько однобоко. Он как будто бы отмечает, что писательница, «открыв глаза, оглядывала финляндское общество, обращая внимание на эстетические

и моральные уродства», анализируя недостатки, но в дальнейших своих выкладках опирается на более или менее явную связь с фактами биографии Онерва. Особенно выпукло такой подход виден по отношению к роману «Мирдя», когда акцентируются внелитературные пласты и непосредственные связи с реальностью, демонстрируя в некотором роде «прикладной» интерес.

Фоном служит устойчивое стремление Онерва наблюдать за явлениями действительности, за человеком, за жизненными частностями. Так что в романе слышится исповедь: «Он полон иронии над мещанством, условностями, устарелыми клише. Он полон решимости, прогрессивности, свободомыслия и даже напора революции» (Koskimies R., 1946, 130). Главный же упор критики направлен на брак как на оплот условной морали, консервативный общественный институт, лишаящий личность возможности самореализации. Конечно, это можно расценивать как отклик писательницы на тему, активно обсуждавшуюся в финляндской литературе еще в XIX веке. Исходным моментом полемики являлось предположение, что женщины — жертвы мироустройства и законов общества мужчин. Онерва по-своему развивала указанный круг вопросов, что не рассматривается Коскимиесом. Он лишь констатирует общее свойство: героиня Онерва может носить имя Мирды, Инари или другой центральной фигуры новелл, но она всегда «борец за свободу духа эпохи модерна» (Koskimies R., 1956, 7). Ее женщины сомневаются в трех основных постулатах — «семья, религия, отечество» и при этом декларируют ценность «веры, свободы и любви».

Размышляя о романе «Мирдя», академик обращает большое внимание на стиль, язык, построение, эстетику. В частности, для автора субъективизм это и форма, и содержание. Коскимиес подчеркивает то, что книга разрушила все привычные для своего времени каноны романного слова. И действительно, содержание романа «Мирдя» как бы нанизано на имя главного героя, но по своему построению он лишен цельности и носит обрывочный характер поиска. Это было ново для тогдашнего романного слова. При ближайшем рассмотрении возможны параллели с манерой того же Ж.-К. Гюисманса или П. Бурже, но Коскимиес не указывает на детали. Ему гораздо важнее не упустить общую оболочку, и от его внимания не ускользает то, благодаря чему произведение, его проблемное наполнение и, прежде всего, эстетика — все это стало «смелым опытом на почве европеизма, даже более чем опытом» (Koskimies R., 1956, 7).

Погружаясь в анализ природы и корней эстетики Онерва, Коскимиес выделяет «французскую школу стиля» — на причастность к ней указы-

вают стихи, проза, критические статьи и эссе. Это оригинальное мироощущение, и «читатель может встретить здесь и там ссылки на французских авторов, например в «Мирдье» на Верлена и Поля Бурже...», и далее: «...в душе финская поэтесса чувствовала то же, что и Гюисманс, Оскар Уайльд, Бодлер, или Рембо...» (Koskimies R., 1965, 445). Ориентируясь на духовную жизнь Европы, неоромантики не утрачивали самостоятельности, а «крылатые слова гигантов духа зачастую были парадоксами, которые становились для жаждущих стимулятором, гормональной инъекцией, ударом тока» (Koskimies R., 1965, 300). Коскимиесу важно все то, что определяло природу течения, а это и «полет фантазии», «освобождение и индивидуализация художника», «чуткая и лиричная рефлексия», «многообразность и богатство» и «разнонаправленные веяния». Выявляется «очевидная общность идей», направленная против «программности», «в духе указаний Золя», определявших литературный процесс предыдущей эпохи.

В книге «Литература Финляндии» Коскимиес пишет, что в 1910-е годы поэтесса экспериментирует с формой, в ее стихах также виден «пафос гуманности», корни которого обнаруживаются в немецком экспрессионизме. Подобного рода обновление не привело к отказу от рифмы в пользу верлибра, однако оно доказывает, на взгляд ученого, попытку Онерва отойти, наконец, от франкоманства, которое «так сильно привлекало ее сознание в начале века...» (Koskimies R., 1965, 443) и до определенного этапа сильно ослабляло ресурсы ее собственного поэтического таланта. Свое предположение исследователь подкрепляет ссылкой на сборник «Песнь уличных фонарей» («Lyhtylasiens laulu», 1919), в котором очевиден, на его взгляд, постепенный отказ Онерва от позаимствованной «академичности» в пользу «раскрепощения поэтического языка». Изменения видны как в форме, так и в содержании. Коскимиес приветствует избавление поэтессы от «власти жизненного страдания», считая, что это раскрепощает ее музу, высвобождает искренность, позволяет вновь выступать против условностей и уютных представлений о бытии и личности. Но хотя лучшие стихи производят цельное впечатление практически во всех смыслах, они все же «лишены четких очертаний» (Koskimies R., 1965, 443).

Развивая свои наблюдения, Коскимиес отмечает, что эстетике раннего творчества Онерва характерно переплетение элементов «русского нигилизма, немецкой идеи сверхчеловека и сатанизма англичан». Появление же их было опосредованным — восприятие шло через призму именно галльской литературы. Через эксцентричную игру символами художники наблюдали за своей эпохой, и Онерва частично позаимство-

вала этот способ: приводя выдержки из романа «Мирдья», академик называет Ж.-К. Гюисманса и П. Луи «крестными отцами» книги, особенно тех ее мест, что выписаны в декоративном стиле «jugend». Упоминаются также имеющиеся в тексте указания на П. Бурже — автора, известного своими идеями о непознаваемости человеческой души, экспериментами с подсознательным, рассуждениями о конфликте между различными мировоззрениями и культурами в современном обществе.

Соотнесение Онерва с перечисленными писателями дает Коскимие-су возможность выйти на такую полемичную проблему, как репетиция писательницей европейского декадана. Желая опровергнуть мнение о маргинальности финского литературного декадана, ученый далек от морализаторства в духе консерваторов. В декадансе он видит очередной этап развития европейской культуры в целом: речь идет о мощном идейном направлении, обладавшем важным историческим значением и «сказавшем свое слово в мировой литературе в период между Бодлером и Прустом» (Koskimies R., 1967, 2). Поскольку распространенная односторонняя трактовка декадана как чего-то несущественного и побочного выглядит неправомочной, очевидна необходимость расширить семантику термина, так как к литературным декадентам себя относили в 1870—80-е годы не только натуралисты, парнасцы, но и русские писатели, ведь для многих из них декаданс был тождественен модернизму, считает Коскимие-с.

Надо сказать, что для академика Онерва — автор, который познакомил финского читателя с европейским, прежде всего французским, литературным декадансом, сформировавшимся под воздействием «гегелевской мысли о тезисе-антитезисе» (Koskimies R., 1967, 10). И хотя природа явления в первую очередь ассоциируется с усталостью и упадком [«его ближайшими родственниками являются дегенерация, депрессия, деклинация и некоторые другие термины латинского происхождения»] (Koskimies R., 1967, 1)], Коскимие-с подчеркивает историческую ценность явления как такового, также обнаруживая в нем прогрессивное начало. Ведь декаданс служил поэтессе и измерением состояния мира, и формой бытования индивидуума в нем, когда переплетаются такие общие для декадентов темы, как безволие, фатализм, нигилизм, а с другой стороны, вызов мещанству, условной морали и «поборникам общественного здоровья».

Декадентская литература связывается Коскимие-сом с понятиями «современность», «урбанизм». Онерва и ряд других писателей представляли собой «городских авторов», чье творчество стало антиподом «бурно процветавшей сельской эпике» (Koskimies R., 1965, 445). Тема-

тика их произведений посвящена изображению атмосферы, царившей в среде столичной интеллигенции начала XX столетия. Академик называет ее «страна La Bohème», материализованной в образе Хельсинки. И хотя современникам картины города казались поверхностными, «чем дальше мы от той эпохи, тем ценнее они как документы времени» (Koskimies R., 1956, 6). У Онерва с Хельсинки связан как минимум двойной подтекст. Конечно, это знак современного мира, его культурной жизни, цивилизации, какими на материке у «старых наций» являлись Париж, Берлин и Рим. Особенно первый выделялся как столица целой эпохи, всего XIX века, мифическое влияние которого продолжилось и в следующем столетии. Как сказано, «...остальные важные европейские города стали “прочими городами”, которые стоило посетить до главной цели поездки» (Ranki K., 2003, VIII) — Парижа! Культурная элита Финляндии, а это художники, скульпторы и писатели, стремилась попасть в Париж, для кого-то это становилось началом жизни или же подлинным ее апогеем.

Связующим звеном и немаловажным символом декадентской и урбанистической поэтики являлась модная ресторанный жизнь, в контексте которой особое значение имел образ алкоголя вообще и его квинтэссенции — стакана абсента (absinthe). В эстетике неоромантиков поклонение Бахусу, алкоголь вообще и стакан полынной настойки стали неоднозначными и полифункциональными знаками, придававшими эпохе и «художникам отечественного ренессанса легендарный блеск» (Koskimies R., 1965, 449). Среди имевших реальные прототипы персонажей Онерва часто встречаются представители мира искусства, и «нет числа возлияниям, появляющимся более или менее под влиянием случая» (Koskimies R., 1967, 11). Это входило в более широкую ценностную парадигму, было частью прочитанного у Ницше «горения», это было «программным антагонизмом» размеренной жизни мещан, причем, как подмечает ученый, они совсем не были отшельниками в своем проявлении «духа “фармазонства”, любви к компании и общему делу» (Koskimies R., 1956, 11). Но была обратная сторона, названная впоследствии Э. Г. Карху «непрекращающимся бегством из одиночества». Как он считает, «горение» Онерва было направлено не только на внешнее зло, писательница борется также и «сама с собой, с теми уязвимыми сторонами своего мироощущения, опасность возможной гипертрофии которых она осознавала» (Карху Э. Г., 1972, 247). Классическим примером является стихотворение «Абсентист» («Absintisti»), где напиток выступает действительно как способ ухода от реальности в ирреальный мир наполненных символами и полутонами декадентских грез:

«И кто боялся когда скорби земной,
точно воск тягучей, и
бесконечных дождей вдали...!
Так пей, душа,
прохладный зеленый нектар,
чтоб быть окутанною нежным звоном...»
(Rupoja, 1908, 125)
(Перевод наш. — Е. Б.).

В известном романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» («À rebours», 1884), отражение которого Коскимиес видит в произведении «Мирдья», автор, размышляя о разложении французского языка, говорит о его окончательной смерти в поэзии С. Малларме. Этот аспект, быть может, был чужд Онерва, ведь «юная нация выплескивает талантов больше, чем у них имеется возможностей пробиться на поверхность» (Onerva L. Kirjailijan asemasta maassamme, 1), но темы упадка культуры, усталости и отсутствия творческой воли иногда становились более чем осознанными. В качестве примера академик приводит новеллу «Закон природы» («Luonnonlaki»), где автор размышляет о декадансе как о «естественной гибели всего старого и отжившего — гибели, которая становится участью всего излишне утонченного» (Koskimies R., 1967, 15). В романе «Мирдья» такая утонченность персонифицировалась в образе магистра Селиня. Он — воплощенное бездействие, бледность и безволие, у него замутненный взгляд и, классический символистский знак, извечный стакан абсента в руке. Характеристика героем самого себя звучит по-французски: «...je suis perdu... меня ничто не может спасти» (Onerva L., 1927, 62), а Коскимиес называет это несколько иронично «очарованием современной усталости». Вообще элемент эстетики, называемый критиком «служением Бахусу», у Онерва и Лейно приобрел черты, которые невозможно просмотреть в творчестве других авторов. Алкогольная экзальтация использовалась обуреваемым страстями героем в качестве способа достижения особого состояния духа, которое Коскимиес формулирует как «северный дионисизм», что выводит его на разговор о рецепции неоромантиками нищезанятия.

Надо сказать, что попытка выделить точки соприкосновения Онерва и Ницше предпринимаются Коскимиесом на достаточно позднем этапе, разговор ограничивается общими замечаниями. Интерес к нему вообще со стороны финнов был мотивирован их определенным германофильством, возвращенным под влиянием Шопенгауэра и Ибсена. И хотя в представлении ученого Ницше — прежде всего увлекающийся афоризмами

поэт и сторонник парадоксов, и в меньшей — мыслитель, он не пытается оспаривать того, что это был «философ идеи сверхчеловека... он влиял на чувства и эстетику... он стал в большей степени идиологом молодого поколения творческой интеллигенции, чем реформатором науки или светочем для умудренных ученых» (Koskimies R., 1965, 306). Это, пожалуй, одна из немногих точек пересечения Ницше и неоромантиков, проявившаяся у Онерва, в частности, в том приговоре, который ее персонажи выносят слабости, жалости, «потому как всякая подобная доброта и любовь происходят от дьявола, отравляя истинную жизнь» (Koskimies R., 1967, 15).

Характерным проявлением ницшеанства писательницы стали обнаруживаемые в ее текстах реминисценции на дихотомию дионисическое-аполлоническое. Коскимиес обращает внимание на то, что столкновение двух начал более всего заметно в ее прозе, особенно на раннем этапе творчества. Так, новеллы сборника «Изломы» построены на коллизии между двумя персонажами — женщиной и мужчиной. Они и являются носителями элементов дихотомии. Женские персонажи чаще всего осознают внутри себя дионисическую составляющую, они почти всегда «мучимые демоном сверхчеловеки» (Koskimies R., 1956, 8). Женщины Онерва частенько ассоциируют себя с «вулканом», «подземным вечным огнем, который когда-нибудь уничтожит все», «морем огня и лавы» и т. д. Этот дионисический демонизм представлен как динамичное, находящееся во внутреннем движении явление, напротив, противопоставленные ему аполлонизм и холодная рассудочность мужских образов носят выраженный статичный характер. Это уже мир чистых идей и форм, бодлеровских «соответствий». Стремление к нему является отличительной чертой мировосприятия героев Онерва, которые, как им частенько кажется, как будто желают быть покоренными, усмиренными, но выставляют массу условий. Сближение оказывается невозможным, возникающая при этом антиномия приобретает характер провиденциальности и некоего вечного вселенского противостояния — оба этих мотива действительно часто встречаются у писательницы.

В завершение отметим, что общим и существенным свойством упомянутых здесь работ является акцентирование представлений, связанных с межкультурными и межлитературными контактами. Очевидно, что творчество Онерва приходится на один из интереснейших периодов истории литературы Финляндии, когда открывались окна в Европу, и Онерва играла далеко не самую последнюю в этом роль. Сделанные наблюдения авторитетны до сих пор, что подтверждается авторами коллективной монографии «Декаданс в искусстве и литературе рубежа веков» («Dekadenssi

vuosisadanvaihteen taiteessa ja kirjallisuudessa», 1998). Монография перекликается с Коскимиесом по многим теоретическим посылам. Так, в ее основу положен принцип «описания связей с процессом развития интернационального искусства... сближения финской литературы с европейской, в особенности, с французской литературой и историей культуры» (Mikkonen K., 2000, 247).

Список литературы

Гюисманс Ж.-К. Наоборот. Три сивмолистских романа / Сост. и послесл. В. М. Толмачева. М.: Республика, 1995.

Карху Э. Г. Очерки истории литературы Финляндии. Л.: Наука, 1972.

Карху Э. Г. История литературы Финляндии. XX век. Л.: Наука, 1990.

Тиханов Г. Будущее истории литературы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 341—347.

Толмачев В. М. От романтизма к романтизму. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Onerva L. Murtoviivoja. Helsinki: Otava, 1909.

Onerva L. Runoja. Helsinki: Otava, 1909.

Onerva L. Mirdja. Helsinki: Otava, 1927.

Onerva L. Kirjailijan asemasta maassamme. Artikkeleita ja kirjoituksia. Kl. 20541, laat. 121.

Onerva L. Kuinka meistä tuli kirjailijoita. Suomen kirjailijaliiton julkaisuja. Helsinki: Otava, 1916.

Koskimies R. Suomalaisia kirjailijoita. Helsinki: Otava, 1927.

Koskimies R. Elävä kansalliskirjallisuus. Helsinki: Otava, 1944—1946.

Koskimies R. Uusromantiikan lyyrikoita // L. Onerva. Suomen kirjallisuus / Toim. Matti Kuusi, Simo Konsala. 4: Minna Canthista Eino Leinoon / SKS. Helsinki, 1965. S. 429—457.

Koskimies R. Rafael Dekadenssityyli Suomen kirjallisuudessa. Juhlakirja Kauko Kyrön täyttäessä 60 vuotta 24.11.1967 / Tampereen yliopisto (Acta Universitatis Tamperensis. A; 18). Tampere, 1967.

Koskimies R. Seitsemän veljeksien rakenne. Aleksis Kiven satavuotismuisto / SKS. Kirjallisuudentutkijain seuran vuosikirja III. Helsinki, 1934.

Koskimies R. L. Onerva // Onerva L. Valitut teokset. Helsinki, 1956. S. 5—14.

Koskenniemi V. A. L. Onerva. Inari: Romaani // Aika / SKS. Helsinki, 1913.

Krohn E. L. Onerva — ensimmäinen huomattava naislyyrikomme // Krohn E. Käännekohtia. Esseitä ja tutkielmia. Porvoo, 1967.

Lyytikäinen P. Dekadenssi — rappingin runous. Dekadenssi vuosisadanvaihteen taiteessa ja kirjallisuudessa / SKS, tietolipas 153; Toim. P. Lyytikäinen. Hämeenlinna: Karisto Oy:n kirjapaino, 1998.

Marjanen K. Runoutemme europalaisin vuosikymmen: sataluvun vaihde ja Eino Leino. Suomalainen Suomi. 1962.

Mikkonen K. Hajottamisen ja kuoleman runousoppia. Subliima, groteski, ironia. Kirjallisuuden tutkijain seuran vuosikirja 52 / SKS. Helsinki, 2000.

Nieminen R. Elämän punainen päivä. Helsinki: Otava, 1982.

Ranki K. Pariisi. Kirjailijan kaupunki. SKS:n toimituksia 906. Jyväskylä: Gummerus kirjapaino, 2003.

Suolahti H. L. Onerva. Nousukkaita. Valvoja. Helsinki: Helsingin uusi kirjapaino, 1911.

Viljanen L. Näkymä L. Onervan lyriikkaan. Lyyrillinen mina: ja muita kirjallisuustutkimia / WSOY. Porvoo, 1959.

Tarkiainen V. Suomalaisen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1934.

© *Е. Г. Богданова*

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ I КУРСА СТРАТЕГИЯМ АУДИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ НА ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

С первых шагов овладения иностранным языком аудирование становится, пожалуй, одним из наиболее сложных умений, требующих специального обучения и особого внимания преподавателя. Студенты I курса, которые лишь начинают изучение финского языка, сталкиваются с серьезными трудностями, слушая «странную», на их взгляд, и совершенно непонятную финскую речь.

Методической науке известны различные подходы и методы обучения аудированию. Одним из достаточно современных и популярных подходов является личностно-ориентированный подход, основанный на применении различных стратегий учения.

Термин «стратегия» был первоначально взят из военной науки, где обозначал «общий план ведения войны» (Ожегов С. И., 1990, 770). В современной зарубежной методике стратегии изучения иностранного языка определяются как «приемы, к которым прибегают обучаемые для облегчения процесса получения, запоминания, хранения и применения информации; то есть это то, что обучаемые делают для того, чтобы учиться, а также то, как они управляют процессом своего учения» (Oxford R. L., 1990, 8).

Проблема обучения стратегиям аудирования была обозначена в американской методике в 80-е годы XX века такими исследователями, как М. О'Мейли, А. Чамот, Л. Куппер, Д. Рубин, Д. Филд и др. (Field J., 1995; O'Malley J. M., Chamot A. U. & Küpper L., 1989; Rubin J., 1994, 1987;

Weinstein C. F. & Mayer R. F., 1986). Под стратегиями аудирования большинство авторов понимают «ментальные процессы, которые активируются с целью достижения понимания новой информации» (O'Malley J. M., Chamot A. U. & Küpper L., 1989, 422). Однако данное определение не может, на наш взгляд, считаться абсолютно корректным, так как оно трактует стратегии аудирования как психические процессы, отождествляя тем самым различные по содержанию понятия.

Мы предлагаем рассматривать стратегии аудирования на двух уровнях и определяем их следующим образом:

— на макроуровне генеральная стратегия аудирования — общий план аудитивной деятельности; это целый комплекс процедур, выполняемых обучаемыми в процессе слушания;

— на микроуровне стратегия аудирования — конкретный способ (процедура) обработки аудитивной информации, используемый обучаемыми на различных стадиях (этапах) аудирования.

Нет никакого сомнения в том, что студентам необходимо овладеть разнообразными аудитивными стратегиями. Возможно, наиболее удачные и широко известные классификации стратегий изучения иностранного языка это классификации, разработанные М. О'Мейли, А. Чамот и Р. Оксфорд (O'Malley J. M. & Chamot A. U., 1995; Oxford R. L., 1990). Основываясь на работах этих исследователей, стратегии аудирования можно классифицировать следующим образом (схема 1).

В данной статье мы остановимся более детально на том, как стратегии аудирования взаимодействуют с такими этапами учебного аудирования, как предтекстовый, текстовый и послетекстовый этапы. Эта взаимосвязь может быть наглядно представлена в виде схемы 2.

Из приведенной схемы 2 следует, что генеральная стратегия аудирования управляет всем процессом слушания посредством микростратегий (метакогнитивных, когнитивных, компенсаторных, социальных/аффективных), которые в свою очередь пронизывают все этапы аудирования.

СХЕМА 1. КЛАССИФИКАЦИЯ СТРАТЕГИЙ АУДИРОВАНИЯ

Генеральная стратегия аудирования

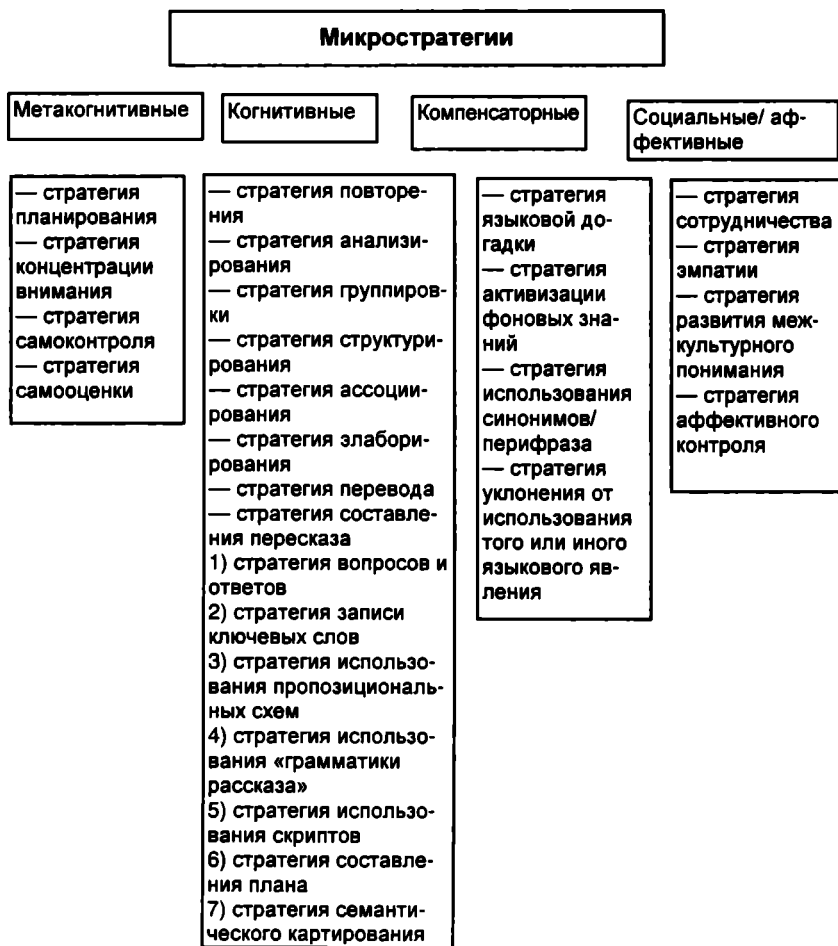

СХЕМА 2. ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРАТЕГИЙ И ЭТАПОВ АУДИРОВАНИЯ

Итак, рассмотрим эти отношения более подробно.

1. Стратегии первой группы — **метакогнитивные стратегии** — координируют весь аудитивный процесс. Так, на предтекстовом этапе, во время подготовки к выполнению аудитивного задания, студенты должны осознавать, как будет происходить процесс слушания, для того, чтобы знать, как спланировать свою собственную аудитивную деятельность (стратегия планирования). Текстовый этап предполагает использование стратегии концентрации внимания в целом, на общем содержании, или, наоборот, на более частной информации, имеющейся в тексте. Важной стратегией текстового этапа является стратегия самоконтроля, которая помогает студентам корректировать свою аудитивную деятельность. В процессе послетекстовой работы студенты должны уметь проверить правильность понимания аудиотекста, исправить ошибки и оценить собственный успех/неуспех в аудировании, и здесь им не обойтись без стратегии самооценки.

2. Вторая группа стратегий аудирования — когнитивные стратегии — имеет особенно большое значение, так как когнитивные стратегии выполняют оперативную функцию и наряду со стратегиями первой группы применяются на всех стадиях аудирования. На предтекстовом этапе они помогают студентам классифицировать лексический и грамматический материал (стратегии группировки, ассоциирования и пр.). В процессе слушания (на текстовом этапе) студенты применяют когнитивные стратегии для хранения в памяти услышанной информации. Данные стратегии также помогают студентам анализировать, трансформировать и синтезировать аудиотивный материал (Oxford R. L., 1990, 58; Rubin J., 1987, 15—30). На послетекстовом этапе среди когнитивных стратегий на первый план выдвигаются стратегии воспроизведения пересказа, так как именно пересказ помогает структурировать новый «инпут» и более или менее полно показывает, что же студенты поняли в процессе аудирования.

3. Стратегии третьей группы — компенсаторные стратегии — дают студентам возможность преодолеть имеющиеся ограничения в знаниях (Oxford R. L., 1990, 90). Так, стратегия догадки и стратегия использования фоновых знаний применимы на предтекстовом и текстовом этапах. Стратегия использования синонимов/парафраза будет востребована на послетекстовом этапе, когда студентам необходимо продемонстрировать уровень понимания прослушанного текста.

4. Четвертая группа — социальные/аффективные стратегии — способствует аффективному контролю над всеми этапами аудиопроцесса, помогая тем самым снизить уровень тревожности студентов. Социальные стратегии дают студентам возможность успешно взаимодействовать с другими людьми, так как в реальной жизни аудирование выступает как социальный акт (Ellis R., 1994, 538). Студентам также важно обладать стратегией эмпатии, так как понимание устной речи собеседника предполагает наличие умения сопереживать другим людям (Oxford R. L., 1990, 170). И наконец, стратегия развития межкультурного понимания способствует расширению знаний об иноязычной культуре, что также является необходимым условием адекватной коммуникации.

Следует заметить, что все упомянутые выше стратегии не появляются у студентов внезапно или спонтанно. Многими из них они владеют неосознанно в родном или первом иностранном языке. Таким образом, имеется возможность переноса этих стратегий во второй иностранный язык — финский в нашем случае. Тем не менее важно подчеркнуть, что такой перенос, а также формирование новых стратегий должны происходить под руководством преподавателя в специально организованных

условиях. Итак, перейдем к рассмотрению основных вопросов, касающихся организации процесса обучения стратегиям аудирования.

Прежде всего, необходимо отметить, что обучение должно быть максимально открытым (Weinstein C. F. & Mayer R. F., 1986, 325). Студентов следует проинформировать о наличии стратегий аудирования и о том, что эти стратегии могут действительно способствовать выполнению аудитивных заданий. Преподаватель должен уяснить для себя, какие именно стратегии или комбинации стратегий он будет формировать у студентов (Ellis R., 1994, 557). Для этого необходимо разработать специальный учебный материал (аудитивные тексты) и продумать упражнения, которые будут выполняться с этим материалом. В случае с каждым конкретным аудитивным текстом преподаватель должен определить набор конкретных стратегий, которые будут востребованы на каждом из трех этапов работы с текстом — предтекстовом, текстовом и послетекстовом.

Таким образом, логика занятия по аудированию заключается в том, что преподаватель знакомит студентов со стратегиями аудирования, объясняет студентам, как их использовать, демонстрирует способы применения различных стратегий и посредством упражнений тренирует студентов в использовании этих стратегий. Так, одним из эффективных упражнений может быть так называемое «думай вслух» — упражнение, когда студенты прерываются в процессе слушания и преподаватель просит их объяснить то, как они слушали, какие мысли у них возникали, то есть, иными словами, просит проанализировать их собственную аудитивную деятельность (O'Malley J. M., Chamot A. U. & K pper L., 1989, 418). Кроме того, большую ценность представляют также аудиторные обсуждения, когда студенты делятся своим аудитивным опытом, дают оценку собственным достижениям.

Все вышесказанное может быть суммировано в виде некой модели обучения стратегиям аудирования, в которой выделяются следующие шаги (схема 3).

СХЕМА 3. МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ СТРАТЕГИЯМ АУДИРОВАНИЯ

1. Мотивация студентов.
2. Выбор стратегий .
3. Подготовка учебных материалов.
4. Ознакомление студентов со стратегиями аудирования.
5. Объяснение, зачем, когда и как использовать стратегии аудирования.
6. Тренировка в применении стратегий аудирования.
7. Контроль и оценка результатов.

Данная модель предполагает также и то, что в процессе овладения стратегиями аудирования у студентов формируется коммуникативная компетентность в данном виде речевой деятельности, так как между стратегиями и различными компонентами коммуникативной компетентности существует прямая связь, что подтверждается многочисленными исследованиями, например исследованиями Р. Оксфорд (Oxford R. L., 1990). Помимо этого такой подход к обучению аудированию развивает у студентов способность к саморегуляции, посредством которой они превращаются в субъектов аудитивной деятельности, а, как утверждают психологи, в частности А. В. Брушлинский, лишь будучи субъектом деятельности, человек может овладеть этой деятельностью в полной мере (Брушлинский А. В., 2002, 9—33).

Список литературы

Брушлинский А. В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 9—33.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990.

Ellis R. The study of second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Field J. Skills and strategies: towards a new methodology for listening // ELT Journal. 1995. Vol. 52/2. P. 110—118.

O'Malley J. M. & Chamot A. U. Learning strategies in second language acquisition. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

O'Malley J. M., Chamot A. U. & Küpper L. Listening comprehension strategies in second language acquisition // Applied linguistics. 1989. Vol. 10/4. P. 418—437.

Oxford R. L. Language learning strategies. What every teacher should know. Boston: Heinle & Heinle Publishers, 1990.

Rubin J. A review of second language listening comprehension research // The modern language journal. 1994. Vol. 78. P. 199—221.

Rubin J. Learner strategies: Theoretical assumptions, research history and typology // In A. Wenden & J. Rubin (eds.) Learner strategies in language learning. London: Prentice Hall International, 1987. P. 15—30.

Weinstein C. F. & Mayer R. F. The teaching of learning strategies // In M. C. Wittrock (ed.) Handbook of research on teaching. New York: Macmillan, 1986. P. 315—327.

Wenden A. Learner strategies for learner autonomy. New York: Prentice Hall, 1991.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЗВРАТНОГО СПРЯЖЕНИЯ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Соответствующая почва для формирования возвратного спряжения сложилась уже в прибалтийско-финском языке-основе, об этом свидетельствуют либо элементы возвратного спряжения, либо само спряжение в нескольких родственных языках: карельском, вепсском, ижорском, восточных диалектах финского языка.

Й. Койвисто в исследовании «Рефлексивное спряжение в диалектах финского языка» (Koivisto J., 1990), учитывая многообразие языковых и диалектных вариантов возвратного спряжения, относит их к довольно позднему явлению, возникшему в праприбалтийско-финский период и позднее получившему свое развитие в каждом из прибалтийско-финских языков (Koivisto J., 1990, 170). Автор выделяет три этапа в формировании парадигмы возвратного спряжения. На первом этапе возвратное спряжение существовало только в формах 3 л. ед. числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения *pistäksen* '(я) уколуюсь', *pistihen* '(я) укололся'. На втором этапе к формам 3 л. ед. числа прибавились формы 2 л. ед. числа повелительного наклонения **pistädek* 'уколись', которые особенно ярко выражены в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка и в вепсском языке. На третьем этапе сформировались формы 1 л. ед. числа с суффиксом -m, *pistä-mö-s* 'я уколуюсь' (Koivisto J., 1990, 167—171).

В качестве базы для формирования возвратного спряжения принято считать суффикс 3 л. ед. числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения **-sen, -hen*.

Обсуждаемый суффикс представлен практически во всех диалектах карельского языка.

Кестеньга: *taivas lientelekse, tulou vihma* 'небо затягивается облаками, будет дождь' (KKS, III, 86);

Ухта: *tuohi kiperteleh* 'берег скручивается' (KKS, II, 202);

Вокнаволок: *korhisteleh* (KKS, II, 324) '(он) прислушивается';

Тунгуда: *missä šuuri kiändeleikši, šiin'ä pieni pisteleikši* 'где большой разворачивается, там малый проскочит' (УПТК, 166);

Ругозеро: *Riihi gaudan'i palau, kägi piällä kiändelekšeh*. — *Kakkarua raissetah riehtilällä*. 'Железная рига горит, кукушка на ней кувьркается. — Пекут блины' (KKN, III, 29);

Мяндусельга: hiiri kumardelieksi kižilla 'мышка кланяется кошке' (KKS, II, 433);

Дёржа: sormi liikahtih (KKS, III, 98) 'палец вывихнулся';

Ливвиковское наречие: pezehes '(он) умывается', istuhes '(он) усаживается';

Святозеро: kabahtahaze '(он) появится неожиданно';

Намоево: tariččohoize '(он) просится'.

Существует трактовка суффикса *-sen*, как возникшего из местоимения 3 л. ед. ч., суффикса с весьма древней функцией объекта (Лаанест А., 1975, 156—158). Л. Пости предполагает, что возвратное спряжение развилось из медиального спряжения прибалтийско-финского праязыка с особым суффиксом 3 л. ед. числа **-sen* и 3 л. мн. числа **-set*, которое сохранилось до сегодняшнего дня в южно-эстонских диалектах. Изменение значения суффикса **-sen* с медиального на возвратное в восточной группе прибалтийско-финских языков, по мнению Л. Пости, могло произойти под влиянием русского языка (Posti L., 1961, 355—357). В ряде прибалтийско-финских языков показатель **-sen* мог приобрести секундарное значение возвратности (Posti L., 1961, 363).

Т. Лехтинен считает, что названные формы 3 л. ед. числа изъявительного наклонения изначально обладали рефлексивным значением. Развитие же парадигмы возвратного спряжения происходило не под влиянием русского, а за счет взаимовлияния родственных языков (Lehtinen T., 1984, 39—41).

С. Сухонен придерживается иной точки зрения, по его мнению, прибалтийско-финский суффикс **-sen* имеет определенное фонетическое сходство с суффиксом русского языка *-сь / -ся*. По его предположению, это подобие и послужило толчком для развития, например, возвратного спряжения в вепсском языке (Suhonen S., 1974, 18—26). А. Кяхрик же считает, что решающую роль сыграло все-таки не фонетическое подобие, а сама структура возвратных глаголов, поскольку, прежде всего, заимствуются основы, которые приспосабливаются к системе словоизменения заимствующего языка, а не словоизменительные показатели (Кяхрик А., 1978, 272). Мнение относительно прямого заимствования русского словообразовательного форманта вызывает сомнение, поскольку семантический способ словообразования в принципе не характерен для прибалтийско-финских языков. В прибалтийско-финских языках новые лексемы образуются, как правило, при помощи словообразовательных суффиксов.

Не отрицая определенного влияния русских глаголов на *-сь / -ся* в качестве образца для употребления грамматически маркированного

комплекса форм возвратных глаголов в карельском языке (о констатации такого влияния см.: Tunkelo E. A., 1924, 352; Posti L., 1980, 124), разумно все же исходить из того, что становление возвратного спряжения в последнем связано с предпосылками, имевшимися в самом карельском языке или в близкородственном ему вепсском языке. В нем привлекает внимание сходность суффикса 3 л. ед. числа имперфекта изъявительного наклонения *-se* с суффиксом *-s* в форманте презенса пассива основного спряжения. На структурную близость некоторых форм возвратных глаголов и формы презенса пассива указывает и тот факт, что показателей имперфекта пассива в вепсском языке существует два. Они служат для выражения как единственного, так и множественного числа, причем первоначально, возможно, имелись все форманты для лиц. К сходным выводам о связи соответствующей формы финского языка с встречающимся в финских диалектах возвратным суффиксом грамматического лица пришел Л. Хакулинен (Haakulinen L., 1979, 240). Н. Г. Зайцева предполагает, что если в карельском и вепсском языках «произошла замена активных форм 3-го л. мн. числа презенса и имперфекта индикатива на пассивные по происхождению формы, то пассивные формы как бы оказались “занятыми” выполнением иной функциональной нагрузки. В связи с этим можно предположить, что возвратные формы и пришли отчасти на смену пассивных форм, как бы компенсируя передачу оттенка, в том числе и пассивного значения» (Зайцева Н. Г., 2002, 171). Данное явление могло послужить толчком и для формирования возвратного спряжения в карельском языке. Хотя необходимо заметить, что в карельском языке пассивные конструкции типа: *kuččuheze* ‘называется’, *guadaheze* ‘делается’, *lugeheze* ‘считается’ и т. п. не являются характерными для него и, вероятно, они заимствованы из русского языка.

В карельском языке определенное влияние на формирование возвратного показателя *-h* могли оказать возвратные формы 3 л. ед. числа, отмеченные в громовском и запорожском диалектах Карельского перешейка, например: *voahti huuhto^huu pois* ‘пена выполаскивается’ (IKMS, 1984, 36), *likahu^h* ‘начкается’ (IKMS, 1984, 78), *röllu^hu kokohuu* ‘пыль собирается’ (IKMS, 1984, 58). В данных глаголах возвратное значение передается с помощью возвратного суффикса *-hu*. Отмеченный нами возвратный показатель *-h* восходит к данному возвратному суффиксу *-hu* и, возможно, истоки возвратного спряжения нужно искать именно в названных формах.

Также в карельском языке особое внимание привлекают конструкции: невозвратный глагол плюс возвратное местоимение с посессивным

суффиксом, например: *akkiloija + iččie* ‘остерегать себя’ (*häi akkiloiččou iččiedäh* ‘он остерегает себя’ > *häi akkiloičeh(-es)* ‘он остерегается’). В данном случае как раз и произошло сращение глагола и возвратного местоимения: *pestä + iččiedäh* ‘мыть себя’ > *pestäkseh* ‘умываться’.

Следующим этапом формирования парадигмы возвратного спряжения являются форма императива 2 л. ед. числа и отрицательная форма презенса изъявительного наклонения, оформленные с помощью словообразовательного суффикса *-i, je*, например: *kaččojje* или *kaččoi* ‘осмотрись’, *en keändäjje* или *keändäi* ‘я не повернусь’. По мнению Э. А. Тункело, суффикс *-te- ~ -de-* является довольно древним показателем, который восходит к периоду прибалтийско-финского языка-основы и имеет соответствие в саамском языке.

По мнению Л. Пости, формант *-te-* является словообразовательным суффиксом с возвратно-транслативным значением. Под влиянием аналогии с производным на *-te* он функционировал уже в отрицательной форме 3 л. ед. числа повелительного наклонения. Позже суффикс распространился и на отрицательные конструкции презенса индикатива возвратного спряжения, возникнув, таким образом, сначала в сфере отрицательной парадигмы. А. Кяхрик не отрицает возможности образования формы возвратного спряжения по примеру возвратного производного, изменяющегося по основному спряжению, тем более что в основном спряжении деривационный суффикс *-te* встречается только в основе презенса, в той основе, которая является компонентом отрицательной формы презенса индикатива, а также формой 2 л. ед. числа императива и не встречается в основе инфинитива. По ее мнению, в возвратном спряжении суффикс *-te* не может быть деривационным, т. к. он употребляется только в двух названных формах. Но поскольку *-te* не передает ни одного грамматического значения, не является он и типичным словоизменительным суффиксом (Кяхрик А., 1978, 268). Таким образом, А. Кяхрик утверждает, что данный суффикс по своей позиции не является ни словоизменительным, ни словообразовательным. Н. Г. Зайцева включает *-te- ~ -de-* в основу слова, признавая за ним статус показателя рефлексивной основы глагола отрицательного спряжения и императива, и приравнивает его в некоторой степени к словообразовательному суффиксу (Зайцева Н. Г., 2002, 190). Показатель *-i*, на наш взгляд, восходит к рефлексивному суффиксу *-i*, отмеченному опять-таки в громовском и запорожском диалектах Карельского перешейка, например: *en mie tokatai sitä* ‘я не догадываюсь об этом’ (IKMS, 1984, 153);

mie vierree viruttai 'иди приляг' (IKMS, 1984, 170), älä tunkei 'не тихайся' (IKMS, 1984, 155).

Третьим этапом формирования парадигмы возвратного спряжения являются формы 1 и 2 л. ед. и мн. числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения. Объяснение происхождения элемента **-m** в лично-числовом окончании считается наиболее сложным моментом в истории становления рефлексивных окончаний. По поводу геминаты **-mm** существует предположение, что она произошла из ***-km-**, где **-k-** — древний показатель презенса (Rytkönen A., 1938, 3). Л. Пости полагает, что **-m** в окончании 1-го л. ед. числа восходит по своему происхождению к тому же самому **-m**, которое выступает в окончании 1 л. мн. числа основного спряжения, например: ливв.: müö pezemmö, kačommo '(мы) моем, смотрим' южно-люд.: müö astumme, unohtamme '(мы) шагаем, забываем' (Posti L., 1980, 130). Второй составной частью лично-числового окончания является элемент **-o, -ö**. По мнению Л. Пости, вместо него исторически могли быть гласные **a, ä**, которые, по всей видимости, заимствованы по аналогии из суффикса ***ksen, *kset**, следы которого прослеживаются в личном окончании 3 л. ед. и мн. числа возвратного спряжения в форме **-se (-kse, -ze)**: pezese '(он) умывается' (Posti L., 1980, 132).

В качестве третьего элемента лично-числового окончания 1 л. ед. числа выступает **-s, (-š), (-z)** или **-h**, причем в большинстве диалектов ливвиковского наречия и в южно-людиковском диалекте выступает согласный **-s**, в некоторых глаголах налицо озвончение согласного **-s** и переход его в **-z**, например: рокогоісөmoz '(я) умоляю'. По мнению некоторых исследователей, компоненты **-s (-z)** и **-h** формата 1 и 2 л. ед. числа считаются элементами, подчеркивающими возвратность. Таким образом, возвратность передается с помощью двойного суффикса, один из которых суффикс рефлексивного лица, а второй какой-нибудь иной (но не суффикс грамматического лица основного спряжения), например: peze-mmö-h '(я) умываюсь', poja-mmo-s '(я) опираюсь', Паданы: kumardelia-mma-ze '(мы) кланялись', Реболы: pezi-tte-h '(ты) умываешься' (Laanest A., 1982, 232; Genetz A., 1885, 179—182). Л. Пости считает, что элемент **-s** в лично-числовых окончаниях ед. числа **-(m)mos/-(m)mös** восходит к окончанию 3 л. ***-sen**, более древняя форма которого ***ksen**, где ***-k-** — древний показатель презенса (Posti L., 1980, 132).

В формальном отношении возвратное спряжение карельского языка представляет собой довольно пеструю картину. Эта пестрота вариантов возвратных форм выявляется не только в одном наречии, а даже в одном диалекте. Кроме того, зафиксированные исследователями формы

оказываются зачастую плеонастическими, т. е. в них содержится более одного возвратного показателя. Формальные особенности каждого наречия и диалекта свидетельствуют о позднем развитии парадигмы возвратного спряжения карельского языка. Единными для диалектов карельского языка являются лишь формы 3 л. ед. числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения, например: *peze-h ~ peze-hes* '(он) умывается', *pezi-h ~ pezi-hes* '(он) умылся', а также отрицательные формы презенса изъявительного наклонения и формы 2 л. повелительного наклонения: *en peze-i ~ pesse-i* '(я) не умываюсь', *peze-i* '(ты) умойся'. Подтверждением тому, что парадигма возвратного спряжения имеет довольно позднее происхождение, является и тот факт, что в некоторых диалектах средней Карелии функционируют лишь отдельные формы изъявительного наклонения возвратного спряжения, например: *Паданы: kumardi-h* '(он) поклонился'. В северно-карельских диалектах сохранились лишь следы окончаний 3 л. ед. числа презенса и имперфекта изъявительного наклонения возвратного спряжения, например: *runaltih kala ripani* 'повернулась рыба красная' (KKS, IV, 503). Практически полная парадигма возвратного спряжения представлена лишь в ливвиковском наречии, в южно-людиковском диалекте людиковского наречия карельского языка. Примечательно, что возвратное спряжение сохранилось до сегодняшнего дня в диалекте саво финского языка (см.: Koivisto J., 1990).

Безусловно, такое интенсивное развитие возвратного спряжения именно в восточной группе прибалтийско-финских языков не оставляет сомнений о непосредственном влиянии русского языка. Возможно, благодаря русскому языку и по его подобию сохранялось и развилось возвратное спряжение в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, а также в вепсском языке. Однако в остальных названных наречиях пошли самостоятельным путем, создав свои лично-числовые окончания возвратного спряжения. В русском языке один и тот же возвратный суффикс присутствует во всех лицах. В карельском же языке парадигма возвратного спряжения аналогична парадигме основного спряжения: у каждого лица свое лично-числовое окончание.

Список литературы

Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Петрозаводск, 2002.

Кяхрик А. О формировании парадигмы возвратных глаголов в вепсском языке // Советское финно-угроведение. Таллин, 1978. № 4. С. 267—275.

Laanest A. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

УПТК = Устная поэзия тунгудских карел / Сост. А. С. Степанова. Петрозаводск, 2000.

Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä Kielennäytteitä, sanakirja ja kielioppi. Helsinki, 1885.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979.

IKMS = Itäkannaksen murresanakirja / Toim. V. Ruoppila // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 392. Helsinki, 1984.

KKN, III = Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1936.

KKS, II = Karjalan kielen sanakirja. II osa // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1974. XVI, 2.

KKS, III = Karjalan kielen sanakirja. III osa // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1983. XVI, 3.

KKS, IV = Karjalan kielen sanakirja. IV osa // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1993. XVI, 4.

Koivisto J. Suomen murteiden refleksiivitaivutus. Helsinki, 1990.

Laanest A. Einführung in die ostseefinnischen Sprachen. Hamburg, 1982.

Lehtinen T. Itämerensuomen passiivin alkuperästä // Suomi. 1984. № 129.

Posti L. Itämerensuomalaisen verbitaivutuksen kysymyksiä // Virittäjä. 1961. № 65. S. 351—366.

Posti L. The origin and development of the reflexive conjugation in the Finnic languages // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum I. Turku, 1980. S. 111—144.

Rytkönen A. Kirjasuomen ja hiukan murteidemmekin refleksiivisestä taivutuksesta // Suomi. 1938. № 102. S. 1—32.

Suhonen S. Lähisukkielten muoto-oppia ja lainasuhteita // Castrenianumin toimitteita. 1974. № 9.

Tunkelo E. A. Eräistä suomen, karjala-aunuksen ja vepsän refleksiivitunnuksista // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 1924. № 52. S. 352—386.

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ
ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО
И ФИНСКОГО ЯЗЫКОВ
В АСПЕКТЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Овладение любым иностранным языком, и финский язык не является исключением, предполагает формирование у обучаемых новой **внутренней языковой системы**, функционирующей на различных уровнях и реализующейся в разных видах речевой деятельности.

При всей многообъектности процесса обучения иностранному языку на начальном этапе первостепенное значение приобретает постановка **корректного произношения**, так как звуковая материя является первоэлементом речи и в основе всех иноязычных умений, таких как говорение, аудирование, чтение и письмо, лежат фонетические навыки.

Под **фонетическим навыком** принято понимать «автоматизированное действие с фонетическим материалом в процессе речевой деятельности» (Щукин А. Н., 2003, 129). Фонетический навык включает в себя:

- слухо-произносительные навыки;
- ритмико-интонационные навыки (Соловова Е. Н., 2002, 65).

Главной целью формирования фонетического навыка «следует считать **постановку произношения, максимально близкого к произношению носителей языка**» (Щукин А. Н., 2003, 129). Это, в свою очередь, предполагает:

- перестройку привычной артикуляции;
- формирование произносительного слуха;
- овладение техникой произнесения звуков в иноязычных словах, словосочетаниях и предложениях;
- адекватное воспроизведение интонационного рисунка в иноязычных высказываниях (Настольная книга..., 1992, 7).

Роль и значение фонетических навыков нельзя недооценивать. Важно констатировать, что без фонетически правильного оформления речи фактически невозможно **коммуникативно-достаточное общение на иностранном языке**. В этой связи существенным представляется разработка **эффективной методики обучения фонетике иностранного**

языка, а именно определение основных подходов, методов, принципов и форм работы над произношением.

Студенты первого курса факультета иностранных языков педагогического вуза, начинающие изучение финского языка как иностранного, оказываются в ситуации искусственного би- или трилингвизма субординативного типа, так как родным языком всех обучаемых является русский, а первым иностранным — английский язык.

Нет никакого сомнения в том, что языки постоянно взаимодействуют друг с другом. Такая межъязыковая интеракция проявляется, в первую очередь, в транспозиции навыков и умений из лингвистического опыта, приобретенного в ходе изучения родного (русского) и первого иностранного языка (английского), в коммуникативную компетенцию финского языка (см.: Барышников Н. В., 2003).

Исходя из этого, ведущим принципом обучения фонетической стороне речи на финском языке (наряду со многими другими методическими принципами) должен быть принцип учета субординативного искусственного билингвизма и трилингвизма. Методически целесообразный учет природы этого явления позволяет сделать процесс обучения финскому языку: 1) экономичным с точки зрения технологичности; 2) рациональным по сути преодоления трудностей как языкового, так и психологического характера (см.: Барышников Н. В., 2003).

Студенты овладевают финским языком профессионально, как своей специальностью, поэтому имитативно-интуитивные приемы формирования фонетического навыка, практикуемые в общеобразовательной школе, оказываются в условиях вуза нерелевантными. Отличительной чертой методики постановки произношения в высшей школе должно быть осмысленное и осознанное овладение произносительными навыками в рамках контрастивно-сопоставительного подхода, что предполагает использование данных сопоставительного анализа и сравнительной типологии взаимодействующих языков. Учет влияния систем исходного языка (или языков) дает возможность установить такие способы обучения, которые способствуют положительному переносу, предупреждению и преодолению фонетической интерференции (Вагнер В. Н., 2001, 14).

Обучение студентов педагогического вуза фонетике финского языка должно носить комплексный характер и включать в себя следующее:

- сообщение теоретических знаний по фонетике финского языка;
- практическую работу над произношением;
- обучение методике и технологии формирования фонетических навыков у учащихся общеобразовательной школы.

Теоретический аспект обучения предполагает наличие разработанного курса теоретической фонетики финского языка, в рамках которого рассматриваются и характеризуются в сопоставительном плане с соответствующими методическими выводами и рекомендациями:

- артикуляционная база финского языка;
- система гласных и согласных финского языка;
- слоговое деление в финском языке;
- акцентирование, т. е. ударение;
- специфика интонации финского языка;
- видоизменение (модификация) звуков в потоке речи;
- правила графики, транскрипции и транслитерации (см.: Лапидус Б. А., 1980, 4).

Формирование произносительных навыков — первая, но очень существенная ступень в развитии лингвистической личности обучающегося. В этой связи принципиально важным представляется выработка у студентов психологической установки на серьезную работу по овладению финским языком как под руководством преподавателя, так и самостоятельно (см.: Барышников Н. В., 2003).

Практическая работа над произношением заключается в отработке всех стадий формирования фонетического навыка:

- восприятия;
- имитации;
- осознанного воспроизведения;
- дифференциации;
- звукового (интонационного) комбинирования.

По мнению большинства методистов, фонетические навыки «больше других подвергаются деавтоматизации... происходит соскальзывание в произношении на нормы родного языка» (Барышников Н. В., 2003, 97). Поэтому вопросам формирования фонетических навыков необходимо уделять систематическое внимание, их совершенствование должно осуществляться посредством **регулярных фонетических упражнений** с применением разнообразных форм работы (хоровой, индивидуальной, парной).

Методический компонент обучения фонетике финского языка вооружает студентов необходимыми методическими приемами формирования произносительных навыков. Будущий учитель финского языка должен получить в вузе такие теоретические и практические знания по методике преподавания финского языка, которые затем позволят ему строить процесс обучения школьников самостоятельно и квалифицированно, научат его давать объяснения, предвидеть ошибки и трудности

в речи учащихся, а также определять области положительного и отрицательного переноса фонетических явлений.

Потребности обучения финскому языку как иностранному на современном этапе развития системы образования требуют проведения научно обоснованного исследования и описания **основных типологических особенностей фонологического строя иностранного (финского) и родного (русского) языков** в сопоставительном аспекте. Выявление типологически релевантных структурных отличий финского языка от русского имеет важное значение, поскольку в процессе обучения учащиеся воспринимают иноязычные языковые явления через призму родного языка.

На сегодняшний день сообщение теоретических знаний по фонетике финского языка в сопоставлении с данными русистики сопряжено с двумя основными трудностями, влияющими на организацию учебного процесса:

— отсутствием описания фонетического строя финского языка в виде современного учебного пособия на русском языке;

— отсутствием данных комплексных сравнительных исследований типологического характера финского и русского языков в плане их фонологической организации.

Отсутствие теоретического описания фонетического строя финского языка в виде готового учебника на русском языке ставит преподавателя перед необходимостью самостоятельно выстраивать **терминологическую базу** соответствующего учебного курса. Отсутствие данных комплексных сравнительных исследований типологического характера финского и русского языков в плане их фонологической организации вынуждает преподавателя во многих случаях вместо констатации научного факта довольствоваться постановкой проблемы со ссылками на противоречивость подходов к ее решению по данным теоретической фонетики отдельно взятых языков.

Проблемы сравнительной типологии фонологических систем финского и русского языков, возникающие в процессе обучения фонетике финского языка, можно обозначить и охарактеризовать в соответствии со следующими критериями определения типологических особенностей языка на рассматриваемом языковом уровне:

— для **сегментных единиц**: количество и качество инвентаря фонем, количество и качество оппозиций и корреляций, дистрибуции фонем, функции фонем в слове;

— для **суперсегментных средств**: природа ударения, место ударения в слове, качество ударения; характер движения тона в интонационной шкале, характер завершения интонационной синтагмы (Аракин В. Д., 1979, 75).

Выявлению проблемных аспектов сравнительной типологии фонологических систем русского и финского языков способствует, в первую очередь, сам процесс обучения фонетике финского языка, требующий от преподавателя грамотных подходов к минимизации **интерферирующего влияния родного языка на иностранный**. В связи с этим возникает необходимость в конкретных рекомендациях по профилактике ошибок русскоязычных в речи на финском языке, выработанных на базе данных теоретических и экспериментальных исследований.

В настоящее время преподавателями кафедры финского языка факультета иностранных языков КГПУ предпринимается попытка создания соответствующего **учебно-методического пособия по основам фонетики современного финского языка с рекомендациями по профилактике ошибок для студентов I курса, изучающих финский как иностранный с нулевого уровня**. Наибольшее количество проблем в ходе работы над пособием возникло у авторов в связи с недостаточностью или отсутствием данных экспериментальных исследований по рассматриваемым вопросам сравнительной типологии фонологических систем русского и финского языков.

Так, в связи с выявлением типологических показателей подсистемы гласных фонем в финском и русском языках были обозначены следующие проблемы:

— расхождения в определении общего количества гласных финского языка в связи с установлением статуса долгих гласных;

— неоднозначность характеристики гласного [a] по ряду в русском языке (гласный среднего или заднего ряда), затрудняющая проведение сопоставительного анализа с русским гласным [a];

— противоречивость данных спектрального анализа и рентгенографических исследований в плане сопоставления степени отодвинутости назад спинки языка по отношению к твердому нёбу при произнесении финских гласных заднего ряда [a], [o], [u] и соответствующих русских гласных [a], [o], [y];

— отсутствие экспериментальных данных по сопоставлению широты русских и финских гласных, подтверждающих зависимость степени подъема спинки языка по отношению к твердому нёбу от пре-/постпозиции гласного к согласному, а также качества соответствующего согласного (мягкий — твердый и т. д.) (см.: Ojanen M., 1994);

— отсутствие экспериментальных данных по сопоставлению степени выдвинутости и напряженности губ при произнесении огубленных гласных в русском ([o], [y]) и финском языках ([o], [u], [ö], [y]);

— отсутствие экспериментальных данных по установлению и сопоставлению степени участия губ в артикуляции финских звуков [i], [e] и русских гласных [и], [э];

— отсутствие данных эксперимента, позволяющего сопоставить характеристики финских переднеязычных гласных [ä], [ö], [y] с характеристиками русских гласных [a], [o], [y] в позиции после мягкого согласного (эти данные необходимы, в частности, для профилактики использования в школьном учебном процессе параллелей между финскими словами с переднеязычными гласными и русскими словами с мягкими согласными, ср.: *mätä* — мять, *mitä* — Митя).

Сопоставление типологических показателей подсистемы согласных фонем в финском и русском языках оказалось связанным с решением следующих проблем:

— расхождения в определении общего числа согласных финского языка в связи с установлением статуса заимствованных звуков, а также долгих согласных;

— неоднозначность характеристики русского звука [т] по месту образования (дорсальный или апиально-дорсальный), затрудняющая проведение сопоставительного анализа с финским звуком [t];

— отсутствие экспериментальных данных по сопоставлению степени напряженности артикуляции смычных согласных в русском и финском языках (ср. артикуляцию финского краткого звука [t], русского звука [т] и финского долгого звука [tt] по возрастанию степени напряжения: [t] — [т] — [tt]);

— недостаточность экспериментальных данных по определению степени влияния оппозиции по звонкости-глухости в русском языке и ее отсутствия в финском на напряженность артикуляции русских согласных [д], [т], [б], [п], [в], [ф], [г], [к] и соответствующих звуков финского языка [d], [t], [b], [p], [v], [f], [g], [k];

— неоднозначность характеристики русского звука [с] по месту образования (дорсальный или апиально-дорсальный), затрудняющая проведение сопоставительного анализа;

— недостаточность экспериментальных данных по установлению влияния на качество финского согласного [s] его индифферентности по отношению к заимствованному звуку [š] и сопоставлению характеристик финских согласных [s], [š] с русскими звуками [с], [ш];

— недостаточность экспериментальных данных по сопоставлению характеристик финского звука [j] с характеристиками гласного и согласного аллофонов фонемы [й] в русском языке;

— недостаточность экспериментальных данных по сопоставлению финского звука [ŋ] с носовым заднеязычным русским [нг] (см.: Ојапел М., 1994);

— недостаточность экспериментальных данных по установлению степени веляризации/палатализации финского звука [j] в речи русскоязычных, возникающей вследствие наличия в русском языке оппозиции по твердости-мягкости ([л] — [л’]);

— отсутствие экспериментальных данных по установлению степени влияния имеющейся в русском языке тенденции к сокращению долгих согласных в заимствованных словах на артикуляцию долгих согласных в финском языке.

В связи с рассмотрением в сопоставительном аспекте типологических показателей подсистемы суперсегментных средств финского и русского языков возникли следующие проблемы:

— отсутствие данных экспериментального исследования, подтверждающего взаимосвязь тенденции к «центральному ударению» в русском языке и тенденции к переносу русскоязычными главного ударения с первого слога финского слова на не первый слог;

— экспериментальная недоказанность переноса в речи русскоязычных основного ударения с первого слога финского слова на непервый слог с долгим гласным или более открытым гласным вследствие несоответствия устойчивых просодических признаков словесного ударения в русском и финском языках (длительность, высота тона);

— недостаточная изученность отдельных типов интонации в русском и финском языках, вследствие чего затруднено определение четких критериев проведения соответствующего сопоставительного анализа.

Круг вопросов, связанных с изучением сегментных единиц и суперсегментных средств русского и финского языков в сопоставительном аспекте, не исчерпывается приведенным выше списком. Перечисленные проблемы лежат на поверхности, с ними сталкивается любой преподаватель, использующий контрастивно-сопоставительный подход к обучению русскоязычных практической фонетике финского языка. Возможно, создание курса теоретической фонетики финского языка для русскоязычных, а также учебного курса сравнительной типологии финского и русского языков поставит перед разработчиками еще целый ряд задач, для комплексного решения которых потребуются проведение специальных экспериментальных исследований с применением артикуляторных методов (соматического, рентгенографического, методов палатограмм, лингвограмм), метода спектрального анализа звуков речи и др.

Список литературы

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.

Барышников Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. М., 2003.

Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межязыкового сопоставительного анализа: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по спец. «Филология». М., 2001.

Латидус Б. А. Обучение второму иностранному языку как специальности: Учеб. пособие. М., 1980.

Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справочное пособие / Е. А. Маслыко, П. К. Бабинская, А. Ф. Будько и др. Минск, 1992.

Современный русский язык / Под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб., 1999.

Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: Пособие для студентов педвузов и учителей. М., 2002.

Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. М., 2003.

Ojanen M. Venäjän kielioppi. Juva, 1994.

© Н. М. Гилова

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУФФИКСЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА*

Вопросительные местоимения карельского языка содержат три общезинно-угорских вопросительных корней **ke*, **ku*, **mi* и по своему составу исторически подразделяются на простые и осложненные суффиксами местоименные слова (Ojansuu H., 1922).

К простым местоимениям, имеющим в своем составе лишь основу, относятся *ku* 'какой, который' и *mi* 'что, какой'. Все другие местоимения осложнены суффиксами различного характера.

Для финно-угорских языков является характерным наличие в местоименных словах суффиксов, многие из которых восходят к языку-основе. Т. Лехтисало перечисляет 8 общих финно-угорских местоимен-

* Статья подготовлена к публикации на средства Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 04—04—00276а.

ных суффиксов (Lehtisalo T., 1936, 388—389), в прибалтийско-финских языках Х. Оянсуу обнаруживает 20 суффиксов (Ojansuu H., 1922).

По происхождению местоименные суффиксы представляют собою либо основы указательных местоимений (*n*-овый местоименный суффикс), либо словообразовательные суффиксы, утратившие свое основное значение (суффикс *-ta*, имевший ранее указательное значение).

Суффикс **-n*

Уже в финно-угорском языке-основе была заложена тенденция выделять людей из мира предметов путем употребления особых местоимений. Эта тенденция должна была получить свое грамматическое оформление в применении особого форманта — местоименного суффикса *-n* (Майтинская К. Е., 1962, 79).

Местоименный суффикс *-n* (**na* (**nä*)), особенно распространенный в области личных местоимений (*minä* 'я', *sinä* 'ты', *hän* 'он'), в сфере вопросительных местоимений присоединяется только к местоимениям, указывающим на людей (иногда животных), подчеркивая тем самым их основное значение — одушевленность: *ken* 'кто'.

По мнению К. Е. Майтинской, многие суффиксальные компоненты, в том числе и рассматриваемый нами суффикс *-n*, своим происхождением обязаны также местоимениям. По ее убеждению, данный суффикс восходит к указательному местоименному корню **n* (Майтинская К. Е., 1969, 208).

Й. Буденц считал, что основной функцией суффикса *-n* явилась «индивидуализация» (Budenz J., 1881, 194). К. Е. Майтинская подчеркивает, что суффикс *-n* является типичным местоименным суффиксом и в других категориях слов почти не встречается. Отдельные случаи использования его вне местоименной сферы также объясняются его местоименным происхождением, например в финских усилительных частицах *-han*, *-hän* 'же, ведь', и не подлежит сомнению, что функцию этого суффикса следует искать в сфере значений, свойственных местоимениям: например, он мог характеризовать лицо (Майтинская К. Е., 1962, 66—67).

В приводимой ниже таблице предлагается сравнение основных значений местоимений, осложненных суффиксом *-n* (указание на человека) и не осложненных данным суффиксом (указание на предмет). Некоторые местоимения имеют суффиксы иного характера.

**Вопросительные местоимения,
соответствующие в основном русскому 'кто?'**

фин.	кар.	вепс.	вод.	эст.
кеп	кеп	кеп	tšep	кеps

**Вопросительные местоимения,
соответствующие в основном русскому 'что?'**

mi <i>k</i> ä	mi	mi	mi <i>k</i> ä	mi <i>s</i>
---------------	----	----	---------------	-------------

(Майтинская К. Е., 1962, 76—77)

Суффикс *-ta---*ä*a- (-to---*ä*o-)

Х. Оянсуу выделяет суффикс *-ta---*ä*a- (-to---*ä*o-) в местоимениях *kudata*, *kudaman'e* (с.-кар.), *kudai*, *kudain*, *kudan* (*kudama-*) (ливв., люд.) 'который' и придерживается мнения, что все эти местоимения восходят к форме **ku* — *ta* — *ma*. Оба последних суффикса наличествуют в местоимениях со значением 'который' некоторых родственных языков: вепс. *kudam*; морд. *kodamo*. Начальная часть **kuta* присутствует в саамском местоимении *gutte*.

По мнению Х. Оянсуу, суффикс *-ta- имеет указательное значение (Ojansuu H., 1922, 11).

Уральский местоименный суффикс **t* принимал интенсивное участие в образовании вопросительных местоимений во всех ветвях финно-угорских языков. Примечательно, что в языках финно-пермской ветви он присоединился только к вопросительной местоименной основе **k* + заднеязычный гласный, например: вепс. *kudam*, кар. *kudama-*. В составе многих местоимений с вышеуказанным суффиксом выявляется именной усилительный суффикс -*mo---ma*, входящий также в сложный признак сравнительной степени и придающий местоимениям адъективное значение (Майтинская К. Е., 1979, 215).

Согласно собранному материалу, суффикс -*ta---ä*a- выявляется в следующих вопросительных местоимениях: *kudai* (ливв., люд.); суффиксы -*ta---ä*a + *ma*: *kudama-* (ливв.); *kudam*, *kudama* (люд.) 'который'.

Суффикс *-mb---*m*p-

В местоимениях *kumri*, *kumrani*, *kumban'e* (с.-кар.) 'который' выявляется суффикс *-mb---*m*p-, идентичный форманту сравнительной степени (*suuri* 'большой' — *suurempi* 'больше'). Суффикс *-mb---*m*p- имеет в своем составе два суффикса: *-*ma*-, выступающий также в местоимениях *tätä* 'этот', *sata* 'тот же самый', *muutama* 'несколько, некоторый' (фин.), и **p-b*, восходящий к *-*pa---*ä*a-*, выражающему обладание. Следовательно, первоначально суффикс *-mb---*m*p- не выражал сравнения, и поэтому нет

ничего удивительного в том, что он широко используется при наречиях и местоимениях (Майтинская К. Е., 1964, 11).

Усилительная суффиксальная частица *-ne* в составе тверского местоимения *kumban'e* 'который', вероятно, идентична суффиксу отыменных имен, распространенному в финно-угорских языках (Майтинская К. Е., 1979, 217).

Суффикс **-tt(a)- (-tt(o)-)*

Х. Оянсуу выделяет суффикс **-tt(a)- (-tt(o)-)* в местоимениях *mi(i)tüš* (*mittüö-*) (с.-кар.), *mittuine*, *mitus*, *mitut* (ливв.) 'какой'. Суффикс **-tt(a)- (-tt(o)-)* выступает и в вопросительных местоимениях вепсского языка — *m'it't'e*, *mitte* 'какой', восходящих к **mittinen* (Ojansuu H., 1922, 16—17). Возможно, развитие форм шло следующим образом:

ном. **mittydinen* > **mittinen* > **mit't'ine* > **mit'n'e* > *mit't'e*;

ген. **mittydisen* > **mittisen* > **mit't'izen* > *mit'sen*.

Вероятно, подобным образом возникли местоимения людиковского наречия *midne* и *mit't'e* 'какой'.

Местоимение ливвиковского наречия *mi(i)ttuine* могло иметь такую цепочку развития:

ном. **mi(i)ttudinen* > **mi(i)ttuinen* > *mi(i)ttuine*;

ген. **mi(i)ttudisen* > **mi(i)ttuisen* > *mi(i)ttu(i)zen*.

Согласно исследованному материалу, суффикс *-tt(a)- (-tt(o)-)* выявляется в вопросительных местоимениях: *müttüne*, *mit't'ün'e*, *mit't'ün'än'e*, *müttüö-* (с.-кар.); *mittuine*, *mittuze-*, *mittuma-*, *mittuo-* (ливв.); *mi(i)ttuine*, *mi(i)ttuma(ö)-*, *mit't'yze-*, *mit't'e* (люд.) 'какой'.

Суффикс *-(i)ne, -ni*

Адъективные суффиксы *-(i)ne, -ni*, которые выявляются в местоимениях *mimmoni*, *müttüne*, *mittüne*, *mittün'än'e*, *müttün'än'e* 'какой', *kumban'e* (*kumman'e*) 'который' (с.-кар.); *mittuine* (ливв.); *mit't'e*, *midne*, *mi(i)ttuine* 'какой' (люд.), восходят к суффиксу *-inen*, сохранившемуся в неизменяемом виде в финском языке (*punainen* 'красный').

Следует заметить, что суффикс *-ne* всегда присоединяется к основе, уже содержащей суффикс: *mi-ttu-ine*, *mi-tty-ne* 'какой'; *ku-mba-ne* 'который' (Ojansuu H., 1922, 43, 51—52).

Суффикс **-us (-üs)*

Х. Оянсуу находит суффикс *-us(-üs)* лишь в местоимениях карельского языка *mitüs*, *mitus*, *miitüs* 'какой' и предполагает, что первоначально в этих местоимениях имел место деминутивный суффикс **-ut(-üt)* (Ojansuu H., 1922, 53). Эту мысль подтверждает наличие в диалектах ливвиковского наречия номинативных форм *miitut*, *miitüt* 'какой'.

Список литературы

Майтинская К. Е. Функция местоименного суффикса -и в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962.

Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Budenz J. Magyar-ugor összehasonlító szótár. 1. Budapest, 1873—1881.

Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936.

Ojansuu H. Itämerensuomalaisen kielten pronominioppi. Turku, 1922.

© Г. Б. Гурин

О СОДЕРЖАНИИ КУРСА «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Лингвистика долгое время, почти весь XIX век, была почти исключительно исторической наукой, и, возможно, именно этим объясняется повышенный интерес современных лингвистов к истории собственной науки, к так называемой истории лингвистических учений. Связано это с зародившимся в романтическую эпоху эстетизированным отношением к языку и языкам: языки, с этой точки зрения, суть продукты деятельности человеческого духа и относиться к ним нужно так же, как к произведениям искусства. По принципу смежности такое отношение переносится на сами лингвистические описания. Происходит культурная сакрализация, по крайней мере, некоторых лингвистических построений (к примеру, учения В. фон Гумбольдта). Любопытно, что авторами многих действительно популярных научных теорий были филологи-романтики Я. Гримм, Ф. и А. В. Шлегели.

Это вполне закономерно приводило к частичной дискредитации идеи прогресса применительно к науке о языке. Подобно тому как нельзя говорить об увеличении эстетической значимости литературного текста в ходе литературной эволюции (Гомер, Шекспир и Толстой в этом смысле равновеликие писатели), новые лингвистические теории, возникающие в результате преодоления предшествующих, не всегда оцениваются научным сообществом позитивно. «Старое» знание, оваянное

авторитетом теоретика-пионера, оказывается для институализованной науки более «надежным», чем штудии новичков, тем более если они отказываются присягать на верность авторитетам, входить в число учеников и проч. Языковед-автора классической теории принято лишь дополнять, развивать и комментировать: так, Б. Л. Уорф более радикально переформулирует Э. Сепира, а тот, в свою очередь, подхватывает идеи В. фон Гумбольдта и его учеников.

Так было в XIX веке (достаточно вспомнить поучительный опыт младограмматиков, Ф. де Соссюра и многих других), такое положение отчасти сохраняется и сейчас. Признаков этого много.

1) Широкая ориентация на прошлое в вузовских курсах: обучение предполагает знакомство с текстами «классиков языкознания» (симптоматичное, кстати, выражение, нельзя, например, про И. Ньютона или Н. Бора сказать «классик физики»), часто в ущерб современным работам.

2) Практика подыскивания гениальных предшественников: например, Н. Хомский, претендующий в современном лингвистическом мире на роль лингвистического Эйнштейна, старательно выстраивает цепочку «пророков». Здесь оказываются и Р. Декарт, и А. Арно с К. Лансло.

3) Проведение разнообразных юбилейных конференций, симпозиумов, посвященных неустаревающим «классикам языкознания», чьи труды воспринимаются зачастую как своеобразное священное писание, не подверженное действию времени (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, И. А. Бодуэн де Куртене). В большей степени это свойственно отечественной лингвистической традиции.

Все это, может быть, и не плохо, но в итоге такое положение приводит к стагнации в науке, разрыву между передовыми научными идеями и практикой преподавания языковедческих дисциплин в средней и высшей школе и, что самое опасное, к утрате объективированных критериев оценки полученных знаний.

Реальная история языкознания предстает как совокупность многообразных, плохо согласующихся друг с другом подходов к языку. Разные научные парадигмы в языкознании нечасто сменяют друг друга, чаще — сосуществуют, причем в не располагающем к коммуникации пространстве.

Традиционный для российской системы высшего филологического образования фундаментальный курс «Общее языкознание» распадается на две части — теория языкознания и история языкознания, причем истории лингвистических учений, в соответствии с вышеописанной зачарованностью языкознания собственной историей, обычно посвящают больше учебного времени. Эта учебная дисциплина лучше обеспечена разнообразной и качественной учебной литературой, чем теория языка.

Такая ориентированность на историю науки отличает языкознание от большинства других наук: например, трудно себе представить в рамках учебных планов естественных факультетов и факультетов точных наук фундаментальные курсы истории химии, истории биологии, истории математики, истории физики; в лучшем случае, они будут играть роль спецкурсов. «История лингвистических учений» по роли в учебном процессе напоминает, скорее, курс истории философии.

Важно при этом разграничивать историю лингвистики как научную дисциплину и учебный предмет. Цели науки серьезно отличаются от целей преподавания. Задачи научные таковы:

- 1) доскональное исследование и систематизация всех доступных лингвистических текстов в исторической перспективе;
- 2) изучение развития науки как цельной системы взглядов, формирования разных образов языка и кристаллизация этих знаний в ключевых лингвистических понятиях;
- 3) исследование становления лингвистики как социального института (появление профессиональных носителей знания, школьных предметов, университетских кафедр).

Методические задачи сводятся к следующим:

- 1) дать студентам общее представление о развитии лингвистики как научной дисциплины;
- 2) связать этот материал с современной научной проблематикой; ввести студента в контекст современных научных споров; заставить «работать» багаж накопленных историко-лингвистических сведений

К сожалению, последняя методическая задача приходит в противоречие с задачами собственно научными. Противоречие это заключается вот в чем: научная реконструкция истории языкознания должна быть проведена с учетом принципа историзма, то есть каждое явление, каждая идея, каждый ученый должны быть оценены и проанализированы в контексте собственной эпохи. Историк науки, чтобы адекватно описать, скажем, систему взглядов авторов «Грамматики общей и рациональной», просто обязан брать за скобки все многочисленные последующие интерпретации и оценки этого примечательного текста; он должен погрузиться в мир научного сочинения и, проясняя, реконструировать лингвистическую концепцию, словно забыв обо всей позднейшей лингвистической литературе и намеренно актуализируя в своем сознании философские, логические, даже математические представления XVII века. Общие принципы классического герменевтического чтения, нацеленного на выявление авторского замысла, работают и здесь. Путь это трудный, но единственно возможный для построения подлинной исто-

рии лингвистики (адекватное чтение Гумбольдта предполагает отбрасывание идей А. А. Потебни, Э. Сепира, Л. Вайсгербера, но требует хорошего знания философии Канта и Гегеля). При этом совершенно необходимо учитывать и ускользающие от поверхностного взгляда «малые» лингвистические тексты, случайные лингвистические суждения влиятельных философов и многое другое. Понятно, что это, скорее, идеальный проект, чем реальность. История науки еще далека от этой цели¹.

Для научной истории языкознания такая устремленная в современность линия развития науки чрезмерно телеологична. Может создаться ложное впечатление, что современная лингвистика — венец творенья и конечная «божественная» цель всего исторического развития науки. Преодоление этой порочной телеологичности есть залог создания адекватной истории науки. Ведь на самом деле мысль редко идет прямым путем, и химии обычно предшествует алхимия. В истории языкознания тоже были периоды застоя, времена торжества более или менее сомнительных идей, эпохи подчинения лингвистики интересам власти и церкви. Многие из таких феноменов не формируют линию научной преемственности и пресекаются, но они интересны и достойны изучения (и, кстати, изучаются, например, в работах У. Эко, В. М. Живова, Б. А. Успенского, С. Козлова, Е. В. Маркасовой и др.).

Но для истории лингвистических учений как учебной дисциплины такая отброшенная из современности проекция в прошлое науки совсем не недостаток. Именно такая проекция позволяет связать историко-лингвистическое знание с актуальной научной проблематикой, стимулировать живой научный интерес студентов. А строгое проведение принципа историзма, то есть стремление понять явление в координатах его исторической эпохи, ведет к герметизации материала. Установление связей с современной научной проблематикой должно быть не стыдливым и половинчатым, а открытым, пусть даже в ущерб исторической точности.

¹ Иногда расстояние до этой цели оценивают как необычайно большое. Так, П. А. Клубков пишет, что исследователя истории науки «привлекают лишь те суждения, теории и концепции, которые связаны с генезисом современных представлений», «история лингвистических учений понимается как история современных лингвистических учений». И даже: «Задача (историка науки — Г. Г.) сводится к тому, чтобы распределить по хронологической оси и связать с подходящими именами, например, параграфы академической грамматики» (Клубков П. А., 2000, 104).

Так получается, что многие обязательные разделы курса истории лингвистических учений (ИЛУ) не имеют непосредственного выхода в современность, они излишне закрыты. Например, парадоксальным образом студенты, сдавшие экзамен по ИЛУ, знакомы с античным спором о природе языка «фюсей» и «тесей», возможно, заглядывали в диалог Платона «Кратил», но вряд ли знают о современных исследованиях в области фоносемантики и иконических структур языка вообще.

Я бы хотел на конкретных примерах продемонстрировать возможности согласования историко-лингвистических реконструкций и современных научных построений.

1) *Происхождение языка.* Обычно в рамках курса ИЛУ хотя бы кратко рассматриваются основные теории происхождения языка, возникшие в XVII—XIX веках, «теория общественного договора», онома-топозитическая теория А. А. Потебни и Хеймана Штейнтала, теория бессознательных выкриков Э. де Кондильяка, трудовая теория Ф. Энгельса и некоторые другие. Все они, по сути дела, устарели, поскольку предполагают качественную разницу между человеческим языком и коммуникативными системами животных. На мой взгляд, останавливаться на обзоре устаревших теорий преподаватель просто не имеет права, поскольку эта область знаний сейчас необычайно активно развивается под влиянием антропологии, генетики, археологии, этологии, в рамках которой проводились смелые эксперименты по обучению языку высших приматов. Современные исследования, основанные на биолого-эволюционном подходе, позволяют связать формирование языковых структур современного типа со становлением функциональной асимметрии мозга, с образованием фарингальной полости и др. антропологическими изменениями. Этот способ презентации темы, когда преподаватель напрямую указывает на полную или частичную ошибочность исторических концепций, можно было бы назвать *отрицанием*.

2) *Сравнительно-историческое языкознание.* Разговор об этой важнейшей теме обычно заканчивается на младограмматиках, в лучшем случае — на лексикостатистических методах установления языкового родства (глоттохронологии). Между тем современная компаративистика активно меняет представления о языковом родстве, существовавшие в XIX веке. Я говорю о теориях дальнего родства языков, о выделении макросемей совсем иной степени хронологической глубины и о маячащей впереди перспективе свести все языки мира к одному источнику. Современную ностраттику и компаративистские штудии XIX века связывает единство метода и общих предпосылок, поэтому в данном случае можно говорить о *расширении*.

3) *Антиномии В. фон Гумбольдта*. Этот необычайно важный материал вводит студента в проблематику лингвофилософии. Однако сталкиваясь с необходимостью пояснять каждую антиномию, преподаватель рискует впасть в банальность и изрекать трюизмы, благо сам Гумбольдт существенных пояснений не оставил.

Казалось бы, что может быть проще, чем проиллюстрировать предельно прозрачную антиномию «свободы» и «необходимости» в языке. Можно просто сказать, что на любом языке, с одной стороны, можно выразить какую угодно мысль, с другой — ничего в языке человек по своей воле изменить не может. Однако лучше, воспользовавшись достижениями современной науки, продемонстрировать, *какую именно* степень свободы предоставляет человеку язык и *как именно* ограничивает его свободу. Представление о степени свободы студент может получить, узнав о том, какое количество перифраз может иметь обычное предложение: предложение *Вместо того чтобы наблюдать снижение числа узников совести, мы являемся свидетелями, напротив того, значительного увеличения этого числа* может быть перифразировано 50 000 000 способов, среди которых:

Число людей, лишенных свободы единственно за их религиозные или политические убеждения, вместо того чтобы понижаться, постоянно растет, вызывая тем самым беспокойство во всем мире.

Число политических заключенных, отнюдь не становясь меньше, растет угрожающим образом.

Лишение свободы по политическим мотивам отнюдь не становится реже, а, наоборот, все более распространяется, так что это тревожит всех и проч. (Мельчук И. А., 1997, 47)².

Тезис о «необходимости» можно проиллюстрировать весьма полезным для студента доказательством обязательности грамматических значений: все словоизменительные значения являются обязательными в том смысле, что говорящий непременно обязан использовать одну из предусмотренных грамматической категорией грамем (поставить имя в форму какого-нибудь падежа, глагол — в форму наклонения). Понятно, что это в общем безудержное, почти насильственное осовременивание Гумбольдта, сам он не имел ничего такого в виду, но такой способ объяснения глубокой лингвистической идеи представляется полезным и оправданным с методической точки зрения. Этот прием можно назвать модернизацией.

² И. А. Мельчук использует французские примеры, которые здесь заменены переводами на русский язык из русского издания «Курса общей морфологии».

Выводы таковы. Задачи истории лингвистических учений как научной дисциплины и задачи соответствующего предмета совпадают лишь частично. Научная история языкознания базируется на исторически точной и полной реконструкции развития идей, понятий, теорий, научных школ. Цель учебной дисциплины — «подключить» студента к современному состоянию науки, «вживить» его в организм лингвистики. Противоречие это можно преодолеть, если каждую историко-лингвистическую тему, рискуя, правда, заслужить упрек в антиисторизме, доводить до современного состояния с помощью расширения, отрицания или модернизации.

Список литературы

Клубков П. А. Взгляд на язык в истории культуры // Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 104—110.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена, 1997.

© **А. Ю. Жуков**

КОРЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ В XIII—XV ВЕКАХ

На складывание административно-территориальной общности Корельской земли повлияло множество факторов. Прежде всего, это формирование и территориальное распространение карельского этноса в Средневековье, государственная экспансия Руси на Север и прямое многовековое противостояние Великого Новгорода и Шведского королевства на карельских рубежах. В итоге к концу XV века Корельская земля стала одной из областей объединявшейся России.

В 1504 году в завещании великого князя Ивана III Васильевича значилось: «Да сына же своего Василья благословляю своею отчиною, великим княженьем Новгородским... Да в Новгородской ж земле даю ему... Корелскую землю всю, Корелской город с волостями, и с погосты, и со всеми пошлинами, со всем с тем, что х Корелской земле потягло, и с Лопью с Лешею, и с Дикою Лопью». Аналогично землю карелов завещал в 1572—1578 годах царь Иван IV Васильевич Грозный своему старшему сыну и наследнику Ивану: «...даю Корельскую землю всю, город Корелу, с волостями и с путми, и с селы и с погосты, и со всеми

пошлинами, и со всем с тем, что к Корельской земле потягло, и с Лопью Лешью, и с Дикою Лопью»¹.

Оба завещания писались, когда реальное административное деление России на *уезды* уже во многом не совпадало с бывшим удельным членением Руси на *земли* и *княжества*. Между тем в тексте завещаний мы не находим упоминаний ни о Новгородском и Корельском уездах, ни о Лопских погостах как самой северной оконечности Новгородского уезда. Наоборот, правители парадоксально придерживаются вроде бы отжившей и отмененной их напряженными трудами прежней удельно-феодальной политической географии.

Такое пренебрежение «современностью» отчасти объясняется политическими соображениями. И в начале XVI века, и в 1570-х годах шли очередные войны со Швецией, которая уже включала в свой состав западные карельские районы — так называемые Шведскую Карелию и Эстерботнию (ныне — они часть восточных и северных губерний Финляндии). Поэтому завещание наследникам «всей Корельской земли» — это прямая претензия на отошедшие к шведам карельские области.

Но все же главная причина заключалась в том, что понятия «Корельская земля» (как, впрочем, и «Новгородская земля»), «Лопь Лешия и Дикая Лопь» к XVI веку вполне сформировались. Будучи устоявшимися терминами, они и использовались в важнейших политических документах. Достаточно подробно историю складывания государственной территории средневековой России осветили Н. А. Насонов и Л. В. Черепнин, а военно-политические перипетии, повлиявшие на становление Корельской земли, изучил И. П. Шаскольский². Поэтому нам предстоит прояснить смысл вышеуказанных терминов и наполнить их конкретным историческим содержанием.

Термин «земля» первоначально означал и территорию, население которой выплачивало дань своему суверену-правителю, и синоним го-

¹ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 269; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. С. 384.

² Насонов Н. А. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978; Он же. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии: Конец XIII — начало XIV в. Петрозаводск, 1987; Он же. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987.

сударства. В данных смыслах он употребляется в древнейшей части русских летописей. Например, в статье Патриаршей или Никоновской летописи за 6389 (881/82) г. о князе Олеге утверждается: «И съде Олегъ княжа въ Кіевѣ, ... и обладаша всюю землею Русскою. ...Сій же Олегъ нача города ставити, и дани устави по всей Русстѣй землѣ... И многи ины страны притяжа къ Рустѣй землѣ и дани възложи на нихъ»³. Иными словами, тогда «Русская земля» понималась как обладание приемниками Рюрика, а вовсе не как все территории, населенные даже восточными славянами, не говоря уже о всех их соседях. «Многи» другие, по летописи, находились в даннической зависимости от Руси и в таком качестве назывались не землями, а просто *странами*, т. е. окраинными областями по отношению к Русской земле. Зато суверенная Империя ромеев в тексте договора 912 года Руси с нею по праву именовалась Греческой землей⁴.

В последующие десятилетия и века термин «земля» претерпел значительные изменения. Прежде всего для управления обширными территориями великие князья Киевские, начиная с княгини Ольги и ее сына Святослава Игоревича, стали направлять в главные города страны наместников, в т. ч. своих сыновей, которые и властвовали там от имени суверена. Именно поэтому подчиненные им территории под названием «области» также получили статус «земли». Термин «земля» теперь становился синонимом области — одной из многих частей государства. В частности, уже на рубеже X—XI веков на севере государства образовались Суздальская (она же Ростовская) земля и Новгородская земля. Летописи их именовали также и областями. Так, в 992 году «ходи Володимерь в Суздадскую землю, и тамо крести всехъ», а в 1020 году великий князь (далее — вел. кн.) Ярослав разбил полоцкого князя Брячеслава Изяславича и отнял у последнего весь полон, что был захвачен им «въ Новгородской области»⁵.

С XII века удельная раздробленность захлестнула Русь и прежние главные области — «земли» стали вполне самостоятельными государствами. Впрочем, в сфере государственного управления вскоре они сами обзавелись «землями» внутри своих территорий. Знать этих мелких земель всюю интриговала между собой за политическое доминирование,

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000 [далее — ПатрЛ.]. Т. IX. С. 15.

⁴ ПатрЛ. С. 19—21.

⁵ ПатрЛ. С. 64, 77.

а великокняжеская власть, тем более удельные князья, отнюдь не всегда могли в полной мере олицетворять собой объединяющее начало.

Исследовавший вопрос о постепенном изменении в русских средневековых источниках термина «земля» А. А. Горский пришел к выводу, что в XII—XIII веках землями называли уже княжества, то есть политически самостоятельные образования. «Очевидно, — пишет автор, — термин, обозначающий суверенные государства, был перенесен на русские княжества по мере того, как они начинали рассматриваться современниками в качестве фактически независимых»⁶.

Мы согласились бы с данным выводом применительно к русским княжествам. Но как быть с «землями», которые возникли в пределах обширной Новгородской земли уже в XIII веке и в отношении которых не могло быть и речи ни о какой политической суверенности, равно как и их удельной самостоятельности? Прежде всего, мы имеем в виду Корельскую землю. Но в ряд с ней можно поставить земли Псковскую, Двинскую, Водскую и Ижорскую. Очевидно, в Новгородской феодально-аристократической республике значение термина «земля» претерпело дальнейшее изменение. Присмотримся к данному процессу внимательнее.

Новгород, один из главных и сильнейших городов страны, имел то своеобразие, что различные боярские политические группировки базировались в самом городе. Знать остальных городов, даже таких как Псков или Ладога, не могла проявлять ярко выраженных сепаратных стремлений. И до создания аристократической республики бояре Новгорода зачастую ухитрялись держать у себя того князя-наместника, который мог проводить их разноречивые интересы. «Вскормили есмь себѣ князя, а ты еси отшелъ от нас», — заявили они киевскому Святополку, отказавшись принять от него наместником великокняжеского сына и ратуя за Мстислава Всеволодовича, с детства жившего в Новгороде⁷. Иными словами, сильная Новгородская земля как политико-территориальное образование («область») умела проявить достаточно сплоченную политическую волю, вплоть до открытого мятежа с применением военной силы, несмотря на то, что внутри господствующей в ней знати города Новгорода имелись перманентные, неустраняемые противоречия. Думается, именно данное обстоятельство стояло за тем, что появившаяся в 1136/37 году Новгородская феодально-аристократическая республика смогла сохранять административно-территориальное единство вплоть до 1478 года.

⁶ Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 140.

⁷ ПатрЛ. Т. IX. С. 137 (статья за 6610 (1102) г.).

Носителями государственного суверенитета Великого Новгорода являлись не князья-наместники (а с середины XIII века — великие князья Владимирские), но, прежде всего, само городское новгородское боярство и тесно связанное с ним епархиальное духовенство во главе с новгородским архиепископом (Домом св. Софии). Новгородское же княжение зачастую принимало номинальный характер, поскольку политические решения в «земле»-государстве утверждались не князем, а вечем. Вот ее главное отличие от Владимиро-Суздальской Руси. В последней единство и политический суверенитет (а с 1240-х годов — вассалитет Золотой Орде) олицетворяли великий и удельные князья, но никак не местная знать, распыленная территориально.

Поэтому в целом Новгородская республика предстает перед нами более внутренне централизованным государством, чем Владимиро-Суздальская Русь, пожалуй, до времен княжения Ивана III (до 1460-х годов), когда центристемительные тенденции собирания земель вокруг Москвы, при подавлении смуты внутри самого правящего великокняжеского дома, окончательно заняли главенствующее место во всем внутривнутриполитическом курсе России.

Новгородская земля — это, прежде всего, сам Великий Новгород, его боярство и Дом св. Софии и только затем — «вся волость новгородская» с местной политической элитой, подчиненной новгородской знати. На данном незыблемом основании и строилось административно-территориальное деление аристократической республики.

Поначалу новгородское боярство освоило прилегавшие к Новгороду районы, привязало их население к частно-феодальным повинностям. При этом учитывался важный военно-мобилизационный аспект. Древняя тысячная военная структура союза племен новгородских словен преобразилась в «тысячу» самого Новгорода (включала десять сотен свободных горожан), во главе с тысяцким, и девять окружавших Новгород областей-«тысяч». Все вместе они составляли «тьму» (значение: 10 000 и одновременно десять «тысяч» бывших словенских земель и их соседей, например веси). Как таковые, в т. ч. Обонежская тысяча, все они были поименованы в «Уставе о мостех» 1265—1267 годов кн. Ярослава Ярославича о раскладке повинностей по мощению улиц⁸.

⁸ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 [далее — НГЛП]. С. 507—508 («А се Устав Ярослава князя о мостех» «Пространной редакции Русской правды»); Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 146—147 (комментарий к «Уставу»); Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. М., 1982. С. 25—26, 264,

Другие, не входившие в структуру «тьмы» области обширной Новгородской земли, имели собственные феодальные корпорации знати. Это Псковская земля, Двинская земля. Выявляется четкий критерий административного разделения на «тысячи» и окраинные «земли»: в областях «тьмы» единолично заправляли бояре Новгорода, а в «землях» они делили власть с местной феодально-вотчинной аристократией. Кроме земель имелись окраинные *волости*, например, саамская «волость Тре» на Кольском полуострове и в Северной Карелии. Вместе с «тьмой» они составляли «всю волость Новгородскую»⁹. Какое же место среди них занимала территория карелов?

На раннем этапе огосударствления карельской территории ее, видимо, следует причислить к известным летописи «странам», прямо не входившим в Русскую землю областям. Древние скандинавские саги отлично знали *Ки́рьялаланд* — землю карелов и *Ки́рьялаботнар* (т. е. «Карельские заливы» Карельского перешейка по берегу Финского залива); саги утверждали о правлении и сборе дани викингами с этой территории¹⁰. В принципе это не отличается от того, что мы знаем из летописей о дружинном вкладе варягов в создание русской государственности и о том, что Ярослав Мудрый отдал в управление северные окраины государства своей жене Инге и ее воинам. Но с 1080-х годов Новгород и его князья-наместники взяли под контроль бывшие «кормленные» земли варягов. И уже «Сага о короле Хаконе, сыне Хакона» (1264—1265) отмечала, что карелы издавна платили дань «конунгу Хольмгардов» — князю Новгороду¹¹.

Безусловно, в XI — середине XIII века Карельский перешеек и карельское Приладожье не входили прямо в основную территорию Новго-

472, 530; Буров В. А. О сотнях и тысячах Новгородской земли (к проблеме административно-территориального деления Новгородского государства) // Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 114—137.

⁹ НПЛ. С. 18, 57, 201, 257; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 81, 89.

¹⁰ Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990 [далее — ПИК]. С. 102 («Легендарная сага об Олаве Святом»), 103 («Красивая кожа»), 105 (Снорри Сткрлуссон «Круг земной»), 107—109 («Сага об Эгиле Скаллаgrimссоне»), 121 («Описание земли III»), 122 («Сага об Одде-Стреле»), 123—125 («Сага о Хальвдане, сыне Эйстена»), 129 («Фрагмент о древних конунгах» в «Саге о Скъэльдунгах»).

¹¹ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 58—60.

родской земли. Отношения этнически определявшихся карелов — *Корелы* русских летописей — с Новгородом являлись союзнически-конфедеративными. Знаком новгородского присутствия служили дань и новая православная приходская структура, а союзные связи диктовались совпадением интересов Новгорода и карелов по противодействию шведской экспансии и агрессии на восток.

Впервые русские летописи сообщили о Кореле в статье под 1143 год, когда ее воины совершили морской набег по Финскому заливу на земли Еми. Но вскоре, в 1149/50 году, карелы приняли активное участие уже и во внутренних делах Руси: на стороне Новгорода, вместе с его войсками и псковичами они выступили против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукова¹².

Вторая половина XII века отмечена войной со Швецией, в которой активное участие приняли карелы. Осложнение обстановки заставило Новгород явственно обозначить свое присутствие в землях приграничной Корелы: в 1227 году было проведено массовое крещение карелов¹³. Крещение означало и появление на землях Корелы структуры погостов. По новгородскому государственному обычаю церкви стояли в центрах погостов — сельских судебно-фискальных округов, а власть над церковными людьми осуществлял новгородский владыка — один из главных столпов новгородской государственности. Процесс внутреннего разграничения имел успех. Точно известно, например, что на рубеже XIII—XIV веков существовали три погоста с четкими границами в порубежной части Корелы: Яски, Эюряпяя и Савилакша (Ореховецкий мир 1323 года)¹⁴. И все же «Слово о погибели Русской земли» (середина XIII века), перечислив пограничные с русскими княжествами народы, назвала и карелов: «...от немец до корелы, от корелы до Устьяга...». А договор Новгорода с ганзейскими Готским берегом и Любеком 1259—1263 годов слагал с новгородцев ответственность за безопасность ганзейских купцов на территории карелов¹⁵.

¹² НПЛ. С. 26, 27, 212, 213; Воскресенская летопись // ПСРЛ. 1856. Т. 7. С. 45.

¹³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 449; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 58—59, 99—101 (отрывок из «Хроники Эрика», 1320-е гг.); *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999.

¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1959 [далее — ГВНП]. № 38 (Ореховецкий мирный договор, 1323 г.).

¹⁵ Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981. С. 131; ГВНП. № 29; *Лебедев Г. С.* Северо-Запад Новгородской земли: этапы и итоги развития

Окончательно государственное оформление Корелы в пределах Новгородской земли происходит в 1270-е годы. Немногим ранее, в 1268 году, новгородцы выиграли тяжелейшую Раковорскую битву с Орденом, на следующий год вел. кн. Ярослав Ярославич отправился было в новый поход на Колывань (Таллин), но Орден запросил мира и он был заключен¹⁶. Владимир-суздальские войска остались без добычи. И тогда князь решил идти походом на Корелу. Новгородцы насилу уговорили его возвратить полки назад¹⁷. И уже в следующем, 1270/71, году летописи впервые отметили Корелу наравне со псковичами, ладожанами, Ижорой и Водью в составе «всей волости новгородской», т. е. полной территории республики и ее военно-мобилизационной структуры: все новгородцы, в т. ч. карелы, восстали против вел. кн. Ярослава, изгнав его из города¹⁸.

Что же произошло? Мы с большой долей уверенности предполагаем, что в самом конце 1260-х годов шли переговоры Новгорода со знатью Корелы о признании последней полного вассалитета Новгородской земле, а значит, и о включении территории карелов в ее состав. Но переговоры — процесс длительный и деликатный. Нетерпеливый же князь решил внести свою «лепту» грубым вооруженным вторжением. Новгород нуждался в карелах-союзниках, а не во врагах, и бояре отговорили князя воевать. В свою очередь, Корела признала вассалитет, а в 1270/71 году вместе со всеми новгородцами пошла против Ярослава.

Но какой статус имела область расселения Корелы в тот первый год своего существования в рамках государственной территории республики: «волости» или «земли»? Для ответа обратимся к летописям. В статьях под 1277/78 годом они пишут, что новгородский князь Дмитрий Александрович «с новгородци и со всею Низовьскою землею (т. е. с войсками Ростово-Суздальской земли — А. Ж.) казни Корелу и вся землю их на щит» (Новгородская первая летопись); «Тоѣ же зимы князь велики Дмитрей Александровичъ, внукъ Ярославль, правнукъ Всеволожь, съ Суздалцы и съ Новгородцы ходи ратью на Корѣлу, и плѣни всю землю ихъ, и со многимъ полономъ возвратишася въ свояси» (Патриаршая или Никоновская летопись)¹⁹. Очевидно, знать корелы стала тяготиться

к середине XIII века (по археологическим данным) // Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 108—113.

¹⁶ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., 1998. С. 257—258.

¹⁷ НПЛ. С. 88, 319; Воскресенская летопись. С. 169.

¹⁸ НПЛ. С. 89, 231; Воскресенская летопись. С. 170.

¹⁹ НПЛ. С. 323; ПатрЛ. Т. X. С. 155.

вассальными обязанностями в условиях, когда шведы еще не оправились от опустошения, причиненного им в 1256/57 году вел. кн. Александром Невским и карелами в Южной Финляндии, и пока не отважились нападать на Корелу²⁰. Но именно данные записи летописей с трагичным содержанием *впервые* указали официальный статус новой административной области Новгородского государства как «земли», а не «волости», наподобие саамской волости Тре. Не входя ни в одну из девяти областных «тысяч», земля Корелы напрямую вошла в состав «всей волости новгородской», также как Псковская, Двинская или Водская земли.

Впрочем, тогда название «*Корельская земля*» еще не превратилось сразу в устойчивый термин. Летописи говорят об «их, [Корелы], земле». Скажем так, «правильно» и опять же впервые она названа в летописных записях о событиях 1293/94—1294/95 годов: «пришедше Свѣя, поставиша градъ на Корѣльской землѣ» (в Новгородской первой летописи под 6801 «мартовским годом», в Патриаршая или Никоновская летописи под 6802 годом)²¹. В следующем, 1295/96, году новгородцы отвоевали Корелу, а шведскую крепость разрушили; интересно, что при этом летописи используют старинный термин «в Корѣле»²². Нас, однако, не должно смущать данное обстоятельство, поскольку и в дальнейшем, на протяжении XIV—XV веков и даже в XVI веке, русские и карельские источники постоянно перемежали название «Корельская земля» с «Корелой», т. е. считали их синонимами.

Правильное толкование летописи всегда проблематично. Необходимо учитывать и *многозначность* летописных терминов, и *изменчивость* всех их значений со временем, и само время написания. Ведь первоначально летописные заметки возникали сразу после событий, потом они записывались в собственно летописи, подлинники текстов которых, кстати, дошли до нас в единичных случаях, и только затем, через века они попадали в летописные своды, которыми мы в подавляющем большинстве случаев и пользуемся. С терминами «земля» и «волость» как раз применительно к Кореле возникает проблема в отношении одного источника начала XIV века.

²⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 206—226. Судя по тексту папской буллы 1257 года, карелы являлись главными исполнителями этой военно-политической акции.

²¹ НПЛ. С. 327; ПатрЛ. Т. X. С. 170.

²² НПЛ. С. 328.

Речь идет о жалобе, с которой Новгород обратился к вел. кн. Михаилу Ярославичу около 1304—1305 годов. Выясняется, что Новгород «кърмил» кн. Бориса Константиновича «Корелю», но политика того оказалась такой своекорыстной, что карелы стали явно симпатизировать шведам; к тому же он «рубежь учинил на Новогороде» (т. е. конфисковал чье-то имущество в самом городе) и брал с него «серебро». Поэтому о жадном князе Новгород настаивал: «А из Новгородской волости поидеть»²³. Что означает последняя фраза? Может быть, статус Корелы как земли понизился до простой волости? Но нет. Князь Борис Константинович являлся великокняжеским наместником в Новгороде, а в качестве корма ему достались выплаты с Корелы. В жалобе сказано и о беззаконии, творимом наместником в Кореле, и о его же неправых действиях («что не пошло») в самой столице государства. Поэтому под *Новгородской волостью* следует понимать хорошо известную летописям «всю волость Новгородскую»: Новгород требовал убрать наместника вообще из своего государства как удельного княжения, а не только из Корельской земли. Ее статус сохранился. Как таковой он и значится в тексте Ореховецкого мирного договора со Швецией 1323 года: «По сем миру городов не ставити ко Корельской земле ни вам, ни нам»²⁴.

К этому времени в Корельской земле сложилось внутреннее административно-территориальное размежевание на погосты, а на месте временной крепости в районе Какисалми в 1310/11 году новгородцы поставили новую крепость — город Корелу (вот уже четвертое значение слова *Корела*, после наименования народа и названий занимаемой им территории и административной области). Не хватало только собственного князя-наместника. Но вскоре и он нашелся, причем не совсем обычным путем. Им стал литовский князь Наримонт. Патриаршая (Никоновская) летопись объясняла, что в 1330/31 году инок Василий, избранный новгородцами в местоблюстители архиепископской кафедры, был вызван митрополитом Феогностом на поставление в архиепископы Новгорода и Пскова. Преосвященный Феогност тогда находился в Вольнской земле, и новгородское посольство с Василием поехали к нему через Литву, с которой был мир. Но литовский князь Гедемин их вероломно пленил и принудил дать честное слово в том, что они сделают его сына Наримонта наместником в новгородских пригородах Ладоге и Орешке, в Корельской земле и в половине Копорья. Через год, в 1332/33 году Наримонт, окрестившись в православие под именем Глеб, прибыл

²³ ГВНП. № 8; ПИК. С. 39.

²⁴ ГВНП. № 38.

в Новгород и получил вымученное у посольства кормление²⁵. Впоследствии это кормление часто занимали его потомки²⁶. Впрочем, в XV веке приглашаемые Новгородом некоторые русские князья также оказывались наместниками данных земель²⁷.

В XIV—XV веках происходило территориальное разграничение на погосты северной половины Корельской земли — бассейнов рек Чирка-Кемь, Кемь и Карельского берега Белого моря. Местные владения карельской знати, «пяти родов карельских детей», постепенно приобретали вид, схожий с землями Приладожской Корелы. Первые известные описания этой территории относятся к 1587/88 и 1597 годам. В них эта группа северокарельских погостов называлась и «Дикой Лопью», и «Лопскими погостами»²⁸. Но начало формирования данного округа относится к новгородскому периоду истории Карелии.

Так, по описанию 1597 года, в Линдозерском и Селецком погостах, граничивших с Приладожьем, существовало деление на перевары. Центры Селецкого же и Семчезерского погостов распадались на «концы». На «концы» делились сам Новгород и город Корела, а на селе такое деление переносилось на волости: там «концом» именовалась административная совокупность деревень²⁹.

Административное оформление земель Севера шло тем успешнее, чем активнее проводилась крестьянская колонизация края. Конкретно достигнутые успехи фиксирует достоверное предание (фактически — показания под присягой) уроженца Поросозерской волости Лариона Алексева, записанное в 1620 году. Он свидетельствовал, что на месте будущей Поросозерской (по источникам тех лет — «Порозерской») волости Селецкого погоста еще в середине XV века стоял «черный лес» — лесные угодья, принадлежащие государству, в которых промышлял беспашенный «лоплянин» (житель Лопских погостов) по имени-прозвищу Пор. К нему подселились трое крестьян — Нестер, Григорий Тужил и Григорий Пахкуев сын Ускин, поднявшие целину и поделившие земли между собой, — «тому болши полуто-

²⁵ ПатрЛ. Т. X. С. 204, 206; НПЛ. С. 345—346.

²⁶ НПЛ. С. 379, 383, 400 (известия статей под 6891, 6897, 6915 гг.).

²⁷ НПЛ. С. 398, 411—412, 423 (известия статей под 6912, 6927, 6952 гг.).

²⁸ Книга сбора данных и оброчных денег с тяглою населения Лопских погостов 1587/88 г.; Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. Т. I. С. 181—185, 189—233.

²⁹ Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. С. 189—192, 195—197, 220—222, 228—232; Греков Б. Д. Новгородский Дом св. Софии. Ч. 1 // Греков Б. Д. Избр. труды. М., 1960. Т. 4. С. 185.

росот лет». В честь первопоселенца они назвали это место Пором, а озеро — Порозером. Новгороду же крестьяне стали выплачивать дань³⁰. Таким образом, предание свидетельствует о строгой зависимости государственного оформления территории на уровне погоста, прежде всего в налогообложении, от сельскохозяйственного освоения.

Подробному анализу становления в XV веке «Лешей и Дикой Лопи», т. е. Лопских погостов вместе с их поморскими волостями как северной половины Корельской земли, мы посвятили отдельную статью³¹. Здесь же скажем, что термин «Lappi» — *Лопь* первоначально относился к саами. И лишь при освоении их территории карелами Лопью стали называть также бывшие земли саами. Они в большинстве своем вели подвижный, почти кочевой образ жизни. А к кочеванию в древнерусском языке давалось определение *дикий* в значении «кочевой» (ср., например: «Дикое поле» и «Лопь Дикая»). Но некоторые саами жили также и оседлым «лешим» (т. е. лесным) способом.

Дозорная книга Лопских погостов 1597 года указала в Ругозерском погосте деревеньку «на черном лесу на дичи на Поязмоозере...: во дворе Осташко лопин» и двор крестьянина-карела, они «пашут лешую пашню, сена нет»; в деревнях же Тикше, Чирко-Кеми и Пизмолакше указаны заброшенные дворы («следы») саами: Бояринка лопина, Ивашки Безимянного лопина, Карпика лопина и его сына Матюшки, Ивашки Койвуля лопина. А «Сотная» Керетской волости и «Выпись» из писцовой книги 1574—1575 годов о ней отметили, что «в ухажаех (в отдалении от деревень — А. Ж.) на диком лесу над Нюткозерком живет дворишком лопин крещен Иванко Великая Голова с детьми», промышляя рыбой на озере³². Разделение промысловиков саами на кочевых и оседлых и вылилось в название их бывших земель «Лешей Лопью и Лопью Дикой» в завещаниях русских монархов.

Представленный материал доказывает непростой характер эволюции терминов «Корела», «Корельская земля», «Лешая Лопь» и «Лопь Дикая». При длительном поэтапном административно-территориальном оформлении Корельской земли от Приладожья до Белого моря они ста-

³⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 1/1620. Д. 1. Л. 117—118.

³¹ Жуков А. Ю. Северная Карелия в системе государственного управления России XV—XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 6—25.

³² Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. С. 206—208; Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важинского уездов. Ст. 460.

новились многозначными. Мы постарались наполнить каждое из их значений на всех этапах конкретно-историческим содержанием.

Список литературы

Буров В. А. О сотнях и тысячах Новгородской земли (к проблеме административно-территориального деления Новгородского государства) // Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 114—137.

Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. VII.

«Выпись» 1574—1575 г. из Писцовой книги Василия Агалина и подъячего Степана Федорова на волость Кереть // Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важинского уездов. Л., 1929. Ст. 451—452.

Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004 (Studia historica).

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Греков Б. Д. Новгородский Дом св. Софии. Ч. 1 // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960. Т. 4.

Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500 ja 1600 luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. Т. I. С. 186—233.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.

Жуков А. Ю. Северная Карелия в системе государственного управления России XV—XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 6—25.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

Книга сбора данных и оброчных денег с тяглового населения Лопских погостов 1587/88 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500 ja 1600 luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. Т. I. С. 179—185.

Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах / Науч. ред. В. Л. Янин. Петрозаводск, 1990.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I.

Лебедев Г. С. Северо-Запад Новгородской земли: этапы и итоги развития к середине XIII века (по археологическим данным) // Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 108—113.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. IX—X.

Насонов Н. А. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Под общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981.

Памятники русского права: В 8 вып. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. М., 1955.

Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999.

Российский государственный архив древних актов. Фонд 96. «Сношения России со Швецией» (коллекция дел и документов). Оп. 1/1620. Д. 1. «Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод, и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах за 1620 год».

Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. М., 1932. Т. 2. С. 132—152.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. М., 1982.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 38—61.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1976.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии: Конец XIII — начало XIV в. Петрозаводск, 1987.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

Экземпларский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., 1998.

Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

РОЛЬ И ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ПРИЧИТАНИЙ В ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ ВЕПСОВ

«Похоронные и свадебные причитания теснейшим образом связаны с обрядами. Смысл, содержание и назначение плачей трудно понять, если изучать их изолированно, вне обряда. Их содержание, порядок и мотивы определялись верованиями, на основе которых и сложился обряд» (Конкка У. С., 1992, 16—18).

Исполнительница плача, изливая свое личное горе, использует традиционно сложившиеся словесные формулы и мотивы. В отличие от других плачи, связанные с погребальным обрядом, можно услышать в некоторых вепсских деревнях и до сих пор. Но плач уже не сопровождает весь обряд, а исполняется лишь в отдельные моменты. В данной статье мы попытаемся обозначить основные этапы похоронного обряда, когда исполнялись причитания, и показать некоторые наиболее распространенные мотивы.

Необходимо упомянуть, что погребальные обряды вепсов практически не изучены. Мы можем воспользоваться лишь описательной статьей З. И. Строгальщиковой «Погребальная обрядность вепсов» (Строгальщикова З. И., 1986, 65—85) и собственными полевыми материалами. В рамках данной статьи детали и подробности обрядового действия будут опущены.

Бытует мнение, что покойник еще трое суток после смерти слышит. С ним необходимо общаться, именно в форме плача и происходило общение с умершим. Отсюда и построение причитаний в виде обращений.

Причитывали по умершему в основном близкие родственницы. Все имеющиеся у нас записи причитаний произведены от информаторов-женщин, но высказывались утверждения, что иногда «плакали голосом» и мужчины. Полагалось плакать дочери по умершей матери, а маленьких детей обычно не оплакивали (Строгальщикова З. И., 1986, 71). У южных вепсов зафиксировано мнение, что жене по мужу плакать нельзя: «Старые женщины скажут — не по мужу, а по медведю плачешь». Как известно, медведь — почитаемое у финно-угров животное, мифический прародитель.

Некоторые информанты утверждают, что причитывать начинают лишь тогда, когда покойника обмоют и уложат на лавку. Другие же говорят, что при обмывании с покойником положено разговаривать или

«приплакивать». Спрашивают, нравится ли, как с ним обращаются, просят не препятствовать мытью.

Mel'he-ik sindei pezetimei,
Mel'he-ik sindei sädatimei?

Нравится ли, как тебя помыли,
Нравится ли, как обрядили?

(Полевые материалы автора. Далее — ПМА)

В течение двух суток нахождения покойника в доме с ним разговаривали. Когда семья садилась за стол, предлагали поесть и умершему. Предложение высказывалось «приплакивая».

Išteške sömha
Korktas kodižes,
Suladaške ičiiž
Laskou sud,
Süväd südaimuded...

Садись есть
В высоком домике,
Растопи свой
Ласковый ротик,
Милые внутренности...

(ПМА)

Короткой приплачкой покойному сообщалось и об изготовлении гроба:

Tegiba sini igähižen kodižen,
Da ii tehtud izod iknašt...

Сделали тебе вечный домик,
Да не сделали милого окошечка...

(ПМА)

Ранее являясь обязательным элементом похоронного обряда, причитания позднее стали выражением уважения, искренних чувств к умершему.

Наиболее многочисленны причитания, исполняемые над гробом, их можно услышать у вепсов и до сих пор. Желаящая «поплакать голосом» родственница садилась у изголовья умершего, нагибалась немного вперед, наклоняла голову, могла опустить лицо в руки.

Рассмотрим основные мотивы плачей, исполняемых над гробом. Большинство причитаний начинается с попытки разговорить покойного, с просьбы вступить в беседу:

Užeske minä puitein
Pagištoitta i lodeižoitta
Ičiin libedad lindušt,
Aveidaške ičiiž veslad sil'meižed,
Pehmetaške ičiiž laskou kelüt,
Sanuške sinä laskou vaihut...

Давай-ка я попробую
Разговорить и разбеседовать
Свою милую пташечку,
Открой свои веселые глазки,
Размягчи свой ласковый язычок,
Скажи ты ласковое словечко...

(ПМА)

Оплакивающий сокрушается о случившемся несчастье. Смерть как бы ставится в вину покойному. В причитании не употребляется слово «смерть», об этом иносказательно часто говорят так:

Nägeške sinä miččen radoižen-se radoid,
Nägeške sinä miččen dumeižen-se
dumeid...

(ПМА)

В плачах упоминают о близких родственниках, которых покойный оставляет на этом свете. Особенно горькой представляется судьба овдовевшей женщины:

Kacuhtaške sinä jätid
Ičiiž polnijan polnikeižen
Surile susedoile sut't'abaks...

(ПМА)

Посмотри-ка, какую ты работку сделал,
Посмотри-ка, какую ты думу надумал...

Посмотри-ка, ты оставил
свою полную половиночку
Большим соседям на осуждение...

Часто встречающимся мотивом в причитаниях является просьба к умершему вернуться в образе птицы. Иногда упоминается кукушка:

Kändoutaške lebedaks linduižeks,
Käbedaks kägoihudeks,
Išteške sinä minun
Izoho ikneižehe...

(ПМА)

Обернись милой пташечкой,
Красивой кукушечкой,
Сядь ты на мое
Милое окошечко...

Этот мотив встречается и в карельских плачах. Его связывают с древними верованиями о том, что в птицах могут обитать души умерших людей (Конкка У. С., 1992, 42—43).

Хоронили покойника на третьи сутки до полудня. Утром укладывали его в гроб, обували, как бы собирая в путь, при этом могли приговаривать или приплакивать:

Kengteške pit'kha dorogeiže...

Обуйся в долгую дорожку...

Наиболее эмоционально напряженным является плач, исполняемый перед выносом покойника из дома. Собирались все родственники, соседи. Покойный навсегда прощался с родным домом:

Jäl'gmeiččed pordoižed
Oled sinä ičiiž korktas kodižes,
Töndud tundmatomid dorogeizidme,
Tedmatomid tesaroidme...

Последние минуточки
Находишься ты в своем высоком доме,
Отправишься по незнакомым дорожкам,
По неизвестным перекресточкам...

Плакальщица просит покойного проститься со всем, что окружало его при жизни:

Prostiške izoiš ikneižišpei,
Lāmās pāčižespei,
Dubovijoiš vereižišpei,
Da čomas čogeižespei...

Попрошайся с мыльми окошечками,
С теплой печечкой,
С дубовыми дверцами,
Да с красивым уголком...

Исполнительница плача может обратиться к покойному с просьбой передать «низкие поклоны» ее умершим родственникам, отцу, матери или, например, погибшим на войне братьям:

Ed-ik vasta sinā minun
Setjan mamoihuden,
Sanuške alaheižid pokloneižid...

Может быть, встретишь
Милую мамочку,
Передай низкие поклоны...

(ПМА)

Придя на кладбище, плачем обращались к умершим родственникам, просили принять в свой круг вновь прибывшего:

Levedad hiimokundad vastakateiške,
Mii toimei tiile libedan linduižen,
Otkat armha arteližehe...

Многочисленная родня встречайте,
Мы привели к вам милую пташечку,
Примите в дорогую артелюшку...

(ПМА)

Причитывать над гробом могли и на кладбище. Здесь звучали уже указанные выше мотивы горечи разлуки и сожаления о случившемся несчастье. Затем все присутствующие прощаются с покойным, проходя рядом и кланяясь. После погребения плачи уже не исполняли.

В период с похорон до сорокового дня было принято посещать кладбище и исполнять плачи над могилой. Приведем отрывок из одного плача. Жена, причитывая на могиле мужа, сокрушается:

Emboi minā sindei
Kudes pitkās nedališ,
Nel'kümes pimedās öhüziš
Homeita i primettā,
Polni polnikeižem,
Ozutadeške mini
Uradas unudes...

... Не смогла я тебя
За шесть долгих недель,
За сорок темных ночей
Заметить и приметить,
Полная моя половиночка,
Покажись мне
В шальном сне...

(ПМА)

Плач на кладбище в дер. Ладва Подпорожского р-на
Ленинградской обл. 2003 год

Это связано с представлениями о том, что душа в этот период обитает между двумя мирами и можно заметить ее присутствие в доме (Строгальщикова З. И., 1986, 80).

Сорочины именуют последним праздником в честь покойного на этом свете. Накануне принято ходить на кладбище и приглашать покойного плачем в гости, а также просят собрать всех умерших родственников на его «прощальный праздник».

Tule adivusele jälgmäižele praznikale,	Приходи погостить на последний праздник,
Krugovjoišk sutkeižikš,	На крутовые сутки,
Keradaške i kogodaške	Собери всю родню,
Kaikid suguid, levedid hiimokundid...	Многочисленных родственников...

(ПМА)

На сороковой день плачи исполнялись как в канун, вечером, так и утром перед провожением. Душа окончательно уходит в мир иной. Ее провожают до перекрестка или до конца деревни. Прощаются, кланяясь стоя или на коленях. Говорят: «*Prostti igäks kaikeks*» — «Прощай навеки».

В настоящей статье мы ограничились лишь описанием некоторых мотивов, которые должны стать предметом более тщательного и подробного изучения, ведь зачастую в их основе лежат древние представления и верования.

Список литературы

Конкка У. С. Поэзия печали. Петрозаводск, 1992.

Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 65—85.

© О. Ю. Жукова

СИСТЕМА МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗАМЕН В ВЕПССКИХ ПРИЧИТАНИЯХ

Одной из архаичных особенностей поэтики причитаний является использование устойчивых метафорических замен некоторых слов. Сам термин «метафорическая замена» был введен исследователем русского фольклора К. В. Чистовым (так он говорил об иносказательных именовании некоторых лиц в русских причитаниях) (Чистов К. В., 1960). Этот термин утвердился в литературе, касающейся жанра причитаний.

Метафорической заменой именуют «...иносказательное выражение, употребленное в качестве эквивалента прямого общепринятого названия лица, предмета, явления» (Степанова А. С., 1985, 13).

Богата и разнообразна система метафорических замен в карельских плачах (см.: Степанова А. С., 1985), она хорошо развита также у ижор и води. По мнению известного исследователя карельских причитаний А. С. Степановой, «...вепсская причеть имеет наибольшее расхождение с общей прибалтийско-финской традицией, как в области метафорических замен, так и в системе языка в целом» (Степанова А. С., 2003, 138).

В основе метафорического языка лежит табу, запрет на произношение некоторых слов. Например, в похоронных плачах не употребляют слов «покойник», «смерть». Эти запреты имели оберегающую функцию, чтобы отрицательные силы не могли воздействовать на причитывающего человека или родственников (Чистов К. В., 1960, 13).

Исследователь карельских причитаний У. С. Конкка, рассматривая иносказания, пишет: «...верования с течением времени забывались, табу утратили свою силу, а поэтическая система плачей получила самодовлеющее значение» (Конкка У. С., 1975, 178).

В причети большинства прибалтийско-финских народов существует развитая система метафорических замен терминов родства (Степанова А. С., 2003, 128). Она одинакова как для свадебных, так и для похоронных плачей. Мы будем использовать классификацию, примененную

А. С. Степановой при рассмотрении замен в карельских причитаниях (см.: Степанова А. С., 1985).

В метафорической замене выделяют «семантическое ядро», метафоричность которого основана «на ассоциации по функции или по сходству» (Степанова А. С., 1985, 13). Уточняется, что иногда действует принцип смежности, действие — производитель действия, что ближе к метонимии (Конкка У. С., 1975, 176). Но термин закреплен и функционирует как «метафорическая замена».

В вепсских причитаниях метафорические замены чаще являются двусоставными: опорное слово и определение.

Первая группа замен: опорное слово — отглагольное с суффиксом *-ai, -ei*, это так называемые имена действителя:

Мать: *kalliž kandjaihudem (kalliž kandeihud)* — «дорогая моя выносившая» (от *kanitta* — «носить»).

Отец: *kalliž kazvatejeižem* — «дорогой мой вырастивший» (от *kazvatada* — «растить»).

Такие метафорические замены очень устойчивы и широко распространены в вепсских плачах. Это подчеркивают и некоторые информаторы: «когда плачут (причитывают), мать называют “*kalliž kandeihudem*”, отца — “*kalliž kazvatejeižem*”» (Полевые материалы автора. Далее — ПМА). Но встречаются редкие случаи, когда в плаче отца называют «*kalliž kandeihudem*». Объяснить это можно просто ошибкой, использование именованного в силу традиции, не понимая точной семантики, или, возможно, рассматривать как, например, «носивший меня» на руках.

В языке вепсских плачей, записанных в конце XIX века и в XX веке, рядом с метафорическими заменами иногда употребляются и сами термины родства, образуя композиционные повторы или параллелизмы:

...*Kalliž kazvattajaižem,*
Sõtai tatoihudem,
Sugid i tazoitid
Minun šuukuižid hibusuzid...
(ОВР, 1969, 99)

... Дорогой мой вырастивший,
милый мой батюшка,
расчесал и разгладил ты
мои шелковые волосы...

Кроме терминов «отец», «мать» используются и другие: *poigeižem* — «мой сыночек», *tütrudem* — «моя доченька», *čižoihudem, čičkoihudem* — «моя сестрица», *sizar'* — «сестра», *viikoihudem* — «мой братец», *vonukeine* — «внук, внучек».

Довольно часто встречается и русскоязычное словосочетание *rodimi roditel'* — «родимый родитель», используемое по отношению и к отцу, и к матери.

Kalliž sinä kandeihudem,
Rodimi roditel' mamoihudem...
(Фон. конс. 315/8170)

Дорогая ты меня выносившая,
Родимая родительница матушка...

Другой вид метафорических замен, где опорным словом является субстантивная основа, по смыслу относящаяся к явлениям окружающей природы (Степанова А. С., 1986, 69). Таких замен в вепсских плачах больше, чем отглагольных имен. Применительно к отцу и матери используется замена *vouged peiveihudem* — «мое белое солнышко». Именование отца «солнцем» встречается и в карельских, и в севернорусских свадебных причитаниях. В. П. Кузнецова усматривает в этом мифологический контекст, говоря о единой сущности с функцией «тепла» (Кузнецова В. П., 1986, 96—97).

Далее рассмотрим метафорические замены семантической группы «дети» (дочь, сын, внук). Отличием от прибалтийско-финской традиции является отсутствие в данной группе замен с глагольными основами, такие как «выношенный», «выращенный». Наиболее широко для именованной дочери, сына, внука используется словосочетание *libed linduine* — «милая пташечка».

Прилагательное *libed* переводится как «скользящий», но, соединившись, явно с учетом аллитерации, со словом *linduine* — «птичка», образует очень устойчивое сочетание, которое бытует и в разговорной вепсской речи в качестве ласкового обращения.

Реже встречается замена *sokol sorzeine* — «милая уточка».

Užeske minä puitein	Погоди-ка я попробую
Pagištoitta i lodeižoitta	Разговорить и разбеседовать
Ičiin libedad lindušt,	Свою милую птичку,
Ičiin sokolad sorzašt...	Свою милую уточку...

(ПМА, «Плач по сыну»)

Займствованный из русского языка «сокол» в вепсских причитаниях используется как эпитет с эмоционально-позитивным значением. Сравним *sokol mamoihud* — «милая матушка», *sokol poigeižem* — «милый мой сыночек», *sokol kelüt* — «милый язычок». Это можно объяснить тем, что иногда с заимствованной лексикой в чужом языке могут происходить некоторые семантические изменения (Степанова А. С., 1983, 104).

Маленьких детей или внуков в плачах именуют, кроме *libed linduine*, тавтологическими словосочетаниями, где и определение и определяемое несут одну семантику — «маленький»: *pen' pun'kuine*, *pičukaine pun'kuine* — «маленькая малютка».

Рассмотрим еще одну пару метафорических замен, использованных при оплакивании сыновей. В них присутствует слово *maks*, исторически имеющее значение «печень» (SSA, 1995). Оно стало применяться в качестве ласкового именованья *makseine* — «моя печеночка», жизненно важный орган, сравним с русским «мое сердечко». С течением времени слово *maks* стало восприниматься и как прилагательное «милый», «любимый» или существительное «возлюбленный», «миленок» (СВЯ, 1972). В плаче сына называют: *minun makstukuine* — «мой кусочек печени» (мой миленький), *madal makseine* — «низкая (маленькая) печеночка».

Символика растительного мира встречается в метафорических заменах термина «невеста». Ее именуют *vihand hiineine* (*viher heinaine*) — «зеленая травинка», *lehed lehtesut* — «сочный листочек». В данных примерах наиболее явно видна сама метафора, построенная по принципу сходства, — невеста такая же молодая, свежая, как травинка или листочек. Также очень распространено называть невесту уже упомянутой выше «милой пташечкой» — *libed linduine*. А жениха и его родственников в плачах именуют *verhad vilud armoized* или *verhad vilud avarod armod* — «чужие холодные ласки». Характеристика жениха как «чужого» встречается во всех прибалтийско-финских плачевых традициях и в русских причитаниях (Степанова А. С., 1986, 73).

В отличие от уже перечисленных терминов родства, употребляемых в языке причитаний, мы не находим там слов «муж», «жена». Вместо них используются следующие общие метафорические замены: *polni polnikeine*, можем перевести как «полная половиночка». Слово *polnik*, вероятно, образовано от слова *pol'* — половина с помощью продуктивного суффикса *-nik*, обозначающего в основном названия лиц (напр., *abu* — *abunik*, *tec* — *tecnik*) (Пальмеос П., 1982, 1—2). Сравни в вепс.: *akpol'* — «женская половина, женщина», *mužikpol'* — «мужская половина, мужчина» (преимущественно в семье) (СВЯ, 1972). А определение *polni* взято из русского языка для соблюдения аллитерации.

Другая замена *vesel venceine* — «веселый венец». Вероятно, основой этого образа послужил венец, который используют при церковном обряде венчания.

...Polni polnikeižem,
Vesü sinä venceižem,
Aveidaške sinä ičiiž
Zorkijad silmeižed...
(ПМА)

...Полная моя половиночка,
Веселый ты мой венец,
Открой ты свои
Зоркие глазки...

В системе метафорических замен принято выделять замены «ego» — исполнительницы плача, как она называет себя. В вепских плачах удалось обнаружить лишь следующие именованя русского происхождения:

gor'o-gor'ki — «горе-горькая»

gor'o-gor'ki gor'a — «горе-горькое горе».

Невеста в плаче обращается к сестре:

...Kacuhtaške minun gor'o-gor'kijan päle-se, ...Посмотри на меня горе-горькую,
otaške sä minun vouged da voudeine-se... возьми ты мою белую волошку...
(ОВР, 1969, 38)

Также хочется упомянуть об одном иносказательном именовании. Являясь устойчивым сочетанием в языке вепских причитаний, *veraz vilu randeine* — «чужой холодный бережок», в свадебных плачах означает «замужнюю жизнь, сторону жениха», а в похоронных — «другой мир, мир мертвых». Этот пример еще раз подтверждает генетическое родство свадебного и похоронного обрядов.

Представленный материал позволяет заключить следующее. Система метафорических замен хотя и слабо развита, но все же имеет место в вепских причитаниях. При образовании замен зачастую соблюдается закон аллитерации, активно используются деминутивные формы и притяжательные суффиксы. Также общим для прибалтийско-финской традиции является применение символики птиц и растений. Отличительными чертами можно назвать использование параллельно с иносказательностью некоторых терминов родства, а также отсутствие отлагольных основ в заменах группы «дети».

Список литературы

Конкка У. С. Табу слов и закон иносказания в карельских плачах // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 170—178.

Кузнецова В. П. О мифологическом контексте северно-русских свадебных причитаний // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 80—97.

ОВР = Образцы вепской речи / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1969.

СВЯ = Словарь вепского языка / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972.

Степанова А. С. Русские заимствования в карельских плачах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 96—116.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.

Степанова А. С. Метафорические замены в прибалтийско-финской плачевой традиции (к семантике терминов родства) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 66—80.

Степанова А. С. Карельские плачи (специфика жанра). Петрозаводск, 2003.

Пальмеос П. Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках // Советское финно-угроведение. Таллин, 1982. С. 1—7.

Чистов К. В. Причитания. М.; Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая серия).

SSA = Suomen Sanojen Alkuperä. Helsinki, 1995.

© П. М. Зайков

ФОРМЫ I ПРИЧАСТИЯ АКТИВА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

В языках различных систем причастиями принято называть такие именные формы глагола, в которых сочетаются признаки глагола и имени. Они являются переходной формой между глаголом и именем, чаще всего между глаголом и прилагательным. В разных языках эта грамматическая категория имеет свои особенности. В одних причастия имеют широкий круг семантических значений и выполняют разные синтаксические функции. В других же выражаемые ими значения незначительны, и они выполняют ограниченные синтаксические функции.

В финском языке I причастие актива на *-va*, *-vä* (*kirjaa lukeva poika* ‘книгу читающий мальчик’) выражает продолжающееся или предполагаемое действие и выступает подобно прилагательным в позиции определения. Также функционируют причастия с суффиксом *-v* в эстонском [*alga-v orreaasta* ‘наступающий учебный год’ (Валмет А., Ууспылд Э., Туру Э., 1981, 409—403)], ижорском (*luke-va* ‘читающий’, *maaka-va* ‘спящий’ (Основы, II, 95), водском (*kuttsu-va* ‘зовущий’, *löö-vä* ‘бьющий’), в ливском (*jela-V* ‘живущий’, *tul-be* ‘приходящий’) (Laanest A., 1975, 162) языках. В вепском же языке I причастие актива имеет суффикс *-i*: *rade-i* ‘работающий’ (Зайцева М. И., 1981, 272—275).

В первых грамматиках по карельскому языку классификация причастий достаточно схематична и не всегда учитывает особенности карельского языка, что вполне объяснимо уровнем состояния лингвистической науки того времени. Так, в исследованиях по собственно-карельскому

* Статья подготовлена к публикации на средства Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 04-04-00276а.

и ливвиковскому наречиям А. Генетц полагает, что показателем I причастия актива является *-va, -vä*, например: *lugovan* 'читающего', *lähtövän* 'уходящего' (Genetz A., 1880, 217—219; Genetz A., 1885, 166). В них нет даже намека на активные формы причастий незаконченного действия с суффиксом *-ja, -jä*, типа *pousi-ja räiväni* 'поднимающееся солнце', *läzi-jä-t lapset* 'болеющие дети', которые достаточно активно функционируют во всех диалектах карельского языка. Возникает естественный вопрос: почему А. Генетц не замечает форм активных причастий незаконченного действия на *-ja, -jä*? По всей видимости, он не воспринимал их в качестве причастий. Предположение же о том, что они не употреблялись в то время в карельском языке в функции причастий и возникли позже, придя на смену формам на *-va, -vä*, вряд ли имеет основание, так как за такой короткий период развития во всех диалектах карельского языка не могла произойти тотальная смена суффикса активных причастий незаконченного действия. Скорее, объяснение этому надо искать в том, что грамматика карельского языка А. Генетца во многом строилась по образцу грамматики финского языка.

Е. В. Ахтия (Ahtia E. V., 1936) выделяет причастные формы с суффиксом *-ja, -jä, -j* (основа заканчивается на *ja-, jä-*) на материале сямозерского и суоярвского диалектов, однако называет их формами II презенса активных причастий.

В валдайском диалекте карельского языка П. Пальмеос выделяет активные причастия настоящего времени с суффиксом *-va, -vä*, которые, как отмечает сама, употребляются чрезвычайно редко в таких случаях, как *mie olen elävä ciba, mie šyuvä tahon* 'я живая курица, я есть хочу', *noužovalla n'ed'elil'l'ä tullah miuluo gost'jat* 'на следующей неделе ко мне придут гости'. Вместо них, подчеркивает автор, употребляются отглагольные имена на *-ja, -jä*, например: *tiedäjä vrača* 'знающий врач', *lendäjä hiiri* 'летучая мышь' (Palmeos P., 1962, 67).

В тихвинском диалекте карельского языка В. Д. Рягоев выделяет причастия действительного и страдательного залога. Он отмечает, что к причастиям настоящего времени действительного залога ранее относились причастия на *-va, -vä*, которые перешли в разряд прилагательных (*palava vezi* 'горячая вода'). Вместо них употребляются отглагольные имена на *-ja, -jä, -i*, которые также функционируют в значении прилагательных или существительных, например: *pakkua-ja* 'просящий', *vedäjä* 'тянущий' (Рягоев В. Д., 1977, 157—160).

В исследовании Е. А. Адель, опирающемся на паданский диалект карельского языка, показателем I причастия актива считается *-ja, -jä*: *polttaja mies* 'курящий мужчина'.

В школьных грамматиках и университетских пособиях по собственно-карельскому и ливвиковскому наречиям также выделяются формы I причастия актива на -ja, jä, -ju, -jy, -i (Зайков П. М., 1999, 88; Zaikov P., 1993, 128—129; 2002, 128—129; Markianova L., 1993, 46; 2003, 160).

Таким образом, нельзя сказать, чтобы авторы грамматик и исследований по карельскому языку являлись едиными в определении форм I причастия актива: одни из них считают, что это формы на -va, -vä, другие же — на -ja, -jä.

В. П. Тарасов справедливо замечает, что некоторые авторы грамматик карельского языка, очевидно, не приняли во внимание того факта, что во всех диалектах формы на -va, -vä утратили свою первоначальную функцию активных причастий незаконченного действия и перешли в разряд прилагательных. В примерах типа: (с.-кар.) *pala-va vesi, jouta-va aika, väkö-vä čäijy*; (ливв.) *hiila-vu vezi, jouda-vu aigu, väge-vy čöju, väge-u čai*; (люд.) *hiila-u vezi, jouda-u aig(e), väge-u čai* 'горячая вода, свободное время, крепкий чай' формы на -va, -vä полностью адъективизировались и утратили свое первоначальное значение действия, приписываемого предмету или лицу как его свойство или признак (Тарасов В. П., 1963, 67). И действительно, формы слов *palava, hiila(v)u* в настоящее время утратили свое первоначальное семантическое значение, связанное с горением. Если бы в карельском языке они употреблялись в конструкциях типа **palava pirtti; hiilava, hiilau pert(i)*, то тогда были бы все основания говорить об этих формах, употребляющихся в качестве причастий. Однако названные слова потеряли первоначальное значение действия, связанного с горением. Значение слова *palava, hiilavu, hiilau* стало иным и ныне означает «горячий», а не «горящий». Это слово является прилагательным, поскольку оно выражает постоянный, не зависящий от времени признак. Причастие же выражает действие, которое приписывается лицу или предмету как свойство, проявляющееся во времени. Помимо того, эти формы, подобно другим прилагательным, имеют степени сравнения: *palava, hiilavu vesi* 'горячая вода' — *palavampi vesi, hiilavampi vezi* 'более горячая вода' — *palavin vesi, hiilavin vezi* 'самая горячая вода'. Причастие же, как известно, степеней сравнения не имеет. В карельском языке, как отмечает В. П. Тарасов, немалое количество бывших причастий на -va, -vä субстантивировалось, например: *Huolova laisalda kiäštä kiskou* 'заботливый у ленивого из рук вырвет'. *Elävy kuoliedu ei varua* 'живой мертвого не боится'. *Kekšova toizen hairahukšep piäh ottau* 'смекалистый ошибку другого на ус наматывает' (Тарасов В. П., 1963, 67). Все сказанное говорит о том, что в карельском язы-

ке подобные формы на -va, -vä ошибочно относить к причастиям, в настоящее время они являются прилагательными либо существительными.

В предложениях типа: (Оуланга) Jumalan **molija** ukko oli ta mečässä, oli hänellä kel'l'a (KK, 8) 'верящий в бога старик жил в лесу, у него была келья'; (Паданы) Sil'l'ä aigua vet't'ä tuuvvah, **juoksijua** vet't'ä 'в это время приносят воду, проточную (букв. текущую) воду'; (Видлица) **Lendäjäh** linduh et ugodì (KKS, III, 63) 'не попадешь в летящую птицу'; (Тивдия) **Itkijän** lapsen nägin pihal (LMS, 93) 'я видел во дворе плачущего ребенка' слова **molija**, **juoksijua**, **lendäjäh**, **itkijän**, как и имена прилагательные, обозначают признаки предметов, а именно: старик какой? — молящийся богу (**molija**); вода какая? — проточная (**juoksija**); птица какая? — летящая (**lendäjä**); ребенок какой? — плачущий (**itkijä**). В то же время эти слова обозначают и действия предмета: **molja ukko** 'верящий в бога старик' = **ukko**, **joka molii**; **juoksijua vet't'ä** 'бегущую воду' = **vet't'ä**, **kumpani juoksou** 'воду, которая бежит'; **lendäjäh linduh** 'в летящую птицу' = **linduh**, **gu lendäy**, **itkijän lapsen** 'плачущего ребенка' = **lapsen**, **gu itköu**. Другими словами, названные слова обозначают признаки предмета по действию, т. е. такие признаки, которые создаются действием. Грамматическим значением причастий является, таким образом, признак предмета по его действию.

Морфологическим признаком причастий следует считать сочетание в одном слове свойств прилагательного и глагола. Причастие, как и прилагательное, выступая в предложении определением, изменяется по числам и падежам, т. е. склоняется, согласуясь с существительным, например: (с.-кар.) **juoksija** **poika** 'бегущий мальчик', **juoksijat** **pojat** (ном. мн. ч.), **juoksijan** **pojan** (ген. ед. ч.), **juoksijien** **poikien** (ген. мн. ч.), **juoksijua** **poikua** (парт. ед. ч.), **juoksijie** **poikie** (парт. мн. ч.) и т. д.

Причастия имеют некоторые свойства глаголов. Так, они опосредованно соотносятся с грамматической категорией времени. По этой причине различают причастия незаконченного и законченного действия. Первые из них по семантике непосредственно связаны с настоящим временем, когда действие причастия определяется как незаконченное (**juoksija heponi** ~ **juoksii hebone** 'бегущая лошадь').

Синтаксический признак причастий — быть в предложении определением: (Тунгуда) **Haukkujasta** **koirasta** ei ole **purijaksi** 'лающая собака не кусается'. Причастия могут управлять глагольными наречиями, равно как и именами, выступающими как обстоятельства, а при переходных по значению причастиях — прямыми дополнениями, например: (с.-кар.) **Niän kanto** **likaista vettä** **läikkyjät** **sankot** 'он нес ведра, из кото-

рых выплескивалась грязная вода'. Ei ruatuo ruatajalta ihmiseltä loppu 'у рабочего человека работа не кончается'.

В прибалтийско-финском языкознании причастия подразделяют на активные и пассивные. Перед исследователем карельского языка встает вопрос, есть ли смысл делить причастия по этому принципу. Вопрос не праздный, так как в одних исследованиях выделяют активные и пассивные причастия (А. Генец, Е. Ахтия, П. Пальмеос, Л. Адель, П. Зайков, Л. Маркианова), в других же речь идет о залоговых отношениях. Так, в работе В. Д. Рягоева выделяются причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени и страдательные причастия незаконченного и законченного действия. Попытаемся выяснить, идет ли в данных случаях речь о разной терминологии или о принципиально важных грамматических реалиях.

Обратим внимание прежде всего на то, что языковеды придерживаются разных точек зрения относительно пассивных форм глагола в прибалтийско-финских языках. Финитные формы глагола, называемые в финском и эстонском языках пассивными, являются по сути своей не пассивными, а неопределенно-личными, имперсональными. В финском языке в глагольных формах типа katsotaan 'смотрят', katsottiin 'смотрели', katsottaisiin 'смотрели бы', katsottaneen 'возможно, смотрели бы' нет пассивного или страдательного значения. В них подразумевается, что деятелями могут быть все или неопределенные люди (см. об этом подробнее: Shore S., 1986; Zaikov P., 1999). В карельском языке соответствующие формы kačotah, kačottih, kačottais, kačottaneh могут быть одновременно и активными, если в предложении присутствует подлежащее (Нуӧ kačotah, kačottih, kačottais, kačottaneh 'они смотрят, смотрели, смотрели бы, возможно, смотрели бы') и неопределенно-личными, если подлежащее в предложении отсутствует (Siellä kačotah, kačottih, kačottais, kačottaneh 'там смотрят, смотрели, смотрели бы, возможно, смотрели бы'). На наш взгляд, нет никаких оснований говорить о пассивности финитных форм глаголов в карельском языке. В действительности они являются активными формами 3 л. мн. числа, выступающими также в неопределенно-личном значении (Zaikov P., 1989, 243—248).

Именные же формы глагола, в отличие от финитных, имеют собственно-пассивное значение. В них, независимо от того, являются ли причастия законченного или незаконченного действия, наличествует собственно-пассивное значение. Здесь нет и не может быть действителя, он даже не может подразумеваться, например: paissettava, pastettavu 'долженствующий быть испеченным, выпекаемый' и paissettu, pastettu 'испеченный'. М. Э. Куусинен отмечает, что если под страдательным залого-

вым значением понимать такое отношение, когда лицо или предмет, выступающие в роли подлежащего, само не производит действие, а испытывает на себе чье-либо действие, являясь логическим объектом этого действия, то так называемые пассивные глагольные формы в современном финском языке являются по своему значению не пассивными, а неопределенно-личными. Современные же финские пассивные причастия образовались от основ пассивных форм глагола, когда они сохраняли еще свое пассивное значение (Куусинен М. Э., 1954, 7—8). Исходя из этого, полагаем, что есть все основания и в карельском языке выделять активные и пассивные причастия, которые, в свою очередь, подразделяются на причастия незаконченного и законченного действия.

Следует обратить внимание на то, что в отдельных случаях граница между причастиями, с одной стороны, и прилагательными и существительными — с другой, может быть достаточно подвижной по той причине, что обе эти части речи исторически использовались в качестве определения. Важно подчеркнуть, что прилагательное имеет значение действия, приписываемого предмету или лицу как его постоянное свойство или признак. И если бывшее причастие приобретает его, то в этих случаях мы имеем дело с переходом этой грамматической категории в имена прилагательные или существительные. Проблема субстантивации и адъективизации причастий является темой отдельного исследования, которое требует от лингвиста как прекрасного практического владения языком, так и тонкого лингвистического чутья. В качестве примера подобного исследования можно было бы привести монографию: Koivisto H. Partisiippien adjektiivistuminen suomen kielessä. Helsinki, 1987.

Формальным признаком начальной формы I причастия актива в собственно-карельском наречии является **-ja, -jä, -i**. Последнее, правда, выступает в ограниченном количестве диалектов, а именно в мяндусельгском, поросозерском и тихвинском диалектах собственно-карельского наречия, например: (кест. диал.) halkuo **kantaja** poika 'дро-ва несущий мальчик'; (тихв. диал.) a tuon' ol'i n'**ukkui** akkan'e (Ряговев В. Д., 1977, 156) 'она была такая дремлющая старушка'; (поросоз. диал.) ken tuo **tulii** poiga on? 'кто это, тот приходящий парень?'

В ливвиковском наречии в номинативе ед. числа суффиксами активных причастий незаконченного действия выступают **-ju, -ju, -i**, например: (сямоз. диал.) venehty **lykkyäju** mies 'толкающий лодку мужчина'; (тулмоз. диал.) Vezi ewllut peel'iči **menii**, a alači **men'ii** oli (ОКР, 1969, 194) 'вода не поверху проходящей была, а понизу проходящей'.

В людиковском наречии суффиксами названных форм причастий являются **-j, -i**: (сев.-люд. диал.) Vierii kivi igin ei sammalzu 'движущий-

ся камень никогда не зарастет мхом'; (святоз. диал.) **Höhöttäj** oli tuغوoine mužikke (LT, VI, 108) 'такой смеющийся человек был'; (мих. диал.) T'ämä vuož ol'i paha, a **tulii** vuož l'ienou vie pahemb 'этот год был плохой, а наступающий год будет еще хуже'.

В результате отпадения конечного гласного в ливвиковском и людиковском наречиях, а также в некоторых диалектах собственно-карельского наречия суффиксом активных причастий незаконченного действия в номинативе единственного числа становится -j, который позднее вокализировался и перешел в гласный i. Другими словами, переход имел следующий вид: -jV > j > i, например: (ливв.) rakiččija > rakiččiju > rakiččij > rakiččii 'говорящий'. Изначально суффикс активных причастий незаконченного действия оканчивался на гласный а, ä, т. е. имел вид -ja, -jä. Как известно, в ливвиковских диалектах во всех двусложных именах существительных, прилагательных и наречиях произошел переход конечных а, ä > u, у в случаях, если первый слог был исторически долгим (poika > poigu, mähnä > mähny, äijä > äiju). Подобный фонетический сдвиг коснулся также трех- и четырехсложных слов (isäntä > izändy, lykkiäjä > lykkiäju). Позднее также и в грамматических суффиксах происходят указанные фонетические изменения. Так, например, падежным окончанием партитива является -tu, -ty, -du, -dy (miesty 'мужчины', kielydy 'языка'), эссива -ппи, -ппу (poigannu 'парнем', järvenny 'озером'). Этот фонетический закон коснулся и показателя активного причастия незаконченного действия: -ja, -jä > -ju, -ju. Позднее конечный гласный суффикса выпал и согласный j сократился до гласного i. Правильность сказанного подтверждается также тем, что первоначальный суффикс -ja, -jä восстанавливается в косвенных падежах, например: rakiččii ristikanzu 'разговаривающий человек': rakiččija-n ristikanzan (ген. ед. ч.), rakiččija-s ristikanzas (ин. ед. ч.), rakiččija-l ristikanzal (ад. ед. ч.), rakiččija-ttah ristikanzattah (аб. ед. ч.) и др.

Суффикс I причастия актива или активного причастия незаконченного действия присоединяется к лексической основе глагола. При этом конечный гласный основы е переходит в гласный i. Основа одноосновных глаголов является всегда сильной, например: (с.-кар.) kaččo-ja (naini) 'смотрящая (женщина)', vetä-ja (heponi) 'тянущая (лошадь)', luki-ja (poika) 'читающий (мальчик)' (основа luke-). В ливвиковском наречии суффикс -ju, -ju присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонг, например: tuo-ju (poigu) 'приносящий (мальчик)', vie-ju (ristikanzu) 'уносящий (человек)', hylgiä-ju (izändy) 'отвергающий (хозяин)'. После краткого же гласного выступает суффикс -i, например: käveli-i (brihačču) 'гуляющий парень', ruada-i mužikku 'работающий мужик'.

Отметим, что I причастие актива выступает в предложении, прежде всего, в качестве определения: (Оуланга) **Nousijalla** netälillä lähemmä tietä viehkottamah 'на следующей неделе мы пойдем отмечать вешками дорогу'; (Мяндусельга) Tuo on tyhjä **pagizii akka** 'та женщина болтает пустое'; (Сямозеро) Suuret passibot **tuojal dai työndäjäl** ristikanzal 'большое спасибо отправляющему и привозящему человеку'; (Тивдия) **Itkijän** lapsen nägin pihal (LMS, 93) 'я видел плачущего ребенка во дворе'. При этом, являясь определением, активное причастие незаконченного действия не всегда стоит перед тем словом, которое оно определяет. Довольно часто оно непосредственно следует за определяемым словом либо они разделены обстоятельствами: (Ухта) Kokkoseni, lintuseni, ota koprasta koppalat, syö lihat **liikkujat** 'птица, орел, возьми с руки копелку, съешь мясо живое'; (Тунгуда) Mie vuotin veijoistani, veijoistani, min'n'aistani kuin kuuda **nouzijua** (УПТК, 164) 'я ждал своего брата, брата, невестку, словно месяца поднимающегося'; (Тулмозеро) On kymmene mužikkua **purastajua** (ОКР, 1969, 207) 'десять мужиков, рубящих лед'; (Ведлозеро) Brihat ned jällez **ajajad** lähtietäh eäres (KKN, II, 40) 'мальчики те, догоняющие, уходят'. Подобное употребление активных причастий незаконченного действия характерно прежде всего для фольклорных текстов. В этих случаях предложения с активным причастием незаконченного действия соответствуют сложноподчиненным предложениям, в которых придаточное предложение является относительным, например: (Оуланга) **Nousijalla** netälillä lähemmä tietä viehkottamah 'на следующей неделе мы пойдем отмечать вешками дорогу' (Netälillä, kumpani nousou, lähemmä viehkottamah tietä 'на неделе, которая наступит, мы пойдем провешивать дорогу'); (Мяндусельга) Tuo on tyhjä **pagizii akka** 'та женщина болтает пустое' (=Tuo on akka, ku pagizou tyhjä 'та такая женщина, которая болтает пустое'); (Сямозеро) Suuret passibot **tuojal dai työndäjäl** ristikanzal 'большое спасибо отправляющему и привозящему человеку' (=Suuret passibot ristikanzale, gu tuou dai työndäy 'большое спасибо человеку, который приносит и отправляет'); (Тивдия) **Itkijan** lapsen nägin pihal (LMS, 93) 'я видел плачущего ребенка во дворе' (=Nägin pihal lapsen, gu itki 'я видел во дворе ребенка, который плакал').

Собственно-карельское наречие

Кестеньга. Muö tulemma teilä ativoih **tulijana** netälinä 'мы приедем к вам в гости на следующей неделе'. Marja on **mänijä** tavara, se ossetah teräväh 'ягода — ходовой товар, ее быстро скупают'.

Ухта. Kotkottau kuin **munjia** kana 'квохчет, как несущаяся курица'. Lohi on vastavirtah **nousija** kala 'лосось — рыба, плывущая против течения'.

Вокнаволок. Piika se on miunki luonun alla sieklan sieklottavan, alla kiven jauhottavan, alla **juoksijan** jalan ‘служанка и меня создала под рабочим ситом, под работающей каменной мельницей, под ногами бегающими’. Parempi on kaččuo **nakrajan** ihmisen suuh kuin **itkijän** ‘лучше смотреть в рот смеющегося, чем плачущего человека’.

Юшкозеро. Tuolla sukkaa **tikutajalla** ämmöllä on hyvä näkö ‘у той бабушки, вяжущей носок, хорошее зрение’. Tuolda kalua **jakuajalta** ukolta kyllä et ota liikua ‘у того деда, делящего рыбу, не возьмешь лишнего’.

Панозеро. Hiän ei nähnyн muuta ku **losnijat** napit (Панозеро..., 419) ‘он ничего не видел, кроме блестящих пуговиц’. Niinkuin l’indu l’end’äjä läksi ‘он убежал, как летящая птица’.

Ругозеро. Šiidä hän ambu läbi **lämbijen** lihojen (КЭП, 178) ‘потом он выстрелил сквозь теплое тело’. **Puškijan** bokon šarvet on kaikičči verešša (KKS, V, 293) ‘у бодливого барана рога всегда в крови’.

Тунгуда. Mie vuotin veijoistani, veijoistani, min’n’aistani kuin kuuda **nouzijua** (УПТК, 164) ‘я ждал своего братца, братца, невестку, словно месяца поднимающегося’. Haukkujasta koirašta ei tule **purijaksi** (УПТК, 164) ‘лающая собака не станет кусающей’.

Паданы. Sroičalla viel’ä i **tul’ijalla** ryhällä päiviä toizella tullaa (ДКСК, 137) ‘в Троицу, еще и в следующее воскресенье другие приходят’. Rahvasta **maoajoa** kävelöy pert’ilöi myöt’e (ДКСК, 164) ‘по избе ходит спящий народ’.

Поросозеро. Šiidä (torvešta) tuli **katkielija** eän’i (KKS, I, 138) ‘из той трубы слышался прерывистый звук’. N’iinkuin l’indu l’endäjä läksi (KKS, III, 63) ‘он помчался, как птица летящая’.

Тихвин. Muon’ on veičči **kiskuoja** (Рягоев В. Д., 1977, 156) ‘был такой нож для щипания’. А муон’ ol’i **n’ukkui** akkan’e (Рягоев В. Д., 1977, 156) ‘она была такая дремлющая старушка’.

Толмачи. Män’ijä hebon’e nagole on laiha, а laiska pyz’yy t’ielašša (LL, 60) ‘хорошая лошадь всегда тощая, а ленивая всегда в теле’. **Virduajua** vet’t’ä et pie (LL, 62) ‘проточную воду не остановишь’.

Весьегонск. Vljasti Ves’s’is’s’a ruuttu bohatoilla, а ei **rjadajalla** rahvahalla (ОКР, 1963, 8) ‘власть в Весьегонске оказалась в руках богато-того, а не рабочего люда’. Talven i **tulijan** kez’än iče syötän i juotan heid’ä (ОКР, 1963, 9) ‘зиму и следующее лето я сама буду кормить и пить их’.

Валдай. **Ottaja** kät’i ei vaivu, **andaja** vaibuw (KVM, 1349) ‘берущая рука не устает, дающая — устает’. N’in lienöw **pagizija** briha (KVM, 183) ‘парень будет разговорчивым’.

Ливвиковское наречие

Сязозеро. *Ečittelijän* kažin vačč on ainoz täyz (KS, 45) 'живот ворующей кошки всегда полон'. *Reboi ei d'ia kuadajan puun al* (KS, 421) 'лиса не останется под падающим деревом'.

Тулмозеро. *Äänetöi koiru raviemba puroo gu haukkui koiru* (KS, 51) 'нелаящая собака быстрее укусит, чем лающая'. *Eig ole kanaa kakattajaa eigo kukkii kurkettajaa* (KS, 131) 'нет ни курицы вкочушей, ни петуха кукарекающего'.

Ведлозеро. *Lykkeä kai sovad lämbiejäh päččih* (ТАК, 16) 'брось всю одежду в горящую печь'. *Brihat ned jällez ajajad lähtietäh eäres* (KKN, II, 40) 'мальчики те, догоняющие, уходят'.

Видлица. *Lendäjäh* linduh et ugodi (KKS, III, 63) 'в летящую птицу не попадешь'. *Ketbo ollah net seizojat rahvas?* 'Кто это те, стоящие женщины?'.

Коткозеро. *Ga ičepalajat on moižet kasket* (ОКР, 1969, 145) 'такие подсеки являются самовозгорающимися'. *Tulii vuozii tägäliči tulou* 'будущий год придет'.

Рыпушкалица. *Eigo ole ammuin kadonnuh kal'l'is armozen'i tulluh hot' l'endäjänny l'ipoi'l'induzennu* (ОКР, 1969, 48) 'не прилетел ли дорогой кормилец-отец хоть летающей бабочкой'. *Juaksii hukku ryörijängi lambahan ottau* (ОКР, 1969, 69) 'голодный волк не брезгует и большой овцой'.

Неккула. *Libujat l'induzet, l'ennelkiä kallehen armozen luwhuzil'e riäl'e!* (ОКР, 1969, 95) 'милые птицы небесные, летите к косточкам моего милого родителя!'. *Muarjan syöjiä muadu vaste* (ОКР, 1969, 138) 'клюющего ягоды на землю валит'.

Кондуши. *Kežäl mečäs oli äijy siendy keryäjiä ristikanzua* 'летом в лесу было много людей, собирающих грибы'. *Älä koske molijua ristikanzua* 'не беспокой молящегося деда'.

Людиковское наречие

Тивдия. *Itkijän* lapsen nägin pihal (LMS, 93) 'я видел плачущего ребенка во дворе'. *T'ähä halmehēe vil' tulian kazvau kezän niitettäväkš* (LMS, 114) 'на этом поле вырастут зерновые, которые уберут в следующее лето'.

Галезеро. *Oli meil mečäss eläi zvier'* (LT, I, 150) 'был у нас в лесу живой зверь'. *D'algele pan'imme kiehujai kipätikai* (LT, I, 154) 'потом мы это положили в кипящий кипяток'.

Святозеро. *Kylläl tul'ijan vuodengi kazvata* (LT, VI, 116) 'вдоволь выращивай и в следующем году'. *Höhöttäj oli muguoine mužikke* (LT, VI, 108) 'такой смеющийся человек был'.

Михайловское. Minä l'öyd'in dorgan vieros **kuol'ian** g'ebuoin 'на обочине дороги я нашел мертвую лису'. T'ämä vuož ol'i paha, a **tulii** vuož l'ienou vie pahemb 'этот год был плохой, а наступающий год будет еще хуже'.

Активные причастия незавершенного действия употребляются в предложении также в качестве именной части составного именного сказуемого, например: Takin kuupäspiät oltih **losnijat** 'локти пиджака были блестящими'. Подобное употребление является более характерным для собственно-карельского наречия и менее — для ливвиковского и людиковского наречий.

Собственно-карельское наречие

Оуланга. Heijän lapset ei olla **kuuntelijat** 'их дети непослушные'. Miun lapsi on oikein **itkiija** 'мой ребенок очень плачущий'.

Кестеньга. Vanhalla naisella n'ännit ollah jo **rippujat** 'у старой женщины груди уже висят'. Vesi oli luan läpičči **valuja** 'вода протекала сквозь потолок'.

Ухта. Tuo heponi tuli **rammiččijaksi** 'та лошадь стала хромать'. Kylunkiukuia ei ollut **ulošlämpiejä**, še oli **šisählämpiejä** (KKN, II, 87) 'банная печь топилась не наружу, а вовнутрь'.

Вокнаволок. Ukko oli jo vanha ta **vilunvarasija** (ЯН, 101) 'дед уже был старый и холода боящийся'. Kikki on maituo **lakkija** 'котенок лакает молоко'.

Контокки. Rahvas oltih **ruatajat** (PK, 52) 'народ был работающим'. Kylässä rahvas oltih **ruatajat** (PK, 52) 'люди в деревне были работающими'.

Юшкозеро. Pelto oli kovuan **mečittyjä** 'поле сильно зарастало'. Sussiedan kazit ollah n'**augujat** 'соседские кошки мяукающие'.

Панозеро. Tähet ollah **tuikkijat** 'звезды мерцающие'. Tuo ämmö on oikein **molija** 'та бабушка очень набожная'. Tuo kissa on **kynzija** 'та кошка царапается'.

Паданы. Vuabo ol'i **suut'ija** miän (ДКСК, 113) 'бабушка была осуждающей нас'. Ku ollou t'yt'är ollut muamon **uvažaiččija** (ДКСК, 66) 'если была дочь, мать уважающая'. Tuo bokko ei ole **puškija** 'тот баран не боится'.

Поросозеро. Heilä ovi on **ičešalbautuja** 'у них дверь самозакрывающаяся'. Pert't'i on suveh očin **seisoja** 'дом построен фасадом на юг'. Nuo suarrahahat ollah **puristajat** 'те сапоги жмут'.

Тихвин. Luat oldii **los'nijat** (Рягоев В. Д., 1977, 156) 'потолки были блестящие'. Muon' on veičči **kiskuoja** (Рягоев В. Д., 1977, 156) 'был такой нож для щипания'.

Толмачи. Paha briha ol'i, muijen **nagraja** (СКЯ, 1994, 174) 'парень был плохой, насмешник'. T'yt't'ö on ves'ma **ruadaja** (СКЯ, 1994, 241) 'девушка очень работающая'.

Весьегонск. Miwla poiga jo hallon i vejen **kandaja** (СКЯ, 1994, 86) 'у меня сын уже подносчик дров и воды'. Še emändä oli oigein **nagraja** 'та хозяйка была очень веселая'. Poiga on **ottaja luad'ie mid'äigi káz'il'l'ä** 'сын, восприимчивый мастерить своими руками'.

Дёржа. Hiän on ylen raha **maksaj** 'он плохо выплачивает долг'. Tuo lapsi on ylen **läzij** 'тот ребенок больной'. Muatkoh ol' toož, e jollun **ragz'iji** (СКГ, 77) 'свекровь тоже была неразговорчивая'.

Ливвиковское наречие

Сязозеро. Häi on podr'oadan **zaimija** 'он — получатель подряда'. Hallod loppih, tuli on **sambuja** 'дрова закончились, костер затухает'.

Тулмозеро. Häi on aina tyttölöi **nagrai** 'он всегда над девушками смеется'.

Ведлозеро. Lehmy on ylen hyvä **lypsäju** 'корова очень дойная'. On kymmene mužikkua **purastajua** (ОКР, 1969, 207) 'имеется десять мужиков, рубящих лед'.

Видлица. Häi oli **siästäjänny** naizennu, hänel ainos löydyy liigu koreikku 'она была экономной женщиной, у нее всегда была лишняя копейка'. Ristikanzu oli **keksijänny** miehenny, häi autoi piästä peril 'он был выдумщиком, он помог мне добраться до места'.

Коткозеро. Ga **ičepalajat** on moižet kasket (ОКР, 1969, 145) 'такие подсеки являются самовозгорающими'. Häi on passibot **tuuju** ristikanzu 'он привез благодарности'.

Рыпушкалица. Mui't'en brihačut on yl'en **ruadajat** (НКК, 314) 'вообще-то ребята очень работающие'. Häi on kodih **lähtii** ristikanzu 'он, домой уходящий человек'.

Неккула. Neče ristikanzu on **ajatteli** 'тот человек думающий'. Lapsi oli **itkii** 'ребенок был плачущим'.

Людиковское наречие

Тивдия. Lapsed oldah **kuundelijat** 'дети послушные'. Tuo kivi on **vierii** 'тот камень шевелится'.

Галезеро. Kip'atka oli **kiehui** 'кипяток был кипящим'.

Святозеро. Brihačč oli **matinpanii** 'парень ругался бранными словами'.

Михайловское. Neče mužikk om rahan **ruadai** 'этот мужик плохой человек'.

Список литературы

- Адель Е. Л.* Глагольное словоизменение в карельском языке. Петрозаводск, 1998.
- Валмет А., Ууспылд Э., Туру Э.* Учебник эстонского языка. Таллин, 1981.
- ДКСК = Духовная культура сегозерских карел / Сост. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л., 1980.
- Зайков П. М.* Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.
- Зайцева М. И.* Грамматика вепского языка. Л., 1981.
- Куусинен М. Э.* Причастия в финском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1954. Арх. ш. Ф-16. Оп. 43. № 216.
- КЭП = Карельские эпические песни. М.; Л., 1950.
- ОКР = *Макаров Г. Н.* Образцы карельской речи. Л., 1963.
- ОКР = *Макаров Г. Н., Рягоев В. Д.* Образцы карельской речи. Л., 1969.
- Основы II = Основы финно-угорского языкознания. М., 1975.
- Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003.
- Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.
- СКЯ = Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001.
- Тарасов В. П.* Употребление причастий незаконченного действия в карельском языке // Труды карельского филиала АН СССР. Прибалтийско-финское языкознание. Вып. XXXIX. Петрозаводск, 1963. С. 65—69.
- Устная поэзия тунгудских карел / Сост. А. С. Степанова. Петрозаводск, 2000.
- ЯН = Язык и народ. Петрозаводск, 2002.
- Ahtia E. V.* Karjalan kielioppi. Suojärvi, 1936.
- Genetz A.* Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi. 11:14. 1880. S. 3—247.
- Genetz A.* Tutkimus Aunuksen kielestä // Suomi. II:17. 1885. S. 3—194.
- KK = *Virtaranta P.* Kultarengas korvaan / SKST 303. Helsinki. № 205.
- KKN II = Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1934.
- KKS I = Karjalan kielen sanakirja. I osa. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1968.
- KKS III = Karjalan kielen sanakirja. III osa. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1983. XVI, 3.
- KKS V = Karjalan kielen sanakirja. V osa. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1997. XVI, 5.

Koivisto H. Partisiippien adjektiivistuminen suomen kielessä. Helsinki, 1987.

KS = *Miettinen Liisa ja Leino Pentti* Karjalaisia sananpolvia. Helsinki, 1971.

KVM = *Palmeos P.* Karjala valdai murrak // *Tekstid.* Tallinn, 1962. S. 78—292.

Laanest A. Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse. Tallinn, 1975.

LL = *Virtaranta P.* Lähisukukielten lukemisto // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia.* Helsinki, 1967. № 280.

LMS = *Lyydiläismurteiden sanakirja / Toim. ja julk. Juho Kujola.* LSFU IX. Helsinki, 1944.

LT I = *Virtaranta P.* Lyydiläisiä tekstejä. I // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia.* Helsinki, 1963. № 129.

LT VI = *Virtaranta P.* Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. VI // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia.* Helsinki, 1994. № 218.

Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Verbit. Adverbit. Petroskoi, 1993.

Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi, 1994.

PK = *Lyytinen L.* Priusan kolkkajaiset. Kalevala—Uhtua, 1996.

Shore S. Onko suomessa passiivia? Jyväskylä, 1986.

TAK = *Genetz A.* Tutkimus Aunuksen kielestä // *Suomi.* II:17. 1885. S. 3—194.

Zaikov P. Onko karjalassa passiivia? // *Läänemeresoome periferiat.* Voru, 1999.

Zaikov P. Karjalan kielen kielioppi. II. Petroskoi, 1993.

Zaikov P. Karjalan kielioppi. Petroskoi, 2002.

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОРМ I ПРИЧАСТИЯ АКТИВА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

В карельском языке активными причастиями незаконченного действия, или I причастия актива, являются формы на -ja, -jä, -ju, -ju, -i (kirjua lukija roika 'читающий книгу мальчик'), которые взятые отдельно являются существительными — названиями действующателя (lukija 'читатель'). Названные причастия происходят от имен действия. По мнению Д. В. Бубриха, имена действия кроме своего основного значения могли обозначать действующателя, орудие или средство действия, объект действия, результат или эффект действия в зависимости от своей позиции в построении, в которое они входили. Так, имя действия со значением «лов» могло обозначать действующателя («ловец», «ловящий»), если оно оказывалось в позиции определения по отношению к названию человека, являющегося активным действующателем. В таком случае развитие шло по линии «слово-человек» — «ловец-человек» и «ловящий человек». То же имя, оказываясь в позиции определения по отношению к названию животного или неживого предмета, являющегося объектом действия, стало обозначать объект действия: «слово-заяц» — «улов-заяц» и «пойманный заяц». В дальнейшем это значение, получаемое именем действия в позиции определения, могло закрепляться за именем действия, оформленным так или иначе морфологически. Полученное таким образом новое значение сохранилось за именем и в том случае, если оно выходило из позиции определения. Так на основе случаев вроде «ловец-человек», «ловящий человек» у имени действия закреплялось значение «ловец», «ловящий» (Бубрих Д. В., 1959, 48—49; 1955, 80—81).

Д. В. Бубрих показывает, что на основе прежних р-овых и j-овых имен действия развились в финском языке, с одной стороны, причастия на -va, -vä (antava 'дающий', lukeva 'читающий'), с другой стороны, имена существительные на -ja, -jä (laulaja 'певец', näyttelijä 'актер').

Подобный ход развития подтверждается эстонским, карельским, вепсским, ливским, водским, саамским языками. В некоторых диалектах финского языка, так же как и в старой финской литературе, активными

* Статья подготовлена к публикации на средства Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 04-04-00276а.

причастиями незаконченного действия очень часто выступают формы на -ja, -jä. Так, М. Агрикола наряду с причастиями на -va, -vä или -ra, -rä употребляет причастия на -ja, -jä: *wirg hottaia hengi* 'ободряющий дух'; *raatelija hirmussus* 'терзающее чудовище'; *ouenuartia pisa* 'дверь стерегущая прислуга' и др. (Ojansuu H., 1909, 141).

В эстонском языке наряду с причастиями на -v употребляются причастия на -ja, например: *leikaja puga* 'режущий, острый нож'; *metsas käijä roeg* 'в лес ходящий мальчик' (Wiedemann F. J., 1875, 459). В вепском языке суффиксом интересующей нас формы причастия является -i, -ja, например: *voikai laps* 'плачущий ребенок'; *voikjad lapsed* 'плачущие дети' (Языки, 1966, 93). В ливском языке широко употребляемы причастия незаконченного действия на -ja, -ji, например: *oudija kana* 'высиживающая яйца курица'; *loolaji lind* 'поющая птица'; *juoji vaiski* 'хорошо пьющий теленок' (Kettunen L., 1947, 86). В саамском языке причастия незаконченного действия имеют разного рода модификации с согласным j или без него, повлекшим удлинение конечного гласного, например: *raggoj* 'едащий', *čuarvaj* 'кричащий', *juGkej* 'пьющий', *kiessee* 'тянущий', *kaŋoo* 'шьющий', *lahkee* 'читающий' и др. Все они восходят к суффиксу -*jee, исторически связанному с праприбалтийско-финским суффиксом -ja, -jä (Korhonen M., 1981, 289—299).

Рассматриваемые формы причастий широко представлены в восточно-финских диалектах и в эпосе «Калевала»: *hyvin tietäjä ukko* 'хорошо знающий старик'; *kyudillä ajajaa reissuavaista varten* 'для едущего на почтовых путешественника' (Latvala S., 1899, 59); *pian kantaja lehmä* 'вскоре телящаяся корова'; *lapiksi puhuja mies* 'по-саамски говорящий мужчина' (Cannelin K., 1888, 49); *liikkuja kala lihava* 'двигающаяся рыба жирная'.

В современном финском литературном языке, как известно, признаком I причастия актива является -va, -vä, например: *antava, lupaava, ruutävä, näkevä* 'дающий, обещающий, ловящий, выдающий'. Этот же суффикс представлен в эстонском литературном языке: *saav, keev, muuv* 'получающий, кипящий, продающий'. В водском и ижорском языках представлена та же картина: (водский) *saava, tšihuva, peleva* 'получающий'; (ижорский) *kyntävä, laulava*.

В эпосе «Калевала» исторические причастия на -vi и -ri вполне типичны и широко употребляемы. Они выступают в значении 3 л. ед. числа изъявительного и возможностного наклонений глаголов: *Tuolla Ahtola asuvi, neiot Vellamon venvyvi* (Kalevala, 1964, 29) 'там Ахтола живет, девы Велламо лежат'. *Tuossa nuori Joukahainen jo vähän ajattelevi, pikkuisen piättelevi* (Kalevala, 1964, 35) 'и тут молодой Еукахайнен уже

немного подумал, кое-что решил'. Vaka vanha Väinämöinen uipi aavoja syviä (Kalevala, 1964, 37) 'старый мудрый Вяйнямёйнен плывет по глубокой водной глади'.

В современном состоянии карельского языка лично-числовым окончанием названных глагольных форм является -у, -ю, например: tulo-у 'он придет'; lähtö-ю 'он пойдет'; polt(t)appo-у 'возможно, он сожжет'; lykänpö-у 'возможно, он толкнет'. В южно-карельских периферийных диалектах и в людиковском наречии заднерядный алломорф -у выступает в глаголах как с переднерядной, так и заднерядной огласовкой, например: (Весьегонск) syö-у, syönpö-у 'он ест; возможно, он ест'; (Галезеро) virittä-у, virittänpö-у 'он зажжет; возможно, он зажжет'. Эти формы восходят к активным причастиям незаконченного действия на *-vi, *-ri, о чем свидетельствуют следующие факты. В южно-карельских периферийных диалектах, а также отчасти в ливиковском наречии названные глагольные формы образуются с помощью окончания -w, которое представляет собой полугласный звук, находящийся между v и u, например: ragizo-w 'он говорит'; elä-w 'он живет'. Наряду с ним может выступать также -v, например: jii-v, liepö-v 'он останется, придет'. Согласный -v первоначально входил в состав слабоступенного *-vi, чередующегося с *-ri, которые изначально не были личными окончаниями 3 л. ед. числа презенса, а являлись либо признаками презенса (Накулинен L., 1979, 251), либо суффиксами активных причастий незаконченного действия (Бубрих Д. В., 1955, 83). Другими словами, окончание -у восходит к v (< *-vi). Переходной ступенью этого развития был w, т. е. -у < -w < -v < *-vi. В диалектах карельского языка к односложной основе глагола может также присоединяться признак -ri, -bi, а к многосложной — -vi, например: (с.-кар.) šyö-ri, käy-bi, liehupou-vi, aja-vi 'он ест, ходит, плещется, едет'; (ливв.) voi-bi, lyö-bi, mennöy-bi 'он может, бьет; возможно, пойдет'. В ребольском и весьегонском диалектах в данных случаях может выступать -ppi, которое возникло в результате контаминации двух окончаний: -v и -ri, т. е. -ppi < *-vri (см.: Genetz A., 1880, 214), например: (Реболы) šoa-ppi, käy-ppi, tulou-ppi 'он получит, сходит, придет'; (Весьегонск) voi-ppi 'он сможет'.

Собственно-карельское наречие

Оуланга. Niän viepi verkot kotih 'он отнесет сети домой'. Ukko antavi venehtä meilä 'он даст нам лодку'.

Кестеньга. Poron pulkka potvottana, ajavi rinnan riivisoita, raikuttavi gasinahoja, poron pulkka puita lyöpi, perälauvat pehkoloita ajaesša aimo miehen (ПФКК, 1989, 88) 'оленья кережа подводой едет по краям топких болот, гремит по бурелому. Оленья кережа деревья задевает, задок бьется о кусты при езде отменного мужчины'.

Вокнаволок. Hiän šyöri iltasen ja rupieuv muate (KKN, III, 113) 'он съедает ужин и ложится спать'. Hänellä käyri še vielä pahemmin vihakše, jotta lyöri toisen kerran kulakalla pamahuttoa (KKN, III, 116) 'он еще больше сердится, так что ударяет второй раз кулаком'.

Контокки. Akka i kuolou, jeäri poika heilä yksi (KKN, III, 113) 'старуха и умирает, остается у них парень один'. Lapši šyöri miula hyvin 'ребенок у меня ест хорошо'. Punukka t'etsatussa käyri (NKK, I, 110) 'внук в детский сад ходит'.

Тихтозеро. Kahičči katala paipi, kolmičči kovaošani (KKS, II, 94) 'дважды женится несчастный, трижды — безнадешный'. Hiän jeäri täppe 'он остается здесь'. Mieš lyöri akkuah 'муж бьет свою жену'.

Реболы. Äššen lembeš liehunouvi, hyvä auvoššaš tulouppi 'даже любовь възграет, хорошо будет на душе'. Izändä käyppi toizien meččehizien luo (KKN, III, 60) 'хозяин ходит к другим лесовикам'. Kazakka šoarpi togoamah heän kera (KKN, III, 61) 'казак начинает драться с ними'.

Паданы. D'oudaia ollen ga voibi tulla (KKS, IV, 31) 'если я буду свободна, то, может, и приду'.

Весьегонск. Kee voippi miun' t'yt't'äree viil'et't'šie (KKN, I, 38) 'кто сможет мою дочь вылечить'.

Валдай. A kontiella juuret jiiäri (KKN, I, 135) 'а медведю корешки останутся'.

Ливвиковское наречие

Сямозеро. A sid jo voibi ajoa 'а потом можно уже и ехать'. Huvä voibi kyzyö (ТАК, 11) 'хорошо, можно спросить'.

Тулмозеро. Kudai gaado voibi raadaa tänäpäi, älä jätä huomeneh (ОКР, 1969, 186) 'что можно сделать сегодня, не оставляй на завтра'. A kolmaiz jääbi keittämäh (KKN, II, 32) 'а третий останется готовить еду'.

Ведлозеро. Sit talkunoa loadie voibi (NKK, 284) 'затем можно делать толокно'. Nengomah i nengomah linnah käskiekkeä häнды, linnah männööbi (KKN, II, 39) 'в такой-то и такой-то город велите ему идти, в город чтобы он шел'.

Видлица. Kuhlähät on kuivat, voibi aunata (KKS, I, 86) 'суслоны высушли, можно скирдовать'. Häi voibi tulla 'он может придти'.

Сказанное выше говорит о былой семантической близости глагольных форм на -ja, -jä и на -va, -vä не только в карельском, но и в других прибалтийско-финских языках. Другими словами, налицо историческая омонимия названных суффиксов, что говорит о былой исторической близости причастий и имен. Когда-то, вероятно, оба названных суффикса присоединялись к одним и тем же глаголам и, выступая в качестве определения, обозначали название действия как признак, а выступая самостоятельно, — действова-

теля. Позднее разделение функций этих форм происходит в разных прибалтийско-финских языках по-разному. В карельском, вепсском, ливском и саамском языках роль активных причастий незаконченного действия стали выполнять j-овые формы, а в финском, эстонском, водском и ижорском языках значение причастия закрепилось за v-овой формой.

Список литературы

Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1959.

Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М.; Л., 1955.
ПФКК = Песенный фольклор кестеньгских карел / Сост. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989.

ОКР = *Макаров Г. Н., Рягоев В. Д.* Образцы карельской речи. Л., 1969.

Языки 1966 = Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966.

Cannelin K. Tutkimus Kemin kielenmurteesta // Suomi. V:2. 1888.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979.

Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi. 11:14. 1880.

Kalevala / SKST, 14. Helsinki, 1964.

Kettunen L. Hauptzüge der livischen Laut- und Formgeschichte. Helsinki, 1947.

KKN I = Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1932.

KKN II = Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1934.

KKN III = Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1936.

KKS I = Karjalan kielen sanakirja. I osa. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1968. XVI/1.

KKS II = Karjalan kielen sanakirja. II osa. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1974. XVI/2.

KKS IV = Karjalan kielen sanakirja. IV osa. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1993. XVI/4.

Korhonen M. Johdatus lapsin kielen historiaan / SUST. Helsinki, 1981. № 370.

Latvala S. Lauseopillisia muistiinpanoja Pohjois-Savon murteesta. Helsinki, 1899.

NKK I = Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu; Petroskoi, 1994.

Ojansuu H. Micael Agrikolan kielestä. Helsinki, 1909.

TAK = *Genetz A.* Tutkimus Aunuksen kielestä // Suomi. II:17. 1885. S. 3—194.

Wiedemann F. G. Grammatik der Estnischen Sprache. St.-Petersbourg, 1875.

**ДИАЛЕКТЫ И НОВОПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ КАРЕЛИИ)**

В начале 1990-х годов возник и все настойчивее стал употребляться термин «языки, находящиеся под угрозой исчезновения». В эту группу вошли и языки некоторых малочисленных финно-угорских народов. И хотя в мире и нашем обществе существует понимание силы губительных процессов, приводящих отдельные языки к угрозе исчезновения, они от этого не становятся менее острыми. Появились различные классификации и характеристики подобных языков. Одна из них подразделяет языки на 5 групп: 1) языки, находящиеся в потенциальной опасности (на них перестают говорить дети, которые находятся под большим влиянием доминирующего языка); 2) языки, находящиеся в непосредственной опасности (дети не учат больше язык, а самые младшие, хорошо говорящие являются, скорее, молодыми взрослыми); 3) языки, находящиеся в серьезной опасности (возраст самых младших, хорошо говорящих достигает 50 лет и более); 4) умирающие языки (осталась лишь небольшая горстка хорошо говорящих на языке людей, в основном пожилых); 5) умершие языки (говорящих на них, как предполагается, не осталось) (см., например: Wurm S., 1996, 969—974).

Прибалтийско-финские языки — вепсский и карельский, на которых говорят в Республике Карелия, Ленинградской, Вологодской и Тверской областях, можно было бы разместить в соответствии с данной классификацией между второй и третьей группами, т. е. где-то в середине классификации, что является слабым утешением, поскольку процессы утраты языков развиваются стремительно. Даже в самом начале 1990-х годов, когда еще только приступили к возрождению письменностей, ситуация не казалась столь безнадежной, хотя за последние годы и проделана значительная работа. Уже во времена так называемой «культурной революции» в Советском Союзе в 1930-е годы, а также за последние полтора десятка лет в России лингвистическая наука, некоторые государственные законы, законодательные акты, общественное мнение оказали существенную поддержку малочисленным народам. Возросло их национальное самосознание, а что касается финно-угорских народов, то здесь возникло еще и понятие «финно-угорский мир», сблизившее родственные народы. Проблемы выживания стали активнее ставиться и

пониматься не только интеллигенцией и наукой, но и самими представителями народов, которые, объединившись, проводят различные форумы, съезды представителей народов и писателей, фестивали и совещания (см., например: Второй Всемирный конгресс..., 1996; Финно-угорский мир, 1996; Сородичи по языку, 2000). Состоялись мероприятия на более широком международном уровне под эгидой Юнеско и других всемирных организаций. Юнеско взяло даже под свой контроль проект, получивший название «Красная книга языков, находящихся под угрозой исчезновения». Таким образом, 1990-е годы можно охарактеризовать как всплеск внимания и интереса к проблемам малочисленных народов России, в том числе и малочисленных народов финно-угорского мира. Тем не менее все это не дает оснований почитать на лаврах, поскольку «...финно-угры с их общей численностью максимум в 25 миллионов человек, с их только 20 живыми (употребительными в обиходе) языками на самом деле всего лишь крохотный кусочек 6-миллиардного человечества: по численности они составляют всего 4 промилле» (Сородичи по языку, 2000, 12). Последняя российская перепись населения 2002 года свидетельствует, что общая численность финно-угорских народов (единственных среди прочих народов России) уменьшилась. Данный факт говорит о том, что все проведенные мероприятия не дали ожидаемых результатов.

К ситуации языков, находящихся под угрозой исчезновения, стремительно приближаются языки прибалтийско-финских народов Карелии: карельский и еще более — вепский. Последняя перепись населения показала, что численность народов, говорящих на этих языках, значительно снизилась: карелы Республики Карелия — с 79 тыс. человек до 65,3 тыс. человек; вепсы всего региона — с 12 500 человек до 8 тыс. человек, в Карелии — с 6 тыс. до 4870 человек (Финно-угорский мир, 2004, 9—10).

Исследованием данных языков в России занимаются на протяжении 60 лет; в Карельском научном центре накоплен большой теоретический и практический материал; в 1989 году были возрождены и утверждены карельская и вепсская письменности; при Государственном комитете Республики Карелия по делам национальной политики в 1998 году была создана Термино-орфографическая комиссия; с 1992 года в Петрозаводском государственном университете и несколько позднее в Карельском педагогическом университете стали функционировать кафедры карельского и вепского языков, которые впервые стали готовить профессиональные кадры. Все эти годы шло количественное наращивание мероприятий по возрождению языков и культур прибалтийско-финских на-

родов Карелии и соседних областей, но не произошло качественного изменения в этом процессе: перехода карелов и вепсов на более активное использование родных языков.

Карельский язык обладает тремя крупными наречиями и множеством диалектов (Зайков П. М., 2000, 19—29), значительно отличающихся друг от друга, что позволяет, например, некоторым зарубежным лингвистам до сих пор придерживаться мнения о существовании отдельных людиковского и ливвиковского языков, в то время как отечественная наука всегда относила их к одному языку. Что касается письменного языка, то в свое время еще Д. В. Бубрих настоятельно рекомендовал карелам идти к созданию единого карельского литературного языка и даже подготовил «Граматику карельского языка», в которой постарался учесть особенности всех диалектов (Бубрих Д. В. и др., 1937; см. также: Керт Г. М., 1975, 25; Бубрих Д. В., 1997). К сожалению, опыт названной грамматики, которая в 1930-е годы не успела найти сторонников, и сейчас не достаточно оценен (Зайцева Н. Г., 2002а, 28—29), хотя, на наш взгляд, мог бы принести несомненную пользу. Карельский язык в настоящее время в Республике Карелия развивается на двух наречиях: собственно-карельском и ливвиковском (в Тверской области — еще и на тверских говорах), создается параллельно учебная литература, разрабатывается терминологическая лексика, идет обучение учителей, издаются газеты. В республике не заметно какого-либо сближения данных наречий и, возможно, оно и не произойдет, по крайней мере, в обозримом будущем. В этом случае можно говорить, с одной стороны, о противостоянии диалектов и новописьменных языков между собой, а с другой стороны, противостоянии новописьменных языков и речи населения, говорящего на том или ином говоре или диалекте. Конечно же, противостояние это условное, поскольку новописьменные языки пока еще не покинули полностью «диалектное детство»: они подпитываются диалектной лексикой, особенностями диалектной сочетаемости слов, интонациями, произношением.

Вепсский язык также обладает тремя диалектами, но различия между ними, по сравнению с карельским языком, не столь существенны. Более того, если обратить внимание на грамматику именного словоизменения, то в принципе можно было бы вообще отрицать в нем наличие диалектов (Зайцева Н. Г., 2002б, 229—230). Однако глагольное словоизменение и, конечно, лексические и фонетические особенности (последние всегда привлекают внимание в первую очередь, хотя и не мешают пониманию) являются тем камнем преткновения, который не позволяет представителям разных диалектов свободно общаться друг с другом.

Тем не менее для вепсского языка уже в 1930-е годы была избрана идея единого письменного языка. Названный период характеризуется тем, что одновременно были заложены основы академического исследования вепсского языка и создана вепсская письменность. В российском языкознании до того времени отсутствовали работы по вепсской диалектологии, особенностям вепсского языка, поэтому учебная литература, которая была подготовлена на письменном языке, не могла использовать богатство всех диалектов. Это стало поводом для привлечения в письменный язык множества русских заимствований, наименований даже тех понятий, которые существовали в других диалектах (*kirj* и *knig* «книга»; *külä* и *derüun'* «деревня»; *opendai* и *učitel'nic* «учительница» и т. д.). Заимствованию русских слов способствовало еще и то, что учебная литература того времени была, в основном, переводного характера и не давала простора для размышления на темы, близкие культуре вепсского народа. Таким образом, первый период развития вепсского письменного языка (1930—1937 годы) можно охарактеризовать как отсутствие влияния на него диалектов; в основу его был положен один говор, а все прочие мало принимались во внимание.

В 1990-е годы (новый этап возрождения письменных традиций вепсского языка) был учтен опыт первого периода. К началу второго периода академическое исследование вепсского языка находилось уже в качественно иной стадии: имелись подробные сведения по всем диалектам, существовали большие коллекции фонозаписей вепсской речи в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, изданы образцы вепсской речи, диалектный словарь, грамматики и т. д. На основании имеющихся сведений было принято решение сделать новописьменный вепсский язык неким синтезом всех диалектов. Была сознательно поставлена цель узнаваемости отдельных элементов новописьменного языка говорящими на разных диалектах: используется, например, основа слова северно-вепсского диалекта, принимается во внимание глагольная система средне-вепсского диалекта, привлекается лексика южно-вепсского диалекта и т. д. К настоящему времени созданы учебная литература для начальной и неполной средней школы и учебные пособия для университета, появилась молодая литература, которая отчасти базируется на новописьменном языке [например, роман И. Бродского (*Brodski I.*, 2002); переводы из Библии: *Lapsiden Biblii*, 1996; перевод сокращенной «Калевалы»: *Kalevala*, 2003], а отчасти использует диалектную основу (стихи Н. Абрамова, А. Андреевой).

Но следует признать, что и эта система, в которой стремились сблизить письменный язык и диалекты, сделать их дополнением друг друга, не оп-

равдала себя до конца. Дети, не имея дома поддержки от родителей в познании азов языка, плохо им овладевают. Старшее поколение, сравнивая написанный текст и звучащий в их памяти и душе родной диалект, не соглашается с новой нормой, хотя в средствах массовой информации всячески поощряется идея овладения дома диалектной речью. Для этого проводятся ежегодные семейные конкурсы знатоков вепсского языка, к которым готовятся всей семьей. В этих условиях стало бы хорошей поддержкой издание некоторых учебников и пособий на родных диалектах, чтобы влияние старшего поколения на детей в процессе овладения языком было более активным и значительным.

Конечно, период в полтора десятка лет не мог позволить сформироваться серьезным письменным традициям, но, тем не менее, он дал возможность подготовить определенное количество специалистов, овладевших вепским и карельским языками. Это выпускники кафедры карельского и вепсского языков университета, которые способны и говорить на любые темы, и защищать дипломные проекты на вепском и карельском языках. Таким образом, в принципе подтвердилась идея о возможности овладения языком, но для этого потребовалось высшее образование. Школьных же знаний, когда преподается всего 1—2 часа родного языка в неделю, оказалось недостаточно. До сих пор не проведены хоть сколько-либо серьезные исследования в области ускоренных методик преподавания таких языков, каковыми являются вепский и карельский. В то же время имеется опыт, который подтверждает, что даже в семьях, где практически не говорят на генетически родных языках, в школе, при равных условиях, дети их усваивают быстрее, чем иностранные языки. Но ситуация такова, что чаще всего нет не только приоритета в преподавании генетически родных языков, но даже нет равенства с другими предметами.

На территории Вепсской национальной волости в Республике Карелия некоторые зарубежные ученые проводят ежегодный подсчет умерших носителей вепсского языка и родившихся детей, которые, появившись в семьях без традиций говорения на вепском языке, вряд ли заговорят по-вепски. Проводимые подсчеты позволяют делать прогнозы относительно того, когда в данной местности исчезнут последние жители, говорящие на вепском языке. Для науки это представляет несомненный интерес. Но пока есть возможность, необходимо помогать народам справиться с ситуацией, и проблемы языков, находящихся под угрозой исчезновения, следует ставить вновь и вновь.

Список литературы

Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов. Будапешт, 1996.

Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.

Зайцева Н. Г. Исследование прибалтийско-финских языков Карелии: теория и практика // Бубриховские чтения. Петрозаводск, 2002а. С. 26—33.

Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Петрозаводск, 2002б.

Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Л., 1975.

Сородичи по языку. Будапешт, 2000.

Финно-угорский мир. Будапешт; М., 1996.

Финно-угорский мир: Стат. сб. Сыктывкар, 2004.

Abramov N. Koumekümne koume. Petroskoi, 1994.

Abramov N. Kurgiden aig. Petroskoi, 1999.

Andrejeva A. Koivuine. Petroskoi, 2003.

Brodski I. Kalarand / Juminkeko. Kuhmo, 2002.

Kalevala. Petroskoi, 2003 (перевод на вепский язык Зайцевой Н. Г.).

Lapsiden Biblii. Stokgolm; Helsinki, 1996 (перевод на вепский язык Зайцевой Н. Г.).

Wurm S. Siberia: 1650—1950 Ethnic and Linguistic Changes // *Wurm S. A., Mühlhäusler and D. T. Tryon (eds).* Berlin: Mouton de Gruntyer, 1996.

© *Е. В. Захарова*

ПОЛУКАЛЬКИ В ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ

Восточное Обонежье, включающее в себя Пудожское побережье Онежского озера и прилегающие к нему районы, — это русская территория. Однако исследователям хорошо известно о сохранившемся здесь на разных уровнях языка и культуры прибалтийско-финском наследии. Так, этнографический и топонимический материал, представленный на данной территории, позволяет говорить о богатой этнолингвистической истории Восточного Обонежья, а именно о саамском, вепском и карельском компонентах в языке и культуре русских Восточного Обонежья (Логонов К. К., 2001; Муллонен И. И., 2001). Настоящим кладезем прибалтийско-финского наследия данной территории является топонимия, что обусловлено исключительной устойчивостью топонимов во

времени. Они часто продолжают жить, несмотря на смену населения и его языка.

В топонимической картотеке ИЯЛИ насчитывается около 10 тысяч единиц пудожской топонимии, из которых около 2 тысяч — топонимы с нерусскими истоками. Топонимы, имеющие нерусское происхождение, распределяются по всей территории Восточного Обонежья, при этом просматриваются очаги, где процент топонимов прибалтийско-финского происхождения выше среднего по району. К таковым относятся Водлозеро с окрестностями, поселения, примыкающие к Архангельскому пограничью, а также отдаленные от побережья р. Водла деревни. Хорошая сохранность прибалтийско-финской топонимии связана, очевидно, с тем, что освоение этой территории русским населением не носило массового характера. Формирование русских Пудожья протекало постепенно, в значительной степени в результате обрусения местного прибалтийско-финского населения.

Анализ топонимического материала Восточного Обонежья, который хранится в картотеке ИЯЛИ, позволяет говорить о том, что среди топонимов, имеющих нерусское происхождение, подавляющее большинство составляют гидронимы, т. е. названия водных объектов. Кроме того, топонимы с нерусскими истоками многочисленны и в микротопонимии — наименованиях, не значительных по размерам и имеющих ограниченное употребление объектов.

При анализе структуры пудожской топонимии выделяются характерные для всей территории Русского Севера структурные типы топонимов (Матвеев А. К., 2001, 163): 1) собственно-субстратные топонимы, характеризующиеся субстратными основой и формантом (Веренжа, Вехкажа, Илекса), при этом формант может быть этимологически ясен, затемнен и опущен (в случае эллипсиса); 2) топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (Илекское устье, Лахтинский берег, Варишпельдская Лахта); 3) топонимы-полукальки с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (Вехкозеро, Перболото, Варбостров).

В данной работе будет рассмотрен последний из перечисленных структурных типов топонимов — топонимы-полукальки. Этот тип названий широко распространен по всему Русскому Северу, к которому относится и Восточное Обонежье.

Полукальки — это сложные по структуре топонимы, в которых второй (основной) элемент представлен русским географическим термином, в то время как первый компонент (атрибутивный) является нерусским: Сяргозеро, Пергуба, Лехнаволок. Механизм возникновения таких

топонимов отражен уже самим термином «полукалька», который возникает в результате калькирования, перевода основного компонента топонима. То есть за Сяргозером стоит Särkijärvi, за Пергубой — Perälahti (или Perälakši), а за Лехнаволоком — Lehtoniemi.

Ясно, что такие названия не могли возникнуть в русской языковой среде. Необходимым условием их появления было осознание структурного членения топонимов и знание языка-источника топонимии. Такая ситуация возникала при двуязычии, билингвизме местного прибалтийско-финского населения и постепенного перехода его на русский язык. В ходе обрусения оно принесло с собой в русскую систему топонимов собственную прибалтийско-финскую модель называния, приспособив ее к русскому употреблению с помощью перевода основного компонента. По мнению М. Л. Гусельниковой (Гусельникова М. Л., 1998, 27), «образования по типу “топоним (основа)+ГТ” получили массовое распространение на территории Русского Севера и потому, что сохраняли привычную аборигенному населению словообразовательную структуру топонима, и потому, что для русского языка такая структура оказалась органичной». Примеры такого типа фиксируются в зоне ранних контактов — в языке новгородских былин: Пучай-река, Волга-река, Ильмень-озеро (Агеева Р. А., 1989, 116—117). Принципиально иную модель прибалтийско-финско-русского контактирования предполагает заимствование топонимов. Для заимствования не нужен билингвизм. Название усваивается как готовый звуковой комплекс в воспринимающий (в данном случае русский) язык, который выступает в роли активной стороны контактирования.

Полукальки, таким образом, — убедительное свидетельство в пользу прибалтийско-финского прошлого Восточного Обонежья. Их набор достаточно разнообразен. Так, на данной территории широко представлены полукальки со следующими детерминантами: -озеро, -ручей, -болото, -остров, -наволок, -губа, -бор, -поле и т. д.

Самое большое количество выявленных на территории Восточного Обонежья полукалек — это полукальки с компонентом -озеро: Айтозеро, Коппалозеро, Лейбозеро, Лехмозеро, Маткозеро, Пелтозеро, Райозеро, Рандозеро, Салмозеро, Сейбасозеро, Харагозеро и т. д. Такие названия озер представлены на данной территории повсеместно, имеют самый обширный ареал распространения.

Пелтозеро: с.-кар. **pelto**, **peldo**, вепс. **püüd**, **pöüd** 'поле'¹.

Рандозеро: с.-кар. **ranta**, **ganda**, вепс. **rand** 'берег, край какой-либо природной реалии (поля, леса, болота)'.

¹ Значение диалектных лексем здесь и ниже см.: KKS, СВЯ.

Салозеро: с.-кар. **salmi**, вепс. **sal'm** 'пролив'.

Как видно из примеров, атрибутивные элементы данных топонимов говорят о прибалтийско-финском (а именно карельском и вепском) происхождении этих гидронимов. Примечательно то, что названия крупных озер в большинстве своем составляют полукальки с прибалтийско-финским компонентом, что опять же указывает на древность этих топонимов. Универсальной закономерностью в топонимии является устойчивость, долговечность наименований крупных объектов, которые обладают относительно широкой известностью и поэтому редко меняются. Название — это адрес, а адрес должен быть постоянным или, во всяком случае, меняться как можно реже.

Ареал распространения полукалек с компонентом -ручей также довольно обширен: Войручей, Каларучей, Корехручей, Лехмручей, Линдручей, Мутаручей, Пелтручей, Пойкручей, Рандручей, Сельгаручей и т. д.

Модель с данным компонентом присутствует в названиях ручьев, а также покосов и пожень, располагающихся по этим ручьям.

Корехручей: с.-кар. **kuoreh**, вепс. **koreh** 'корюшка'.

Линдручей: с.-кар. **lintu**, вепс. **lind** 'птица'.

Мутаручей: с.-кар. **muta**, вепс. **muda** 'типа, ил'.

В Восточном Обонежье для обозначения понятия «болото» существуют два термина: «болото» и «мох». Модель на -мох (Варешмох, Виксимох, Вямямох, Кукмох, Ламудмох, Пурмох, Ридомох, Сармох и т. д.) представлена в основном вдоль границ с Архангельской областью и Вытегорским районом, тогда как в центральной части данной территории преобладает модель на -болото: Енишболото, Карасболото, Перболото, Урболото, Яньболото и т. д. Это, вероятно, связано с маршрутом продвижения и освоения данной территории представителями славянской колонизации.

Кижиммох: с.-кар. **kiidžin** 'мох (в том числе растущий на дне водоемов); лишайник'.

Ридомох: с.-кар. **rida**, вепс. **r'ida** 'силос, ловушка (на птиц)'.

Перболото: с.-кар. **perä**, вепс. **pera** 'отдаленная местность, дальний угол; конец залива'.

Урболото: с.-кар. **ura**, **uro**, вепс. **uru** 'борозда, овраг; русло реки; тропа'.

Полукалька с компонентом -река представлена лишь несколькими примерами:

Эндрека: этимология названия пока остается неясной.

Йогарека: с.-кар. **joki**, **jogi**, **d'ogi**, вепс. **jogi**, **d'ogi**, **d'ögi**, **g'ogi** 'река, речка'.

По мнению исследователей, малочисленность полукалек в названиях рек (по сравнению с их обилием в названиях озер, ручьев и болот) объясняется тем, что субстратные названия рек семантически пусты и поэтому даже без детерминанта -река они сохраняют лексическую обособленность. Кроме того, данная модель является непродуктивной и в прибалтийско-финской топонимии (Муллонен И. И., 2002).

Полукальки с географическим термином -остров в большинстве своем встречаются в названиях островов на Водлозере и в Онежском озере: Валгостров, Габостров, Ламбасостров, Райостров, Сельгостров. Вот этимологии некоторых из них:

Габостров: с.-кар. **huapa**, вепс. **hab** 'осина'.

Ламбасостров: с.-кар. **lammas**, вепс. **lambaz** 'овца'.

Полукальки с компонентом -наволок присутствуют в названиях речных и озерных мысов, деревень и сельскохозяйственных угодий, расположенных на этих мысах (что соответствует значению северно-русского диалектного «наволок» 'мыс, полуостров'): Канзанаволок, Каттилнаволок, Мегренаволок, Нагришнаволок, Ойнаснаволок, Райнаволок, Ряпуснаволок.

Канзанаволок: с.-кар. **kansa**, вепс. **kanz** 'семья, группа людей, народ'.

Нагришнаволок: с.-кар. **nakris**, вепс. **nagriz** 'репа'.

Ойнаснаволок: с.-кар. **oinas**, вепс. **oinaz** 'баран'.

Ареал распространения данной модели ограничивается восточным побережьем Онежского озера и охватывает все побережье Водлозера, что, видимо, обусловлено ландшафтной характеристикой территории.

Полукальки на -бор в Восточном Обонежье представлены лишь несколькими примерами: Варишбор, Кукойбор, Пудожбор, Сяйбор.

Варишбор: с.-кар. **varis**, вепс. **var'iš** 'ворона'.

Кукойбор: с.-кар. **kukkula**, **kukkura**, **kukkuri**, вепс. **kukkaz** (*kuk) 'крутая гора, холм, вершина горы или сопки'.

Полукальки на -бор используются на данной территории для обозначения пахотных угодий и лесных урочищ, что соответствует одному из значений термина «бор» в русских говорах Карелии. Помимо основной семантики 'лес, обычно растущий на сухом песчаном месте' данный термин обозначает также 'сельскохозяйственные угодья, отдаленные от поселения' (СРГК). Эта модель встречается на побережье Онежского озера и в Водлозерье.

Полукальки в названиях полей оказались малочисленными. Представлены они детерминантом -поле, при этом данный тип является преимущественно водлозерским:

-поле: Вавдиполе, Ижполе, Чилополе, Чурполе;

Ижполе: с.-кар. **hiisi** 'перелесок; отдаленное, глухое, наводящее страх место';

Чурполе: с.-кар. **čuuğu**, вепс. **čuru**, **čuur** 'крупный песок; гравий; дресва; край, сторона'.

Сопоставительный материал с территории Водлозера позволяет установить, что элемент -поле является переведенным прибалтийско-финским термином **pelto**, который обнаруживается в ряде топонимов, усвоенных в результате прямого перехода прибалтийско-финского оригинального топонима в русское употребление:

-пельда/пелда: Варишпельда, Кипелда;

-пёлда: Вакипёлда, Кодапёлда;

-палда: Перпалда, Чурпалда.

В Восточном Обонежье присутствует целый ряд сложных по структуре топонимов, в которых в качестве основного элемента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника:

-лахта 'залив в озере'²: Кивилахта, Ламбаслахта, Маткалахта, Ряпуслахта;

-салма 'пролив между островами, пролив': Войнасалма, Кевасалма, Коскосалма;

-орга 'высокий старый лес, болотистое место, участок леса': Кукорьга, Пянерга, Руморга, Саворга;

-сельга 'возвышенность, гора, обычно поросшая лесом; лес; мелкий лиственный лес, участок леса, лес на сухом месте, лес на небольшой возвышенности': Габсельга, Кивисельга, Куксельга;

-лухта 'залив озера, зарастающий травой, осокой; низменное болотистое место у реки, озера, заливной луг, пожня у реки, озера': Пойлухта;

-луда 'подводный камень, уступ, скала; камень, торчащий из воды, небольшой каменный островок': Пармишлуда, Рохлалуда;

-чупа 'поляна в лесу': Чучупы;

-сара 'развилина, разветвление (например, дороги, реки, ручья)³: Енсара, Лебсара, Риксара.

Не всегда ясно, имеем ли мы в данном случае дело с полукальками (то есть основной компонент топонима русский) или же это результат прямого усвоения (то есть прибалтийско-финское название целиком перешло в русскую систему именования). Однако исходя из того, что,

² Значение диалектных лексем здесь и ниже см.: Мызников С. А., 2003.

³ Значение диалектной лексемы здесь см.: Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И., 1991.

по крайней мере, часть из этих моделей образует явные ареалы в Восточном Обонежье, можно предполагать, что речь идет все-таки о полукальках.

В заключение приведем один сюжет, связанный с ареальным анализом полукалеки.

Полукальки на -губа и -лахта характеризуются своими ареалами. За ареальным противостоянием моделей стоит, видимо, определенное этноисторическое содержание.

Полукальки с детерминантом -губа представлены вдоль восточного побережья Онежского озера, но не распространяются вглубь побережья, где в названиях заливов выступает тип полукалеки с детерминантом -лахта. Последний заимствован из прибалтийско-финского источника в русские говоры Пудожья, где широко используется, в частности, в топонимах-словосочетаниях типа Долгая Лахта, Дальняя Лахта и др. Центр распространения данной модели Водлозерье, где обнаруживаются десятки полукалеки с основным компонентом -лахта (Видалахта, Габлахта, Ижлахта, Канзалахта, Кивилахта, Кортлахта, Куйлахта и др.).

Для того чтобы понять механизм формирования выделенных ареалов, надо иметь в виду, что топонимы с детерминантом -губа в изобилии представлены и на противоположном берегу Заонежского залива, в Восточном Заонежье. В то же время внутри Заонежского полуострова модель малоактивна. Такая ареальная дистрибуция, видимо, маркирует маршрут продвижения на север русских переселенцев по Онежскому озеру. Эта мысль подтверждается, кажется, и тем, что термин «губа» для обозначения залива известен на начальном этапе маршрута — в новгородском Приильменьи⁴, а также в конечном пункте этого маршрута — в Беломорье. Однако по мере удаления от транзитной водной дороги активность термина быстро сходит на нет.

То, что на Водлозере для обозначения озерных заливов используется прибалтийско-финское слово «лахта», поддерживает предложенный

⁴ Судя по примерам, приводимым Новгородским областным словарем (Вып. 2. Новгород, 1992. С. 66), губа бытует в Новгородской округе в основном только в топонимах — названиях заливов на оз. Ильмень и Пирос. Словарь русских народных говоров отмечает слово «губа» 'полоса земли, вдающаяся в реку' только как псковское, оставляя почему-то в стороне широкую известность географического термина в Обонежье и Беломорье. Термин не приводится и Словарем русских говоров Карелии (возможно, считается авторами словаря литературным словом). В словаре В. Даля фиксируется губа как морской залив на Белом море.

выше механизм появления «губы» на севере. Видимо, за ареальной дистрибуцией «губы» и «лахты» реконструируется, таким образом, несколько разный характер прибалтийско-финско-русского контактирования. На побережье Онежского озера оно было активнее, и в результате здесь закрепилось русское слово. В отдаленном же от побережья Водлозерье русская колонизация была, видимо, минимальной, и русские Водлозерья сформировались преимущественно в результате постепенного, через этап билингвизма обрусения местного прибалтийско-финского населения. Закрепление прибалтийско-финского термина «лахта» в местном русском говоре и активное участие его в образовании полукалек связано именно с этим.

Подводя итог, отметим еще раз, что современная территория Восточного Обонежья является русской, поэтому и топонимия в ее современном состоянии (по употреблению, словоизменению и словообразованию) является северно-русской, то есть топонимы усвоены русским населением и являются частью русской топонимической системы. Значительная часть географических названий данной территории имеет до- и прибалтийско-финское происхождение. Среди топонимов с нерусскими истоками выделяются так называемые топонимы-полукальки, условием появления которых было двуязычие и постепенное обрусение местного прибалтийско-финского населения, в ходе которого в русскую систему топонимов была перенесена и усвоена прибалтийско-финская модель называния. Поэтому полукальки — свидетельство прибалтийско-финского прошлого Восточного Обонежья.

Список литературы

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Гусельникова М. Л. Севернорусская интерпретация структуры «топоним-географический термин» // Ономастика и диалектная лексика II. Екатеринбург, 1998.

Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 360—368.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера I. Екатеринбург, 2001.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Муллонен И. И. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 332—339.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

СВЯ = Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СРГК = Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1. СПб., 1994.

KKS = Karjalan kielen sanakirja. I—V / LSFU XVI. Helsinki, 1968—1997.

SKES = Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VI / J. H. Toivonen, J. Joki Aulis, R. Peltola. Helsinki, 1974—1987.

© Т. И. Исламаева

ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА. ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (АККУЗАТИВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ)

В данной статье мы рассмотрим аккузатив как самостоятельный падеж в финском языке, его функции и употребление и дадим некоторые методические указания, способствующие более полному усвоению этого падежа.

В современной финской грамматике и в учебниках, напечатанных начиная с 80-х годов прошлого столетия до настоящего времени, уже практически полностью отказались от аккузатива как падежа, передав его функции номинативу и генитиву (*Lessons in Finish Grammar, suomeksi*. Vuokko Heikura; Apulainen, Mervi Murto *ym.*) В практике преподавания финского языка в России как иностранного нельзя отказываться от независимости этого падежа. Он обладает всеми условиями, чтобы быть самостоятельным. Этот падеж является «грамматической категорией имени, выражающей отношение данного имени в данном падеже к другим словам в предложении», а также отдельной формой изменения имени. То, что его выражение, а именно падежные окончания совпадают по виду с падежными окончаниями номинатива и гени-

тива, не лишает его оригинальности (то же можно сказать про инструктив и генитив.)

В методике преподавания финского языка как иностранного очень важно максимально конкретизировать каждый случай в грамматике, а не переходить к универсальности.

Аккузатив действительно является неординарным падежом в системе финских падежей. Он имеет три формы выражения: 1) форма без окончания (ее еще называют II аккузативом, нулевым аккузативом, или номинативной формой); 2) форма с окончанием -N (I аккузатив, аккузатив с окончанием, или генитивная форма); 3) множественная форма аккузатива, имеющая окончание -T. Все эти три формы выражения надо рассматривать последовательно, желательнее каждой из них уделить отдельное занятие.

Приступая к рассмотрению образования и употребления аккузатива, необходимо студентов или слушателей курсов ознакомить с таким членом предложения в финском языке, как объект, который можно сопоставить с соответствующим термином в русском языке — дополнением. Но целесообразно при обучении финскому языку использовать термин объект, чтобы дифференцировать эти понятия. Это относится и к субъекту, и предикативу (в русском языке соответственно подлежащее и именная часть сказуемого). Объект в финском языке имеет свои падежные формы и отличается от русского дополнения. Главным отличием между финским объектом и русским дополнением является то, что падежная форма русского дополнения не заявляет о результативности действия, выраженного сказуемым, то есть совершенности или несовершенности действия, в то время как падежная форма финского объекта заявляет о результативности или нерезультативности действия, то есть его завершении или незавершении.

Объект, выраженный именем в финском языке, употребляется в двух падежах — аккузативе и партитиве, которые вызывают много трудностей при усвоении. Поэтому необходимо каждому из этих падежей уделить достаточно много времени, выполнять соответствующие упражнения и примеры.

Первой особенностью аккузатива является его употребление только в утвердительных предложениях. Есть возможность использовать его и в предложениях, содержащих отрицательную информацию, но он будет употребляться только в той части предложения, где утверждается какое-то суждение (Kansa ei luota hallituksen kykyyn saada inflaatio ehkäistykksi). В данном случае необходимо привести по паре примеров утвердительного и отрицательного предложения. Содержание предло-

жений должно соответствовать уровню обучаемых. Обязательно необходим перевод, особенно в группах для начинающих. В самом начале студенты должны уяснить, что аксиомой является употребление аккузатива в утвердительном предложении, случаи его появления в предложениях с отрицательными высказываниями должны изучаться во время курса синтаксиса. Если говорить о примерах утвердительных предложений, то их лучше представить в последовательности, начиная с примеров с окончанием -N, далее — -T, потом без окончания, чтобы познакомиться со второй особенностью аккузатива — его троеформием. Примеров должно быть много (*lähetän sähköpostiin, lähetettiin kaikki kirjeet, sähköposti on lähetetty*).

Многообразие окончаний у объекта в финском языке выражает прежде всего аспектуальность, то есть совершенность или несовершенность действия. Если в русском языке глагол наделен видами или аспектами, то в финском языке эту функцию выполняют и глагол, и объект. Отсюда основная функция аккузатива — выразить перфективность действия, то есть его результативность, законченность или совершенность. Конечно, в финском языке существует ряд глаголов, которые всегда выражают действие как незавершенный процесс, это так называемые глаголы, требующие объекта только в партитиве, но для аккузатива важно усвоить, что он является именно тем падежом, который выражает результативность действия. (Аккузатив иногда возможен с глаголами, которые требуют объекта в партитиве. Например: *Auta minut nousta autosta*.)

Перейдем к употреблению аккузатива с окончанием -N. Здесь необходимо поупражняться с образованием падежа, особенно в группах с начинающими, для того, чтобы закрепить тему «Чередование согласных». Сначала выполняются упражнения с одиночными словами (например: *pöytä — pöydän, koe — kokeen, keitin — keittimen jne*), потом эти слова применяют в словосочетаниях (*siirrän pöydän, kirjoitan kokeen, korjaan keittimen*) и затем в предложениях (*Minä siirrän pöydän nurkkaan. Huomenna kirjoitan kokeen suomeksi. Korjaan kahvinkeittimen kaappiin*). Сразу необходимо обратить внимание на целостность, то есть неделимость объекта (*jaoton objekti*), необходимо повторить это понятие, которое подразумевает предметы, живые существа, целостные образования и конкретные понятия. Все это отражено в примерах на образование аккузатива (см. приложение, пункт 3). Слова не должны быть набором случайных имен. Второе, на что обращается внимание, — это транзитивность, или переходность, глагола. Повторяется понятие переходности, или транзитивности, и непереходности, или интранзитивности. Приводятся примеры простых предложений. Затем особое вни-

мание обращается на результативность действия: его завершенность или неизбежный приход к завершенности. Действие конкретно и направлено оно на конкретный объект (Huomenna ostan uuden paidan. Lahjoitan hänelle kirjan. Suoritamme tentin talvella. Viemme kirjan takaisin kirjastoon. jne). Необходимо предоставить максимальное количество примеров глаголов, которые могут обозначать результативное действие в сочетании с объектом (примеры смотри в приложении, пункты 1, 2, 4, 5). Именно окончание -N вносит в действие завершенность или завершение при наличии одного объекта. Четвертое обязательное условие — это наличие субъекта, совершающего действие. Должно быть лицо, выраженное именем, будь то нарицательное или собственное, которое в отношении объекта производит конкретное результативное действие. Опять доказательно должны быть представлены примеры (приложение, пункты 4, 5).

После всего этого делается вывод в отношении формы аккузатива с окончанием -N. Это четыре основных условия: 1) утвердительное предложение; 2) сам объект выражен именем конкретным в единственном числе, неделимым (предмет, живое существо, целостное понятие или явление); 3) глагол транзитивный, действие результативное, то есть охватывает предмет целиком, конкретно и имеет или будет иметь завершение; 4) наличие в предложении субъекта, совершающего в отношении объекта действие.

Следующая форма аккузатива — без окончания. Неизменным остаются первые три выше приведенных условия. Появляется новое четвертое условие, которое и провоцирует «нулевую» форму. Это прежде всего то, что объект не охвачен действием, с ним никто действия как такового не производит. Нет лица, совершающего действие, поэтому и окончания у него нет, так как никому не известно, какое же действие будет совершено в отношении данного объекта. Такая форма возможна в повелительном наклонении для 1 и 2 лица, когда действие рекомендуется выполнить, но его никто не выполняет на момент высказывания. В третьем лице должен быть аккузатив с окончанием, так как в предложении присутствует лицо, выраженное существительным или местоимением, которое, возможно, выполнит действие в отношении конкретного объекта (Lähetä viesti! Pankaa ikkuna kiinni! Maalatkoon hän seinän!). Нулевая форма возможна в безличных предложениях и в предложениях с глаголами, употребляющимися только в третьем лице (Olisi hyvä ostaa uudempi sanakirja! On aika kerrata koko aineisto. Minun on hankittava tietokone. Heidän täytyy kirjoittaa huomenna кое. Остальные примеры смотри в приложении, пункт 7). Когда-то пассив обладал единственным значением неизвестности или неопределенности лица, в связи с чем с результативным глаголом в пассивной форме и употребляется акку-

затив без окончания. В современном разговорном языке пассивная форма заменяет личную форму первого лица множественного числа, но при этом объект сохраняет свою прежнюю форму благодаря свойству транзитивности или сохранения старого правила в новых условиях (Asetetaan pöytä nurkkaan! Talo rakennettiin viime vuosisadalla. Työ on tehty kunnolla. Me hankitaan uusi televisio).

Необходимо изложить выводы. Аккузатив без окончания употребляется: 1) в утвердительном предложении; 2) объект представлен неделимым именем; 3) действие результативно; 4) нет активного лица, совершаемого действие, а именно нет активно действующего подлежащего. В современном языке употребляется при использовании пассива с местоимением *me*.

Весь вышепредставленный материал закрепляется на множественном числе. Имена, употребляемые во множественном числе, имеют в аккузативе окончание *-t*. Здесь необходимо особое внимание обратить на формы личных и указательных местоимений (*tämä, tämän, nämä, tuo, tuon, nuo, se, sen, ne, minut, sinut, hänet, meidät, teidät, heidät*). Все изложенные условия сохраняются. Приводится много примеров. Желательно все примеры переводить. На начальном этапе перевод осуществляет в устной форме преподаватель. На практических занятиях студенты демонстрируют свое понимание аккузатива.

Следующий этап закрепления аккузатива — это его сравнение с партитивом. Сначала изучаются партитив, его образование и употребление. На изучение партитива необходимо выделить в два раза больше времени, чем на аккузатив. Партитив сложен в образовании и употреблении. Затем аккузативные и партитивные объекты сравниваются между собой, при этом учитываются основные условия аккузатива: 1) утвердительность предложений; 2) делимость и неделимость имен; 3) результативность и нерезультативность действия; 4) наличие подлежащего.

Сравнение лучше представить наглядно в виде двух колонок, где подробно рассматриваются все особенности этих двух падежей.

Объект в аккузативе

Объект в партитиве

1. В зависимости от утвердительного или отрицательного содержания предложения.

Minä ostan kirjan.

Minä en osta kirjaa.

Hän hankkii uuden auton.

Hän ei hanki uutta autoa.

Ymmärsin kaiken.

En ymmärtänyt mitään.

Tilataan taksi!

Taksia ei ole tilattu.

On aika lähettää joulukortti.

Ei ole aikaa lähettää korttia.

Lapsi lähti kysytyään luvan.

Lapsi lähti lupaa kysymättä.

2. В зависимости от делимости и неделимости объекта, или его количество не определено.

Minä ostin maitotölkin.

Säästimme kokonaisen makkaran.

Lahjoitin hänelle kukan.

Minä ostin maitoa.

Säästimme vähän makkaraa illaksi

Lahjoitin hänelle kukkia.

3. В зависимости от результативности или нерезультативности действия, завершенности или незавершенности.

Me kirjoitimme testin.

Avasin ikkunan.

Veljeni kantoi laukun huoneeseen.

Kun me kirjoitimme testiä, opettaja tarkasti vihkojamme.

Raotin ikkunaan.

Veljeni kantoi laukkaa pari tuntia.

Minua arsyttää tuo musiikki.

Hän kadehtii kaikkia.

4. Наличие подлежащего не оказывает влияния на падеж, оно влияет на правильный выбор окончания у аккузатива.

Minä suoritin tentin.

Me suoritettiin tentti.

On hyvä suorittaa tentti ajoissa.

Meidän on pakko suorittaa tentti.

Minä en suorittanut tenttiä.

Me suoritettiin tenttiä kolme tuntia.

On hyvä suorittaa kolme tenttiä ajoissa

Meidän ei tarvinnut suorittaa tenttiä.

Закрепление всего теоретического материала осуществляется на практических занятиях до тех пор, пока студенты не усвоят эти падежи.

Необходимо при изучении аккузатива обратить внимание еще на два важных момента. Один из них тот, что аккузатив помимо своих основных вопросов Mikä? Minkä? Mitkä? Kenet? может отвечать на вопросы Kuinka paljon? Kuinka kauan? и в предложении иметь уже функции обстоятельства времени, но при наличии всех описанных ранее условий. Например: Olin siellä viikon. Näin sen vain kerran. Koko kesän olimme mökillä. Saimme nauttia konsertista tunnin. Kävin siellä ensimmäisen kerran viime talvena.

Другим важным моментом является употребление притяжательных суффиксов в объектах. При их наличии окончание аккузатива не используется. Например: Hän pakkasi vaatteensa matkalaukuun. Minä pesin kasvoni. Sain sinun kirjasi postitse.

Приложение

1. Транзитивные глаголы, которые в утвердительном предложении при наличии одного или всего требуют от этого объекта форму accusativa.

Aloittaa	Löytää	Tietää
Arvata	Muistaa	Tuntea
Esitellä	Unohtaa	Erottaa
Huomata	Nähdä	Kaataa
Jättää	Osata	Sytyttää
Kuulla	Päästää	Myöntää
Lopettaa	Tavata	Irrottaa
Voittaa	Paikata	Menettää
Korjata	Kadottaa	Irrottaa

2. Транзитивные глаголы (результативно — нерезультативные глаголы), которые в утвердительном предложении могут иметь accusativный объект, если сам объект является неделимым, и действие, направленное на него, закончено или неизбежно закончится.

Antaa	Lukea	Pestä
Avata	Lähetää	Rakentaa
Hakea	Lyödä	Sanoa
Haluta	Maksaa	Sulkea
Järjestää	Muuttaa	Särkeä
Kantaa	Myydä	Tarvita
Kertoa	Näyttää	Tilata
Kirjoittaa	Ommella	Tuoda
Kysyä	Oppia	Työntää
Kääntää	Ostaa	Valmistaa
Lainata	Ottaa	Viedä
Liittää	Pakata	Vuokrata

3. Изменение имен в accusative (единственное и множественное число).

Pöytä — pöydän, pyödet	Silta — sillan, sillat
Katto — katon, katot	Parta — parran, parrat
Lukko — lukon, lukot	Lahje — lahkeen, lahkeet
Koe — kokeen, kokeet	Jälki — jälken, jälket
Rako — raon, raot	Suku — suvun, suvut
Lamppu — lampun, lamput	Keitin — keittimen, keittimet

Lippu — lipun, liput
Kylpy — kylvyn, kylyt
Pumpu — pummun, pummut
Ranta — rannan, rannat
Kaupunki — kaupungin, kaupungit

Leivänpaahdin — leivänpaahtimen
Ostos — ostoksen, ostokset
Nähtävyys — nähtävyydet
Kevyt — kevyen, kevyet
Valmistunut — valmistuneen
Ihminen — ihmisen, ihmiset

4. Словосочетания, в которых представлен результативный глагол и объект в аккумулятиве.

Minä ostan lakin.
Sinä hankit pianon.
Hän myy talon.
Minä lahjoitin kirjan.
Sinä poistit maalin.
Hän sain arvosanan.
Suomi voitti Ruotsin.
Mies menetti muistin.
Mummo kadotti silmälasinsa.
Minä irrotin ikkunakehyksen.
He unohtivat kaiken.
Muistan sen hyvin.

5. Предложения, в которых присутствует объект в аккумулятиве с окончанием -N.

Minä haluan tämän kirjan.
Isä osti auton.
Äiti on tilannut Me naiset kuvalehden.
Hän pakkasi vaatteensa matkalaukkuun.
Me varasimme pöydän ravintolasta.
Tyttö pani päälleen mekon.
Hän laittoi maukkaan maksalaatikon.
Ompelija teki liian ison hameen.
Hän on julkaissut sanakirjan.
Ystävät ottivat minut mukaan.
Hän pesi kasvonsa.
Lapsi riisui takin itse.
Kaupunki rakensi uuden kylpylän.
Pietari Suuri perusti tehtaan Lohijoen suuhun.
Me kirjoitimme kokeen hyvin.
Lainaan sen kirjan kirjastosta.
Yritän tehdä harjoituksen kotona.

6. Объект в аккумуляте, когда действие, направленное на него, приводит к неизбежному результату.

Hän söi lounaan ja lähti taas töihin.
Minä join kahvini ja jatkoin työtä.
Keittäjä sekoitti jauhot taikinaan.
Minä osaan käyttää tilat tarkoituksen mukaisesti.

7. Примеры объекта без окончания.

Rakennustyö suoritettiin ajoissa.
Huomenna kokous pidetään kello kolme.
Koe on kirjoitettava tunnissa.
Kamera unohdettiin linja-autoon.
Tehtävä on kirjoitettu oikein.
Laita lakki päähäsi!
Pane ovi kiinni!
Riisu saappasi jalasta.
On hyvä tarkista tehtävä heti.
Onko sinulla mahdollisuus kehittää filmi.

8. Примеры аккумулята с окончанием -T с глаголами в пассивной форме.

Tulokset saatiin vasta seuraavana päivänä.
Perunat kerättiin jo syksynä.
Säännöt on tiedettävä.
Sanat on opittu ulkoa.
Tavoitteet asetetaan alussa.

© Г. М. Керн

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Д. В. БУБРИХА

Нет ничего более горшего для истинного ученого-гуманитария, как не видеть напечатанными свои труды. Именно эту горькую чашу испил до дна на своем творческом пути Д. В. Бубрих. В 1913 году он окончил с дипломом первой степени славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Ученик академика А. А. Шахматова, он уже в университете проявил свои незаурядные способности. В своей творческой деятельности Д. Бубрих счастливо сочетал великолепное знание финно-угорских и индоевропейских языков с общей эрудицией и культурой.

Д. В. Бубрих оставил основополагающее научное наследие по общему финно-угроведению, прибалтийско-финскому, мордовскому, пермскому и славянскому (индоевропейскому) языкознанию. К сожалению, по ряду причин громадное большинство написанных им работ до сих пор остается неопубликованным. Список напечатанных при его жизни работ составляет немногим более ста двадцати. Это ничтожно мало по сравнению с вышедшими из под его пера рукописями. Его рукописное наследие рассредоточено по различным архивам страны. Ранние работы по индоевропейскому и славянскому языкознанию находятся в архиве РАН в Санкт-Петербурге. В архиве Карельского научного центра РАН имеются значительное число рукописей, отражающих последний период его творчества, а также часть архива Института языка и мышления АН СССР периода 1930-х годов, когда Д. Бубрих руководил сектором финно-угорских языков. Наибольшее число рукописных работ ученого находится, по нашим сведениям, в архиве г. Саранска. В свое время вдова Д. Бубриха передала весь его личный архив в распоряжение администрации г. Саранска.

Деятельность Д. Бубриха — блестящего представителя сравнительно-исторического языкознания — проходила в то время, когда сравнительно-исторический метод официальной идеологией был объявлен ненаучным, идеалистическим, буржуазным и не вписывался в каноны марксистско-ленинской методологии. Истинному ученому все труднее становилось работать. Уже небезопасно было проводить параллели с родственными языками, ссылаться на работы зарубежных ученых. Д. Бубриху в своих последних работах приходилось проявлять настоящую изобретательность для преодоления этих препон (ссылки на свои прежние работы, более чем нейтральный стиль и пр.). Именно в конце 1940-х годов были написаны им фундаментальные работы «Историческая фонетика финского-суоми языка», «Историческая морфология финского языка» и др. Если посмотреть на хронологию выходивших из печати работ, то видно, как по нарастающей резко увеличивалось их количество в последние годы жизни.

В конце 1930-х годов Д. Бубрих начал подготовительную работу по созданию «Сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков». После кончины ученого его архив оставался у вдовы покойного. Первый том этого фундаментального труда «Сравнительно-историческая фонетика финно-угорских языков» был объемом 371 машинописная страница. Впоследствии почти весь научный архив ученого был передан в Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Свыше 15 лет работал Дмитрий Владимирович над «Диалектологическим атласом карельского языка», который только в 1997 году был напечатан в Финляндии. В архиве КНЦ РАН находятся рукописи его работ: «Финно-угорская система языков в свете стадиального развития» (107 стр. машинописи), «Происхождение мышления и речи (Посвящается родному героическому Ленинграду)» (82 стр. машинописи), «К вопросу об отношениях русского и финно-угорских языков» (55 стр. машинописи), «Полабская звуковая система» (256 стр. машинописи) и многие другие. Из архивных источников известно, что остались ненапечатанными и другие его крупные работы. Так, в рукописи списка своих работ за 1946 год Д. Бубрих пишет: «Значительное количество рукописных работ, в том числе большая “Грамматика финского языка”, большая “Грамматика карельского языка” (Karjalan kieli), книга “Мордовский глагол”, погибло в Ленинграде во время войны». В отчете Д. Бубриха за вторую половину 1935 года сообщается о сдаче в печать рукописи «К вопросу о взаимоотношениях финно-угорских языков» объемом 250 машинописных страниц.

В силу известных причин многие его работы вышли с сокращениями. Так, в изданной в 1955 году «Исторической морфологии финского языка» помимо купор из текста было изъято 28 параграфов. Причем в комментариях редакторы старались «поправить» и «улучшить» мысли автора. Отличается рукопись «Свистящие и шипящие в карельских диалектах (К вопросу о заселении Карелии карелами)» от опубликованной. Сокращена по сравнению с напечатанной находящаяся в архиве статья «Сходства и различия между карельским и финским языками» (70 стр. машинописи).

Трудно переоценить роль и значение трудов Д. Бубриха для отечественного и международного финно-угроведения. По существу, после Й. Буденца и И. Синнеи он впервые «посягнул» на создание сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков. Причем это при качественно новых диалектных материалах и знаниях о финно-угорских языках. Интересно отметить, что в книге известного академика Финляндии Эрки Итконена «Язык и его изучение» (Itkonen E., 1996) ясно прослеживаются сходные мысли, высказанные Д. Бубрихом в «Исторической морфологии финского языка», в частности, о причинах возникновения словоизменятельных суффиксов от местоимений, словообразовательных суффиксов и конечных звуков основ значимых слов. Безусловно, здесь ни в коем случае нельзя говорить о заимствовании. Подлинные озарения у истинных ученых возникают независимо друг от друга.

В свое время нами была предпринята попытка издания избранных трудов Д. Бубриха по финно-угроведению в четырех томах. Инициатива

была горячо поддержана известным эстонским финно-угроведом Паулем Аристрэ. Однако все усилия по практическому осуществлению издания не привели к должному результату.

Идеальным было бы издание избранных трудов Д. В. Бубриха в пяти томах: 1. «Финно-угорское языкознание»; 2. «Прибалтийско-финское языкознание»; 3. «Мордовское языкознание»; 4. «Пермское языкознание»; 5. «Славянское (индоевропейское) языкознание». Издание его работ не только повысит авторитет отечественного финно-угроведения и славяноведения, даст новые стимулы к исследованию финно-угорских языков в России, но и восстановит в науке истинный масштаб его личности.

Необходимо по достоинству оценить усилия кафедры финно-угорской филологии Санкт-Петербургского университета и в первую очередь ее заведующего, преодолевших после почти пятидесяти лет инерции времени и косность общественного сознания и добившихся издания тома избранных работ Д. В. Бубриха.

Том «Прибалтийско-финское языкознание. Избранные труды» будет содержать исследования по прибалтийско-финским языкам и ранней истории прибалтийско-финских народов: 1) «Историческая фонетика финского-суоми языка». Как пишет автор, «Назначение книги — осветить с исторической точки зрения те разнообразные и сложные звукочередования и звукозамены, которые налицо в современном литературном финском языке» (с. 3). Следует отметить, что классический труд финского ученого Э. Н. Сетяля «Общефинская история звуков» (Setälä E. N., 1899) охватывал только историю согласных. В настоящее издание включены изъятые из первого издания (1948) названия работ финских лингвистов Э. Сэтяля, М. Рапола, Х. Оянсуу, Л. Кеттунена по проблемам исторической фонетики финского языка. Принято современное правописание терминов, например финно-угорский, индоиранский и т. д., а также орфографии. 2) «Историческая морфология финского языка». По рукописи работы Д. Бубриха, хранящейся в Архиве Карельского научного центра РАН, в новое издание включены параграфы 81—88, 172, 246, 248—249, 265. В книгу включены также главы «Субъектно-объектные отношения» (параграф 266) и «Общий ход развития грамматики» (параграфы 270—280). 3) «Грамматика карельского языка». Она была издана в 1937 году в период создания карельской письменности. Д. Бубрих писал: «Для литературного языка отобраны и связаны в единую систему явления, наиболее устраивающие всех карел, к каким бы наречиям эти явления ни принадлежали» (с. 3). В середине 1930-х годов в качестве литературного языка в Карельской АССР был принят карельский язык, письменность которого осуществлялась на основе русской

графики с применением соответствующих диакритических знаков. Поскольку при воссоздании карельской письменности в 1980-х годах стали использовать латинскую графику, было принято решение перевести графику «Грамматики» Д. Бубриха на латинскую основу. Перевод на латинскую графику потребовал соответственной корректировки принятой автором грамматики правил, поскольку Д. Бубрих правила карельской орфографии давал в соответствии с принятыми нормами русского языка.

В настоящее время литературный карельский язык в Карелии развивается в двух формах: на собственно-карельском и на ливвиковском наречиях, которые имеют между собой фонетические и морфологические различия. Ср. нормы: с.-кар. juuvva 'пить', ливв. juvva; с.-кар. luuvvä 'бить', ливв. lüvvä; с.-кар. suuvvä 'есть', ливв. süvvä. В настоящем издании мы оставляем предложенные Д. Бубрихом формы. При переиздании настоящей «Грамматики» были устранены опечатки. Книга представляет несомненный интерес как опыт создания единого карельского литературного языка, что в настоящее время — подъема национального самосознания карел и воссоздания единого карельского литературного языка — чрезвычайно важно. 4) «Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере». В книге, написанной популярным языком, содержится огромный объем исторических и лингвистических сведений не только по истории карел, но и других прибалтийско-финских народов.

При работе над данной книгой Д. Бубрих использовал не только исторические источники, имевшиеся к этому времени литературу, но и огромный материал по карельским диалектам. В это время он интенсивно работал над завершением фундаментальной работы «Диалектологический атлас карельского языка». В 1937 году была издана подготовленная Д. Бубрихом «Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка», насчитывающая до 2000 вопросов по фонетике, морфологии, лексике. В этом же году «Программа» была заполнена по 150 населенным пунктам Карелии. Впоследствии «Программа» была заполнена еще в 50 населенных пунктах Карелии и 20 пунктах Тверской области. В пределах Карелии с диалектологической точки зрения был обследован 1 человек на каждые 500 жителей. Так подробно не был обследован ни один крупный язык в мире. Общее количество лингвистических данных превысило 400 000. Результаты работы, как писал Д. Бубрих, помогут, во-первых, выяснить конкретные пути формирования карел, т. е. процессов, протекавших в XI веке — в глубоко дописьменном времени, во-вторых, осветить

древнейшие и теснейшие связи населения Карелии с восточным славянством (русскими) и, наконец, выявить этнологические процессы восточной части бассейна Балтийского моря, т. е. древнейшие связи всех вообще прибалтийских финнов, а также лопарей со славянами и с литовлятышами.

Все работы имеют несомненное теоретическое значение и могут быть использованы в учебном процессе на финно-угорских кафедрах.

Цель издания — донести до читателя не только идеи и мысли ученого, но и его стиль изложения, творческий дух. Редакторы отказались от принципов предыдущих изданий — «уличать», «обличать» и «поучать». При подготовке издания были сделаны только самые необходимые комментарии, исправлены опечатки и погрешности. Надеемся, что за настоящим томом последуют другие, в полной мере раскрывающие истинную глубину таланта ученого.

Список литературы

Itkonen E. Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1996. 427 s.

Setälä E. N. Yhteissuomalainen Äännehistoria. Helsinki, 1899. 446 s.

© *И. П. Козьм*

О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФИНСКУЮ ЛЕКСИКУ (1920—1940 годы)

Относительно определения предметной области социолингвистики у ученых долгое время не было единства. Те явления и процессы, исследованием которых занимаются социолингвисты, имеют двойственную природу: с одной стороны, лингвистическую, т. к. они наблюдаются в функционировании и развитии языка, с другой стороны, эти явления и процессы оказываются социально обусловленными (Никольский Л. Б., 1976, 52). Все это позволяет утверждать некоторым ученым, что социолингвистика имеет лишь междисциплинарную область исследований. Однако достижения в этой области и выделение определенного круга проблем, которые социолингвистика способна решить, возвели ее в статус отдельной самостоятельной научной дисциплины. Итак, предметом социолингвистики является изучение форм существования языка в их социальной обусловленности, общественных функций и связей языка с социальными процессами, зависимости языка от них и их отражение в

языковой структуре (Новое в социолингвистике, 1975, 5). Иными словами, социолингвистика исследует процесс выбора языковых образований, или его единиц, а также условия и факторы, определяющие этот выбор.

Социальная обусловленность языка осознана уже давно. Однако четкое разделение социального и структурного аспектов языка является достижением науки XX века (Новое в социолингвистике, 1975, 6).

Сам термин «социолингвистика» встречается впервые у Г. Карри (1952) — представителя американской социолингвистической школы, сложившейся в начале 60-х годов XX века. Но лингвистический интерес к социальной природе языка обозначился уже в начале XX века во Франции. В 1920—30-х годах социальную лингвистику обогатили научные труды Пражской и советской лингвистических школ. Толчком к исследованию взаимоотношений языка и общества послужили социально-политические процессы, происходившие тогда в этих странах и ставшие причиной возникновения сложных языковых проблем. Необходимость решения этих проблем стала основой для возникновения социолингвистики.

Наша задача — рассмотреть с социолингвистической точки зрения причины большого количества русизмов в финском языке в Карелии в 1920—40-х годах. Языковая политика Советского Союза интересует многих социолингвистов и не только, так как она имела сложный и противоречивый характер. В наше время очень важно разобраться в ее положительных и отрицательных сторонах, чтобы не повторять ошибки прошлого. Мы попытаемся исследовать начальный этап функционирования финского языка в Карелии. Сложность работы заключается в том, что источниками для сбора материала являются не живые люди, которые вводили в язык заимствованную лексику, а письменные тексты — статьи из газет и журналов, издававшихся на финском языке в Петрозаводске в 1920—40-е годы («Punainen Karjala», «Kommunisti», «Karjalan Kommunisti»). Не всегда точно известен автор текста, т. к. в газетах очень редко указывалась такая информация, и в периодике печатались не только статьи штатных корреспондентов, но и заметки и письма местных жителей. При этом часто оставалось неизвестным, из какого района или области был автор. Приходится делать предположения, исходя из имеющихся данных. Конечно, воспоминания, заметки тех людей, которые творили на финском языке, сделали бы этот материал более живым.

Помимо основной причины (отнесем ее к чисто лингвистической) — языкового контакта, был ряд других мотивов, сильно влиявших на процесс заимствования финским языком русскоязычного лексического материала.

В 1920-х годах советское правительство активно поддерживало внедрение национальных языков. В КТК это был бы карельский язык. Но на то время ни один из трех основных диалектов карельского языка не имел письменности, что затрудняло создание базы для его функционирования как второго официального языка. Правительство Карелии возглавляли в основном финны, эмигрировавшие в Россию после революции: Эдвард Гюллинг, Сантери Нуортева и др. И это сыграло свою немаловажную роль в утверждении финского языка. По их мнению, финский язык, имевший долгую литературную традицию, мог исполнять функцию национального языка в Карелии. Он был в силу родства с карельским языком более понятен карелам, чем русский. Предполагалось, что они быстро освоят этот язык. Финский стал языком образования, общественной и политической жизни. Началось массовое издание периодики на финском языке. Газета была одним из средств распространения финского языка среди населения. И нам было интересно проанализировать влияние русского языка, которое сильно проявилось уже в этот период. Оно отражалось и в синтаксисе, и в стиле, но в первую очередь в лексике.

В структуре языка все время происходят какие-то движения. На это влияют и внутренние факторы, и внешние. Финский язык, бытовавший в Карелии, претерпел некоторые изменения, находясь в иноязычной среде. Прежде всего, он был оторван от своей культурной традиции. Связь с Финляндией прекратилась с установлением Советской власти. Те финны, которые переехали в Карелию в 1920—30-е годы, имели свою языковую культуру и передали ее дальнейшим поколениям. В чем-то она устарела, в чем-то подверглась влиянию русского языка.

Становление советского государства сопровождалось возникновением большого количества новых понятий и явлений, и, соответственно, новых слов. Для создания финского эквивалента авторы статей, редакторы, переводчики не имели достаточно времени. Влияло и то, что часть статей переводилась из русскоязычных газет. К тому же на первом плане были более сложные и насущные проблемы: как выжить при всеобщей разрухе, при ничтожно малом количестве работников и материальных средств. Поэтому иногда пользовались кальками, а в некоторых случаях — прямыми заимствованиями.

Примеры прямых заимствований: *Prikaati* — *бпузада*, *komissariaatti* — *комиссариаат*, *bolshevikki* — *большевек*, *etappi* — *этан*, *kolhoosi* — *колхоз*, *kandidaatti* — *кандидат*, *deputaatti* — *депутат*. Эти слова претерпевали некоторые фонетические изменения согласно законам финского языка: удлинение ударной гласной в языке заимствования, появление гласной в конце слова.

Займствовались аббревиатуры: *Karpolitprosvet* — *Карполитпросвет*, *Kraisojus* — *Крайсоюз*, *Karelgostroi* — *Карелгосстрой*. Здесь не происходило никаких изменений, так как это были имена собственные.

Примеры калек: *Punasopukka* — *красный уголок*, *pinainen nuoriso* — *красная молодежь*, *socialistinen kilpailu* — *социалистическое соревнование*, *luokkatuomio* — *классовое осуждение*.

Нельзя утверждать, что процесс заимствования в этот период был обусловлен политическим или идеологическим давлением сверху. Если и предположить, что было какое-либо желание приблизиться таким образом к великому русскому языку, то оно было на уровне индивидуальной симпатии.

В 1930-х годах политика в стране стала меняться и повсеместно вводился русский язык. Многие национальные языки переводились на кириллицу, нормы литературных языков подгонялись под нормы русского языка, все более активно русский язык внедрялся во все сферы языковой жизни. Процесс заимствования русской лексики наблюдался во многих языках Советского Союза (Алпатов В. М., 2000, 90—94).

И именно в это время такие ученые, как Х. Раутио и В. Сало, стали поднимать вопрос о чистоте финского языка, их пугал поток русизмов, нахлынувший в финский язык в 1920-х годах. Они критиковали бездумное копирование русских слов, не понятных для многих финнов (Rautio H., 1932), и призывали к «золотой середине», когда заимствование не переходит в засорение языка, а наоборот, обогащает его. По их мнению, можно было бы как следует обсудить и пересмотреть некоторые не совсем удачные заимствованные слова, найти подходящий вариант на основе своего, финского, языка. В то же время они понимали неизбежность процесса заимствования в связи с появлением новых понятий и постоянным влиянием русского языка.

В Карелии этот период сопровождался неудовлетворенностью политикой финского руководства со стороны высших властей и со стороны местного населения. Финны поняли, что их положение становится шатким. Началась борьба за выживание. И тут уже было не до чистоты языка, а наоборот, русизмы стали своего рода соломинкой для утопающего. Предпочтение отдавалось русскому термину даже там, где раньше употреблялись собственно финские слова: *revolutsio*, *sovetti* заменили *vallankumous*, *neuvosto*. Одни старались защитить себя с помощью языка, другие использовали его как повод для обвинения. Попытки сохранить финский язык незасоренным и самобытным были названы языковым национализмом.

При установлении норм перевода того или иного слова созданная при НИИ терминологическая комиссия одобрила около 70% прямых заимствований. В некоторых случаях допускался собственно финский вариант, но он был на втором месте (Punainen Karjala. 04.06.1936): журнал — *zhurnaali, aikakauslehti*; материя — *materia, aine*; приказ — *prikaasi, käsky*; район — *rajoni, piiri*; совет — *sovetti, neuvosto*.

Это уже было сознательное засорение языка. Но и здесь нашлось место критике. Комиссия обвинялась за большое количество финских слов в ориентации на фашистскую Финляндию (Punainen Karjala. 16.09.1937). Понятно, что такие абсурдные высказывания были обусловлены не столько языковыми процессами, сколько политической интригой.

Судьба финского языка в Карелии складывалась очень сложно, как и судьба его носителей. К 1938 году была запрещена всякая деятельность на финском языке. А многие финские политические и общественные деятели были репрессированы. Несомненно, этот первый этап послужил основанием для дальнейшего функционирования финского языка в Карелии. Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что судить о положении финского языка и делать какие-либо, тем более категорические, заключения об особенностях финского языка в Карелии в синхронном аспекте и чисто лингвистических рамках нельзя. Чтобы приблизиться к объективному пониманию этого явления, необходимо учитывать исторические и социальные факторы, повлиявшие на развитие финского языка.

Список литературы

- Алпатов В. М.* 150 языков и политика: 1917—2000. М., 2000.
Никольский Л. Б. Синхронная социолнгвистика. М., 1976.
Новое в социолнгвистике. М., 1975.
Rautio H. Suomen kielen runteilijoita vastaan. Petroskoi, 1932.
Punainen Karjala. 1936—1937.

© *И. П. Козяр*

О РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА В КАРЕЛИИ В 20—30-е годы XX века

Финский язык в Карелии как язык административной, культурной и просветительской деятельности имеет историю чуть более 80 лет. На первый взгляд может показаться странным, что в республике, где русские и карелы составляют большую часть населения, финский язык так

много значит. Однако это явление имеет долгую и противоречивую историю. В данной статье рассматривается начало функционирования финского языка в Карелии. Акцент делается на развитие новой лексики финского языка в этот период в условиях иноязычного окружения.

Этапы развития финского языка в Карелии были напрямую связаны с политической и социальной обстановкой в республике. Пограничное с Финляндией положение Карелии определяло проводившуюся здесь национальную политику. Первый этап бытования финского языка относится к 1920—1937 годам — периоду образования КАССР. Это была так называемая эпоха «красных» финнов. При них финноязычная культура пережила свое становление и расцвет.

История советской Карелии началась с создания в 1920 году Карельской трудовой коммуны — КТК (Строгальщикова З. И., 1992, 6). Идея создания в Карелии автономии была высказана Эдвардом Гюллингом (Килин Ю. М., 1999, 40—41). В 1920-х годах в Карелии началась политика финнизации (Килин Ю. М., 1999, 78). Финский язык получил статус официального языка администрации и обучения, развивалась финноязычная культура. Хотя в 1920 году финны составляли всего лишь 0,6% от численности всего населения республики, тем не менее, финский язык занял ведущую позицию после русского. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, карельский язык существовал лишь как разговорный, лишенный общественной, политической и научной терминологии. Для создания литературного карельского языка требовалось время, которого у карельского правительства не было. Финский язык был более или менее понятен карелам и имел литературную традицию (Аалто Э. Л., 1989, 11). Во-вторых, большинство руководящих постов в КТК занимали финны. Первоначально финский язык использовался в школьном образовании только на севере Карелии. В 1927—1928 годах начался массовый перевод школ на обучение на финском языке, расширилась издательская деятельность на языке, в Петрозаводске открылся национальный театр (Килин Ю. М., 1999, 139—141). Все это усилило положение финского языка.

Однако к 1935 году программа финнизации, за исключением успехов в развитии культуры и перевода школ на финский, осталась не выполненной (Килин Ю. М., 1999, 144). Ошибки в национальной политике и неудовлетворительный темп экономического развития республики стали поводом для отстранения финского руководства во главе с Э. Гюллингом. В 1937 году Совнарком Карельской АССР принял постановление о переводе карельских и вепсских школ на родной язык обучения (Строгальщикова З. И., 1992, 12). С января 1938 года в Карелии было запрещено использование

финского языка в образовательной, просветительской и издательской деятельности (Клементьев Е. И., 1992, 116).

Большое место в развитии финноязычной культуры в этот период занимала, конечно же, периодика. Газеты, журналы, альманахи, стараясь охватить интересы разных слоев населения, были близки к читателю. Однако разрыв с литературной традицией Финляндии и соседство с более богатой русскоязычной культурой могли стать причиной обрусения финского населения. В связи со строительством нового государства появлялось много новых понятий. Особенно в языке СМИ был наплыв таких выражений и оборотов речи, которые мог понять только советский человек, например: социалистические поля, красная молодежь, партийная чистка и т. д. Для них не всегда удавалось найти соответствующий финский термин, и финский язык в большинстве случаев пользовался заимствованиями из русского. Прямых заимствований даже там, где можно было использовать свое родное слово, было очень много. Вот несколько примеров:

Siellä saa muutamalla kopeekalla ruokaa, kipjatkua...

(Karjalan Maamies, 17.01.1925).

Там можно получить за несколько копеек еду, кипяток...

(Свое выражение: keitettyä vettä).

Paadenen ruokalalle sopisi paremmin nimeksi pivnaja (Punainen Karjala, 24.10.1925).

Паданскую столовую было бы лучше назвать пивная (olutbaari).

Voimakas kasvatuksellinen työ jokaisen puolueen jäsenen ja kandidaatin kanssa (Punainen Jääkäri, 20.05.1933).

Большая воспитательная работа с каждым кандидатом и членом партии (ehdokkaan).

Puuseppätehtaan jatsheikan kokouksessa... teki tov. Kellosoalmi selostuksen (P. K., 15.10.1925).

На собрании ячейки мебельной фабрики... тов. Келлосалми сделал доклад (puolueosaston).

Заимствованиями являлись аббревиатуры:

Selskosojusin yhteyteen on muodostettu erikoinen «kooperatiivinen sähköstämisosasto» (P. K., 23.10.1925).

При Сельскосоюзе образован специальный «кооперативный отдел электрификации».

Severolesin ja Karellesin yhtyminen (P. K., 23.10.1925).

Объединение Северолеса и Кареллеса.

Agitpropin selostus (P. K., 13.10.1925).

Доклад Агитпропа.

Заимствовались также сокращения, особенно сокращение полит. (политический):

Tov. Vuoren yksikössä polittietoisuus ei kaikille kommunisteille ole sillä tasolla kuin sitä puoluepuhdistuksessa tullaan vaatimaan (P. J., 29.08.1933).

В подразделении тов. Вуори не у всех коммунистов политсознание на том уровне, которое будут требовать при... партийной чистке.

Tämän tehtävän läpiviennissä näyttelee erikoisen suurta osaa yhtenäisen politpäivä (P. J., 23.08.1933).

В выполнении этого задания важную роль играет общий политдень. Polithallinnon derektiivi vaatii... (P. J., 3.11.1933).

Директива политруководства требует...

При переводе фраз идеологического характера финский язык пользовался кальками.

Idän punainen nuoriso (Karjalan Kommuuni, 15.01.1921).

Красная молодежь востока.

Lasten yhteiskunnallinen kasvatus Karjalassa (Punainen Karjala, 10.06.1925).

Общественное воспитание детей в Карелии.

Petrov on mennyt naimisiin luokkavieraan aineksen kanssa (P. J., 3.11.1933).

Петров женился на чужеродном элементе.

Примеры словообразовательных калек:

Kylissä, joissa on perustettu koltalouksia... (Nuori Kaarti, 26.04.1930).

В деревнях, в которых образованы колхозы...

Keskusklubit, lukutuvat ja punaiset nurkat (P. K., 6.01.1925).

Центральные клубы, избы-читальни и красные уголки.

Часто употреблялись лишние с точки зрения финского языка слова и выражения:

Piirimme ei myöskään jättänyt huomioon ottamatta fyysilliskulttuurista puolta (P. K., 3.07.1929).

Наш район не оставил также без внимания физкультурную сторону. Было бы лучше сказать: Piirimme huomioi myöskin...

Betonin tutkimusta suoritettiin laboratorion taholta lähes 700 kertaa.

Исследования бетона проводились в лаборатории около 700 раз. Betonia tutkittiin...

В 1930-х годах проблема перевода новых понятий и иностранных слов обостряется. Авторы статей, не имея определенных норм или образцов, сочиняли свои слова. Часто можно было встретить несколько вариантов одного и того же понятия. Возникла потребность в создании

определенных норм употребления таких слов. Для этого в 1932 году в издательстве «Kirja» было проведено совещание и избрана комиссия, которая должна была представить варианты написания всех новых и иностранных слов. Одобренные варианты были опубликованы в двух номерах газеты «Punainen Karjala».

Проблема перевода является, на первый взгляд, чисто лингвистической: употреблять ли свой вариант или заимствовать иностранный, и если последний, то как его писать согласно нормам своего языка. В своем желании быть ближе к русскому языку, языку Сталина и Ленина, многие выступали за прямое заимствование, критикуя финский язык за его недостаточную «коммунистичность» и «буржуазность». Такие заявления имели уже политический характер.

Такие же ученые, как Х. Раутио, В. Сало, призывали к «золотой середине». Они выступали за ясность и понятность языка не только для советских читателей, но также и для зарубежных. В. Сало писал, что нельзя придерживаться, с одной стороны, замкнутой «чистоты» языка с другой — загружать язык иностранными словами (V. Salon selostuksesta..., 1932). Иностранные слова нужно употреблять в том случае, если они хорошо известны и более точны, чем свои. Х. Раутио в книге «Против вредителей финского языка» пишет то же самое. «Нам надо употреблять как свои слова, так и иностранные тогда, когда ясность дела этого требует» (Rautio H., 1932).

Однако количество русизмов увеличилось. Даже в списке принятых комиссией за норму терминов 70% слов — заимствования: baasa (база), demonstratio (демонстрация), fundamenti (фундамент), hvostismi (хвостизм), kapitaali (капитал), kapitulatsia (капитуляция), natsio (нация), prikaasi (приказ), rajoni (район), kolhoosi (колхоз), sovhoosi (совхоз), tempo (темп), uurnikka (ударник), zhurnaali (журнал).

Слова *revolutsio* и *sovetti* заменили привычные *vallankumous*, *neuvosto*:

Lokakuun revolutsion jalkeen alkoi syntyä klubeja, lukutupia, punanurkkia ja kirjastoja (P. K., 1937).

После октябрьской революции стали создаваться клубы, избы-читальни, красные уголки и библиотеки.

Vartiossa kaukaisen Idan sovattirajoilla (P. K., 1936).

На посту советских границ Дальнего Востока.

Если сравнить периодику, издававшуюся в эти годы в Финляндии, то коммунистические газеты пользовались той же лексикой, что и в Карелии.

Примеры из газеты «Туо», издававшейся в Выборге:

Punainen juhla (21.12.1929).

Красный праздник.

Ohranan ajojahti jatkuu edelleen (31.12.1929).

Охрана продолжает облаву.

Кау etuvahtiin, punainen nuoriso! (14.01.1930).

Вставай на стражу, красная молодежь!

Neuvostoliiton 5-vuotissuunnitelmaan kuuluva socialistinen rakennustyö (18.01.1930).

Социалистическое строительство, входящее в 5-летний план Советского Союза.

Социал-демократические газеты либо объясняли такие слова, или ставили их в кавычки, либо употребляли их в статьях, высмеивавших или осуждавших советский строй.

Газета «Kansan voima»:

Suurtalon poikkien, kulakkien n. s. «yleisen kollektivisoimisen» alueilla (22.03.1930).

В районах так называемой «всеобщей коллективизации» зажиточных крестьян, кулаков.

Газеты «Vapaa Karjala» ja «Inkeri»:

«Vapaus» kinnittää huomiota tällaiseen lorvailuun ja vaatii, että kultseksijat — ymmärtääkö joku, mikä laitos sellainen on? — taistelevat näiden epäkohtien poistamiseksi (8.03.1935).

«Свобода» обращает внимание на такое бездельничанье и требует, чтобы культсекции — понимает ли кто-нибудь, что это за учреждение? — боролись против этого.

Pietarista oli lähetetty «iskureita» (26.07.1935).

Из Ленинграда отправлены «ударники».

Эти газеты, как правило, не употребляли термин «Советский Союз» — «Neuvostoliitto». Это были либо Россия — Venäjä, либо Советская Россия — Neuvosto-Venäjä, либо Neuvostola.

Venäjällä peräännyttään maatalouden pakkokollektivisoimisesta (K. V., 22.03.1930).

В России отказываются от принудительной коллективизации сельского хозяйства.

Neuvosto-Venäjä on maailman sotaisin valtakunta (K. V., 08.02.1935).

Советская Россия — самое воинственное государство в мире.

Конечно же, чрезмерное количество иностранных слов портит язык, делает его непонятным, лишает своих особенностей. Тем более если эти слова не вписываются естественным образом в систему языка. Финноязычному читателю, например финну-эмигранту, только что прибывшему в Карелию и не знающему всех реалий Советского Союза, многое

в газетных и журнальных текстах было непонятным. Хотя процесс заимствования был неизбежен, так как финский язык находился в отрыве от финских культурных традиций. Кроме того, большое влияние на все стороны жизни, в том числе и на язык, оказывала политика советского государства. Первый этап становления финского языка хоть и закончился весьма трагично, тем не менее, созданная в этот период база послужила основанием для дальнейшего функционирования финского языка в Карелии.

Список литературы

Аалто Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920—1980. Петрозаводск, 1989.

Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920—1941. Петрозаводск, 1999.

Клементьев Е. И. Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992.

Строгальщикова З. И. Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М., 1992.

Rautio H. Suomen kielen runteilijoita vastaan. Petroskoi, 1932.

V. Salon selostuksesta Karjalan tieteellisen tutkimus-instituutin kieli- ja kansankielisessä osastossa // Punainen Karjala. Petroskoi. 11.05.1932.

© *С. Ф. Кондратьева*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ФИННО-УГОРСКОЙ ШКОЛЕ им. Э. ЛЁННРОТА г. ПЕТРОЗАВОДСКА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Республика Карелия является многонациональной, здесь уже долгие годы проживают финно-угорские народы. До некоторых пор карелы, вепсы и финны демонстративно не общались на родном языке — это было стыдно. Но ведь зная и понимая язык карельского населения, легче понять картину мира, жизни, культуры и общения этих людей. Просто всем нам нужно вовремя взглядеться в это по-карельски, по-вепски, по-фински, и не просто взглядеться, а понять язык, рисующий эту картину. И конечно, финно-угорские народы стараются сохранить родной язык, язык — носитель традиций и культуры коренных народов Республики Карелия.

Вот почему 1 сентября 1994 года открылась первая в городе и республике школа, в которой дети с первого класса изучают родные языки — карельский (два диалекта), вепсский, финский. Наша школа была создана в связи с социальным заказом, по просьбам жителей г. Петрозаводска, национальных обществ, Комитета по национальной политике. Для всей национальной общественности это было большое событие.

В жизни любого народа сфера образования должна обеспечить преемственность в развитии, возрождении и сохранении национальной культуры, способствовать пропаганде ее достижений. И несомненно, эффективность обучения на родных языках зависит от той культурной среды, в которой живут и обучаются носители языка.

Финно-угорская школа отметила свое десятилетие. В 1994 году в школе обучалось всего 114 учащихся, работало 14 педагогов. В настоящее время в школе обучается 825 учащихся (в прошлом году было 851). Национальный состав школы многолик: прибалтийско-финские народы — 337 человек (финнов — 139 человек, карелов — 152 человека, вепсов — 63 человека); эстонцы, литовцы, коми — 6 человек; славяне (русские, белорусы, украинцы) — 497 человек; кавказские народы — 10 человек.

Карельский язык в школе ведется на двух диалектах: собственно-карельском и ливвиковском. В начальной школе карельский язык изучают: северный диалект — 49 учащихся, южный диалект — 15 человек. К сожалению, в 2003/04 учебном году на ливвиковском диалекте в 1-м классе не обучался ни один ребенок и это проблема не только школы. В среднем звене карельский язык изучают 108 учащихся: северный диалект — 61 человек, южный диалект — 47 человек. В старшем звене (10—11-й классы): северный диалект — 16 человек, южный диалект — 12 человек. Всего по школе: собственно-карельский диалект — 126 учащихся, ливвиковский диалект — 74 ученика. В 2003/04 учебном году закончил школу 21 человек, т. е. по 7 учащихся карелов двух диалектов и вепсов. Вепсский язык: начальная школа — 21 человек, среднее звено — 26 человек, старшее звено (10—11-й классы) — 15 человек. Многие из них планируют поступать на ФПФФ и К. В 2003/04 учебном году состоялся первый выпуск карелов и вепсов. К сожалению, количество часов на изучение родных языков не очень велико: в 1-м классе — один час в неделю, 2—4-й классы — три часа в неделю; среднее и старшее звено — два часа в неделю. На мой взгляд, количество часов, отведенных на преподавание родного языка, должно быть не менее 3—4 часов в неделю. Учитель во время проведения урока испытывает опре-

деленные трудности, т. к. для одного урока надо дозированно отбирать дидактический материал — упражнения и устные темы.

В школе разработано «Положение по итоговой и промежуточной аттестации учащихся» (проходит в два этапа в мае). Аттестация проводится в письменной и устной форме и включает диктант, грамматический тест, работу с текстом, монологическое высказывание по теме: 4-й класс — диктант и грамматическое задание; 7-й класс — монологическая речь (18—20 предложений по 15 темам) и грамматический тест; 9-й, 11-й классы — выпускные экзамены (монологическое высказывание по 20 темам, 25—30, 30—35 предложений соответственно, и грамматический тест). Какова же цель проведения аттестации по языку? Выявление уровня владения и усвоения учащимися родного языка на данном этапе обучения, развитие самостоятельности и ответственности. Аттестация включает в себя программный материал. Во время обучения в 7—9-х классах закладывается основа для последующей дифференциации обучения, формируются и развиваются знания, умения и навыки в следующих областях: говорение (диалогическая, монологическая речь), аудирование, чтение, письмо, перевод. Темы, предлагаемые учащимся, для монологического высказывания: *Моя семья. Мои увлечения. Почему я изучаю язык? Путешествие. Дружба и друг. Карелия, история Карелии. Петрозаводск и его достопримечательности. Защита окружающей среды. Финляндия, история Финляндии. Э. Лённрот и «Калевала». Писатель, поэт Карелии и его произведение. Национальный театр. Город Карелии. Известная личность Карелии. Финно-угорские языки и народы. Искусство Карелии. Роль информационных технологий в нашей жизни. Петрозаводск: прошлое и настоящее. Система образования в России. Глобальные проблемы человечества. Спорт в жизни человека. Традиции и обычаи карел. Мое образование и изучение языков. Будущая профессия. Любимое время года, путешествие. Карелия — прошлое и настоящее. Писатель Финляндии и его произведение.*

При подготовке к урокам карельского языка учитель руководствуется следующими принципами:

— коммуникативная (речевая) направленность. В результате обучения учащиеся овладевают необходимым минимумом умений и навыков для использования родного языка как средства общения в рамках тематики, предложенной программой. Коммуникативная (речевая) направленность должна в равной мере проявляться как при работе над устной, так и над письменной речью, т. е. в процессе чтения и письма;

— учитывая особенности родного языка, ставится больший акцент на тренировочную работу, выразительные средства;

— доминирующая роль на уроках родного языка отводится упражнениям на всех уровнях обучения;

— любое объяснение нового материала нужно завершать упражнением.

Учителя родных языков при планировании работы на уроках применяют различные методы обучения: *объяснительно-исследовательский, репродуктивный, эвристический или частично-поисковый, исследовательский, устное изложение материала (рассказ, объяснение, в старших классах могут быть лекции по истории и культуре Карелии); работа с учебником или книгой, практическая работа, упражнения и творческие задания, метод демонстрации и объяснения.*

На уроках родных языков идет большая работа с текстом, учителя применяют метод творческого чтения, при котором используют методические приемы:

— выразительное чтение учителем (весь текст или отрывок);

— аудирование;

— выразительное чтение учащимися;

— комментированное чтение;

— беседа по прочитанному тексту;

— творческие задания (вопросы к тексту, заданные учителем или учащимися, пересказ, инсценирование и т. д.);

— подбор лексического и грамматического материала по теме монологического высказывания;

— самостоятельный анализ текстов, предложенных учителем;

— сопоставление грамматических правил и орфограмм;

— краеведческая работа (подбор текстов, предложений, иллюстраций, топонимика, составление кроссвордов).

Выбирая тот или иной метод (способ), ту или иную модель учебного процесса, учитель не может не учитывать наличие объективных и субъективных факторов, серьезно влияющих на эффективность обучения родному языку (двуязычие, общение на карельском, вепсском или финском языках во внеурочное время и в семье).

На начальном этапе обучения карельскому языку учитель работает над фонетикой. Разнообразная речевая практика (накопление словарного запаса) используется учителями на всех уроках. С начала без грамматики идет усвоение известного материала, известных языковых фактов. На данном этапе учитель знакомит учащихся с определенными грамматическими формами — важна доступность грамматического материала для детей данного возраста. Большое внимание на уроках уделяется диалогической и монологической речи. Диалог должен быть завершающим этапом изучения каждого нового компонента языкового материала.

Монологическое высказывание — особое, сложное умение, которое необходимо специально формировать у учащихся, начиная с младшего школьного возраста, а лучше, конечно, с семьи и с детского сада, т. к. это развернутый вид речи и говорящий должен уметь построить свое высказывание и последовательность его изложения по какой-либо теме.

Учащиеся испытывают определенные трудности в изучении грамматического материала на разных этапах обучения языку, учебный материал в учебниках (в частности, в начальной школе) надо адаптировать для учащихся.

При работе над грамматическим заданием учитель карельского языка учитывает поэтапность введения данного материала: строгое соблюдение принципа одной трудности — все, кроме вводимого грамматического явления, должно быть учащимся хорошо известно в данном предложении или образце. У ученика должна выработаться автоматизация грамматических действий, без которой невозможно создание навыка, т. е. учитель придает тренировке грамматических явлений речевой характер, а это особая учебная речь. Далее грамматика включается в диалогическую речь и монологическое высказывание.

Основной фактор для успеха обучения речевой деятельности — это, конечно, упражнения: языковые, условно-речевые, подлинно-речевые (говорение, аудирование, чтение, письмо).

Какая же работа должна преобладать на уроках карельского языка? Работа, преобладающая на уроках карельского языка, — это учитель — класс, ученик — ученик, ученик — класс, индивидуальная, парная, групповая. Для слабых учащихся обязательны: дополнительно лексико-грамматические упражнения; опорные записи, упрощаются переводы, используются репродукции, сюжетные картинки, простое пробное задание.

Контроль за усвоением знаний по родным языкам проходит в системе — проверочные, контрольные работы, словарные диктанты, диалогическая речь и монологические высказывания, диагностические контрольные работы, тесты по грамматике и пополнению лексического запаса.

Изучение карельского языка в Финно-угорской школе им. Э. Лённрота проходит и во внеурочное время. В школе проводятся ученические научно-практические семинары и конференции, в которых также принимают участие студенты и преподаватели КГПУ и ПетрГУ; лённротовские чтения; конкурс на родных языках «Карельские самоцветы»; ежегодно в летний период работает языковой этно-культурный лагерь «Радуга», работа лагеря проходит в четыре смены, т. е. финский язык, карельский язык (собственно-карельский и ливвиковский диалекты), вепсский язык (для работы в данном лагере желательно привлечь и

студентов наших вузов); месячник «Калевалы»; выпуск газет на родных языках, вечера карельской и вепсской культуры и другие мероприятия. Дети принимают активное участие в городских и республиканских мероприятиях по сохранению и возрождению родных языков (конкурсы по родным языкам). Многие учащиеся посещают кружки при РЦНК. Школа тесно сотрудничает с журналом «Kipinä», газетой «Oma puu».

Какие встречаются трудности в изучении родных языков:

— недостаточное количество учебных часов в неделю: всего 2—3 часа, а надо 3—4 часа,

— учащимся трудно даются переводы с русского языка на карельский (к сожалению, пока нет еще «Русско-карельского словаря»; дома не с кем говорить на карельском языке);

— проблемой является и двуязычие;

— нет по предмету УМК, его надо разрабатывать и развивать всем вместе; это методическая литература, наглядные пособия (таблицы), рабочие тетради для всех этапов обучения, аудио-, видеоматериалы, тематические тексты. Тематические тексты по культуре карельского, вепсского народов и языку должны быть интересны и познавательны для учащихся (обязательно адаптированы для детей разного возраста). Такие тексты могут быть составлены студентами;

— оснащенность учебниками — они есть (огромное спасибо нашим ученым), но их надо уже переиздавать (начальная школа), т. к. с развитием языка должны меняться и учебники. Сейчас для начальной школы учебники сложные, надо точно определиться с грамматическим материалом. Эту работу надо делать совместно ученым, учителям родных языков и методистам;

— обязательно должна быть преемственность между школой и вузом (дети, которые изучают карельский язык, не видят дальнейшей перспективы);

— у студентов при прохождении практики в школе также есть определенные трудности, т. к. на методику преподавания родных языков отводится в учебном плане небольшое количество часов. Необходимо, чтобы студенты бывали в школах чаще (пассивная практика), студенты на уроках дают грамматический материал так, как им читают его в университете;

— по вепсскому языку нет в г. Петрозаводске дошкольной подготовки, т. е. группы в детском саду;

— надо более активно проводить работу по топонимии: конкурсы, экспедиции в каникулярное время.

Ф. Буслаев писал: «Основательное изучение родного языка раскрывает все нравственные силы учащихся, дает им истинно гуманическое образование, а вместе с тем и свое — народное».

© *С. В. Коробейникова*

О ПРОБЛЕМАХ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ (ФИНСКИЙ ЯЗЫК)

В школах Республики Карелия в течение уже не одного десятка лет работают учителя финского языка, являющиеся выпускниками Петрозаводского государственного университета. На базе некоторых школ г. Петрозаводска (гимназия № 17, школы № 34 и 43 и Финно-угорская школа им. Э. Лённрота) и в районах республики (по месту жительства студентов) проходят педагогическую практику студенты V курса ФПФФ и К. Практика проводится в течение 7 недель — с 8 сентября по 30 октября. За это время студентам необходимо провести 14 зачетных уроков, в числе которых должны быть урок подачи нового материала, урок закрепления и контроля. В связи с появлением ряда проблем, возникающих у студентов в период прохождения практики, кажется целесообразным провести краткий анализ этих вопросов, выявить причины возникновения и наметить возможные пути их устранения.

Прежде всего, следует напомнить некоторые из задач педагогической практики:

1. Приобретение профессиональных качеств личности будущего преподавателя.

2. Воспитание у студентов любви и уважения к профессии преподавателя.

3. Приобщение студентов к непосредственной практической деятельности, формирование у них профессиональных умений и навыков, необходимых для успешного осуществления учебно-воспитательной работы, освоение методики обучения и воспитания.

4. Установление и укрепление связи теоретических знаний, полученных студентами при изучении специальных и психолого-педагогических дисциплин, с практикой.

5. Ознакомление студентов с современным состоянием учебно-воспитательной работы в учебно-воспитательном учреждении, с пере-

довым педагогическим опытом, оказание помощи со стороны студентов в решении задач обучения и воспитания учащихся.

6. Организация взаимодействия и общения студентов с учащимися, изучение их индивидуальных и возрастных особенностей.

7. Выработка у студентов творческого, исследовательского подходов к педагогической деятельности, приобретение ими навыков анализа результатов своего труда, формирование потребности в самообразовании.

Для того чтобы определить степень выполнения учебных задач педагогической практики студентами факультета прибалтийско-финской филологии и культуры, была проведена следующая работа:

- осуществлено анкетирование студентов и учителей с целью выявления положительных и отрицательных моментов проведения педагогической практики;

- еженедельно проводились общие консультации для студентов-практикантов;

- по мере необходимости проводились индивидуальные консультации по месту прохождения практики;

- посещались уроки студентов с последующим анализом.

В результате проведенной методической и аналитической работы мы можем говорить о накопившихся проблемах проведения педагогической практики в школе.

В анкетах для учителей предлагались следующие вопросы:

1. Что Вы можете сказать о языковой подготовленности студентов ФПФФ и К?

2. Что Вы можете сказать об их методической подготовленности?

3. Проявляется ли у студентов в процессе прохождения практики желание работать со школьниками, работать в школе?

4. Влияет ли, на Ваш взгляд, появление в школе студентов ФПФФ и К на повышение мотивации в изучении финского языка школьниками?

В ответах на вопросы анкеты в чем-то учителя были едины, в чем-то придерживались абсолютно противоположных мнений. Кроме того, ответы, конечно, зависели как от субъективности восприятия задач педагогической практики студентами и учителями, так и от уровня подготовленности конкретного студента.

Общей тенденцией, к сожалению, является то, что отмечается слабая методическая подготовленность студентов. Эта проблема уже на протяжении многих лет является насущной для факультета. Несмотря на то, что программой курса методики преподавания финского языка в школе предусматривается рассмотрение основных моментов преподавания,

преподаватели и слушатели курса находятся в очень тесных рамках [32 часа (8 лекционных, 8 практических занятий)]. За это время необходимо преподнести не только теоретический минимум, но и привить хотя бы некоторые практические навыки преподавания финского языка.

В связи с чрезвычайной сжатостью курса чаще всего невыполненной оказывается его практическая часть, и студенты приходят в школу, не отработав на практике (в условиях практических занятий) полученные теоретические знания. Как ни странно, некоторые студенты говорят учителям о том, что им вообще ничего не давалось, даже не заглянув при подготовке к уроку в конспекты лекций. Здесь следует напомнить, что одной из задач педагогической практики является установление и укрепление связи теоретических знаний, полученных студентами при изучении специальных и психолого-педагогических дисциплин, с практикой.

Несмотря на общую несколько негативную тенденцию, учителя некоторых школ республики характеризуют студентов ФПФФ и К как достаточно методически подготовленных, стремящихся при этом к самообразованию и творчеству.

Основываясь на материале педагогических практик за последние три года, можно говорить о том, что работа студентов ФПФФ и К характеризуется как целенаправленная, качественная и систематическая. Особенно благоприятные отзывы приходят из районных школ Республики Карелия (Костомукша, Кондопога и др.), хотя там ребята, к сожалению, не имеют поддержки со стороны кафедры педагогики и психологии.

Что касается языковой подготовки студентов ФПФФ и К, то здесь мнения учителей кардинально противоположны. В отдельных случаях предлагается даже учить студентов правильно говорить по-фински такие фразы, как: «Откройте учебники на странице такой-то, откройте тетради, напишите число и классная работа» и прочее, хотя, во-первых, на V курсе они не могут этого не знать, а во-вторых, эти фразы являются своеобразными клише и обязательно присутствуют в материалах лекции о построении урока финского языка на начальном этапе. Возможно, ошибки в данном случае объясняются волнением перед детской аудиторией.

С другой стороны, большинство учителей (гимназия № 17, школа № 43) отмечают «хороший, высокий или достаточно высокий» уровень владения финским языком, что радует. Конечно, любая оценка в данном случае также субъективна и зависит от индивидуального уровня подготовленности студента.

На вопрос о повышении мотивации школьников в изучении финского языка учителями даются только положительные ответы: «Молодые, творчески работающие учителя всегда повышают мотивацию учащихся».

ся». Этот момент нашел отражение и в отзывах о практике самих студентов, где говорится о решении изучать финский язык и выбрать профессию учителя финского языка после того, как в их классе на практике побывали студенты ФПФФ и К.

Эти утверждения дают нам возможность наметить еще одну очень важную цель педагогической практики — популяризацию финского языка среди подрастающего поколения. Эта воспитательная задача необычайно актуальна в условиях национальной республики.

Ответы на вопросы анкеты для студентов (Что Вам дает прохождение практики по финскому языку в школах республики? Где еще Вы хотели бы проходить практику по финскому языку?) позволяют сделать выводы об общем положительном настрое. Анализ проведен на основе ответов студентов, проходящих практику в гимназии № 17 и в школе № 43 г. Петрозаводска, т. к. студенты, практикующиеся в школе № 34 и Финно-угорской школе им. Э. Лённрота, не пожелали ответить на вопросы анкеты.

подавляющее большинство студентов говорит о том, что практика дает целый комплекс возможностей:

- правильность выбора профессии;
- осознание многогранности финского языка: в процессе преподавания его школьникам многие языковые явления раскрываются перед студентами по-новому, в более полном объеме;
- помощь в систематизации полученных знаний по грамматике и лексике финского языка;
- в некоторой степени развитие быстроты реакции при общении на финском языке — неподготовленные заранее тексты, неожиданные вопросы со стороны школьников, умение вовремя вспомнить и подсказать нужное слово;
- умение выступать публично — детская аудитория не прощает ошибок;
- развитие чувства ответственности за преподаваемый материал и собственные знания;
- развитие творческого подхода в изучении языка;
- стимулирование стремления к самообразованию;
- знакомство с разными возрастными группами и уровнями владения языком.

Многие студенты говорят о том, что в процессе прохождения практики у них появился интерес к учительской работе, и они выбрали бы профессию учителя финского языка, если бы не проблема заработной платы. Не у всех она стоит на первом месте, что дает нам возможность предполагать, что среди выпускников 2005 года будут новые учителя финского языка.

Радостно то, что среди студенческих ответов нет ни одного абсолютно негативного. Напротив, многие отмечают, что их мнение о работе педагога изменилось в лучшую сторону. На наш взгляд, это можно считать большой удачей.

Так как педагогика не является профилирующей дисциплиной в Петрозаводском государственном университете, студенты выражают желание практиковаться в финском языке также и в газетах, журналах, на радио и телевидении, их привлекает переводческая практика. Среди предложений были и такие — провести ряд экскурсий по Петрозаводску, по музеям и достопримечательностям республики, индивидуальная работа с детьми, по состоянию здоровья не имеющими возможности посещать школу, и т. д.

Практически все студенты в процессе прохождения практики делают вывод о том, что для более эффективной реализации полученных знаний нужно прослушать более объемные курсы по методике, педагогике и психологии.

На основе вышеизложенного представляется необходимым внести следующие предложения:

1. Увеличить количество лекционных часов, отводимых в учебном плане на курс методики преподавания финского языка.

2. Увеличить количество часов для практических занятий по данному курсу.

3. Поскольку выпускникам факультета присваивается квалификация преподавателя финского языка, следует обратить более пристальное внимание на предметы психолого-педагогического цикла (например, ввести экзамен по методике преподавания).

4. Организовать дополнительные занятия для студентов, определившихся в выборе профессии учителя (в такие группы могли бы войти выпускники педагогического училища).

5. Создать на кафедрах финского и карельского языков материальную базу для методической работы студентов.

6. Организовать по возможности командировки преподавателей педагогики, психологии и методики преподавания финского языка в школы республики.

7. Создать на базе факультета методические и вспомогательные пособия для студентов-практикантов.

8. Осуществлять обратную связь со школами и учитывать их возможности и потребности.

9. Предложить студентам вести кружки финского языка в школах города.

10. Предложить студентам прохождение педагогической практики на других факультетах, в группах изучения финского языка, в педагогическом училище.

В заключение хотелось бы обратить внимание на один очень важный момент, отмечаемый всеми студентами, проходящими педагогическую практику по финскому языку в 8—11-х классах школ как с углубленным, так и с базовым изучением финского языка. Эта проблема является также насущной и даже болезненной и для начинающих, и для опытных учителей. Это проблема учебных пособий. С 1985 года в республике не издаются учебники по финскому языку для старших классов. В связи с изменениями в реальной жизни, контингента детей, изучающих финский язык в школе (практически для всех он является иностранным), пользоваться старыми учебниками сложно, а порой и невозможно. Учителя около 10 лет работают по самостоятельно разработанным материалам, разительно отличающимся друг от друга не только в различных школах, но и в рамках одной школы, или по учебным пособиям для взрослых, содержащим интенсивный курс финского языка либо предназначенным для других социальных групп. Студенты в этом случае находятся почти в экстремальной ситуации.

Конечно, эта тема требует отдельного обсуждения, но сейчас, когда вышла единая, утвержденная Министерством образования программа по финскому языку, составленная коллективом учителей муниципальной гимназии № 17 г. Петрозаводска, ее можно обозначить и предложить на рассмотрение кафедр финского языка Петрозаводского государственного и Карельского государственного педагогического университетов.

© *Н. А. Криничная*

МАГИЯ СЛОВА В КАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Апрельским днем 1834 года в карельском селении Ладвозеро будущий создатель «Калевалы» Элиас Лённрот впервые встретился с лучшим своим певцом Архиппой Перттуненом. Тогда и была, среди прочих, записана руна, впоследствии названная учеными «Прологом». Пусть она послужит зачином и нашего разговора.

Слов же раздобыл я много,
Находил их на дорогах;
Из травы слова составил,
В можжевельнике я рвал их <...>
И нашел я слов там много,
Все слова закрыл в кладовку;
В золоченый кошелечек,
В медный ларчик их запрятал.
И когда наступит время,
Ларчик песен я открою...

(К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 8)

Слова, бережно хранимые до поры в волшебном ларце, предметно осязаемы. Они, по свидетельству рунопевцев, «круглы, как яйца рябчика, они огромны, как голова быка...» (КЭП, 1950, № 43, 102).

В карельской народной поэзии, глубинно связанной с мифологией, слово, материализуясь, предопределяет развитие эпической коллизии и ее исход.

В еще более архаической традиции, самодийской, родственной финно-угорской, слово не просто опредмечивается, оно персонифицируется. Так, в эпических песнях ненцев, в преданиях энцев повествование ведется от третьего лица, в качестве которого выступает слово-песня, слово-речь.

Слово летит по ветру. Садится на шест чума. Слушает людские речи. Наблюдает за поступками героев. Дает им оценку. В общем, организует, ведет сюжет. Повествование зачастую завершается формулой: «Слово-песня <...> насытилось». [Напрашивается аналогия с известным библейским изречением: «И Слово стало плотью, и обитало с нами» (Иоанн. 1.14).] Наличие в ненецком и энцком устном творчестве, песенном и прозаическом, образа слова или слова-песни исследователи объясняют верой в магическую силу слова (ЭПН, 1965, 37—40).

В карельской же эпической традиции слово, представленное уже не само по себе, а находящееся во власти могущественного певца-мага, обращенное к божествам, к стихиям природы, способно предопределить дальнейшее течение событий и их исход.

Подобно библейскому Слову, тому самому, которое было «в начале» и «было у Бога», слово карельских эпических песен участвует в творении мироздания. Если в универсальном космогоническом мифе мир возникает из яйца птицы, упавшего в воды мирового океана, то в условиях данной этнокультурной традиции к творению мироздания оказывается причастным

«заклинатель вековечный, заговоров повелитель» (К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 224), в роли которого выступает Вьянямёйнен. Это он посредством магического пения превращает части разбившегося яйца в сферы мироздания.

Вьянё так слова промолвил:
«Нижние яйца частицы
Пусть землей под ноги лягут,
Верхние яйца частицы
Пусть над нами будут небом.
Что в яйце белком являлось,
Месяцем светить пусть станет,
А желток яйца пусть будет
Солнцем согревать всю землю».

(К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 133)

В других вариантах этого мотива фигурирует еще один атрибут вселенной:

«А осколки скорлупы
Пусть будут звездами на небе
Светить между облаками!»

(КЭП, 1950, № 31, 80)

[Эта картина в какой-то мере соответствует древним представлениям об устройстве вселенной, согласно которым, яйцо символизировало четыре элемента мироздания: скорлупа — землю, мембрана — воздух, белок — воду, желток — огонь.]

В этом сюжете Вьянямёйнен оказывается двойником птицы (утки, гуся и пр.), снесшей на его колене космогоническое яйцо. Обозначившая здесь тенденция к вытеснению из образа творца птичьих признаков и замена их человеческими отражает общий процесс трансформации персонажа-демиурга. Не случайно в руне о состязании с Ёукахайненом Вьянямёйнен выступает полноправным творцом вселенной, и утка или гусь оказываются не у дел.

Акт творения, совершаемый вербальным способом, в своих рудиментах вновь и вновь репрезентируется в различных рунах. Он осуществляется уже исключительно посредством заклинаний, произнесенных тем или иным героем. Так, в песне о похищении сампо из Похьелы некоторые признаки демиурга сохраняет за собой Вьянямёйнен. Силой магических слов «заклинатель вековечный» возводит в открытом море подводный огненный утес, чтобы о него раскололась преследующая героев «стоуключинная лодка» хозяйки Похьелы, чтобы продырявился ее парус (КЭП, 1950, № 30, 78).

Сотворение острова силой магического пения в карельских эпических песнях приписывается и Илмаринену (южно-кар.: Ильмойллине) — вековечному кузнецу, мастеру на все руки. Герой «выпевает» посредине моря острова. На одном из них растет ива, на другом — крепкая береза с берестой белой, на третьем — погнувшаяся черемуха. Иногда это просто лесистый остров. Едущие по «талому синему морю» герои изготавливают из этих деревьев новые полоз и дугу взамен поломавшихся и продолжают свой путь (КЭП, 1950, № 2, 31; К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 183—184). Или же Ильмойллине «выпевает» остров для того, чтобы путникам было где переночевать (КЭП, 1950, № 118, 242). Соотнесенное с его именем творение носит, как мы видим, уже не только фрагментарный, но и обывовленный характер.

Герои карельских рун пением создают не только земную твердь, но и водоемы. Так, Вайнямёйнен силой слова творит болото или «безрыбное озеро, где совершенно нет окуней» (КЭП, 1950, № 79, 174), пением погружая в него задиристого Ёукахайнена:

Йоукахайнена загнал он
Заклинанием в болото,
Погрузил по грудь средь луга,
До подмышек — среди бора.

(РНН, 1985, 40)

Вайнямёйнен избавляет своего соперника от гибели, вернув произнесенные им «святые слова», известные заклинателю во множестве: «Мною добыты слова, тысячи собраны мною» (КЭП, 1950, № 81, 178). Состязаясь же в магическом искусстве с самим хозяином Пяйвелы, хитрый Лемминкяйнен «выпевает» озерко прямо на полу в избе (КЭП, 1950, № 45, 106). Даже свадебное испытание героя, выполнение им трудной задачи включает в себя элементы творения мира, также осуществляемого с помощью магического заклинания. Чтобы получить невесту у хозяев потустороннего мира, Ильмойллине «выпевает» озерко, а в нем — спящих рыбок, плещущихся лещей, шумящих лососей. Мало того, силой слова он ограждает водоем железными жердями на острых стальных кольях, связывая прясла змеями с качающимися хвостами, с шевелящимися жалами (К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 185).

Могущественные заклинатели способны вербальными средствами создать и все то, что населяет мироздание, что его наполняет: людей, животных, предметы. Правда, эти деяния в дошедших до нас карельских эпических песнях отнюдь не осмысливаются как акт первотворения. Это лишь следование некоему «образцу», установленному в начале мифического времени. В этом волшебном мире герою, обладающему знанием заклина-

ний, ничего не стоит песнопением создать человека из ольхи (КЭП, 1950, № 39, 94), символизирующей одну из стихий природы — землю, или «выпеть» стадо «волнистошерстных овец» (КЭП, 1950, № 39, 95), или быка, выпивающего озерко, созданное вербальным способом, или золотых кукушек, усаживающихся куковать на дуге резвого жеребца, ценой в пять сотен, и дроздов, поющих на его крестце (КЭП, 1950, № 129, 262—263). Нередко чародеи соревнуются в искусстве «выпевания» различных живых существ. В одной из рун Ёукахайнен силой магического заклинания создает красную белку, тогда как Вяйнямйнен — златогрудую куницу, чтобы та съела белку. Когда же Ёукахайнен «выпевает» остроглазого зайца, то Вяйнямйнен делает ему на погибель рыжую лисицу (К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 87). В умении нерукотворно созидать, равно как и в других магических деяниях, «вековечный заклинатель» побеждает дерзкого соперника.

В большинстве случаев в живое существо или в природный объект воплощается само слово, которое, материализуясь, принимает запрограммированную в заклинании форму. Однако под действием вербальной магии возможно и перевоплощение одного существа в другое. В этом отношении особый интерес представляет эпическая песня о сватовстве Ильмойллинена, заключительный эпизод которой основан в своих истоках на этиологическом мифе. Не случайно один из рунопевцев, пропев этот эпизод, делает ремарку: «Так и чайки появились!» (К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 179). В нем кузнец Ильмойллине словом, песней, заклинанием, проклятием превращает увезенную им девушку, Анни или Катерину, в «прекрасную чайку, белую, бодрую!» (КЭП, 1950, № 142, 285). Теперь, по слову заклинателя, она будет кричать, плакать, рыдать на отмелях, стонать на голых скалах, попискивать на мысочках, летать навстречу ветрам, томиться на дальнем морском берегу. Она обречена жить не на земле, не на воде. Отныне ей суждено рвать рыбацьи сети, запутывать их ячеи, рвать поплавки на неводах, трясти их мотню, так что каждый рыбак станет ее проклинать. В новом облике ей предстоит ловить рыбу без сетей, варить ее без котла, хлебать уху без ложки, пить сырую воду. Но эту участь девушка предпочла иной. Когда хотели (и опять-таки заклинанием) превратить ее в корягу на дне морском или в зверя в темном лесу, красавица Катерина с плачем попросила превратить ее «во что-либо другое» (КЭП, 1950, № 129, 265). В отдельных вариантах чайкой становится лишь душа погибшей девушки, тогда как ее кости стали корягами, кровь — болотными ягодками, плоть — кочками (КЭП, 1950, № 152, 306—307). В таком случае вырисовывается мифологема в ее классическом виде: перевоплощение через смерть. С помощью заклятия совершает перевоплощение и Куллерво: он превращает коров

в медведей (КЭП, 1950, № 19, 61). Однако в более поздних вариантах этого сюжета вместо перевоплощения происходит подмена домашних животных дикими зверями: Куллерво оставляет коров в лесу, пригоняя вместо них медведей.

Проявляют искусство магического песнопения и культурные герои, т. е. мифологические персонажи, учреждающие законы и обычаи, дарующие людям навыки и ремесла, создающие, в частности, первые орудия труда. В условиях первобытной хозяйственной деятельности, в значительной степени связанной с рыболовством, одним из важнейших деяний культурного героя является изготовление лодки.

Мудрый старый Вяйнямйнен
Лодку делал заклинаньем,
Парусную строил пеньем.
Трех словечек не хватило,
Чтоб борта доделать лодки,
Чтоб уключины устроить.

(РНН, 1985, 42).

Проследив, где же добывает Вяйнямйнен эти «три слова» — недостающую магическую формулу, мы узнаем и об истоках сакрального знания культурного героя. В поисках этих трех словечек Вяйнямйнен отправляется к мифическому предку Випунену, спящему так давно, что «роща выросла на скулах, ивы куст — на подбородке, меж лопатками — осина» (РНН, 1985, 42). В других вариантах он держит путь в царство мертвых — в Туонелу или Маналу. И в том и в другом случае он оказывается в утробе мифического существа. Независимо от того, проглатывает ли Вяйнямйнена мифический предок Випунен или дева Маналы, герой, выбравшись наружу, осмысливается не только в качестве заново рожденного, но и обретающего тайные знания, магические способности. В данном случае он узнает нужные «три слова» или даже «сто слов заветных», «тысячу заклятий» (К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 116; РНН, 1985, 43). Попутно заметим, что подобный мотив, на наш взгляд, является отголоском древнего посвятельного обряда инициации. Обретя искусство творения посредством вербальной магии, мудрый заклинатель «быстро свой челнок достроил» (РНН, 1985, 43).

Светом первотворения и вербальной магии освещены в карельских эпических песнях даже обычные крестьянские будни. И не только известные всем герои, но и, казалось бы, простые смертные выступают в них в роли заклинателей, повелителей, властвующих над природными стихиями, людьми, предметами. В песне о сватовстве в Похьеле девуш-

ка, по имени Анни, идет на туманный мыс, на уходящие вдаль деревянные мостки стирать-полоскать тонкое белье. Оттуда она видит нечто чернеющее в море, синеющее на волнах. И трудно уловить момент, когда с этого женского персонажа слетает признак будничности и обыденности. Перед нами уже не просто крестьянская девушка, а могущественная заклинательница природных стихий: воздуха, воды, земли. Это по ее слову птичьей стае предстоит рассыпаться в полете, косяку рыбы расплыться в разные стороны поодиночке, торчащему над поверхностью моря камню скрыться под водой. Это по ее слову лодка самого Вяйнямёйнена послушно причаливает к берегу. Да так, как велит ей Анни: носом сюда, кормой к чужбине или же кормой к этому, носом к другим причалам. И все ради того, чтобы задать путнику ритуальный вопрос: куда он держит путь, — чтобы дать импульс героическому сватовству в мифической земле Севера (КЭП, 1950, № 38, 69, 79, 93, с. 90, 153, 176, 207).

Во власти обладателей магических слов, благопожеланий и проклятий сама человеческая судьба, осмысляемая обытовленным крестьянским сознанием. Она определяется в категориях: счастье — горе, богатство — бедность, жизнь — смерть, имеющих множество конкретных проявлений. В руне-балладе о выкупе девушки героиня, которую избавляет от неволи жених или муж, адресует ему магические благопожелания: его дом будет крепким и богатым; рыбный улов обильным; лодка и меч прочными. Отцу же, матери, брату, сестре, оставившим ее в беде, героиня шлет проклятия. По слову ее заклинаний в лучшую или самую страдную пору падёт родительский скот, скроются в огненном зареве постройки, проржавеют или поломаются охотничьи ружья, мечи, косы, швейные иголки. И даже в самый разгар веселья, «хорошего гулянья», у брата порвется костюм, а у сестры спадет юбка. Программирование жизни и судьбы, выраженное в благопожеланиях и проклятиях, нередко граничит с предсказанием. Само извечное противостояние добра и зла в значительной мере осмысляется как противоборство магических слов, заключающих в себе благодетельную и вредоносную силу.

И еще одно предназначение уготовано магическому слову карельской эпической поэзией — быть связующей нитью поколений, ныне живущих и давно ушедших:

Петь меня учил родитель,
Мне отец слова оставил,
И его учил родитель ...

(К-ФНЭ, 1994, кн. 2, 7).

Список литературы

К-ФНЭ = Карело-финский народный эпос / Сост., вступ. статья, перевод, примеч. В. Я. Евсева: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2.

КЭП = Карельские эпические песни / Предисловие, подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсева. М.; Л., 1950.

РНН = Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985.

ЭПН = Эпические песни ненцев / Сост., автор вступ. статьи и коммент. З. Н. Куприянова. М., 1965.

© Д. В. Кузьмин

ТОПООСНОВА НÄМЕН- В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ

Данные топонимики широко используются при решении вопросов, связанных с формированием того или иного этноса: они маркируют границы бывшего расселения древних племен, а также устанавливают пути и время их миграции на те или иные территории. Наиболее достоверными в этом отношении являются географические названия, имеющие в своей основе этнонимы, которые позволяют с достаточной долей уверенности говорить о пребывании того или иного этноса на исследуемой территории.

О приходе в Карелию населения с территории Финляндии, возможно, свидетельствуют географические объекты с основой *Hämeh-*, т. е. 'емь'. В карельской топонимии зафиксировано несколько десятков названий этого типа: ср. болото *Hämehsuo* (Тетринаволок); возвышенности *Hämehenselgy* (Кибринаволок, Пряжа); горки *Hämehkod* (Каскесручей); деревни *Hämeh*, *Hämehenvuara* (Тихтозерская волость) и *Емечевская* (вар. *Гемечевская*, *Ямечевская*) (Заонежье); заливы *Hämehlaksi* (Тетринаволок, Шолопово) и *Hämehenvongu* (Кибринаволок); мысы *Hämehenniemet* (Пиртигуба, Кибринаволок); овраг *H'ämehrova* (Другая Река); озера *Hämehenjärvi* (Хяме, Виччино) и *Хямеге* (**Hämehenjärvi*) (Заонежье); острова *Hämeh(en)suari* (Тетринаволок, Пиртигуба, Корелакаша, Мальвиайни, Пузамолакаша), а также *Гямостров* (**Hämeh(h)suari*) (совр. *Ямостров*) (Шуерещкое) и *Еместров* (Колежма); покосы *Hämegišt* и *Hämegeine* (Другая Река); пороги *Hämehkoski* (Чирка-Кемь, Шолопово, Пибозеро, Оланга); пролив *Hämehsalmi* (Виччино); река *Hämehjoki* (Чирка-Кемь); ручьи *Hämeh(en)oja* (Кибринаволок, Пряжа) и *Еменка* (Заонежье); яма *Hämehhauda* (Гимола).

Названия с основой Häme- принято обычно считать свидетельствами былого емского влияния, которое распространилось когда-то на обширные территории проживания различных этнических групп. При этом топонимы этого типа, а также другие модели, предположительно емского происхождения, зафиксированные на территории Карелии, являются чуть ли не единственным источником, который мог бы подтвердить факт пребывания здесь западно-финского населения в разные периоды истории карельского этноса.

Названия с топоосновой Hämeñ- фиксируются на территории проживания людиков и северных вепсов, в топонимии ливвиковского и собственно-карельского ареалов, главным образом в Беломорской Карелии, а также у русского населения Заонежья и Беломорья (рис. 1). Наибольшая концентрация топонимов этого типа все же находится в Приладожье, на родовой территории карельского народа, и свидетельствует, по всей видимости, об активных контактах древней карелы и еми в пределах этой территории на ранних этапах истории. Одной из возможных причин появления здесь названий с основой Hämeñ- могло быть очень раннее промысловое освоение восточных территорий охотниками и рыбаками из Хяме. Д. В. Бубрих в своей работе «Происхождение карельского народа» пишет, например, что приблизительно с VI века представители племени ямь (емь) в своих поездках в восточном направлении стали достигать Ладожского озера, а позднее приняли непосредственное участие в формировании карельского этноса. Он также отмечает, что археологические находки VI—VIII веков на западном побережье Ладожского озера указывают, что в это время данная территория имела преимущественно связь именно с емью (Бубрих Д. В., 1947, 15).

Названия на Карельском перешейке, в которых закрепился этнонимом Hämeen-, могли возникнуть и в более позднее время. Одной из возможных причин могло быть переселение сюда населения из Западной Финляндии на протяжении периода поздних Средних веков (1324—1520), которое попало в среду постепенно финнизирующегося карельского населения, оставшегося здесь после заключения мирного договора 1323 года. Известно, к примеру, что за карелами в отторгнутой шведами западной части Корельской земли оставались в собственности «воды, земли и логовища» (рыболовные, пушные промыслы и пашни) (История Карелии, 2001, 72). Д. В. Бубрих также пишет, что еще в XVI веке шведским властям приходилось бороться с «русской закваской» в среде Привыборгской и Присайменской Корелы, у которой массово сохранялись русские фамилии и обычаи (Бубрих Д. В., 1947, 36). Вероятно, некоторые из названий могли появиться в результате военных действий, которые велись на протяжении XII—XIII

веков между Новгородом и Швецией на этих территориях, поскольку втянутые в государственную политику обеих держав карелы и емь стали враждовать, и подобные названия могли стать результатами этих военных стычек, сражений и набегов.

На карте распространения названий с топоосновой Häme- мы видим, что они достаточно широко представлены на всей территории Финляндии. Большую их часть составляют названия удаленных промысловых владений, другую, менее многочисленную, родовые прозвища/фамилии жителей и места их проживания (Valonen N., 1984, 87). Таким образом, распространение названий данного типа свидетельствует, что вся Финляндия когда-то была подвержена влиянию представителей древней еми. Если мы посмотрим на карту, то увидим, что значительную часть топонимов с основой Häme(en)- на территории современной Финляндии образуют названия, которые тянутся широкой полосой из Приладожья к северной части Ботнического залива. По мнению Й. Вахтола, они свидетельствуют о мощной экспансии карел, которые устремились осваивать обширные территории к северу и северо-западу от своей прародины. Топонимами с основой Häme(en)- они помечали места, где они соприкасались с емью. Такую активность карельского населения он связывает с периодом подъема и расцвета древнекарельской культуры, который начался в конце времени викингов — начале нового времени (Vahtola J., 1980, 97).

Наибольший интерес для нас представляет группа этнопонимов с основой Hämeh- на территории Карелии в границах начала 40-х годов XX века. Появление данной топоосновы может быть связано, на наш взгляд, с карельской миграцией конца XVI — первой трети XVII века на территорию России. Одной из ее причин было глобальное потепление климата в северном полушарии в первой половине XVI века, которое вызвало рост и, соответственно, отток населения на новые места проживания. Выявленное передвижение населения усилилось со второй половины 1560-х годов в результате Ливонской войны и опричнины, а позже и шведской оккупации Корельского уезда в 1580—97 годах, результатом чего стало переселение многих карел в Россию (История Карелии, 2001, 113, 136). Это переселение приняло массовый характер при передаче Корельского уезда под власть шведской короны в феврале 1609 года (История Карелии, 2001, 113, 136), а также после Столбовского мирного договора 1617 года. Возможно, что вместе с карельским в Россию переселялось и некарельское население, результатом чего стало появление интересующих нас этнопонимических названий. Подтверждением правомерности такого предположения может служить указ царя Бориса Годунова об освобождении от выплаты налогов

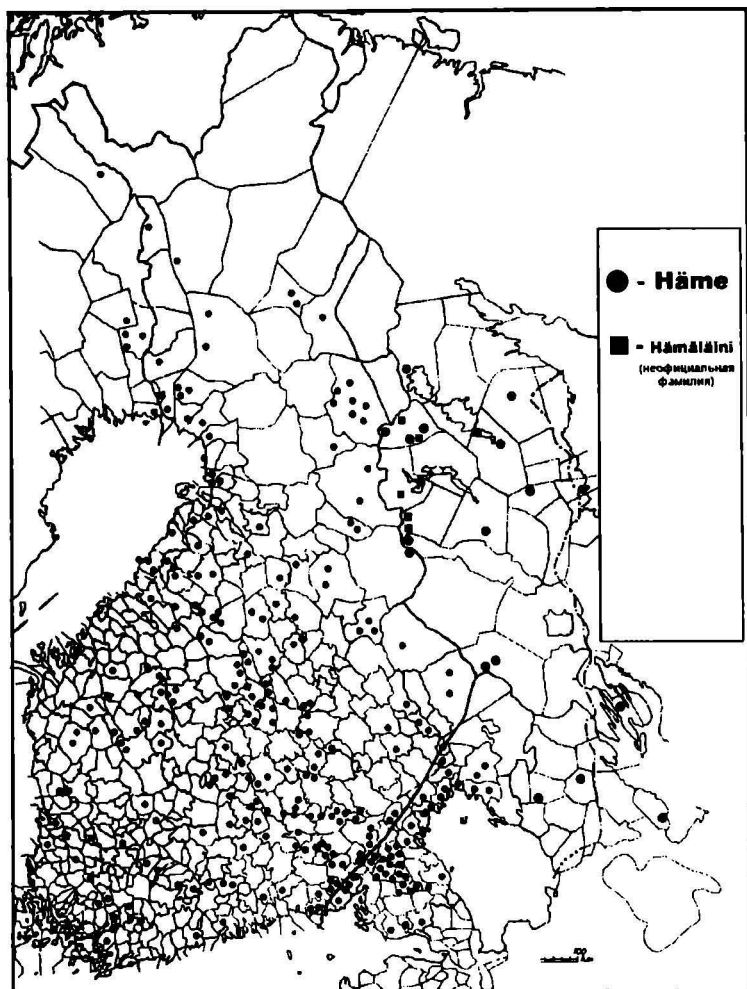

Рис. 1 . Ареал распространения топонимов с основой HämeH-Нäme(en)-

[Составлено автором, данные по территории Финляндии
взяты из монографии Й. Вахтола (1980, 98)]

жителей Корельского уезда, в том числе финнов и шведов («латышей Финские и Свейские земли»), переселившихся на территорию Карельского уезда во время его оккупации и не пожелавших возвращаться назад в королевство (История Карелии, 2001, 137). О том же свидетельствуют названия объектов емского и карельского происхождения, которые находятся на всем протяжении тех водных путей, по которым когда-то продвигалось карельское население из Приладожья через территорию бывшего Карельского уезда в современную Беломорскую Карелию, и особенно ее западные части. Напомним, что это была третья волна переселения корелы, которая устремилась в современную среднюю и Северную Карелию.

О пребывании западно-финского населения на территории современной Карелии свидетельствуют немногочисленные исторические документы, народные предания, а также неофициальные фамилии, зафиксированные преимущественно в Беломорской Карелии. Последний факт, на наш взгляд, может также быть свидетельством того, что западно-финское население появилось здесь относительно поздно, поскольку заселение Беломорской Карелии начинается главным образом в первой половине XVII века.

Так, в документе 1556 года, название которого звучит как «Отводная сотная выпись... на государевы земли и угодья в Сумской волости», упоминается варница Фетковская Ямлена (МПИК, 1941, 184), наименование владельца которой может свидетельствовать о его емских корнях.

В Дозорной книге Лопских погостов 1597 года зафиксировано название Гямостров (*?Häme(h)suari) (совр. Ямостров) в окрестностях села Шуерецкого, в котором, вероятно, можно увидеть интересующий нас этноним (ИК, 1987, 218).

Отметим, что это одни из наиболее ранних документов, которые, возможно, указывают на представителей западно-финского населения на территории Карелии. Хотя М. В. Витов в своей работе «Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков» указывает, что в летописных описаниях этнических взаимоотношений на этой территории иногда упоминается емь, и обращает внимание читателей на то, что к моменту прихода русских в Заонежье здесь были расселены следующие этнические группы финской языковой семьи: лопь, чудь заволоцкая, весь и приладожская емь, а с XII века в Заонежье упоминается и корела (Витов М. В., 1962, 42, 61—62). Однако у него нет указаний на источники, которые он использовал в своем исследовании.

Из документа 1773 года мы узнаем о работнике одного из жителей северо-карельской деревни Тирозеро по имени Сава Хямхеляйнен (*?Häme(h)läinen), обвиняемого за воровство оленей на территории Финляндии (Kortesalmi J. J., 1996, 214). Его родовое прозвище/неофициальная

фамилия, таким образом, может свидетельствовать в пользу емских корней этого рода. Также заметим, что по соседству с вышеупомянутой деревней находилась трехдворная деревушка Хямяхенвуара, из которой мог быть родом этот самый Сава.

В 30-х годах XIX века исследователь финно-угорских языков М. А. Кастрен побывал в Беломорской Карелии и записал родовые предания жителей нескольких беломорских деревень. На основании этих преданий он делает вывод, что в Беломорскую Карелию достаточно рано могло прийти население из Хяме (Castren M. A., 1852, 86). Наиболее достоверным в этом отношении является лишь одно предание, связанное с заселением деревни Хяме (Hämeh), которое было записано академиком Шегреном в 1825 году. Согласно этому преданию, пять поколений назад, т. е. где-то на рубеже XVII—XVIII веков, сюда пришло население с территории Хяме, представители которого называли себя в 1825 году Hämäläiset, то есть «ямляне» (Pöllä M., 1995, 146). Первое упоминание о деревне Хяме в форме Гаме мы находим в описании Российского приграничья генерал-майором Михаилом Матюшкиным в 1718 году. Согласно его сведениям, деревня находилась на берегу озера Гаме (совр. Hämehenjärvi) и состояла из одного двора, в этом же документе фиксируется также река Гаме (кар. Hämehjoki) в районе деревни Чирка-Кемь на юге Беломорской Карелии (Чернякова И., 1998, 61, 63). Родовое прозвище/неофициальная фамилия Hämäläini зафиксировано также в трех деревнях Западной Беломорской Карелии: в Чене (Ervasti A. W., 1918, 199), Каменном озере и в Аконлакше. Представители этого рода из деревни Каменное озеро, чья официальная фамилия в конце XIX века была Богдановы, рассказали, что род их пришел из Финляндии. М. Пёлля предполагает, что жители с прозвищем/фамилией Хямяляйни из деревень Хяме и Каменное озеро являются двумя ветвями одного и того же рода, который в конце XVII — начале XVIII века переселился в Беломорскую Карелию (Pöllä M., 1995, 146). В XVI веке родовое прозвище/фамилия Хямяляйнен было широко распространено в Саво, Выборгской Карелии и на территории Карельского уезда, а также с начала XVII века фиксируется в Кайнуу (Pöllä M., 1995, 136). Возможно, что события 1617 года и стали причиной переселения представителей некоторых из этих родов на территорию карельского Беломорья, а также появления названий с топоосновой Hämeh.

Некоторые исследователи предполагают, что род известного рунопевца Архипа Перттунена из деревни Ладвозеро также пришел с территории Хяме, поскольку из предания, записанного в 1839 году М. А. Кастреном, известно, что род переселился в Карелию из местнос-

ти Орихвеси (Orihvesi), находящейся на территории проживания еми (Niemi A. R., 1904, 9). Другого мнения придерживается Х. Киркинен, который полагает, что данное название следует связывать с другим озером Орихвеси, которое находится между озерами Паасивеси и Пюхяселькя в Карельском уезде и входило в хорошо известный и используемый карелам водный путь из Приладожья к берегам реки Оулуйоки и далее к Ботническому заливу (Kirkinen H., 1988, 103). Данное предположение поддерживает и рассказ сына Архипа Мийхкали Перттунена о том, что первый представитель их рода бежал с территории Финляндии в Россию, поскольку был карелом (КФ, 1992, 233). Это подтверждают и исторические документы XVIII века, в которых представители этого рода именуются «прописными». Это означает, что они в глазах властей были людьми местными, поскольку так именовали только «старинных» крестьян российских территорий (Чернякова И., 1998, 46). Других сведений, которые могли бы прямо указывать на приход населения с территории Хяме, в преданиях мы не находим.

С другой стороны, топооснова Häme-, а также модели емского происхождения в топонимии Беломорской Карелии могут указывать и на достаточно раннее, докарельское освоение этих территорий емью. Так, по мнению финляндского исследователя М. Пёлля, появление емской топонимии на территории Беломорской Карелии датируется концом железного века, когда через эту территорию проходили торговые пути, связывающие Северную Норвегию и Юго-Западную Финляндию с финно-угорским населением на северо-востоке Европы (Pöllä M., 1990, 29). Можно предположить, что к одному из таких мест относится залив Hämehenlaksi в окрестностях приграничной деревни Тетринаволок в Беломорской Карелии, с берега которого, согласно сведениям информаторов, начиналась дорога в Финляндию. Однако сомнительно, что указанный путь может быть связан с таким отдаленным историческим периодом, о котором пишет М. Пёлля.

Возможно, речь может идти о промысловом освоении жителями Западной Финляндии этих отдаленных восточных территорий, что косвенно подтверждает одно из сведений, записанных Й. В. Ювелиусом в 1887 году в деревне Панозеро, расположенной в центральной Беломорской Карелии: «До грабительских войн (начало XVIII века) приходило в Карелию финское население (кар. guoçit) в мирных целях для добывания жемчуга в порогах» (Juvelius J. W., 1888, 63). К таким местам, например, могут относиться пороги с названием Hämehekoski в окрестностях деревень Шолопово, Оланга, Чирка-Кемь и Пибозеро. Таким образом, данный факт может быть отголоском тех давних времен и событий, когда древние охотники и рыболовы из Хяме могли свободно использовать

эти отдаленные промысловые территории в своих целях. Может быть, этим и объясняются большинство топонимов с основой *Hämeh-* в Беломорской Карелии, которые фиксировали право емского населения на использование тех или иных территорий или природных объектов. Таким образом, топонимами с основой *Hämeh-* карельское население могло пометать места, где оно соприкасалось с представителями еми.

Однако стоит заметить, что не все названия с основой *Hämeh-* могут иметь этнонимические истоки. Так, часть названия этого типа может быть связана с восприятием имядателем освещенности объекта. В связи с этим основанием номинации некоторых объектов на *Hämeh-*, возможно, стала плохая освещенность тех или иных мест и они связаны с прибалтийско-финской основой *hämä-*: ср. *hämä-gä* 'темный', *hämü* 'сумрак' (Koivulehto J., 1997, 161—162), *hämä-ri* 'потемки' (СКЯ, 1990). В пользу этого предположения свидетельствуют данные с вепсской территории, где информаторы сами обращают внимание на затемненность некоторых мест с этой основой.

За некоторыми названиями интересующего нас типа могут скрываться карельские формы русских православных имен. Так, можно предположить, что в названии деревни Емечевская (вар. Гемечевская, Ямечевская) в Заонежье производящей основой выступает, скорее, карельский вариант русского мужского имени Емельян (кар. *Jemčči*), нежели русскоязычный вариант этнонима *Häme(h)-* «Емь-». Стоит упомянуть, что на территории Заонежья карельские православные и неправославные имена неоднократно фиксируются в составе ойконимов: ср. деревни Микково < *Mikko* 'Михаил'; Артово < *Arto* 'Артемий'; Таровская < *Taro(i)* 'Дорофей'; Кургеницы < от кар. *kurgi* 'журавль'; Кукоевская < от кар. *kukko* 'петух' и др.

Подводя итог, отметим, что на данный момент можно делать только приблизительные предположения о причинах появления топонимов на *Hämeh-* на территории Карелии. Большую их часть, на наш взгляд, составляют названия промысловых владений, другую — родовые прозвища/неофициальные фамилии жителей и места их проживания. Таким образом, распространение на территории Карелии названий с основой *Hämeh-*, а также ряда характерных емских дифференцирующих топоононов, таких как *Läpikäytävä*, *Kemi-*, *Oulu-* *Vekaga-* и др., может быть свидетельством вливания западно-финских переселенцев в среду карельского населения этого региона.

Список литературы

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1962.

ИК = История Карелии XVI—XVII в. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.

История Карелии = История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

КФ = Карельский фольклор. Петрозаводск, 1992.

МПИК = Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941.

СКЯ = Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

Чернякова И. О чем не рассказал Элиас Лённрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998.

Castren M. A. Nordiska resor ock forskningar I. Helsingfors, 1852.

Ervasti A. W. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Helsinki, 1918.

Juvelius J. W. Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta / SKS. Helsinki, 1888.

Kirkinen H. Pohjois-Karjalan kalevalaisen perinteen juuret / SKS. Helsinki, 1988.

Koivulehto J. Were the Baltic Finns «clubmen»? // Yuo name it. Perspectives on onomastic research. Studia Fennica Linguistica 7. Helsinki, 1997.

Kortesalmi J. J. Pohjois-Vienan poronhoito. Talonpoikien poronhoidon alue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922. Kansantieteellinen arkisto 41. Helsinki, 1996.

Niemi A. R. Castrenin kertomus runonkeruumatkastansa Venäjän Karjalassa v. 1839 // Runonkerääjimme matkakeromuksia 1830-luvulta 1880-luvulle / SKST 109. Helsinki, 1904. S. 3—15.

Pöllä M. On western finnish toponymy in Archangel Karelia // Linguistica Uralica XXVI. Tallinn, 1990.

Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600—1800-luvulla / SKST 635. Helsinki, 1995.

Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Studia Historica Septentrionalia 3. Rovaniemi, 1980.

Valonen N. Vanhoja lappalais-suomalaisia kosketuksia // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Suomen Tiedeseura. Helsinki, 1984. S. 73—96.

ОЙКОНИМИЯ ПОСЕССИВНОГО ТИПА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Топонимия Ленинградской области РФ, на части территории которой находилась историческая провинция Ингерманландия, представляет несомненный интерес для лингвистических, исторических, этнографических и других исследований. Заселение этих земель происходило в течение многих тысячелетий племенами и народами, отличающимися друг от друга по происхождению, языку, культуре, вероисповеданию. Наряду с данными археологических изысканий и историческими документами, топонимия является ценным источником научной информации. В силу своей устойчивости она позволяет проследить этапы заселения данной территории, взаимодействие и взаимовлияние разноязычных топонимических систем, выделить основные топонимические модели. Прибалтийско-финские народы — воедь и ижора, населявшие земли южного побережья Финского залива от р. Нарвы до р. Лавы, являются коренными жителями этой территории. Этот край назывался в западных источниках Ватланд (Watland), Ингардия, Ингрия (Ingardia, Ingria), т. е. земли воды и ижоры. В течение длительного времени эти народы находились в тесных контактах с русскими соседями. В русских средневековых источниках упоминаются Водская пятина и Ижорская земля. С начала XVII века, после завоевания края Швецией, эти земли стали называться Ингерманландия, что представляет перевод на шведский язык финского названия этих мест — Inkerinmaa. С этого времени начинается заселение провинции финнами, выходцами из районов Восточной Финляндии. Несмотря на присоединение территории к России в XVIII веке и постоянное увеличение русскоязычного населения, ингерманландские финны долгое время сохраняли свой язык, культуру и традиции (Суни Л. В., 2003, 469—484). Такая пестрая история отразилась на топонимии края. Народы, проживавшие на этой территории, создавали географические названия на родном языке. Это делает возможным выделение исторических пластов разноязычного происхождения. Топонимические пласты представляют собой целостные комплексы топонимов, возникшие в процессе длительного проживания на данной территории определенных народов (Атаманов М. Г., 1989, 19). Исходя из этого, топонимический материал позволяет выделить в топонимии Ингерманландии наряду с ижорскими, водскими, русскими и финские топонимические пласты.

Названия поселений, населенных пунктов: сел, деревень, станций, хуторов, т. е. **ойконимы**, чрезвычайно важны при исследовании топонимии. Они оказываются достаточно устойчивыми при смене населения, что связано с их значением в общественной, социальной жизни человека. Ойконимы являются более поздними по происхождению, т. к. их появление связано с оседлым образом жизни. Названия населенных пунктов редко появляются в процессе онимизации апеллятива, например названия деревень: **Hiekka** — hiekka ‘песок’ и **Vuitti** — vuitti ‘земельный надел’. Ойконимы являются примерами вторичной номинации, т. к. зачастую появлялись в процессе **трансонимизации** — переноса названий природных объектов на населенные пункты. Например, названия деревень Центральной Ингерманландии: **Suosaari, Peräjärvi, Mäntyharju, Nuolijoki** и др. Названия населенных пунктов нередко образовывались от **антропонимов**. **Антропонимы** — это собственные наименования людей: **личные имена, патронимы** (отчества, наименования по отцу), **фамилии, прозвища**. **Личное имя** — это официальное наименование, которое дается человеку при рождении. В традицию многих народов входит употребление официального и разговорно-бытового (полного и сокращенного) имени, т. е. нескольких форм одного имени. В дохристианских именах отражалось желание родителей видеть ребенка, наделенного качествами имени, при этом нередко присваивались имена тотемных, почитаемых животных, растений, явлений. С введением христианства стали давать канонические христианские имена, многие из которых впоследствии прошли существенную обработку в устной народной речи. В период своего возникновения каждое имя имело конкретный смысл, который сейчас может быть установлен этимологическим анализом. Среди личных имен выделяют также прозвища, неофициальные названия. Основу прозвища могут составлять как физические особенности или недостатки человека, так и внутренние свойства и черты характера человека. **Фамилия** — семейное, наследственное наименование, является составной частью личного имени. Фамилии долгое время были сословной привилегией, ее имели представители высших сословий, а многие крестьяне не имели фамилий до середины XIX века. Ойконимы могли образовываться и от имен нарицательных — **этнонимов, названий родства, специальности, рода занятий** и т. д. Такие наименования населенных пунктов, указывающие на имя владельца дома, хутора, на его ремесло и происхождение, определяющие социальное положение человека в обществе, свидетельствуют об установлении частнособственнических отношений и характеризуют уровень развития самого общества. Н. Н. Мамонтова выделяет

три семантические группы карельских топонимов: **квалитативные, локативные и посессивные** (Мамонтова Н. Н., 2003, 207—211). Квалитативные топонимы характеризуют объект, локативные определяют местоположение объекта, посессивные указывают на владельца или основателя объекта. Объектом в последнем случае часто являются поселения или земельные участки. Данная классификация позволяет выделить финскую ойконимию посессивного типа. Структура посессивных ойконимов, как и ойконимов других групп, оказывается различной, они могут быть как простыми, производными или суффиксальными (**Korkka, Kouhia, Iisakkala, Peussala**), так и сложными, в основном двухкомпонентными (**Haposinkylä, Karhunkylä, Sepänkylä**). Прибалтийско-финские топонимы в синтаксическом отношении состоят из двух частей: детерминанта, обозначающего вид объекта, и определения, атрибута, характеризующего вид объекта. В случае трансонимизации, когда утрачен детерминант, синтаксически ойконим состоит из одной части при наличии в нем двух компонентов, т. е. становится эллипсисом (**Kaskisaari, Vääräperä, Vanhamylly**).

Рассмотрим посессивную семантическую группу ойконимии Центральной Ингерманландии на примере некоторых названий поселений 13 лютеранских приходов: Venjoki (1), Liissilä (2), Inkere (3), Tuutari (4), Nietämäki (5), Skuoritsa (6), Ropsu (7), Tyrö (8), Serepetta (9), Koprina (10), Spankova (11), Kolppana (12), Kupanitsa (13). Эти приходы находились в срединной, центральной, части провинции. По данным на начало XX века, на этой территории насчитывалось 611 деревень, в которых проживало 74 800 человек, принадлежащих к евангелическо-лютеранской церкви (Mustonen J., 1931, 24). Лютеранами в подавляющем большинстве были финны. Таким образом, сельское население было в значительной мере финноязычным, что позволяет говорить о функционировании финских топонимов в устной и письменной речи местных жителей. При анализе ойконимов мы воспользовались словарем финских имен и фамилий — *Suomalainen nimikirja*.

1. Ойконимы, образованные от личных имен

Aliskala (8-й приход) — возможно, от Aliska, народного варианта женского имени Alina.

Annamoisio (5) — от христианского женского имени Анна.

Anttila (1) — от мужского имени Antti, соответствующего христианскому имени Andreas.

Hörkkölä (1) — диалектный вариант православного мужского крестильного имени Харитон — Hörkkö/Harkko (Khariton).

Masala (3) — от неполного русского женского имени Маша (Masha). Полное христианское имя Мария (Maria).

Nastola (8) — от диалектного варианта женского имени Анастасия — Nasto (Anastasia).

Osmola (2) — от мужского имени Osmo, появившегося в списках имен в период национального романтизма в Финляндии или от прозвища. В «Калевале» соответствием этому имени являются: 'nuogi mies' — 'молодой мужчина' и 'ahma' — 'обжора'.

Paukkala (5) — от уменьшительного мужского имени Павка — Pavka, крестильного православного Павел (Pavel).

Pekkala (6) — от Pekka, уменьшительного русского имени Петька — Pedka, соответствующего мужскому православному имени Петр (Pjotr), или от эквивалента общеевропейского Peter.

Simonkontu — от краткой формы христианского Simo, Simeon.

Terentilä (9) — от православного крестильного мужского имени Терентий — Terenti.

Timola (5) — от Timo, усеченного варианта православного имени Тимофей — Timofei.

На примере данных ойконимов можно сделать следующие выводы.

1. За некоторым исключением (**Osmola**) ойконимы произошли от христианских имен, в большинстве случаев — от диалектных дериватов православных крестильных имен (**Hörkkölä, Masala, Nastola, Terentilä, Timola**).

2. В данной семантической группе распространена -la/-lä-суффиксальная модель, типичная для прибалтийско-финской топонимии. Согласно исследованиям Сауло Кепсу, данная модель характерна для ижорских антропотопонимов. В документах Ижорского погоста XVII века зафиксированы названия деревень, восходящие как к христианским православным именам (**Masala, Laurila, Jyrkilä, Iivakkala**), так и к дохристианским именам (**Himala**) (Kepsu S., 1990, 149—166).

2. Ойконимы, образованные от фамилий

1) От фамилий-прозвищ, обозначающих зверей, птиц, рыб:

Huuhka (1) — от huuhka 'филин', известна в качестве фамилии в Hiitola, Jääski, Muolaa с XVII века.

Jänikselä (10) — Jänis, от jänis 'заяц', известна с XVI века на Карельском перешейке.

Kakko (5) — от kaakko/lokki 'чайка', является типично карельской по происхождению, фиксируется с XVI века в районах Выборга, Сорталы, Jääski, Käkisalmi.

Karhula (5) — Karhu, от karhu ‘медведь’, в качестве фамилии хорошо известна в Южной Карелии, откуда распространилась в Северную Карелию, Ингерманландию, Саво. Известна также на западе Финляндии. [Прим.: Провинции Северная Карелия (Pohjois-Karjala) и Южная Карелия (Etelä-Karjala) относятся к так называемой Финской Карелии (Suomen Karjala).]

Karhunkylä (6)

Kiiskilä (1) — от kiiski ‘ёрш’, характерна для Карелии и Саво.

Kirppula (2) — Kirppi, от kirppi ‘блоха’ известна с XVI века в Карелии.

Kukkola (2) — Kukko, от kukko ‘петух’, распространена по всей территории Финляндии. Распространилась в Карелии из Хяме с XVI века.

Metsola (7) — Metso, от metso ‘глухарь’, фамилия типична для Южной Карелии. Зафиксирована в Выборге, Сортавале и др. с XVI века.

Orava (6) — от orava ‘белка’, встречается как в Хяме, так и в Южной Карелии, где фиксируется с XVI века.

Oravankylä (13)

Repolä (11) — Repo, от hero ‘лисица’, фамилии, издавна распространенные в Карелии, особенно на Карельском перешейке (Jääski, Muolaa, Uusikirkko, Выборг).

Variksela (4) — Varis, от varis ‘ворона’, фамилия фиксируется с XVI века в Южной Карелии. Ойконим Variksela встречается в Antrea, Kaukkola, Rautu.

2) От прочих фамилий-прозвищ:

Kuninkaala (2) — фамилия Kuningas происходит от прозвища kuningas — ‘король’, т. е. житель резиденции короля. Человек мог получить прозвище и в дань уважения за особые заслуги. Зафиксирована в Северной Карелии и на Карельском перешейке с XVI века. Встречается также на западе Финляндии.

3) От фамилий различного происхождения:

Hallikaisi (2) — от Hallikainen — восходит к именам Halikko/Halla, имеющим германское происхождение (в немецком языке формы Halicho, Hallich). Исконной территорией является Карельский перешеек, откуда с XVI века фамилия распространилась на остальную Карелию и Саво. Была широко представлена в Выборгском уезде, в Jääski, Sakkola, Räisälä.

Hirvosi (5) — от Hirvonen — фамилия типична для Северной Карелии и Саво, фиксируется с начала XVII века. Произошла от дохристианского, древнего собственно-финского личного имени Hirvi или производного от него Hirvoi (hirvi ‘лось’).

Halosi (8) — от Halonen — в Карелии эта фамилия произошла от православного мужского крестильного имени Fali/Hali/Haloi, соответствующего русскому Фалалей. Зафиксирована в Восточной Финляндии: в Саво и от Карельского перешейка до Liperi с XVI века.

Haposinkylä (3) — от Наропен/Нарпонен? — фамилия карельского происхождения, восходит к вариантам Аһарра/Аһра православного крестильного имени Агар/Агарий — Агап/Агапий. Фамилия зафиксирована в документах XVII века в Китее и Саво.

Hännisi (10) — от Hänninen — фамилия, типичная для жителей Саво, встречается также в Карелии (Suojärvi, Muolaa, Jääski, Suistamo) и Ингерманландии. Фиксируется в документах с XVI века. Восходит к средневековому германскому личному имени Henrik или Johannes.

Ihalaisi (4) — от Ihalainen — от компонента дохристианского древнефинского личного имени Iha-, встречающегося в именах Ihas, Ihala, Ihana. Фамилия широко распространена в Южной и Северной Карелии (Muolaa, Jääski, Viipuri, Sakkola) и Саво. Фиксируется в документах с XVI века.

Kapasi (1) — от Karanen — фамилия восходит к прозвищу Кара (кара 'сушеная рыба'). Имеет карельское происхождение: с XVI века фиксируется в переписных документах Käkisalmi. Возможно, происхождение фамилии связано с православным именем Carito, соответствующим русскому полному Каритон — Капитон, уменьшительное Кара, Карка. Встречается также в западной части Финляндии.

Laitisi (6) — от Laitinen — фамилия восходит к вариантам древнегерманского личного имени Laiþa/Laitu. Фамилия широко представлена в Саво, Северной Карелии и Центральной Финляндии. На Карельском перешейке получила распространение в связи с деятельностью купцов Ганзейского союза с XVI века.

Korkanmäki (1) — от Korkka — фамилия встречалась на Карельском перешейке, в Выборге, в Jääski с XVI века. Происходит от разговорной формы Grigorka — Григорька, крестильного имени Grigori — Григорий.

Lemetinmäki (4) — от Lemetti/Lemmetti — фамилия была распространена на Карельском перешейке (Heinjoki, Ryhäjärvi, Äygräpää). Фамилия восходит к латинскому имени Clemens, западно-финским вариантом которого было Klemens/Klemetti, а восточно-финским — Lemetti/Lemmetti.

Rätönkylä (6) — от Rättö — фамилия зафиксирована в Южной Карелии (Jääski, Muolaa), в Саво, в Выборге с XVII века.

На основании данных сведений можно сделать некоторые выводы.

1. Фамилии, от которых образованы данные ойконимы, являются типичными как для Ингерманландии, так и для Восточной Финляндии,

районов Карельского перешейка и Карелии (выборка самой многочисленной группы ойконимов проведена с учетом наиболее распространенных фамилий ингерманландских финнов). Наряду с другими фактами, это подтверждает пути заселения территории провинции из волостей: Антреа, Уускиркко, Муолаа, уездов Кякисалми, Яаски, Эуряпяя, Выборг, Лаппее, т. е. районов Восточной Финляндии (**Jänikselä, Repola, Hännisi, Kapasi, Lemetinmäki** и др.).

2. Структура данных ойконимов является как простой (**Huuhka, Orava**), суффиксальной (**Karhula, Kiiskilä, Kirppula**), так и сложной (**Korkanmäki, Lemetinmäki, Rätönkylä**). Наиболее многочисленными в наших материалах являются ойконимы, образованные от фамилий на -неп с топоформантом -si (**Hirvosi, Halosi, Kapasi**), обозначающим фамилию большинства жителей населенного пункта: **Ihalainen — Ihalaisii (Ihalaisia) — Ihalaisi**.

3. Фамилии были в свое время образованы от личных имен, как христианских (**Halonen, Hänninen, Haponen**), так и дохристианских (**Ihalainen, Hirvonen**). В основе фамилий чаще оказываются сокращенные имена, в том числе и с показателем субъективной оценки (**Korkka, Karanen**). Фамилии, лежащие в основе ойконимов **Hallikaisi, Hännisi**, имеют германское происхождение, что доказывает контактирование прибалтийско-финских народов с данным этносом. Фамилии, образованные от прозвищ, особенно интересны. Охотники и рыболовы получали прозвища в соответствии с видом добычи, что нашло свое отражение в названиях деревень, образованных от фамилий-прозвищ: **Metsola, Orava, Repola, Karhula**. В основу прозвищ могли быть положены характеристики внешних и поведенческих характеристик птиц и животных, перенесенные на человека (**Jänikselä, Kukkola, Variksela, Repola, Karhula**). В прошлом люди жили большими семьями, которые помогали существовать в условиях натурального хозяйства. При патриархальном укладе жизни во главе хозяйства стоял человек, обладающий не только развитыми личностными качествами, но и востребованным в обществе ремеслом и имеющий высокий общественный статус. В этом случае прозвище или название ремесла, статуса человека переносилось на всю семью. В дальнейшем это наименование становилось фамилией рода, от которого образовывались ойконимы. Наглядными примерами данных процессов являются названия деревень: **Kuninkaala, Seppälä, Tuomarinautio**.

3. Ойконимы, образованные от названия ремесла, профессии
Rapinmäki (2) — от rappi ‘священник/поп’.

Tuomarinautio (13) — от tuomari ‘судья’.

Voutila (6) — от *vouti* ‘фогт, управляющий именем’.

По нашим материалам, в финской топонимии Ингерманландии представлены семантические группы как качественных (**Mustaoja**, **Uusikylä**), локативных (**Alakylä**, **Peräkylä**, **Rajakivi**), так и поссесивных ойконимов, которые являются наиболее распространенными. Это свидетельствует о важных изменениях, произошедших на определенном уровне развития человеческого общества, когда названия населенных пунктов давались по родовой, социальной и сословно-имущественной принадлежности человека. Большинство ойконимов являются антропо-ойконимами и образованы от личных имен, прозвищ и фамилий. Ойконимы, образованные от прозвищ, особенно имеющие простую структуру, сохранившие связь с апеллятивами (**Orava**, **Huuhka**), появляются в период языческих верований и отражают в себе ассоциативные связи с названиями птиц, зверей, рыб. Родовые прозвища, выполнявшие в некоторой степени функцию фамилий, позже меняются на официальные фамилии. В финской топонимии не отмечены названия, содержащие патронимы, что отражает особенности модели наименования человека.

Ценную информацию представляют не только топоосновы, но и форманты, типичные для определенного языка, группы родственных языков. По мнению А. И. Попова: «Характерным признаком для обозначения селения, в котором живет какой-то человек или его род, во всех прибалтийско-финских языках является формант *-la/-lä*, стоящий в конце географического названия, тогда как перед этим формантом стоит <...> личное имя человека либо единое родовое прозвище всех обитающих в этом селении жителей» (Попов А. И., 1981, 140).

Поссесивные ойконимы являются примером языковых, культурных контактов этносов. В связи с принятием ижорой православия в XIV веке увеличивается количество названий, происходящих от вариантов православных крестильных имен: **Laurila** (*Lavr* — *Lavrentij*), **Ivakkala** (*Ivan* — *Ivanka*). С этого же периода начинается адаптация прибалтийско-финской топонимии, ее приспособление к топонимным моделям русского языка. Адаптация происходит на фонетическом, морфологическом, семантическом уровнях. Наиболее яркой иллюстрацией служит замена суффикса *-la/-lä* суффиксами русского языка *-ово/-ево*, *-ино*, зафиксированная в Оборочных книгах Водской пятины XVI—XVII вв.: **Himala** (от дохристианского *himo* — желанный) — **Химино** (*Himino*), **Arpoila** (от *agroja* — гадалка, предсказатель) — **Арбуево** (*Arbujev*), **Jyrkilä** (от *Jyrki* — Юрий, Егор, Георгий) — **Юрглино** (*Jurglino*) (Kepsu S., 1990, 149—166).

Многие русскоязычные названия были финнизированы в течение XVII—XVIII веков финнами-иммигрантами: *Porissova, Petrova, Uljana, Markkova, Orinansavota*.

Любопытна в отношении межэтнических контактов история названия *Гатчина*. В результате ошибки в документах XVIII века наименование Хотчино, восходящее к типичным личным именам Новгородских владений Хот, Хотша, уменьшительного от Хотимир, превратилось в Гатчино. Финский вариант названия *Hatsina* повлиял на современное название Гатчина (-ino, -ina) (Попов А. И., 1981, 137—138).

Таким образом, при дальнейшем изучении ойконимии посессивного типа Центральной Ингерманландии необходимо обратиться к пластам русскоязычной топонимии, проследить основные закономерности освоения прибалтийско-финской ойконимии русским языком, что предполагает сбор дополнительного материала и применение сравнительно-исторического, сопоставительного, этимологического и словообразовательных методов.

Список литературы

Атаманов М. Г. Исторические пласты в топонимии Удмуртии // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 19—32.

Мамонтова Н. Н. Карельская топонимия // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 207—211.

Суни Л. В. Финны-ингерманландцы. Исторический очерк // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 469—484.

Попов А. И. Следы имен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981. 206 с.

Kepsu S. Inkerin nimistön ja asutuksen vaiheita // Inkerin teillä / Toim. P. Laaksonen, S.-L. Mettomäki; SKS. Helsinki, 1990. S. 149—166.

Mustonen J. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931. 85 s.

Suomalainen nimikirja // Suomen kielen sanakirjat 6. Keuruu: Otava, 1984. 925 s.

АДАПТАЦИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ФИННОЯЗЫЧНОЙ ОЙКОНИМИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Историческая провинция Ингерманландия (Ingermanland, Ижора, Ижорская земля, Ингрия) находилась на территории нынешней Ленинградской области по обоим берегам реки Невы, южному побережью Финского залива и западному берегу Ладожского озера. Ее границы были определены Столбовским мирным договором, заключенным в 1617 году между Россией и Швецией, и проходили, в основном, по водным путям. Северной границей Ингерманландии являлись реки Сестра (Rajajoki), Кожица (Koskitsanjoki), Вьюн (Viisijoki). На востоке территория была ограничена рекой Лавой (Lavajoki), на западе Нарвой (Narva), на юге — реками Луга (Laukaa) и Тосна (Tuusnajokki) (карта: Randefelt, Roland Inkeri, 1992). Площадь провинции была около 15 000 км². Более двух столетий Ингерманландия не является административной единицей.

История заселения Ингерманландии достаточно сложна и проходила в несколько этапов. Первыми ее жителями были прибалтийско-финские племена води и ижоры. Данные археологии позволяют предположить, что вода, пришедшая с территории Эстонии, поселилась на западных землях в IV—VII веках нашей эры. В XI веке в центральной части территории появились племена ижоры, этнокультурно обособившиеся племена карелы. Славянские племена — кривичи и словене — появились на юге края в VI—VIII веках, затем они начали проникать и на Ингерманландскую возвышенность (Ижорское плато). С X века начинаются тесные контакты славянских и прибалтийско-финских племен. К XIV веку территория вошла в Новгородские земли в составе Водской пятины и ее жителей обратили в православие. Стратегически выгодное положение этих земель приводило к многочисленным войнам между Россией и Швецией. В начале XVII века Швеция завоевала данную территорию, что привело к изменению этнического состава и численности населения. Часть православных ижорцев, води и карелов бежали вглубь России. На обезлюдившие в ходе войны земли стало переселяться лютеранское население из Восточной Финляндии, провинции Саволакс (Savo) и с Карельского перешейка, в основном из прихода Эуряпяя (Äyräpää). Большинство населения стало финноязычным. После Северной войны 1721 года эта территория отошла к России, русификация пошла быстрыми

темпами, чему способствовало и строительство новой столицы Российской империи — Санкт-Петербурга в центре Ингерманландии. Кроме русскоязычного населения в Ингерманландии проживало и небольшое количество эстонцев и немцев. В середине XIX века географ и статистик Петер фон Кёппен опубликовал этнографическую карту, на которой были обозначены места проживания различных этнических групп, а также их численность. По его сведениям, води насчитывалось 5 148, ижоры — 15 600 человек, финнов (эврейсов и саваков) — 72 323 человека. Водь и ижора быстро обрусевали, но финны сумели сохранить до XX века язык и национальные традиции (Лескинен Х., 1995, 187—197). Вплоть до конца 1930-х годов развивалась национальная культура, финский язык преподавался в школах, средних и высших учебных заведениях, выходила финноязычная пресса, служба в лютеранских церквях шла на финском языке. В результате трагических политических событий 30—50-х годов XX века в нашей стране финны-ингерманландцы были высланы со своей земли, репрессированы, а их язык и культура подверглись гонениям. В период сталинского террора были казнены 13 000 человек, высланы на Кольский полуостров и Среднюю Азию 18 000 человек, в Архангельскую, Новгородскую и Вологодскую области — 27 000 финнов, 30 000 человек было эвакуировано в 1942 году в Сибирь. Эвакуированные и высланные этнические финны не имели права вернуться в Ленинградскую область до начала 1960-х годов. По данным 1991 года, на территории исторической Ингерманландии проживает 16 000 финнов (Суни Л., 1995, 259).

Историю заселения Ингерманландии можно проследить и по топонимии. Народы, проживавшие на этой территории, создавали географические названия, используя богатство родного языка. Каждый топоним несет историческую, географическую и лингвистическую информацию. С изменением исторических и социальных условий менее устойчивые наименования исчезают или трансформируются, поэтому топонимия Ингерманландии представляет большой интерес для исследований. В связи с уменьшением финского населения и ослаблением коммуникативных функций финского языка финские названия уходят из употребления, полностью исчезают из топонимической системы. Необходимо исследовать сохранившиеся финские топонимы и выявить особенности функционирования географических названий в двуязычной среде, а также способы адаптации финских топонимов русским языком, который является не только языком подавляющего числа населения, но и государственным.

Изучением языков, фольклора, этнографии, топонимии Ингерманландии занимались А. Шёгрен, П. фон Кёппен, А. Шифнер, С. Кепсу, В. Ниссиля, Ф. Видеман, А. Совиярви, Е. Тункело, В. Руоппила, П. Аристе и многие другие. В последние десятилетия появились работы Е. Рябиной, З. Дубровиной, А. Крюкова, Л. Суни, Н. Кирсанова, объектами исследования которых являются история, культура и топонимия Ингерманландии. Однако специальных исследований по топонимии не так много. Среди топонимов интерес вызывают названия населенных пунктов, ойконимы, так как деревни, села, хутора играли важную роль в жизни людей и их названия зачастую не менялись со сменой населения. Большинство названий населенных пунктов фиксировалось в письменном виде, поэтому при изучении ойконимов можно использовать различные источники: исторические документы, списки населенных пунктов, географические карты разных лет выпуска, изданные на разных языках.

В Центральной Ингерманландии, северной границей которой служит река Нева, а восточной — Ижора, большинство деревень в конце XIX — начале XX века были финскими. Кроме них были деревни со смешанным населением: финско-русские, финско-ижорские, финско-ижорско-русские. Юусо Мустонен опубликовал наиболее полный список финских деревень по приходам (Mustonen J., 1931, 27—64). Согласно его данным, на начало 1920-х годов все лютеранские приходы Ингерманландии были объединены в 3 пробства. К Центральной Ингерманландии можно отнести пробство Восточной Ингерманландии, состоявшее из 9 приходов (Venjoki, Liissilä, Inkere, Tuutari, Nietämäki, Tygö, Skuoritsa, Ropsu, Serepetta), и 4 прихода пробства Западной Ингерманландии (Spankkova, Kolppana, Koprina, Kupanitsa). Адаптация русскоязычным населением финноязычных топонимов происходила естественным путем, многие объекты существовали в 2 системах: финны называли их по-фински, а русские использовали русские названия, возникшие в процессе освоения финской топонимии. При этом многие русскоязычные названия в свою очередь были адаптированы финским языком. Постепенно языком большинства населения стал русский язык, являющийся государственным, поэтому процесс интеграции прибалтийско-финской ойконимии в русскую стал идти быстрыми темпами. Необходимо отметить, что русские ойконимные модели, обусловленные статусом русского языка, оказывали большое влияние на адаптацию финноязычных названий населенных пунктов.

При освоении прибалтийско-финской топонимии можно говорить о прямой адаптации, когда финноязычное название фонетически адап-

тируется русским языком. Звуковой облик ойконима передается средствами русской фонетики в устной речи и русской графики на письме. В этом случае ойконим не несет никакой дополнительной информации, кроме наименования объекта, а русскоговорящий не выделяет в звуковом комплексе ни лексем, ни морфем (Керт Г. М., 1995, 42). В процессе адаптации происходят определенные, закономерные звуковые изменения, объясняемые различиями финского и русского языков. Финский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям, поэтому фонетические системы различаются по составу фонем. Например, в русском языке нет геминат, долгих гласных, переднерядных гласных ä, ö, у [ü], дифтонгов, которые имеются в финском языке. При освоении финских названий долгие гласные и согласные передаются как краткие, глухие согласные в определенных позициях — как звонкие, переднерядные — как а, о, у после палатализованного согласного. «Прямое заимствование сопровождается определенной трансформацией звукового облика топонима, вызванной возможностями фонологических систем контактирующих языков. Звуки, не имевшие адекватного соответствия в заимствующем языке, замещались звуками, наиболее близкими по качеству к оригинальным» (Муллонен И. И., 2002, 42). Адаптация происходила также на морфологическом и семантическом уровне.

Рассмотрим способы адаптации финноязычных ойконимов на некоторых примерах названий населенных пунктов 9 приходов Центральной Ингерманландии: Venjoki — Павловский приход (1), Liissilä — Лисинский (2), Inkere — приход Инкере, Ижорский (3), Tuutari — Дудергофский (4), Nietämäki — Хиетаякский (5), Skuoritsa — Скворицкий (6), Ropsu — Ропшинский (7), Tugö — Мартышкинский (8), Serepetta — приход Жеребятки (9).

1. Фонетическая адаптация

Небольшая часть финских названий сохранила фонетический облик в русской огласовке: Peräkylä — Перякюля (4-й приход), Alakylä — Алакюля (5), Mutakylä — Мутакюля (6).

Большинство названий подверглось определенной звуковой трансформации.

1) Передача долгих гласных краткими: аа — а, ii — и, uu — у, ää — я [ˈa]:

Humalasaari — Гуммолсары, Kaskisaari — Каскисари (1), Laakala — Лаголово (4).

Liika — Литово, Riikola — Риголово (8).

Kuutrola — Кудрово (2).

Rääsölä — Пязелева (1).

2) Передача долгих согласных краткими: **kk** — к, **pp** — п, **tt** — т, **l** — л:

Rahikkala — Райколово (3), Tallikkola — Талликово (4), Torikka — Торики (5), Kukkoski — Кукузи (8).

Kirppula — Кирполово (2), Kemppilä — Кемпелево (6), Vilppusi — Вильповицы (9).

Anttila — Антелево (1), Onttola — Онтолово (1).

Vellonkontu — Велигонты (5).

3) Изменения при передаче дифтонгов: **ou** — ов; **au** — аг, ав; **iu** — и; **öy** [öü] — е [’э]; **yö** [yü] — ю [’у]; **ie** — е [’э]; **ui** — ы; **uo** — о, у:

Kouvu — Коврово (1).

Kaurasaari — Каграсары (4), Paukkala — Павкюля (5).

Kiurula — Кирлово (6).

Pöyhölä — Пегелево (6).

Ryömi — Б. Рюмки (5).

Tielisi — Телези (5), Pietilä — Педлино (6).

Vuitti — Вытти (6).

Suokylä — Сокули (9), Suosaari — Шушары (1).

4) Передача глухих согласных звонкими: **h** — г, **k** — г, **p** — б, **t** — д, **s** — з (в начале слова, перед-после гласной, между гласными):

Hamppala — Гамболово, Hällölä — Геллерово, Korhosi — Коргузи (1).

Laakala — Лаголово (4), Jälkylä — Яльгелево (5).

Korpala — Кобраново, Röpölä — Раиболя (1), Kaipala — Кайболово (2).

Tonnila — Дони, Montila — Монделево, Patamäki — Пудомяги (1).

Kuitusi — Куйдузи, Laitisi — Лайдузи (6), Liimosi — Лимузи (8).

5) Замена гласных: **a** — о, е [’э], у; **aa** — о; **e** — о, у; **i** — а, е [’э], у, ы; **ii** — ы; **o** — у, и; **u** — о, ы:

Humalasaari — Гуммолсары, Patamäki — Пудомяги (1), Rampala — Рамболово (4), Kotsala — Коцелево (5), Aropakkasi — Аропаккузи (6).

Kuninkaala — Куньголово (2).

Nenikkelä — Неникули (2), Raskela — Рассколово (4).

Kavelahti — Кавелахта (4), Hallikaisi — Халыково (2), Montila — Монделево (3), Kemppilä — Кемпелево, Laitisi — Лайдузи (6).

Riinilä — Рынделево (2).

Korhosi — Коргузи (1), Kukkoski — Кукузи, Liimosi — Лимузи (8).

Kiurula — Кирлово (6), Vilppusi — Вильповицы (9), Vellonkontu — Велигонты (5).

6) Передача звуков, отсутствующих в русском языке: **ä** — е [’э], и, я [’а]; **ää** — а, я [’а], **ö** — е [’э]; **y** [y] — е [’э], и, ю [’у]:

Hällölä — Геллерово (1), Pihilä — Пигилево (5), Mугälä — Мюреля, Rötsälä — Ретселя (4).

Suonpää — Шумба (2), Vääräperä — Вяреполь (9).

Suokylä — Сокули (9), Ylikylä — Б. Илики (8), Jälkylä — Яльгелево (5).

7) Утрата звуков. Наиболее распространенный случай — утрата генитивного окончания **-п** в двухкомпонентных ойконимах: **п — 0**:

Lemetinmäki — Лемедимяги (4), Simonkontu — Симогонт (8).

2. Морфологическая адаптация

1) Восприятие конечного **-i** как формы множественного числа, передача **i — ы, u — ы, a — и**:

Humalasaari — Гуммолсары, Suosaari — Шушары (1), Kaurasaari — Каурасары (4), Torikka — Торики, Vellonkontu — Велигонты (5), Usinkontu — Узигонты, Penikkala — Пеники (8).

У части финских ойконимов основа слова имеет конечный гласный **-i**, который воспринимается как форма множественного числа в русском языке и начинает склоняться. Вследствие фонетической адаптации произошла замена некоторых гласных, которые также склоняются как окончания множественного числа.

2) Замена финского суффикса **-la/-lä** на **-ово/-ево, -ино**:

Многие финские ойконимы образованы от антропонимных и апеллятивных основ при помощи суффикса **-la/-lä** со значением места. При адаптации ойконимии была использована модель русского языка, когда суффиксы **-ово/-ево, -ино**, имеющие топонимическую функцию, заменили суффиксы финского языка:

Namraala — Гамболово, Repola — Репполово (1), Kirppula — Кирполово, Lorvila — Лорвилово (2), Seppälä — Сеппелево, Sipilä — Сибелево (5), Pöyhölä — Пегелево, Pitkälä — Питкелево (6), Kiiskilä — Кискино (1), Pietilä — Педлино (6).

3. Семантическая адаптация. Перевод. Полуперевод

При полупереводе финской ойконимии появляются гибридные образования, когда в двухкомпонентных ойконимах переводится детерминант, обозначающий вид объекта при первичной номинации, или атрибут, дающий определение объекта. Перевод встречается в случаях адаптации простых по структуре финских ойконимов. Перевод и полуперевод оформляют топонимы по русской модели. Эти способы адаптации возможны при близком соприкосновении и взаимовлиянии разноязычных ономастических систем.

Hieta/kylä (hieta 'мелкозернистый песок') — **Пески**, **Jänis/kylä** (jänis 'заяц') — **Зайцево**, **Rappilan/autio** (rappila 'дом священника') — **Попово**, **Raja/kivi** (kivi 'камень') — **Камень** (1).

Kivi/kko (kivi 'камень') — **Каменка**, **Rappin/mäki** (rappi 'поп, священник') — **Поповка**, **Perä/saari** (perä 'окраина, конец') — **Конечки** (2).

Hiekka (hiekka 'песок') — **Пески** (5).

Uusi/kylä (uusi 'новый') — **Новая** (7).

Kangas (metsäkangas, kangas 'бор') — **Б. Борки**, **Seppälän/mätäs** (seppälä 'дом кузнеца') — **Б. Кузнецы**, **Yhin/mäki** (mäki 'горка') — **Старая Красная Горка** (8), **Ruitsan/kontu** (kontu 'двор') — **Стародворье** (9).

Переосмысление (народная этимология). Этот вид так называемых ложных калек появляется вследствие ошибочного понимания морфолого-семантической структуры иноязычного слова, близости фонетического звучания некоторых финских слов с русскими в составе ойконима. При этом перевод ойконима не соответствует его реальному содержанию.

Kiiskilä (kiiski 'ёрш') — **Кискино**, **Kougu** — **Коврово** (1), **Ryömi** — **Б. Рюмки** (5).

4. Переименование

В связи со статусом русского языка как государственного на картах были закреплены русскоязычные названия населенных пунктов. Случаи переименования были частыми в 30—50-х годах XX века, что объясняется изменением политической ситуации в нашей стране:

Huvösi — **Новая**, **Mosinamyly** — **М. Верево**, **Rahkola** — **М. Замостье** (1).

Novinmäki — **Б. Лисино**, **Osmola** — **Новолисино** (2).

Riihikylä — **Симашкино** (3).

Rötsänsilta — **Горелово**, **Somerokangas** — **Новоселье** (5).

Saalisi — **Котельниково** (6).

Ropsu — **Михайловское** (7).

Hännisi — **Б. Коновалово**, **Kylänpää** — **Санино**, **Lautakota** — **Кузнецы**, **Lukkala** — **Мишино**, **Mustaoja** — **Владимировка** (8).

Äilälä — **Б. Забородье** (9).

В ходе работы мы предприняли попытку определения способов адаптации финских ойконимов русским языком на фонетическом, морфологическом и семантическом уровне. Топонимия Ингерманландии является источником этноязыковой истории, предоставляет информацию о межъязыковых контактах и позволяет проследить процесс интеграции прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему. Дальнейшее изучение ойконимии Ингерманландии требует

серьезного этимологического анализа, исследования взаимодействия разноязычных топонимических систем, выявления закономерностей и основных моделей фонетической, грамматической, лексической адаптации ойконимов по другим районам данной территории.

Список литературы

Керт Г. М. Адаптация саамской топонимии Кольского полуострова русским языком // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия различных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 38—43.

Лескинен Х. Заселение и демография Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / Под ред. П. Виртаранта, Э. Вяари, М. Йокипии и др. Ювясколя, 1995. С. 187—197.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 352 с.

Сунд Л. Трудные судьбы Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йокипии. Ювясколя, 1995. С. 237—260.

Mustonen J. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931. 85 s.

Карты

Randefelt, Roland Inkeri. Tiekartta 1: 200 000. Ingriainfo OY. 1992.

Карелия и Ленинградская область: Карта исторических названий городов и поселений. 1: 400 000. СПб., 2000.

© ***Е. В. Логинова***

СОВА КАК МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В последние десятилетия в мировой лингвистике получило развитие такое направление исследования, как этнолингвистика, которая направлена на реконструкцию определенных фрагментов традиционной языковой картины мира. Являясь неотъемлемой частью национальной культуры, язык отражает многие явления и процессы, связанные с самосознанием того или иного народа. Задача этнолингвистики состоит в изучении и описании взаимоотношений языка, культуры и менталитета. Таким образом, исследуются особенности отражения в языке духовной культуры народа, при этом в качестве материала привлекаются как данные художественной литературы, так и народных говоров, фразеология, обрядовые тексты и пр.

В российской лингвистике появились работы, в которых исследуются на языковом материале такие ценностные понятия духовной культуры, как доброта, отношение к собственности, труду и др. Механизм такого рода исследований основан на выявлении корпуса модели номинации и причин выбора тех признаков, которые легли в основу названия.

В прибалтийско-финской традиции такого рода исследования, насколько нам известно, не ведутся, хотя отдельные фрагменты можно обнаружить и в трудах языковедов, и в исследованиях этнографов.

Для этнолингвистического анализа выбрано такое явление, как интеллект человека. Уже первое знакомство с материалом финских диалектов, а также с фразеологией показало, что по объему и составу материала данное лексико-семантическое поле очень обширно. В финских диалектах насчитываются многие десятки слов для характеристики глупости и ума. При этом нередко довольно хорошо просматриваются мотивационные признаки, лежащие в основе прямого или метафорического названия.

Хорошо известно, что для характеристики определенных качеств человека широко используются так называемые «животные метафоры»: упрямый как осел, ленивая корова, преданный как собака т. д. При этом данные образы прочитываются в большинстве европейских культур одинаково. В настоящей работе поставлена конкретная задача: проследить, как используется в европейских языках, и прежде всего в финском, образ совы для отражения интеллектуальных способностей человека. Оказывается, в то время как в большинстве европейских языков и культур сова — символ мудрости, в финской традиции *sova* (*pöllö*) — безусловный символ глупости. Об этом недвусмысленно заявлено в словаре «*Nykysuomen sanakirja*» (NS): *pöllö* «*tyhmästä ihmisestä*»: *Sinä pöllö, kuinka et sitä käsittänyt* 'Ты, глупец, как же этого не понял'. *Olipa se pöllösti tehty* 'Вот ведь бестолково сделано'. Ряд продолжают производные *pöllömainen* 'дурацкий, глупый', *pöllöpää* 'бестолковый, глупый человек', *pöllöttää* 'выглядеть глупо'. Толковому словарю вторят диалектные данные¹: «*Pöllökin pölkkyjä tekee, asiois järkee tarvitaan*» 'Чурки и глупец напилит, для дела же ум нужен'. «*On niin pöllö kuin aijan seiväs*» 'Глуп как жердь в изгороди'. «*Hakkaa se puita pöllömpikin*» 'Древья и дурак срубит'. «*Se on niin pöllö, ei se osaa mitään tehdä eikä*

¹ Здесь и далее финские диалектные данные собраны в архиве финских диалектов, хранящемся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (KOTUS).

mihinkään mennä» 'Такой бестолковый, ни делать ничего не умеет, ни пойти куда-нибудь не может'.

В европейской культуре сова — символ ночного видения, проницательности, мудрости. В греко-римской традиции сова была спутницей и атрибутом богини Афины (Минервы). Силой и мудростью она равна Зевсу. Гомер называет Афины «совоокой» (МС, 1990, 75). От афинской традиции ведет свое происхождение и мудрая сова европейских сказок и басен, и эмблематическое изображение мудрости — сова, сидящая на стопке книг, и идиома «ученая сова» в отношении ученых, глядящих из-за толстых стекол очков. Как символ знаний и эрудиции, рассеивающих тьму невежества, эта птица часто изображается в фирменных знаках научных изданий и книжной торговли².

Поэт барокко В. Х. фон Хохберг писал: «Рассудительность ценнее красноречия. Она (сова) посвящена Минерве не за сладость своего голоса, сколько за серьезность взгляда и благородство внешности. С другой стороны, являясь птицей ночи, она символизирует время суток, когда нас окружает тишина, и мы можем сосредоточиться, переварить и привести в порядок наши мысли»³.

Те же самые признаки в контексте финской картины мира складывались в совсем иной образ. Один из наиболее характерных признаков совы — большие круглые неподвижные глаза. Как видно из предыдущей цитаты В. Х. фон Хохберга, в античной культуре в них видели пристальный, проницательный, серьезный, следовательно, умный взгляд. Финская традиция тоже отмечает глаза совы: *Silmät ko tarhapöllöllä* (SKV) 'Глаза как у совы'. *Katsoo kuin pöllö* (SKV) 'Смотришь как сова'.

При этом неназванный взгляд воспринимается в отрицательном контексте: неподвижный взгляд — как знак того, что в голове нет мысли, нет ума. Глаза совы ассоциируются у финнов с удивлением, изумлением и, наконец, глупостью. Например, глагол *pöllistellä* означает 'глазеть', *pöllöttää* 'выглядеть глупо, уставиться'. *Äänettöminä he pöllöttivät kumpikin rinnaltaan* 'Оба молча уставились, стоя рядом'. *Silmät pöllöllään pyöreinä* 'По-совиному круглые глаза'. *Koululaiset ovat silmät pörreillään niinku pöllöi* 'Школьники с круглыми как у совы глазами'.

В этот ряд уместно включить и другие диалектные примеры, в которых взгляд больших неподвижных глаз воспринимается как знак глупости: *Silmät kuin tarhapöllöllä* 'Глаза как у лесной совы'. *Pötkö kuin*

² <http://sovenka.ru>

³ <http://sovenka.ru>

tarhapöllö 'Глуп как сова лесная'. *Pää ryörii kuin pöllöllä hämärässä* 'Головой крутит как сова в сумерки'.

По-видимому, в восприятие больших широко раскрытых глаз как признака недалекости, отсталости вплетался еще и другой, важный в контексте финской культуры факт. В финских говорах широко бытует слово *metsäpöllö*, не отмеченное, кстати, в словаре NS, при этом в контексте 'недалекий, провинциал': *Ko metäs asuu ni kyl ne semmoisii metänpöllöi ovat* 'Живут же в глуши такие лесные совы'. «*Oot kun mettäpöllö*», — говорили о человеке, делающем что-то неверно или не сразу понявшем задание.

Совы — обитатели уединенных мест, глухих лесных чащ. Этот момент отразился в языке, и термин *metsäpöllö* стал использоваться как характеристика жителей отдаленных от центров, от дорог глухих деревень. Естественно, что жителям центральных поселений эти провинциалы, время от времени появлявшиеся на люди, казались недалекими, поскольку не умели вписываться в обстановку. Они с удивлением глазели вокруг и не могли вести себя сообразно обстоятельствам. В SMA встречаем следующее объяснение слова *metsäpöllö* (диалектный вариант *mettäpöllö*): *mettäpöllö* 'это слово может быть использовано в отношении человека, приехавшего из глуши, когда появляясь в людном месте, он с любопытством смотрит на все округлившимися глазами и удивляется'.

Итак, круглые, широко распахнутые глаза в сочетании с не вполне адекватным поведением воспринимали как знак недалекости, отсталости в развитии, глупости. Кроме того, в создание образа совы как птицы глупой вносят, по-видимому, свой вклад и другие особенности поведения совы — птицы неуверенной и пугливой в дневное время. В русской традиции есть сравнение «сонный как сова». Ей вторит и немецкий фразеологизм: *Er macht das Gesicht wie eine Eule am Mittag* 'У него сонный вид' (SSA). При этом немецкая традиция идет дальше, поскольку слово для обозначения совы «*der Kauz*» приобретает значение 'странный человек'. Отсюда уже недалеко и до глупого, что и произошло в финской языковой картине мира.

Есть основания предполагать, что свою роль в приобретении словом *pöllö* негативной семантики сыграл звуковой облик слова, а именно наличие в нем сразу двух букв *ö*. Матти Садением охарактеризовал слова с *ö* так: «Особого внимания заслуживает негативный оттенок многих слов, приниженный стиль. Лишь немногие среди этих слов нейтральны». Большинство глаголов с *ö* (например: *hölistä* 'болтать', *mölistä* 'мычать', *köhistä* 'хрюнуть', *röhkiä* 'хрюкать') обозначают неприятный или непонятный голос человека или животного (Nyky-suomen sanavarat, 1989, 168). Многие слова финского языка, в составе которых звук *ö*, ха-

рактизируют глупость. Например: *hölmö* 'глупый', *rökörääd* 'упрямый', *rökkelö* 'чурбан', *röhkö* 'набитый дурак', *höhlä* 'простофиля', *höperö* 'слабоумный', *hölhö* 'полоумный', *röri* 'не в своем уме'. В этот ряд вписывается и *pöllö*. Видимо, звуковая сторона слова в финском языке подтолкнула семантическое его развитие к выражению негативного оттенка. В вепсском языке *pulo* 'сова', где нет *ö*, не имеет этой негативной семантики.

С другой стороны, следует, однако, принять во внимание, что в финских говорах существует еще другая лексема со значением 'сова', которая не включает в себя звука *ö*, но все же имеет значение 'глупый'. Это слово *kako*, которое в ряде западных диалектов имеет, с одной стороны, значение 'сова', с другой — выступает с семантикой 'глупый': *kako* 'сова', *kako* 'глупый, тугодум', 'придурковатый', *kakon työ* 'бестолковая работа'.

Основываясь на данных примерах, можно утверждать, что в финской народной традиции сова символизирует глупость. При этом в финской же книжной традиции, сформировавшейся под влиянием европейской культуры, сова выступает как символ ума, примеры чему предлагает словарь NS: *Pöllö, viisauden vertauskuva*. Однако в разговорной речи примеры этому встречаются достаточно редко. О сове как символе мудрости может быть сказано и с юмором:

- *Mistä tiedät, että pöllöt ovat viisaampia kuin broilerit?*⁴
- *Oletko koskaan kuullut grillatusta pöllöstä?*
- *'Откуда ты знаешь, что совы умнее куриц?'*
- *'А ты когда-нибудь слышал о сове-гриль?'*

Концепт интеллект имеет характерную этнокультурную специфику. На примерах европейских языков мы могли проследить, как один и тот же образ выполняет совершенно разные функции и вызывает у представителей разных народов ассоциации от мудрости до странности и даже глупости.

Список литературы

- Карельский фольклор / Подг. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1992.
МС = Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.
Мифы и легенды народов мира / Сост. Н. Будур, И. М. Панков. М., 2000.
Немецкие пословицы и поговорки / Сост. В. К. Шалагина. М., 1962.

⁴ http://www.phnet.fi/public/www-vitsit/elain_lin_pollo.html

Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.

Финские пословицы и поговорки / Пер. с фин. Г. Н. Макарова. М., 1962.

Haavio M. Suomalainen mytologia. Helsinki, 1967.

Krohn K. Tutkimuksia suomalaisten kansansatujen alalta. Helsinki, 1887.

Laestadius L. L. Lappalaisten mytologian katkelmia. Helsinki, 2000.

Nykysuomen sanavarat / Toim. J. Vesikansa. Helsinki, 1989.

Simonsuuri L. Kansa tarinoi. Helsinki, 1950.

Simonsuuri L. Myyttillisiä tarinoita. Helsinki, 1947.

Suistamolaisia sananparsia / Koonnut A. Sarala. Helsinki, 1982.

NS = Nykysuomen sanakirja IV. Porvoo, 1956.

SSA = Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja I. Helsinki, 1995.

SKV = Suomen kansan vertauksia / M. Kuusi. Helsinki, 1970.

<http://www.sovenka.ru>

http://www.phnet.fi/public/www-vitsit/elain_lin_pollo.html

© *В. П. Миронова*

МОТИВ БРАЧНЫХ ИСПЫТАНИЙ В ЮЖНО-КАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Самой популярной в южно-карельской эпической традиции является песня «Сватовство в мифической стране Хийтола». Основное повествование ее заключается в том, что Илмойллине, главный герой песни, во круг которого разворачиваются все действия в руне, едет свататься в далекую мифическую страну Хийтолу к единственной, красивой Катерине (иногда Анни). Всего в Южной Карелии от 48 исполнителей записано около 70 песен на этот сюжет, в их число входят песни, включенные в SKVR, а также песни, выявленные в Архиве Финского Литературного Общества и в Архиве Карельского научного центра.

Женитьба героя составляет один из главнейших сюжетов эпоса, который получил широкое распространение в мировом фольклоре. Южно-карельская эпическая традиция не является исключением, где в сравнении с другими сюжетами и мотивами тема сватовства является центральной. Рассмотрим подробнее южно-карельский вариант руны о сватовстве. Имея различную завязку, которая рассказывает о «чудесном рождении» и быстром возмужании героев, ядром повествования всегда является мотив добывания жены. Рассказ о сватовстве начинается с эпизода выезда героя из дома, это объясняется тем, что при родовом строе

жену надо было брать из другого рода, то есть отправляться за ней более или менее далеко (Пропп В. Я., 1958б, 42). Древние карелы жили экзогамными родами, в которых существовали брачные запреты, вынуждавшие мужчин входить в чужой род, чтобы заключить брачную связь. В южно-карельской версии кузнец Илмойллине отправляется за суженой в мифическую страну Хийтолу, которая, по мнению многих финских исследователей (М. Хаавио, А. Сату, А.-Л. Сиикалы, И. Кемпинена), является другим миром, миром мертвых. Эпос унаследовал от мифа представление о том, что мир будто бы разделен на две части: на мир здешний и мир потусторонний (Пропп В. Я., 1958б, 36). Илмойллине едет за женой в Хийтолу, страну мертвых и их душ. Герой отправляется в дорогу на коне-лосе и путь его лежит по морю. По древним представлениям, путь в «мир иной» лежал по воде, а попасть в мир потусторонний можно было только с помощью определенных животных или шамана (Satu A., 1994). Герой песни едет на коне-лосе; лось, по представлениям финно-угров, — это священное животное, с его помощью можно было проникнуть из одного мира в другой. В остальных вариантах Илмойллине отправляется в путь с шаманом Вяйнемейненем, который заклинаниями помогает кузнецу в пути справиться с препятствиями. В фольклорных традициях многих народов герои также в поисках жены отправляются в чужую страну, например, в исландской Эдде герой едет в страну великанов, в якутском олонхо — в далекую черную страну и т. д. В отличие от северно-карельских рун, где происходит состязание в сватовстве между кузнецом Илмойллинеом и мудрым Вяйнемейненем, в южно-карельской редакции песни сватается один герой — Илмойллине, только он хочет взять себе в жены деву из холодной страны Хийтола.

Появившись в доме старухи Хийси, хозяйки мифической страны, кузнец просит отдать за него ее дочь. Обращаясь к хозяйке Хийси, Илмойллине спрашивает:

Jogon valmis valvattine.

Уже ли готова ожидающая.

Или в других вариантах он произносит:

D'jogos annat Hiittoi An'n'oin,

Уже ли, Хийто, отдашь Анни,

Kolmen vuven kozittavan,

Три года сватанную,

Kahten vuven kaupittavan.

Два года выкупаемую.

(КЭП, 1950, 164, 327).

В этих словах нашла отражение древняя форма заключения брака, так называемый брак-отработка, согласно которому, жених поселялся в роду невесты и в течение определенного времени должен был выполнять какую-либо работу.

Хозяйка Хийси отвечает Илмойллинену, что она отдаст свою дочь за кузнеца только тогда, когда он выполнит ее трудные задания. В чем же смысл этих трудных испытаний? Вероятно, старуха Хийси хочет проверить силу, сноровку, возможности, в том числе и магические (Киуру Э. С., 1993, 6), и выбрать для дочери лучшего из мужчин. Мы уже отмечали, что в южно-карельской версии песни о сватовстве у жениха нет соперников и ему не с кем бороться за невесту. Мотив брачных испытаний все же остается в эпической песне, так как является обязательным для всех сюжетов о добывании жены (тема разработана в книге: *Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986). Трудным испытаниям при сватовстве подвергаются все герои карело-финского эпоса, это универсальный способ борьбы за жену и только выполнение «трудных заданий» позволяет «завоевать» невесту (Киуру Э. С., 1993, 68).

Трудные задачи в эпосе и сказке являются условием получения невесты, и если в сказке невеста испытывает силу жениха, то в эпических песнях трудные испытания задает сама предводительница рода — хозяйка Хийтолы. Надо отметить еще одно существенное различие между испытаниями в сказках и рунах, в сказке на помощь герою всегда приходят «помощники», в эпосе герой сам справляется с заданиями. По мнению Б. Н. Путилова, трудные задания даются не столько для того, чтобы проверить жениха, сколько для того, чтобы сорвать сватовство (Путилов Б. Н., 1971, 152). Хозяйка Хийтолы не хочет потерять кузнеца как работника, но, справившись с заданиями, кузнец Илмойллине увезет невесту в свой род. Иными словами, в этих песнях отражен переход от матрилокального брака к патрилокальному, при котором жених не оставался в роду жены в качестве работника, а увозил невесту с собой.

Хозяйка Хийси согласна только тогда отдать кузнецу Илмойллинену дочь, если он сумеет справиться с трудными заданиями. Таких заданий в рунах встречается разное количество, в выявленных мною песнях брачных испытаний может быть от одного до пяти. По одному заданию герой выполняет в шести вариантах песни, по два задания — в девяти вариантах, в трех вариантах мы встречаем четыре задания, в двух вариантах — пять. Во всех остальных вариантах хозяйка Хийси дает кузнецу Илмойллинену три задания. Надо отметить, что старуха Хийси говорит о необходимости выполнения трех заданий, но в рунах описывается меньшее или большее количество испытаний. Вероятно, это связано с тем, что до нас дошли только сравнительно поздние записи, исполнитель песен помнит число три как магическое, но при исполнении может не вспомнить всех заданий или перечисляет все, которые помнит.

Самым распространенным испытанием в руне является вспашка змеинового поля:

Kyndannet kyudipellon,	Вспашешь если поле с гадами,
Kaannellet käämpellon.	Перевернешь поле змеиное.
Sit vain suat Annoin.	Тогда только получишь Анни.

(КЭП, 1950, 162, 323).

Во вспашке кишашего змеями поля В. Я. Евсеев усмотрел метафору подсечного поля, где в земле еще продолжительное время после лесоповала и сжигания деревьев остается масса корней и оно не поддается вспашке (Евсеев В. Я., 1968, 90—92). Исследователь видел в рунах историческое освящение событий, но если мы обратимся к мифам, то заметим, что в финно-угорской мифологии образ змеи появляется довольно часто. По представлениям финно-угорских народов, змеи были обитателями страны мертвых. Появились змеи из плевка в воду злой волшебницы Сюзтар (она же считалась создательницей вредных насекомых и птиц) (Петрухин В. Я., 2003, 77). Змея появляется в мифологических рассказах народов севера о состязании колдунов и шаманов, где она убивает злого шамана (Петрухин В. Я., 2003, 97). В саамской мифологии с помощью гадюк насылали порчу (Петрухин В. Я., 2003, 185). По представлениям обских угров, змея была священным животным и местом ее обитания была преисподняя. Мы знаем, что кузнец Илмойллине сватал невесту в Хийтоле, в стране мертвых, где, согласно мифическим представлениям, жили змеи. Можно предположить, что задание вспахать поле змеиное представляло не что иное, как освободить это место от нечисти. Причем сделать это нужно было непооясанным телом, без шапки на голове, без сапог на ногах, без рукавиц. По представлениям карелов, пояс служил своего рода преградой от злых духов, поэтому был древний обычай всегда носить пояс с рождения до смерти (Лавонен Н. А., 1977). Рукавицы также служили своеобразным оберегом, в свадебном обряде мы встречаем упоминание о том, что невеста на свадьбе сидит в рукавицах и зимой и летом, это отгоняло от нее злых духов. Вспахивая змеиное поле, кузнец должен был снять магический пояс и рукавицы, вероятно, он должен был справиться с этим трудным испытанием с помощью других магических сил. В ряде вариантов Илмойллине пашет поле на «священной лошади» или на лосе-коне. В северо-карельских вариантах встречается мотив поимки и укрощения лошади, в южно-карельской традиции этот мотив отсутствует. Только в одной песне хозяйка Хийси в качестве трудного задания просит кузнеца привезти лошадь. Вероятно, данный мотив встречался у карелов-ливвиков в более ранних записях. В остальных вариантах кузнец пашет

поле на огненном плуге. В мифологии многих народов приписывали железным предметам особые магические свойства, они могли отпугивать нечистую силу (Астахова А. М., 1964, 6). В данном случае железный плуг отпугивает злых духов.

Таким образом, кузнец Илмойллине справился с трудным заданием — вспахать поле змеиное с помощью магических сил и знаний.

Следующим наиболее распространенным заданием, придуманным старухой Хийси для кузнеца, было огородить поле змеиное:

Laadinet seppo aijan,	Если сделаешь изгородь,
Sada seivastu pihas.	Сотню колов во дворе.
Pane mavot aijaksiksi,	Из змей — жерди,
Vaskičūt pane varačukse,	Из медянок — подпорки,
Sihiliuskoloil vičasta.	Ящерицами перевяжи.
	(КЭП, 1950, 162, 323)

Это задание напоминает заговор, который должен огородить новобрачных от порчи:

Rautasen aijan rakennan	Ограду железную сооружу
Muasta suati taivahan,	От земли до самого неба,
Taivahasta muan suati.	От неба до земли.
Sihiliskuloil sitelen,	Ящерицами перевяжу,
Kiärmehilla kiantelen	Змеями все обмотаю
Syomah kylän kiroja,	Пожирать всю брань в деревне,
Kylän noita nokkimah.	Клевету клеветать в деревне.
	(Богданов Г. Х., 1929, 44).

Карелы верили, что круг, замкнутая окружность, оберегает от злых духов. При рассказывании сказок во время Святок образовывались железные обручи вокруг дома, а гадающие садились в круг, очерченный острым железным предметом. Огораживание поля было своеобразным предохранением от злых духов.

Еще одно необычное задание было уготовлено для жениха — ему нужно было помыться в огненной бане:

Vaskizen kylyn lämmitettih,	Истопили медную баню,
Kuuzi nedälii lämmitettih,	Шесть недель топили,
Tuli kylyz läpettäyğö.	Огонь сверкает в бане.
	(КЭП, 1950, 176, 361).

Баня в жизни карелов занимала большое место, все ритуалы от рождения до смерти проходили в ней, в бане невеста прощалась с девичьей волей, в карельской свадебной традиции известно, что и жениху топили баню перед свадьбой. Смысл банного обряда объясняется по-разному, его описывают как очистительную церемонию, а перед свадьбой — это

обряд отторжения от своего рода и переход из одного статуса в другой (Конкка У. С., 1992, 177).

Как же появился мотив «огненной бани» в эпических песнях? Его возникновение связывают с ингерманландской эпической традицией, бытует этот мотив и в Приладожье, а уже оттуда он проник в Южную Карелию (Rausmaa P.-L., 1964, 28—30). Встречается «огненная баня» также в финских сказках, но полностью отсутствует в русской и эстонской сказочной традиции. В русской сказочной традиции отмечен мотив купания в кипящем молоке, который можно соотнести с «огненной баней». Герой сказки перед свадьбой купается в кипящем молоке и становится моложе, красивее (Мелетинский Е. М., 1963, 277). Е. М. Мелетинский отмечает, что в якутском олонхо герой купается в огненном озере, что символизирует воинскую закалку, это первый подвиг, возможно носящий характер посвятельного испытания. Таким образом, можно предположить, что кузнец, пройдя через испытание «огненной баней», перешел в новый статус и готов жениться. Надо отметить, что Илмойллине не парится в жаркой бане, а он заговорами остужает ее, т. е. справляется с трудным испытанием, используя магическую силу слова. Мотив требует еще дополнительного исследования.

В некоторых вариантах песни о сватовстве встречается задание искупаться в бессточной ламбе:

Gu voine umbilammen uduo. Если сможешь бессточную ламбу переплыть.

В ингерманландских песнях среди трудных испытаний есть задание искупаться в ведре, ушате (Rausmaa P.-L., 1964, 34—36). Бессточная ламба также представляет ограниченное пространство, и можно предположить, что истоки у этих заданий имеют общие корни. Зачем же герой купается? В. Я. Пропп в своих исследованиях о сказке отмечает, что купание, поглощение водой приравнивается к обряду инициации. Обряды инициации подвергались юноши, достигшие половой зрелости. Таким образом юноши переводились в разряд взрослых мужчин, имеющих право взять жену (Киуру Э. С., 1989, 15).

Купаясь, герой как бы поглощается водой, а затем выбрасывается ею. Таким образом, кузнец Илмойллине, пройдя через это испытание, готов взять деву Хийтолы в жены.

Самое последнее и самое трудное задание, которое хозяйка Хийтолы дает кузнецу Илмойллинену, — это принести со дна моря или из реки Туонелы серую щуку:

Tuo meren pohjas hartai haugi. Принеси со дна моря серую щуку.

Рыбная ловля в народно-поэтической и обрядовой практике имела символику сватовства, этот вопрос хорошо изучен. Так, например, когда у героев эпических песен спрашивают, куда они едут на лодке, они отвечают, что едут рыбу ловить, хотя в лодке нет ни сетей, ни других рыболовных снастей. Задание поймать щуку можно соотнести с добыванием жены, со сватовством (Киуру Э. С., 1989, 84). В северно-карельских рунах герой для поимки щуки оборачивается орлом, образ орла как жениха встречается и в свадебных песнях. В поздних записях южно-карельских песен образ орла уже не появляется, кузнец Илмойллине ловит огромную серую щуку, нагнав град необычайной величины, больше куриного яйца, меньше головы лошади. Град символизирует картечь, с помощью которой герой справился с трудным испытанием. Илмойллинеу редко удается вернуться с пойманной щукой домой, чаще он оказывается проглоченным ею. Как отмечает В. Я. Пропп, мотив поглощения доисторичен и обусловлен следующими представлениями: «Чтобы приобщиться к тотемному животному, стать им и тем самым вступить в тотемный род, нужно быть съеденным этим животным» (Пропп В. Я., 1958а, 208). Тем самым герой приобщается к тотему, в данном случае — щуке и к родовой общине своей жены, что означает для героя его социальное рождение, приобретение необходимого социального статуса. Благодаря поглощению (смерти) возможно и выплевывание (воскресение) посвящаемого в новом качестве, а вследствие проглатывания осуществляется и рождение члена родовой общины (Фрейденберг О. М., 1936, 370). В южно-карельской версии песни о сватовстве не происходит выплевывания героя. Выбирается Илмойллине из утробы, сделав там кузню и сковав маленький нож, которым он распорет брюхо щуки и убьет ее. Мы видим, что не произошло приобщения к родовой общине жены, так как щука (тотем) убита, тем самым отображен переход к патрилокальному браку, мужчина больше не остается в роду женщины. В песне отражен испытательный обряд инициации, герой, выбравшийся из утробы, заново рождается и обретает особую силу и способности, в том числе магические. В южно-карельских эпических песнях кузнеца Илмойллине может проглотить не только огромная серая щука, но и хозяйка Хийтолы, черт, Баба-Яга, на языке которых нужно было сплясать герою. Могла проглотить кузнеца и огромная змея, когда он бежал три круга вокруг вспаханного змеиного поля. Поглощение водяным происходило, когда кузнец отправлялся за огромной серой щукой. Вероятно, эти образы появились в песне о сватовстве сравнительно поздно и были заимствованы из сказочной традиции, в том числе русской. Сказку напоминает трудное задание привезти сундук из-за семи морей или привезти для суженой подвенечный наряд. В некоторых песнях хозяйка Хийси просит доставить на свадьбу Укко, всевышнего Бога.

Это также наиболее поздний, пришедший из сказки мотив, но в сказках Укко соглашается сразу ехать на свадьбу, а в рунах — проглатывает героя. В южно-карельской версии руны о сватовстве полностью отсутствует мотив изготовления Сампо, в северно-карельском варианте создание чудомельницы входит в систему мотивов трудных заданий при сватовстве. В одном из всех выделенных мною вариантов встречается задание принести пеструю крышку. В рунах мельницу часто называли пестрой крышкой, но затем под пестрой крышкой стали понимать сундук, задание принести сундук встречается в южно-карельской эпической традиции. Позднее вместо сундука хозяйка просила принести подвенечный наряд для невесты. Теория трансформации пестрая крышка — сундук — подвенечный наряд впервые была видвинута Е. Н. Сетеля, а затем ее поддержал М. Кууси (Rausmaa P.-L., 1964, 40—44).

Через многие трудные испытания хозяйка Хийтолы предлагает сделать что-нибудь невыполнимое, например, сосчитать песчинки на дне морском, сосчитать звезды на небе, свить веревку из мякины, пройти по остриям колов. Такими заданиями изобилуют сказки о сватовстве и, по мнению В. Я. Проппа (Пропп В. Я., 1958а, 309—317), они восходят к различным формам испытаний, которым подвергались герои во время инициации, либо это состязание невесты и жениха в колдовстве и магии.

Таков в кратком рассмотрении круг «трудных заданий», которым подвергся главный герой южно-карельской песни о сватовстве в мифической стране Хийтола кузнец Илмойллине. Характер этих испытаний переплетается с мифическими представлениями карелов, многие мотивы имеют общие корни со сказкой.

Список литературы

Астахова А. М. Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М., 1964.

Богданов Г. Х. Свадьба Ухтинской Карелии. Карельский сборник. Л., 1929.

Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. М., 1968.

КЭП = *Евсеев В. Я.* Карельские эпические песни. Л., 1950.

Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах. Петрозаводск, 1993.

Киуру Э. С. О взаимодействии карело-финского и русского эпосов на уровне мифологических мотивов: Препринт доклада. Петрозаводск, 1989.

Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Лавонен Н. А. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1958а.

Пропт В. Я. Русский героический эпос. М., 1958б.

Путилов Б. Н. Русский и южно-славянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.

Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003.

Фрейденоберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.

Satu A. *Fyysisen naisseutuun liittyviä ajatteluja suomalais-karjalaisessa perinteessa.* Helsinki, 1994.

Rausmaa P.-L. *Hiidestä kosinta.* Helsinki, 1964.

© *В. П. Миронова*

СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ТЕМА В ЮЖНО-КАРЕЛЬСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Карельские песни калевальской метрики по своему содержанию, стилю, основным сюжетам и эпическим образам весьма архаичны. Считается, что история их возникновения берет начало в первом тысячелетии до нашей эры. На протяжении многих столетий песни калевальской метрики прошли сложный путь развития и испытали на себе влияние различных исторических эпох. В связи с этим в финно-угорской фольклористике принято выделять различные периоды возникновения устной поэзии: древнейший «докалевальский», раннекалевальский (космогонические мифы), среднекалевальский (эпические песни героического содержания), эпоха средневековья и позднекалевальский период (см. подробно о разделении на периоды возникновения в книге: *Kuusi M.* *Kirjoittamaton kirjallisuus.* Helsinki, 1963).

Песни калевальской метрики были распространены как в Северной, так в Олонецкой и Приладужской Карелии, о чем свидетельствуют многочисленные записи известных финских фольклористов XIX века, а также более поздние записи советских ученых. Руны отдельных локальных групп отличаются друг от друга сюжетным составом песен и их содержанием. Рассматривая южно-карельскую эпическую традицию, надо отметить, что наряду с песнями героического содержания широкое распространение получили песни на семейно-бытовые темы.

Собирание песен калевальской метрики среди этой группы карелов велось менее интенсивно, чем в Северной Карелии, и до нас дошли записи, датируемые уже второй половиной XIX века и вплоть до 80-х годов XX века. Можно предположить, что именно поэтому число лиро-эпических песен превосходит количество находящихся в архиве эпических рун героического содержания, так как они как наиболее ранние по времени возникновения успели стереться из памяти.

Остановимся подробнее на южно-карельских эпических песнях, относимых к периоду средневековья, — это лиро-эпические песни и баллады. «По сравнению с древними героико-эпическими рунами баллады повествуют уже о другой исторической эпохе, о другом мировосприятии, о другом типе человеческой психологии» (Карху Э. Г., 1978, 35). Влияние на песни этого периода оказало развитие феодальных общественных отношений и распространение среди карел христианства. Христианизация же общества оказала влияние на языческую народную культуру и обряды, а также на социальную, семейную и личностную психологию средневекового человека. Рассматривая архаическую песню калевальской метрики, мы не найдем изображения смерти, словно древние эпические герои были вообще бессмертны. В поэзии средневековья смерть является обязательной кульминацией повествования, это трагическая развязка всех лиро-эпических песен и баллад. В центре внимания всегда поставлена человеческая судьба в наиболее драматических ее моментах. Главным героем баллад становится женщина, она изображена в обыденной жизни, в сфере семейного быта. «Баллада повествует об отношении мужа и жены, в центре драматических коллизий выступают моральные ценности, любовь, женская верность, семейная честь. В отличие от песен калевальской метрики большинство лиро-эпических песен и баллад композиционно строится по схеме повторения мотивов, как правило, повторения с нарастанием» (Ремшуева Р. П., 1993, 107).

Одной из самых распространенных лиро-эпических песен южных карелов является баллада «Выкуп девушки», исполнение которой можно услышать еще и в наши дни. Баллада повествует о девушке, сидящей на берегу моря. Она просит родных спасти/выкупить ее. Родные отказываются помочь, на помощь приходит только возлюбленный.

Istuu neičoine meren randas
kirjavilla kivyzzillä.
Kaččou ylos — paivaine pästau,
kaččou alas — venoine soudau
«Kenenbo neče venöine soudau?»
«Neče venoine on sulhoin venoine».

Сидит девушка на берегу моря,
на пестрых камушках,
Смотрит вверх — солнце светит,
смотрит вниз — лодка плывет.
«Чья это лодка плывет?»
«Это лодка жениха».

«Ota sulhoine venoih».
«Polle jalgaine laidal,
toine venoin pohjale.
Istoi vai venoihuoh».

«Возьми жених в лодку».
«Ступи ногой на край,
Другой — на дно лодки.
Садись в лодку».

(АКНЦ, 94/9)

Эта фольклорная тема широко распространена у многих народов мира. Суть основного конфликта баллады, по мнению И. Кемппинена (Kemppinen I., 1957, 147—149), решение судьбы — или сохранение ее жизни, или смерть. События происходят у воды и это не случайно, так как вода, по древним представлениям, — это недоля, смерть, а море служит дорогой на тот свет (Ремшуева Р. П., 1993, 29).

В южно-карельских балладах девушка сидит на берегу, на скале и просит о помощи, а в северно-карельских и ингерманландских песнях встречаются варианты, где девушка плывет в чужой лодке или она находится на острове, что роднит этот тип баллад с европейскими вариантами (подробно сюжет рассмотрен в книге: *Ремшуева Р. П.* Карельская народная баллада и «Кантелетар» Элиаса Лённрота. Петрозаводск, 1993). В балладе «Выкуп девушки» нашли отражение элементы свадебного обряда, древние формы заключения брака у воды и, возможно, обычай похищения невест. Сюжет получил широкое распространение в мировом фольклоре.

Баллада «Морские женихи»/«Женихи из моря» распространена на территории всей Карелии. Она также повествует о девушке, ожидающей женихов из моря. Поочередно перед ней появляются мужчины то из железа, то из меди, то из золота, но девушка отдает предпочтение только жениху из хлеба.

Miez merellä näyteleksi,
ualoilla ylendeleksi.
Leibä suini, leibä päini,
leibä hattuni hardeilla.

Муж из моря появился,
На волны он подымался.
Хлеб во рту, хлеб в голове,
Хлебная шапка на плечах.

(SKVR, II, 344)

Жених, имеющий хлеб, еду, достаток, ценится выше золота. Согласно мнению М. Кууси, данная баллада стремится предупредить от соблазна приезжих женихов и предлагает выбрать себе в спутники жизни хлебного человека, землепашца (Kuusi M., 1963, 342; 1980, 111—112).

Известна всем карелам также и баллада «Вести о смерти родных», в которой главный герой Куллерво, сын Каллервы, уходит на войну. Вслед ему приносят вести о том, что в родном доме умирают отец, мать, брат, сестра. Эти печальные новости не заставили героя вернуться, только после смерти жены Куллерво спешит домой.

«Muçoi on kois kuolemas».
«Avoi-voi, minun päiväzet,
Puvvuttih puhtahat sobazet,
Kavottih kämmenen kakkarazet,
kavottih paidazen luadijat,
Kavottih sobaizen andajat».

«Жена дома умирает».
«А вой-вой, мои денечки,
Пропали чистые одежды,
Пропали ею сделанные блины,
Пропала та, кто шила рубашку,
Пропала та, кто давала одежду».

(АКНЦ, 71/26)

Баллада построена по принципу сравнения молодой жены с ее кровными родственниками, их противопоставления, для большей выразительности выбран метод усиления контраста (Ремшуева Р. П., 1993, 66).

Узколокальное распространение получила песня «Похороны родных», где главное действующее лицо — это молодая девушка Анни или Катей, она ткёт полотно и слышит колокольный звон из поповского дома. Она узнает по шуму о смерти родителей — отца и матери. Девушка думает, как обмыть, во что обрядить покойника, как повезут на кладбище, где похоронят. Девушка плачет, что осталась сиротой. В балладе нашёл отражение похоронный обряд карелов: обычай причитать, плакать об умершем. Появление песни нужно считать более поздним в сравнении с балладой «Вести о смерти родных», так как место главного героя, мужчины, занимает женщина, что свойственно для более поздних по происхождению песен.

Хорошо известная и бытовавшая на территории всей Карелии баллада «Жалоба молодухи» имеет большее число записей от карелов-ливвиков, чем от северных карелов. Песня повествует о несчастной молодой жене, плач которой услышали либо ее родственники, либо случайный прохожий.

«Mida muçi mečas itköy,
Vai hänel on sulhoi paha?»
«Se häi ongi mustu mado,
Kylmän kylyn kylvettay,
leivätä syöttäy,
Kengätä kävelyttäy,
Pitkäl viçal pergelou».

«Отчего молодуха в лесу плачет,
Или муж у нее плохой?»
«Он и есть как черный змей,
В холодной бане парит,
Без хлеба кормит,
Без сапог держит,
Длинной вицею стегает».

(АКНЦ, 71/75)

В этой балладе также использован принцип сравнения, только здесь сочувствующими являются родственники, а им противопоставлен муж, который плохо обращается с молодой женой в «чужом доме», куда молодуха попала после замужества

О жизни замужней женщины, о ее отношениях с родными повествуется в песне «Сестра в гостях у брата». «В этой балладе нашёл отраже-

ние существовавший у карелов древний обычай, согласно которому, вышедшая замуж женщина приезжала в родительский дом по прошествии какого-то времени (где-то от полугода до трех лет после свадьбы) [о свадебном обряде см. подробно в книге: *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л., 1977]. В родительском доме остался только родной брат, но он и его жена холодно встречают неожиданную гостью.

Песня была широко распространена и пользовалась популярностью. Отдельные мотивы этой баллады включались в «жалобную песню», исполняемую для невесты прямо на свадьбе. Это своего рода напоминание невесте о серьезных переменах в ее жизни после замужества. Выходя замуж, женщина переходила в другую семью, приобщалась к роду мужа и тем самым как бы отрывалась от своего рода, его предков и покровителей (Конкка У. С., 1992, 257—262). Вот почему, приехав к брату, она была встречена как чужая.

Mustan suvun, mustan rovun,	Помню род я, помню племя,
Mustan helien heimokunnan,	Помню кровных родственников,
Mis olet sinä rodivunnuh,	Где ты родилась,
Kus olet sina syndynyh.	Где на свет появилась.
Etgo ole vellen sizar,	Не сестра ты брату,
Eigo ole sugulaine.	Не родня ты нам.

(АКНЦ, 71/46)

Тема «Увод в рабство» является международной. В карельской традиции она нашла свое отражение в основном в южно-карельской балладе «Сестры в шведской неволе». В основу этой песни, по-видимому, легли реальные события, когда женщин похищали и насильно увозили замуж на чужие земли. Баллада повествует о том, как две сестры оказались похищенными и были вынуждены жить вдалеке от дома. Одна из сестер была отдана замуж за богатого человека, другая — за бедняка.

Mendih sizarekset kahtei	Пошли сестры вдвоем
Omie vastoi kastamah.	Свои венки мочить.
Ruočin velekkset ajettih,	Братья-шведы ехали,
Varustettihes varrastamah.	Их готовились похитить.
Sinne kui heidy viedih,	Как туда их увезли,
Yksi puutui köyhäl,	Одна бедному досталась,
Toine puutui bohatal.	Другая — богатому.

(АКНЦ, 71/60)

В песне раскрыты отношения между живущими по соседству народами, отношения между карелами и финнами. «В балладе значительное место занимает тема патриотизма и неприятия жизни в неволе. Развитие

сюжетной коллизии приводит к пределу трагического — отказу от собственного ребенка, что влечет за собой очередную трагедию: шведы (финны) губят другую сестру либо оставленного сына» (Ремшуева Р. П., 1993, 76).

Известная только среди карелов-ливвиков песня «Животные — вестники смерти» рассказывает о том, как не пожелавшая выйти замуж за нелюбимого человека девушка предает себя смерти, а весть о ее кончине должны донести до любимого животные: медведь, лиса или заяц.

«Kenbo kullal viestit andau?»	«Кто милому весть доставит?»
«D”änöi andau kullal tiijon.»	«Заяц весть милому донесет».
Juoksi d’änöi kullal kodih.	Бежит заяц к любимому в дом.
Terväh kullal viestin vei.	Быстро милому весть донесет.

(АКНЦ, 111/67)

С животными связана еще одна баллада «Животные-помощники» или «Гребешок в море». У сидевшей на берегу моря девушки в воду падает гребешок. Она просит помощи у зверей. Эти две баллады восходят к животному эпосу, где наряду с людьми в развитии событий принимают участие и звери.

Широкое распространение среди карелов-ливвиков получила баллада «Огой и Гаврой», основная сюжетная тема которой совпадает с известной в мировом фольклоре темой о гибели влюбленных. Огой родила от «брата» Гаврой трех сыновей. Она губит детей, а затем кончает с собой. Брат Гаврой, узнав о гибели сестры, также совершает самоубийство. Хоронят их по разные стороны церкви. В некоторых песнях присутствует мотив переплетающихся крон деревьев или переплетающихся корней.

Luadi Gavroi ičel surman	Убил себя Гаврой
Yhtel čuasul Ogoinker.	В один час с Огой.
Ogoi pandih kirikon bokal,	Похоронили Огой по одну сторону церкви,
Gavroi pandih toizel bokal.	Гаврой похоронили по другую.
kazvoi kaksi pitkia koivuo	Выросло большие две березы
Yli kirikon katoksen:	Выше крыши церкви:
Ladvat yhteh lapoituttih,	Ветви их перевились,
Duuret yhteh uuruttuh.	Корни их переплелись.

Соединение после смерти «символизировали законность, оправданность любовного стремления» (Балашов Д. М., 1962, 98). Как и в южно-карельской, так и в русской балладе «Василий и Софья» на могилах погибших вырастают деревья, единство мотивов дает возможность утверждать, что карельская баллада возникла под влиянием русской традиции.

Известен среди южных карелов сюжет «Вор крадет украшения». Девушка отправляется в незнакомые места, где встречает чужого (мужчину), который крадет ее украшения. С плачем она возвращается домой, где мать утешает дочь и готова отомстить обидчику. Существует утверждение, по которому «потеря украшений» — это «нарушение сексуального табу», в этом случае понятна вся драматичность баллады (Kuusi M., 1980, 242).

Anni, aino tyttäreni,	Анни, дочь единственная,
Se d'äi sinne itkemah.	Там осталась плакать.
«Älä itke, Annizeni,	«Не плачь, моя Анни,
Voran tinos tiputammo,	Вора оловом окропим,
Vaskolois valutammo».	В меди выкупаем».

«Свадебные дары невесте» — это баллада, получившая распространение только среди карелов-ливвиков. Песня повествует о девушке, обращающейся к орлу-птице, которая высоко летит и видит все вокруг. Девушка спрашивает у птицы, не видела ли она отца, мать, брата, сестру, жениха, и узнает, что все они в большом городе покупают для нее свадебные подарки.

«Василейне уезжает из дома» — еще одна баллада, известная только южным карелам. Главный герой Василейне уезжает из дома в чужие земли. Для родных он оставляет: отцу — печь теплую, чтоб спать, матери — большое окно, чтобы смотреть, брату — хорошую лошадь для езды, сестре — хорошее платье, жене — большой жернов муку молоть.

В этой балладе также мы находим противопоставление кровных родственников жене, что еще раз подчеркивает утверждение, что вышедшая замуж женщина навсегда остается чужой в доме мужа.

Рассматривая южно-карельскую эпическую традицию, надо отметить, что семейно-бытовая тема получила широкое распространение у этой группы карелов. Среди сюжетов есть как общекарельские, так и узколокальные, в свою очередь сюжеты имеют соединение архаических и средневековых мотивов. Главным героем является женщина, любящий, страдающий персонаж. Чаще всего действие в балладе заканчивается трагически, героиня умирает, не пожелав выйти замуж за нелюбимого. Для нее лучше пойти на брак со смертью, чем с нелюбимым человеком. Получило свое отражение в балладах и положение женщины в семье мужа. На южно-карельскую семейно-бытовую поэзию свое влияние оказала и финно-угорская, и русская эпическая традиция.

Список литературы

Балашов Д. М. «Василий и Софья» (баллада о гибели влюбленных) // Вопросы литературы и народного творчества: Тр. Карел. фил. АН СССР. Вып. 35. Петрозаводск, 1962.

Карху Э. Г. От рун к роману. Петрозаводск, 1978.

Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Ремшьева Р. П. Карельская народная баллада и «Кантелетар» Элиаса Лённрота. Петрозаводск, 1993.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л., 1977.

Ketppinen I. Lunnastettava neito (Vertaileva balladitutkimus). Helsinki, 1957.

Kuusi M. Suomen kirjallisuus I. Kirjoittamaton kirjallisuus. Keuruu, 1963.

Kuusi M. Kalevalaista kertomarunoutta. Helsinki, 1980.

© *Н. М. Момотова*

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ СЕМАНТИКИ В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

При изучении иностранного языка обучаемый сталкивается с целым рядом малопонятных фактов, относящихся не к области лексики, грамматики, фонетики или стилистики, а, скорее, к экстралингвистическим сферам: социальной, бытовой или исторической. В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления с культурой страны изучаемого языка является общепризнанным в методике преподавания. Правильное употребление или понимание некоторых слов предполагает часто знание их происхождения, ситуаций, в которых их можно использовать, или элементарных сведений из истории, литературы, религии, политической реальности страны изучаемого языка.

С середины XX столетия, говоря о страноведческой информации, включаемой в практический курс языка, стали использовать термин «лингвострановедческая», что было связано с появлением новой научной дисциплины — *лингвострановедения*. Эту область знаний определяют как страноведчески ориентированную лингвистику, изучающую

иностранный язык в сопоставлении с родным. Объектом же рассмотрения при этом выступает язык как носитель культуры изучаемого языка.

Одними из первых в российском языкознании термин «лингвострановедение» использовали в 1973 году в книге «Язык и культура» Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Этот важнейший аспект преподавания языков был сформулирован ими следующим образом: «Две национальные культуры никогда не совпадают полностью, — это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов. Совокупности совпадающих (интернациональных) и расходящихся (национальных) единиц для каждой пары сопоставляемых культур будут различными... Надо вырабатывать в сознании обучающихся понятия о новых предметах и явлениях, не находящих аналогии ни в их родной культуре, ни в их родном языке. Следовательно, речь идет о включении элементов страноведения в преподавание языка, но это включение качественно иного рода по сравнению с общим страноведением. Так как мы говорим о соединении в учебном процессе языка и сведений из сферы национальной культуры, такой вид преподавательской работы предлагается назвать лингвострановедческим преподаванием» (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1990).

Проблематику лингвострановедения составляют два круга вопросов. Во-первых, лингвистический. Он касается анализа единиц языка с целью выявления заключенного в них национально-культурного смысла. Н. Г. Комлев был первым русским лингвистом, который ввел в лингвистику понятие культурно-исторического компонента значения. Он высказал мысль о том, что слово, отражающее предмет или явление действительности определенного социума, не только означает его, но и создает при этом некоторый фон, ассоциирующийся с этим словом. Поэтому в семантике слова должен содержаться некоторый компонент, фиксирующий именно данный социальный фон, в котором слово существует. «Признавая наличие “внутреннего содержания слова”, то есть факта, что слово-знак выражает нечто, кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента — зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума» (Комлев Н. Г., 1969).

Справедливо также утверждение А. А. Леонтьева о существовании «национальных смыслов». «Нельзя отрицать, что два слова в двух разных языках, обозначающих один и тот же предмет в культуре двух народов и являющихся переводными эквивалентами, неизбежно связываются с нетождественными содержаниями, и это позволяет говорить о “национальных смыслах” языковых знаков» (Леонтьев А. А., 1977).

Таким образом, номинативные единицы языка часто обладают экстралингвистическим содержанием, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру. Эта часть значения слова, которая восходит к истории, географии, религии, традициям — иначе говоря, к культуре страны, называется **национально-культурным компонентом**, а номинативные единицы языка, содержащие такой компонент, принято называть **лингвострановедчески ценной лексикой**, или **лексикой с национально-культурным компонентом семантики**.

Проблема отбора и классификации лексики с национально-культурным компонентом семантики тесно связана с проблемой **реалий**. Реалии — это слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому. Будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках. Реалиям уделяется особое внимание, т. к. глубокое знание реалий необходимо для правильного понимания явлений и фактов, относящихся к повседневной действительности народов, говорящих на данном языке (Комиссаров В. Н., 1990).

Различные подходы к трактовке реалий привели к возникновению большого количества терминов, которые используют для обозначения явлений, сходных с реалиями. Чаще всего встречаются термины «безэквивалентная лексика», «фоновые слова», «национально маркированные слова», «экзотизмы», «варваризмы», «страноведчески ценная лексика».

Наиболее удачными для обозначения культурно маркированных лексических единиц представляются термины «безэквивалентная» и «фоновая» лексика, т. к. они широко известны в методической литературе и в наибольшей степени раскрывают сущность понятия.

В лингвострановедении под **безэквивалентной лексикой** понимают лексические единицы, план выражения которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Это обозначения предметов и явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой. Например, в финском языке *kesäyliopisto*, *maitovelli*, *munamaito*, *mämmi*, *joulurauhajulistus* и т. д.

К **фоновой лексике** относят слова с неполноэквивалентностью фонов. Это обозначения предметов и явлений, имеющих аналоги в сопоставляемых культурах, но различающиеся национальными особенностями функционирования, формы и предназначения предметов. Например, *Joulu* — Рождество, *stipendi* — стипендия, *talonmies* — дворник и т. д.

Необходимо отметить, что в случае перевода некоторых слов-реалий в двуязычном словаре можно наблюдать явление лингвострановедческой интерференции.

Следовательно, сопоставление лексических единиц не всегда возможно осуществить на материале существующих двуязычных словарей. «Переводной эквивалент передает в огромном большинстве случаев лишь “лексическое значение” переводимого слова и не сообщает читателю всего “культурного значения” слова» (Берков В. П., 1975), т. е. подбор эквивалента усложняется наличием в семантике слова национально-культурного компонента.

С целью устранения подобного рода недостатков двуязычных словарей предлагается, во-первых, расширить словарь и ввести в него энциклопедические и культурно-исторические компоненты (Гак В. Г., 1988). Второй подход — это идея создания двуязычных словарей особого типа (двуязычных толково-переводных словарей) (Репринцева Н. М., 1999).

Подобного рода двуязычные толково-переводные словники разрабатываются на ФИЯ КГПУ. Необходимость сопоставительных исследований на лексическом уровне обусловлена остротой проблемы, связанной с явлением лингвострановедческой интерференции и отсутствием соответствующих учебных материалов.

Работа по составлению словников основывается на методе сопоставительного анализа лексики (и ее сплошной выборки) с использованием параллельных текстов близкого содержания на сравниваемых языках. Данные дифференциальные двуязычные словники являются тематическими. К настоящему моменту среди прочего созданы словники по следующим темам: «Система высшего образования Финляндии», «Система общего образования Финляндии», «Конфирмационная школа Финляндии», «Государственное устройство Финляндии», «Правовая система Финляндии», «Государственные праздники Финляндии», «Семейные праздники Финляндии» и др. Перечисленные словники включают только ту лексику, которая отличается в описываемых языках. Отобранные лексические единицы, нуждающиеся в страноведческом комментировании и обнаруживающие страноведческий потенциал, классифицируются тематически, поскольку лексико-тематическая классификация слов позволяет систематизировать и упорядочить их описание и является одним из этапов систематизации лексики. Необходимость тематической классификации иностранной лексики подтверждается также положением о том, что одним из способов семантизации номинативных единиц является групповой способ. «Номинативные единицы в лингводидактических целях группируются, по некоторым признакам сводятся в совокупности, и семантизирующие сведения сообщаются уже примени-

тельно не к отдельным словам, а по отношению к группам, объединениям языковых единиц (Мальцев В. И., 1969). Так, например, в рамках темы «Государственные праздники Финляндии» отобранные лексические единицы делятся на следующие тематические подгруппы: названия праздников, праздничные мероприятия, традиционные праздничные блюда, праздничная одежда, атрибуты и символы праздника, подарки, названия участвующих в праздничных мероприятиях.

Далее, исходя из контекста и значения слова в толковых словарях финского и русского языков, происходит сопоставление семантики выделенных финских лексических единиц с их возможными русскими аналогами с целью четкого определения разницы в объеме понятий. Например, в словарной статье современного финского языка к слову **Dekaani** читаем — *yliopiston dekaani johtaa ja valvoo tiedekunnan toimintaa; dekaani ja varadekaanit valitaan tiedekuntaneuvostoon kuuluvien professoreiden joukosta (Nyky-suomen sanakirja)* ('декан в университете руководит и контролирует деятельность факультета; декан и заместители декана выбираются из группы профессоров, входящих в совет факультета'). В толковом словаре русского языка декан — это руководитель факультета в высшем учебном заведении (Толковый словарь русского языка, 1995). В данном случае финская лексема обладает более узкой семантикой в силу того, что в ней частично конкретизирована процедура выборов лица, занимающего данную должность. Например, декана в Финляндии выбирают из числа профессоров, входящих в совет факультета, следовательно, является вполне обоснованным утверждение, что в значении финского эквивалента присутствует семантическая доля ученого звания. Семантика русского аналога является более общей и отражает лишь специфику деятельности лица, занимающего соответствующую должность.

Создаваемые двуязычные словники используются в практике преподавания финского языка, страноведения и лингвострановедения. Приемы введения, закрепления и активизации специфичных для финского языка единиц национально-культурного содержания, извлекаемых из изучаемых на занятиях текстов, составляют второй круг вопросов проблематики лингвострановедения, а именно методический. В этой связи овладение приемами лингвострановедческого прочтения и анализа текстов является одной из задач обучения.

Список литературы

Берков В. П. Словарь и культура народа // Мастерство перевода. 1974. Сб. 10. М., 1975.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Гак В. Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедические, культурно-исторические и этнолингвистические аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Комиссаров В. Н. Теория перевода. М., 1990.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Наука, 1969.

Леонтьев А. А. Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.

Мальцев В. И. Лексическое значение и понятие // Проблемы знака и значения. М., 1969.

Репринцева Н. М. Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексико-графического описания / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2003.

Толковый словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1995.

Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva, 1988. Kymmenes painos.

© *М. И. Муллонен*

СЛОВАРЬ ЖИВОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

В издательстве Санкт-Петербургского университета завершена работа по изданию многотомного Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК), первый том которого вышел в 1994 году. Выход последнего, шестого, тома — это большое событие для исследователей северно-русских говоров, которые получили богатый и надежный материал для исследований. Этот словарь продолжает серию региональных диалектных словарей, изданных в России в 1960—90-х годах.

Карелия — уникальная территория. Здесь происходили многовековые контакты между прибалтийско-финскими народами и русским населением края, проникавшим на эти земли начиная с XII века. Эти контакты оставили глубокий след в лексике как прибалтийско-финских языков (карельского, вепсского, финского, саамского), так и северно-русских говоров.

По словам главного редактора СРГК профессора Санкт-Петербургского университета Александра Сергеевича Герда, идея создания словаря принадлежит профессору Никите Александровичу Мещерскому, работавшему в конце 1950 — начале 1960-х годов в Карельском педагогическом институте. Первоначально он планировал региональный словарь более узкой территории — Заонежья, но, перейдя на работу в Ленинградский университет, Н. А. Мещерский привлек к работе над словарем А. С. Герда, большого энтузиаста и хорошего организатора словарной работы, и вместе они разработали план диалектного словаря всей Карелии. Поскольку Карелия исторически связана, с одной стороны, с Приладожьем, с другой — с Каргополом, то постепенно обрисовался большой ареал бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода, а позднее Олонецкой губернии. Таким образом, ареал охвата лексики СРГК очень широк — от Новгородских земель на юге до берегов Белого моря на севере, от западной границы Карелии до Каргополя Архангельской области на востоке. Такой грандиозный проект потребовал большой подготовительной работы. А. С. Герд, став главным редактором словаря, провел огромную организаторскую работу, объединив научные силы многих вузов северо-запада России для сбора материала и составления словаря. Работа началась в 1964 году и длилась практически четверть века. О размахе работы говорит хотя бы тот факт, что словарь составлялся усилиями 60 авторов из 10 вузов. Первыми к работе Ленинградского университета подключились кафедры русского языка Петрозаводского университета и Карельского и Череповецкого пединститутов. Позже примкнули Вологодский, Кировский, Псковский, Костромской пединституты, а также Сыктывкарский университет. Для сбора материала весь регион был поделен между вузами, которые ежегодно проводили экспедиции, работавшие по общему скоординированному плану, причем в экспедициях наряду с преподавателями участвовали и студенты, которых на специальных семинарах обучали методике сбора материала. Интересно отметить тот факт, что большинство составителей словаря сами являются носителями диалектов.

Редколлегией словаря были тщательно разработаны принципы составления словаря. Каковы же критерии отбора лексики? В словарь включены разговорные слова, которых нет в современном литературном языке, представленном в 17-томном Толковом словаре русского языка, нелитературные формы слов, а также значения слов, свойственные только разговорной речи. Словарь составлен на высоком лексикографическом уровне, с большим знанием дела, недаром в процессе работы

проводились многочисленные семинары, где обговаривались все детали составительской работы.

Обращает на себя внимание детальная разработка значений слов. Так, например, глагол *лягаться* имеет 10 значений, а глагол *наладить* — 22 значения. В словарных статьях находит отражение многообразие семантических оттенков слов, свойственных разговорной речи. Примером может служить слово *место*, в котором каждое из 14 значений иллюстрируется цитатами, выбранными из записей диалектных текстов. Иллюстрации подобраны таким образом, что они не просто раскрывают значение слова, но в них отражаются все разнообразие деревенской жизни в прошлом и настоящем, материальная и духовная культура носителей языка. Иллюстративные цитаты содержат многообразную информацию о народной жизни, что является богатым материалом для исследователей. Здесь мы находим и описание народных обычаев, обрядов, костюмов, игр, кушаний, часто с рецептами приготовления. Например: «Здесь ленивые пироги пекут, хлеб засохнет, его ломочками нарежут, макнут в воду, сверху картофельное пюре и пекут» (IV, 515). «Картошка сгнивши, пирожное называлось, только на пироги» (IV, 515). «В кулай играли, по семь человек на кону: сначала мы прячемся, потом они прячутся» (III, 155). «Паккулину взамен спичек использовали. Паккулина искру воспринимала и начинала шаять, прикуривать было хорошо» (IV, 378).

Цитаты дают представление об образности разговорной речи, среди них много пословиц, народных поверий, выражений из фольклора, хотя специальная фольклорная лексика не входит в словарь. Это сделано сознательно. Фольклорная лексика — это совершенно особый слой лексики. В Карелии сделаны классические записи фольклора, лексика которой очень своеобразна, и все многообразие этой лексики невозможно было включить в диалектный словарь. Приведем примеры примет: «Синичка ледок спихнула» (с прилетом синиц вскрываются реки) (III, 106). «Бумажкой как пашешь стол — распоришься» (IV, 412).

Очень богато представлена фразеология. В отличие от многих толковых словарей здесь фразеологизмы тщательно разработаны. Различные типы устойчивых словосочетаний выделяются разными знаками (правда, этот принцип не всегда выдерживается). Вообще различных знаков в словаре много, их значение не всегда соответствует общепринятым (например, тире (—) употребляется в нескольких значениях, одни фразеологизмы даются со знаком >, другие — со знаком Δ, а ромбом (◊) обозначается не фразеологизм, как это делается во многих словарях, а нечто иное). Поэтому прежде чем пользоваться словарем, необходимо

прочитать приведенные в I томе основные положения построения словаря. Иногда фразеологизм отличается от нормативного употребления каким-либо одним словом, например: «Хоть стой, хоть лежи», сравните нормативный вариант «Хоть стой, хоть падай». Однако в большинстве случаев это совершенно иные фразеологизмы, не имеющие аналогов в литературном языке, например: «Из лаптей не выходить» (жить в бедности); «Бросать остудну» (посеять вражду путем наговора); «Не высказывать мамы» (о сильном опьянении): «Раньше не пили вина на тройцу, а теперь напьются, мамы не выскажут» (I, 291); «Хватить шилом паточки» (хлебнуть горя) (IV, 408); «Дать мутовку» (в свадебном обряде: отказать жениху) (I, 424).

В словаре много экспрессивной лексики, она снабжена специальными пометами. Приведем для примера слово *мадеж*, бран. 'чёрт': «Возьми мадеж этих шефов, косить не умеют, только поля портят». Эта цитата любопытна тем, что она отражает социально-экономическую жизнь деревни в период сбора лексики, когда на сельхозработы приезжали шефы из городов.

В словаре много дескриптивных слов: «Дрова в печке кюдают-мадают» 'тлеют, плохо горят'. Особенно много дескриптивных глаголов, заимствованных из прибалтийско-финских языков, в которых эта категория исключительно богата. Например, глаголы *боройдать*, *бузайдать*, *бурайдать*, *вырайдать*, *гайкать*, *галайдать*, *гумайдать*, *гурайдать*, *гурондать* и множество других имеют прямые соответствия в прибалтийско-финских языках. В русском языке они обрастают еще приставками и суффиксами (*закаландать*, *закобайдать*, *закубайдаться*) и новыми оттенками значений. Например, слово *аред* (ср. вепс. *äred* 'сердитый') имеет четыре значения. Интересно отметить, что из заимствованной лексики словарь содержит много такого, что уже утрачено в карельском и вепсском языках, в нем зафиксирована лексика разных исторических пластов, но это слова современной живой речи.

Своеобразие русских говоров Карелии состоит в том, что они вобрали в себя значительный прибалтийско-финский субстрат (карельский, вепсский, саамский) и заимствованные из этих языков слова. В этом смысле словарь представляет собой настоящий кладезь материала для изучения лексики прибалтийско-финских языков и процессов контактирования этих языков с русскими народными говорами. По полноте охвата заимствованной и субстратной лексики он значительно превосходит такие известные диалектные словари, как Словарь областного Олонецкого наречия Г. Н. Куликовского или Словарь русских народных говоров (издание АН СССР).

Как известно, начавшееся на рубеже тысячелетия продвижение славян на Север, населенный финно-угорскими народами, постепенно сформировало саамско-прибалтийско-финско-русский этнический мир. В результате многовекового соседства и смешанных браков образовалось двуязычное население. Местное прибалтийско-финское население, ассимилируясь, вносило в русский язык свои слова и выражения, с другой стороны, пришлое население заимствовало, прежде всего, те слова, которые были связаны с окружающей средой и бытом, например: ландшафтную лексику (*лакса, лижма, ламба, курба*), названия животных и растений (*канабра, хонга, бармак, кукарандыш*), названия рыб и рыболовных снастей (*матюк, салага, гарва, калега*), названия предметов быта (*кенъги, коты, керги, керпач, кярега*), названия кушаний (*кокоры, кюрзи*). Заимствовались также отдельные морфемы, например: именной суффикс *-га* < *-кка* (*лудога, мудега*), *-укса* < *-ukse* (*верандукса*), глагольный суффикс *-айда* < *-aida*, широко употребляемый в русском языке (*бурайдать, кобайдать, кярейдать, лабайдать*). В большинстве этих заимствований ударение падает на первый слог, что свойственно для прибалтийско-финских языков.

Многие слова карельского и вепского языков, уже забытые их первоначальными носителями, бытуют в северно-русских говорах как живые, современные слова. Таким образом, словарь ценен как источник сведений по этнографии не только русских, живущих на Севере, но и карелов, вепсов, саами, отражая многовековые связи между этими народами. Ведь все, чем жил народ, запечатлелось в его языке.

Совершенно ясно, что собрать сегодня такой материал было бы уже невозможно: диалекты исчезают, многие деревни опустели, а в оставшихся новое поколение уже не является носителем говоров. И очень важно то, что словарь зафиксировал и оставляет в наследство будущим поколениям все богатство народной речи. К этому словарю будут обращаться исследователи (филологи, историки, этнографы, краеведы), писатели и журналисты, учителя и студенты, все, кто интересуется историей и культурой нашего северного края. К сожалению, из-за недостаточного количества средств на издание словарь выходил очень маленькими тиражами, не более 400 экземпляров.

По словам А. С. Герда, «это никак не покрывает потребности, в продажу поступает лишь небольшая часть издания, и тираж расходуется моментально. Конечно, словарь получают все крупные библиотеки Севера России. Многие районные центры (например, Лодейное поле, Каргополь, Кемь, Кандалакша и др.) заказывают словарь наложенным платежом. В качестве подарка словарь послан и в некоторые зарубежные страны.

Средства для издания добывались с огромным трудом, часто «с миру по нитке», хотя основные расходы нес Санкт-Петербургский университет. Надо отметить, что в издании словаря большое содействие оказали Министерство образования Российской Федерации и Гуманитарный фонд (начиная с третьего тома). Большое спасибо им. Хочется отметить также, что наряду с Санкт-Петербургским университетом наиболее существенную роль в работе над словарем сыграли кафедра русского языка Петрозаводского университета (Т. Г. Доля, М. Я. Кривонкина, А. Г. Малюткина, Е. И. Новикова, Н. И. Скуратова, В. С. Суханова), кафедры русского языка Карельского педуниверситета (Л. П. Михайлова) и Вологодского пединститута (Ю. И. Чайкина).

На основе материалов словаря написано уже несколько исследований — статей, диссертаций, дипломных работ. Этот словарь, безусловно, займет достойное место в ряду региональных диалектных словарей, вышедших и выходящих в России. Отрадно, что несмотря на экономические трудности выходят такие монументальные работы. Словарь будет интересен и в будущем, ибо диалекты исчезают, а в них отражена история и культура многих поколений. Это памятник культуры нашего северного края и он останется на века.

Список литературы

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994—2005. Т. 1—6.

Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Изд-во «Наука», 1965—2004. Вып. 1—38.

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

© *М. В. Наумова*

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Синтаксис карельского языка менее исследован в сравнении с другими разделами грамматики. В работе В. П. Федотовой «Очерк синтаксиса карельского языка» синтаксический уровень впервые получает систематическую оформленность (Федотова В. П., 1990).

В карельском языке управление глаголов не подвергалось специальному исследованию. В научных публикациях рассматриваются лишь

отдельные вопросы, связанные с глагольным управлением: проблемы словосочетания, объекта, значений падежных форм имен.

Заслуживают внимания две работы, в которых говорится прямо или косвенно об управлении как о способе синтаксической связи в карельском языке. В школьном учебнике по синтаксису карельского языка, написанном в советские годы в русле грамматических принципов русского языка, даются краткие характеристики типов подчинительной связи. Авторы учебника дают определение термину «управление» и указывают на наличие в карельском языке предложного и послеложного управления (Ригоев А. Е., Сергеев М. Е., 1939, 9). Составители школьной грамматики отмечают, что некоторые глаголы (*varata* ‘бояться’, *kunnivoija* ‘уважать’, *vuottua* ‘ждать’, *kiittää* ‘хвалить’, *nagrua* ‘смеяться’ и др.) всегда требуют формы дополнения в частичном падеже (=партитиве).

В. П. Федотова в своем труде, посвященном синтаксису карельского языка, анализирует типы глагольно-именных словосочетаний, синтаксические отношения внутри них, указывает на управление как на способ синтаксической связи стержневого глагола с зависимым именем, дает определения сильному и слабому глагольному управлению в карельском языке (Федотова В. П., 1990).

Проблему синтаксиса словосочетания затрагивал Г. Н. Макаров, исследуя сложные слова в карельском языке (Макаров Г. Н., 1965).

В карельском языкознании достаточно широко освещена проблема функций падежных форм. Все исследователи карельского языка, анализируя значения форм падежей, используют такой синтаксический термин, как словосочетание (Бубрих Д. В., 1937; Рягоев В. Д., 1977; Федотова В. П., 1990 и др.).

Финский ученый А. Оярви подробно рассматривает случаи употребления номинатива, генитива, аккузатива и партитива в говорах восточной части Карелии (Ojajärvi A., 1950). А. А. Беляков разработал классификацию значений партитива (Беляков А. А., 1958, 146—147). Эстонская исследовательница П. Пальмеос обращалась к проблеме значений падежных форм имен в словосочетании на примере валдайских и дёржанских диалектов собственно-карельского наречия (Palmeos P., 1962, 1980). Значения падежных форм имен подробно рассматриваются в пособиях по морфологии ливвиковского и собственно-карельского наречий карельского языка Л. Ф. Маркиановой и П. М. Зайкова (Markianova L., 1993; Zaikov P., 1992) и П. М. Зайкова «Грамматика карельского языка: фонетика и морфология» (Зайков П. М., 1999).

Проблемой объекта в карельском языке занимались в основном зарубежные исследователи. Грюнтхал в свое время обратил внимание на тот факт, что под влиянием русского языка объект в карельском языке часто выступает в форме партитива, где с точки зрения финского или других прибалтийско-финских языков ожидался бы аккумулятив (Grünthal W., 1941, 4, 14, 216, 279). А. Оярви подчеркивает, что данная тенденция усиливается, когда объект обозначает живое существо или в роли объекта выступает личное местоимение (Ojajärvi A., 1950, 111—113, 140). Данную особенность отмечают и другие исследователи карельского языка (Конт К., 1959, 20; Larjavaara M., 1990, 419). М. Ларьяваара исследует причины ее возникновения и характер (Larjavaara M., 1990, 419—435). Тенденция постановки объекта в форму партитива уже ясно просматривается в материале, собранном А. Генцом в 1871 году на территории Карелии (Genetz A., 1880, 30—31).

К. Конт, исследуя объект в прибалтийско-финских языках, отмечает, что под влиянием русского языка в людиковском диалекте карельского языка «различие между тотальным и парциальным объектом стерлось» (Конт К., 1959, 21).

Поскольку управление глаголов в карельском языке не было предметом специального исследования, нас заинтересовала степень изученности данного вопроса в близкородственном финском языке.

В 1880 году выходит в свет «Синтаксис финского языка» Э. Н. Сетяля, в данной работе автор иногда использует термин «управляющий глагол» (Setälä E. N., 1880, 20, 21), но не более того.

В Финляндии издано много работ, содержание которых касается глагольного управления, но проблема рассматривается как освещение различных значений и функций падежей (Tunkelo E. A., 1931; Hakulinen L., 1931 и др.). Подобное рассмотрение вопроса приводит к тому, что проблема управления остается на заднем плане и исследуется однобоко, т. к. учитывается лишь значение падежа без связи с семантикой управляющего глагола. Подобную односторонность в изучении управления можно выявить и в научной литературе по карельскому языку.

В 1946 году У. Туурала в своем труде по грамматике финского языка впервые рассматривает синтаксические отношения между словами в предложении. Автор дает общее понятие об управлении: часто подчиненное слово ставится в определенный падеж в зависимости от значения подчиняющего слова, в этом случае подчиняющее слово управляет формой подчиненного слова (Tuurala U., 1946, 8). К сожалению, примеры, которые приводит автор, довольно однообразны и не показывают степень обширности проблемы. Таким образом, У. Туурала останавливается на определении

понятия «управление» и не указывает, к примеру, какие части речи могут быть подчиняющими, а какие подчиненными, и т. п.

А. Г. Морозова в 1952 году в кандидатской диссертации «Управление глаголов в финском языке» говорит о том, что до сих пор «нет ни одной работы по финскому языку, где явление, называемое управлением, было бы подвергнуто специальному и подробному изучению или где указывали бы на то, как оно проявляется» (Морозова А. Г., 1952, 4). Работа А. Г. Морозовой заслуживает довольно пристального внимания, поскольку в ней дается общая характеристика глагольного управления в финском языке, рассматриваются управляемые падежи, обозначается синтаксическая роль управляемых слов. Автор выделяет следующие виды управления в финском языке: непосредственное, посредственное, сильное, слабое, двойное и двоякое. Исследователь делит глаголы на прямо-переходные, косвенно-переходные и непереходные и с данной позиции анализирует управляемые ими падежи. Согласно мнению автора, на начальном этапе развития финского языка часто имели место случаи замены одного падежа другим, что не свойственно современному литературному языку. А. Г. Морозова отмечает, что хотя в финском языке нет морфологических признаков совершенного и несовершенного вида, этот оттенок действия может передаваться при помощи управления глаголов. В качестве сравнения автор иллюстрирует материал примерами из родственных языков — карельского, эстонского, коми и других. По мнению исследователя, «в вопросе управления глаголов имеются очень большие сходства между языками прибалтийско-финской группы», где «можно почти по каждому пункту найти что-нибудь общее» (Морозова А. Г., 1952, 176).

В работе Л. Хакулинена «Развитие и структура финского языка» рассматриваются характерные для финского языка случаи употребления местных падежей с глаголами определенной семантики, имеющие соответствия во многих уральских языках, но не свойственные индоевропейским (Хакулинен Л., 1955, 205—216). Так, например, в финском языке при глаголе со значением ‘оставаться, оставлять’ в широком значении этих слов обычно используется падеж вхождения (иллатив), тогда как индоевропейские языки употребляют соответствия финского падежа нахождения (инессива). *Hän jätti meidät pulaan* ‘букв.: Он оставил нас в беду’. Ср. кар.: *Häi jätti lapset kodih* ‘букв.: Она оставила детей в дом’. Л. Хакулинен объясняет данное явление тем, что раньше глагол *jäädä* ‘оставаться’ означал становление и являлся глаголом движения. К особенностям финского и других родственных языков автор также относит случаи использования внутренне-местных падежей, когда речь идет о

названиях частей тела в сочетании с названиями одежды. *Lakki pannaan päähän* 'Шапку надевают на голову (букв. в голову)'. Ср. кар.: *Pane šuapku piüh* 'Надень шапку на голову (букв. в голову)'. Внутренне-местными падежами в финском языке можно выразить нахождение в процессе собирания, добывания чего-либо. Например: *Miehet läksivät kalaan* 'Мужчины отправились на рыбную ловлю (букв. в рыбу)'. Ср. кар.: *Kävüimmö muur'oih* 'Мы ходили за малиной (букв. в малину)'.

Ю. С. Елисеев в своей работе «Основные типы синтаксических словосочетаний в современном финском языке», анализируя словосочетания глагола и зависимого имени, выделяет связь сильного управления и связь действительных падежных отношений. Первая всегда обусловлена лексическим значением глагола. Связь действительных падежных отношений используется в тех случаях, когда «словосочетание приобретает смысл в зависимости от действительного значения падежа» (Елисеев Ю. С., 1959, 73). Автор отмечает, что в финском языке есть две группы глаголов, которые имеют сильное объектное управление и требуют всегда партитивной формы объекта: глаголы чувственного отношения (*rakastaa* 'любить', *vihata* 'ненавидеть' и т. п.) и глаголы, выражающие действие, представляющее собой процесс, который не может привести к окончательному результату (*voimistaa* 'усиливать', *heikentää* 'ослаблять' и др.). Ю. С. Елисеев также указывает на тот факт, что и в близких родственных языках, например в вепсском, глаголы чувственного отношения «имеют регулярное управление партитивом» (Елисеев Ю. С., 1959, 69).

Позднее в справочниках по финскому языку и научных публикациях по данной теме управление рассматривается на примерах ошибочного использования тех или иных падежных форм при управляющем глаголе с предложением возможных вариантов исправления (Saarimaa E. A., 1957, 450—452; Ikola O., 1971, 157—159; Räsänen S., 1971, 436—437; Laaksonen K., 1978, 398—399). Е. А. Сааримаа отмечает, что иллативная форма зависимого падежа все чаще вытесняет аллативную форму (Saarimaa E. A., 1957, 450). Все исследователи подчеркивают важность и необходимость изучения явления, называемого управлением. Но, к сожалению, рассмотрение проблемы на примерах ошибочного управления не вносит большей ясности в содержание вопроса из-за отсутствия обобщенности и системности. Замечания по поводу употребления того или иного падежа тем или иным глаголом дают слишком узкое истолкование понятия «управление».

В то же время многие языковеды указывают на сложность трактовки и систематизации сведений об управлении. «Проблема управления до-

вольно сложна — в основном трудности вызывают различные оттенки значений выражений» (Laaksonen K., 1978, 399). К. Лааксонен отмечает, что управление настолько связано с текстом, что о нем трудно дать точные систематические сведения. П. Кукконен и А. Паюнен считают, что сложность дать четкое определение понятию «управление» «возможно, зависит от слишком широкого употребления термина “управление”» (Kukkonen P., Rajunen A., 1986, 23).

По мнению О. Икола, человеческая интуиция сама подсказывает правильную форму падежа. «Истинный финн не обратит внимания на это обстоятельство (=управление), т. к. “ухо подскажет”, какую форму, в каких случаях необходимо использовать» (Ikola O., 1971, 206).

В «Синтаксисе современного финского языка», изданном в 1979 году, А. Хакулинен и Ф. Карлссон упоминают об управлении в связи с валентностью слова и ограничивают понятие «управление» грамматикализованным выбором падежа (Hakulinen A., Karlsson F., 1979, 176, 236—239).

Ф. Карлссон, основываясь на классификации Ч. Хоккетта (Hockett Ch., 1958, 214—218), относит управление к одному из четырех типов согласования (Karlsson F., 1977, 360):

— собственно согласование <varsinainen kongruenssi> (например, согласование в числе, падеже);

— согласование — управление <rektiokongruenssi> (согласование в роде);

— управление <rektio> (выбор определенной падежной формы);

— повторная номинация <toistoreferenssi> (например, притяжательное согласование имен и согласование в лице и числе у глаголов).

П. Кукконен и А. Паюнен рассматривают управление в связи с аграмматизмом и афазией. Исследователи финского языка трактуют управление как влияние главного слова на выбор падежной формы подчиненного слова и указывают на то обстоятельство, что по определению управление близко согласованию. Однако когда речь идет об управлении, «не ставится вопрос о копировании формы» (Kukkonen P., Rajunen A., 1986, 23) и «решающее значение приобретает лексическое значение главного слова» (Karlsson F., 1977, 361). В целом управлением обозначают связь глагола и объекта или глагола и подчиненного обстоятельства.

Ученые, анализируя управление, делают вывод о том, что выбор падежа в финском языке может быть обусловлен семантически (в основном у глаголов, обозначающих конкретное действие или событие) и

синтаксически (чаще всего у глаголов с абстрактным значением) (Kukkonen P., Rajunen A., 1986, 30).

Понятию «согласование» иногда пытаются дать более широкое содержание, тем самым сужая границы понятия «управление». Например, Э. Алман указывает на возможность рассматривать чередование форм объекта как связь согласования в случаях *teen sen, tee se, en tee sitä* (Ahlman E., 1943, 271). Таким образом, объект в отрицательных предложениях согласовывался бы с отрицательным глаголом через форму партитива, объект в аккумулятиве — со сказуемым во 2 лице императива через отсутствие окончания и со сказуемым в индикативе через наличие окончания. Трудно согласиться с данным утверждением, поскольку в традиционной грамматике речь идет о согласовании, когда зависимое слово уподобляется главному в одноименных грамматических категориях. В данных же примерах главное слово требует постановки зависимого не в идентичную, а в определенную форму, что как раз указывает на связь управления.

В Карелии в 1996 году был опубликован «Русско-финский словарь глагольного управления» М. Э. Куусинена и В. С. Сухановой (Куусинен М. Э., Суханова В. С., 1996). Он содержит более 7 тыс. русских глаголов, где указана их синтаксическая и лексическая сочетаемость с именами. Словарь предлагает довольно большой объем глагольных слово-сочетаний. Авторами осуществлен грамотный перевод глаголов и различных конструкций на финский язык. В словаре показана сочетаемость глаголов с именами существительными, инфинитивами и некоторыми союзными конструкциями. Словарь наглядно иллюстрирует специфику глагольного управления именами в русском и финском языках, общности и различия между языками, которые помогут определению языковых универсалий.

Подводя итог истории исследования управления глаголов в финском языке, стоит отметить, что данная проблема рассматривалась в научной литературе в основном с точки зрения освещения различных функций падежных форм или на примерах наиболее типичных ошибок в выборе падежа при определенном глаголе. Необходимо обратить внимание на отсутствие системности, многоаспектности, различных подходов при изучении данного вопроса. Однако хотя в области изучения глагольного управления еще немало «белых пятен», все же намечены пути разработки данной проблемы.

В близкородственном карельскому вепсскому языке внимания заслуживает монография М. И. Зайцевой «Синтаксис вепсского языка», опубликованная в 2001 году. В работе немалое место уделено словосо-

четанию, анализ которого основывается на лексико-грамматическом принципе. Автор отмечает, что в вепском языке система подчинительных отношений весьма сложна и разнообразна (Zaitseva M., 2001, 13). В работе подробно рассматриваются типы словосочетаний и синтаксические отношения внутри них. В глагольно-именных словосочетаниях отношения могут быть обстоятельственными, объектными и восполняющими. Автор определяет семантические группы глаголов, с которыми используется та или иная падежная форма. В частности, указывает на некоторые особенности сочетаемости глагола и зависимого имени. Например, в «комбинации глагола движения или глагола состояния с именем в форме инессива — элатива, обозначающем одежду или обувь, подчиненный компонент в вепском языке всегда находится в форме мн. ч.» (Zaitseva M., 2001, 29). Интересен тот факт, что иногда в вепском языке глагол движения используется с партитивом. Что касается порядка слов, то зависимый компонент в комбинации глагола и имени находится в основном после главного слова.

Из других финно-угорских языков более широко освещена проблема управления в марийском языкознании. Л. А. Петухова, исследуя глагольно-именные словосочетания в марийском языке на основе семантико-синтаксического принципа, большое внимание уделяет лексико-грамматической природе глагола как ведущего компонента исследуемого типа словосочетаний. Автор рассматривает сочетаемость различных семантических групп глаголов с зависимыми именами в определенных падежах, анализирует типы связи сочетающихся компонентов. В работе Л. А. Петуховой разграничиваются понятия сильного и слабого управления, выделяются падежное и послеложное виды управления в марийском языке (Петухова Л. А., 1980, 20, 31—34).

Изучением послеложного управления в рассматриваемом языке занимался В. Н. Максимов (Максимов В. Н., 1999). Автор определяет виды управления по лексико-грамматической принадлежности господствующего слова, а также по способу выражения подчиненного элемента.

Л. Я. Григорьева исследует глагольное управление на материале восточного наречия марийского языка в рамках системно-функционального подхода. В работе проводится анализ структурно-семантических классов словосочетаний; основное внимание уделено управляемым компонентам, поскольку чаще всего именно они определяют характер отношений внутри конструкций (Григорьева Л. Я., 2003, 11).

В эстонском и венгерском языках можно отметить работы по синтаксису Х. К. Рятсепа и К. Е. Майтинской, в которых рассматриваются некоторые вопросы управления (Рятсеп Х. К., 1974; Майтинская К. Е., 1960).

Список литературы

- Беляков А. А. Употребление форм партитива в карельских диалектах // Известия Карел. и Кольского филиалов АН СССР. 1958. № 5.
- Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937.
- Григорьева Л. Я. Глагольное управление в восточном наречии марийского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2003.
- Елисеев Ю. С. Основные типы синтаксических словосочетаний в современном финском языке. М., 1959.
- Зайков П. М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999.
- Конт К. Объект в прибалтийско-финских языках (падежные формы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллинн, 1959.
- Куусинен М. Э., Суханова В. С. Русско-финский словарь глагольного управления. Петрозаводск, 1996.
- Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. III. Синтаксис. М., 1960.
- Макаров Г. Н. О грамматических признаках сложного слова в карельском языке // Советское финно-угроведение. 1965. № 2.
- Максимов В. Н. Послеложное управление в марийском языке. Йошкар-Ола, 1999.
- Морозова А. Г. Управление глаголов в финском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1952.
- Петухова Л. А. Глагольно-именные словосочетания в марийском языке. Йошкар-Ола, 1980.
- Рягоев А. Е., Сергеев М. Е. Карельскойн киелен грамматика. II части. Синтаксис. Петрозаводск, 1939.
- Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка (собственно-карельское наречие). Л., 1977.
- Рятсен Х. К. Структура простого предложения в эстонском языке. Ориентированные на глагол модели предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974.
- Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск, 1990.
- Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2. Лексикология и синтаксис. М., 1955.
- Ahlman E. Kiehellisten ilmausten sisäisestä syntaktisestä rakenteesta // Virittäjä. 1943. S. 264—276.
- Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, 1880.

- Grünthal W.* Itämerensuomalaisten kielten yksikön nominatiivi objektin edustajana aktiivin yhteydessä. Lauseopillinen tutkimuskoe. Helsinki, 1941.
- Hakulinen A., Karlsson F.* Nykysuomen lauseoppia. Jyväskylä, 1979.
- Hakulinen L.* Eräitä paikallissijojen käyttötapoja // *Virittäjä*. 1931.
- Hockett Ch.* A course in modern linguistics. New York, 1958.
- Ikola O.* Nykysuomen käsikirja. Helsinki, 1971.
- Karlsson F.* Syntaktisten kongruenssijärjestelmien luonteesta ja funktioista // *Virittäjä*. 1977. S. 359—391.
- Kukkonen P., Pajunen A.* Rektio ja agrammatismi // *Virittäjä*. 1986. S. 22—45.
- Laaksonen K.* Rektioseikkoja // *Virittäjä*. 1978. S. 398—399.
- Larjavaara M.* Karjalan kielen partitiiviobjekti // *Virittäjä*. 1990. S. 419—437.
- Markianova L.* Livvin murdehen morfologii. Nominat da abusanat. Petroskoi, 1993.
- Ojajärvi A.* Sijojen merkitystehtävistä Itä-Karjalan Maaselän murteissa. Nominatiivi, genetiivi, akkusatiivi ja partitiivi vertaileva funktio-opillinen tutkimus/SUST. Helsinki, 1950.
- Palmeos P.* Karjala Valdai murrak. Tallinn, 1962.
- Palmeos P.* Inessiiv karjala Djorza murrakus // *Fenno-ugristica*. 1980. № 6.
- Räsänen S.* Huomioita kevään 1971 ylioppilasaineiden kielestä // *Virittäjä*. 1971. S. 435—439.
- Saarimaa E. A.* Rektioseikkojen tarkastelua // *Virittäjä*. 1957. S. 450—452.
- Setälä E. N.* Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1880.
- Tunkelo E. A.* Eräistä tulo- ja erosijojen merkitystehtävistä // *Virittäjä*. 1931. S. 205—230.
- Tuurala U.* Suomen kielen kielioppi. II osa. Syntaksi. Petroskoi, 1946.
- Zaikov P.* Karjalan kielen kielioppie (I, Iänne- ta muoto-oppie). Petroskoi, 1992.
- Zaitseva M.* Vepsän kielen lauseoppia / SUS. Helsinki, 2001.

«ИНОРОДЧЕСКАЯ» ШКОЛА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)*

Российское законодательство никогда не предусматривало каких-либо ограничений в начальном образовании так называемых «инородцев» — неславянского населения страны (Малиновский Н. П., 1916, 119). Самый ранний проект создания «инородческих» школ относится к 1723 году: некто В. Симанов представил в Синод проект, состоящий из 13 пунктов и предполагающий распространение русского языка, подготовку к крещению язычников и укрепление в вере ранее окрещенных (Об обращении в православную веру, 1868, 145—146). В дальнейшем этот проект не использовался. Формирование системы церковно-приходских школ в России изначально связывалось с решением ряда проблем, в число которых, особенно на первом этапе — до 1870 года, не входила русификация.

Задача школ состояла лишь в общеобразовательной и церковно-просветительской деятельности: «...школы сии имеют целию утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» (Правила о церковно-приходских школах, 1898, 12). Начальные учебные заведения существовали под надзором местного духовенства, получая средства от приходских попечительств, церковных братств, «земских или других общественных или частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно из казны» (Правила о церковно-приходских школах, 1898, 13). Однако вскоре (в 1870-е годы) школы были оценены как могущественное средство распространения русского языка.

На общероссийском уровне эту идею наиболее отчетливо сформулировал казанский ученый-востоковед Н. И. Ильминский и горячо поддержал тогдашний министр народного просвещения граф Д. А. Толстой (Малиновский Н. П., 1916, 137—138). Позиция министра народного просвещения по вопросу об «инородческой» школе видна из ряда его высказываний: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение» (цит. по: Куманев В. А., 1973, 59). По его мнению, «объединение всех

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

народностей России» могло быть достигнуто «не путем приспособления к запросам отдельных народностей, а через прохождение их через правительственную однообразную для всех местностей России школу с государственным языком преподавания» (Малиновский Н. П., 1916, 127). Неудивительно, что взаимопонимание между этими двумя деятелями народного просвещения установилось быстро. Они предлагали сделать сначала «орудием первоначального обучения для каждого племени <...> родное наречие его». Учителями школ для «инородцев» должны были становиться выходцы из местных народов или русские, владеющие инородческим наречием. На втором этапе предполагался переход на русский язык: «...как только усвоят себе довольно значительный запас русских слов и выражений, начинают обучаться русской грамоте». На третьем этапе предусматривались переход на русский язык и совместное обучение «инородческих» и русских детей (Узаконение мнений Н. И. Ильминского..., 1913, 20—21).

Все эти правила, очевидно, следовало применять и в Олонецкой губернии. Здесь церковно-приходские школы начали формироваться раньше, чем в других местах России. В 1836 году Синод составил «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольнических детей», предназначенные первоначально для одной Олонецкой губернии (Рождественский С. В., 1902, 283). Затем, с соизволения императора, эти правила были распространены и на другие части империи. При этом «обязанность первоначального обучения поселянских детей возлагалась на приходское духовенство» (Рождественский С. В., 1902, 284).

Поэтому и в Олонецкой губернии школы на первых порах оказались в подчинении духовного ведомства. Здесь сразу же обнаружилось языковые проблемы. Как говорилось в рапорте епископа олонецкого и петрозаводского Игнатия, адресованном Синоду, среди карел Олонецкой епархии «из женского пола по крайней мере две трети не умеют говорить иначе, как по-карельски. <...> Дети обоего пола говорят языком матерей»¹. Это положение не было спецификой лишь Олонецкой губернии. В Яренском уезде Вологодской губернии местные власти в начале XX века констатировали то же самое: «...часть мужского населения (зырян. — М. П.) понимает русскую речь <...> женщины же понимают ее слабо и по-русски вовсе не говорят» (Освящение здания..., 1903, 50). Исходя из этого грустного для местных духовных властей обстоятель-

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 37.

ства, церковно-приходские школы должны были сыграть не последнюю роль в жизни Архангельской, Вологодской и Олонецкой епархий.

Между тем положение оставалось безрадостным. Повсеместно церковно-приходские школы столкнулись с заметными трудностями: отсутствием помещений и учебников. По данным отчета о состоянии Олонецкой епархии за 1861 год, существенной проблемой оставался также языковой барьер: «...бедность и необразованность самих родителей и совершенное незнание русского языка служат также немалым препятствием к обучению детей»². В Кемском уезде Архангельской губернии (Беломорской Карелии) проблема адаптации местного населения к русскому языку даже к началу XX века оставалась столь же острой. По данным исследовательницы школьного образования О. П. Илюхи, даже после завершения учебного курса «в отдельных школах из-за слабого владения русской речью половина и более учеников не допускались к выпускным экзаменам» (Илюха О. П., 2000, 77).

В августе 1877 года Петрозаводск посетил упоминавшийся выше министр народного просвещения граф Д. А. Толстой. Он был известен своими взглядами на «инородческую» школу как орудие распространения русского языка. В данном случае он оставался верен себе. Заботясь об образовании «невежественного корельского племени», населяющего, как ему стало известно, «некоторые уезды Олонецкой губернии», он приказал «принять надлежащие меры к учреждению начальных сельских училищ в местностях с карельским населением по образцу существующих ныне <...> одноклассных сельских училищ министерства народного просвещения». Приступая к исполнению предписаний начальства, местный директор народных училищ указывал в своем отношении олонецкому губернатору: «...корельское племя по преимуществу населяет уезды Петрозаводский, Олонецкий и Повенецкий»; «...в этих уездах состоят ныне не более 32 элементарных школ для корельского населения». Между тем «число детей школьного возраста простирается в настоящее время до 4796 душ». Исходя из создавшегося положения, директор признал необходимым «устроить, по крайней мере, 16 школ в местностях с корельским населением».

Директор, по заверениям министра, мог рассчитывать на существенную финансовую поддержку «со стороны казны». Обещанные суммы покрывали только часть предполагаемых расходов. Поэтому директор обратился в уездные земские управы «с ходатайством об изыскании средств со стороны земств к открытию и содержанию вновь проектиру-

² Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 66/1445. Л. 38.

емых 16 начальных школ в местностях с корельским населением»³. Земские управы категорически отказались поддержать предложение министра и директора. Так, Петрозаводская управа «не признала возможным открыть в будущем году названных училищ», но распорядилась «просить ходатайства о преобразовании в образцовое земского училища Мунозерского». Олонецкое земское собрание «при всем сочувствии к делу народного образования» все же распорядилось отклонить просьбу директора, «так как главные земские плательщики и без того обременены налогами»⁴.

Позиция родителей потенциальных учеников являлась еще одним фактором, препятствующим развитию образования. По данным из донесения олонецкого земского исправника в адрес губернатора, в карельских деревнях «грамота в самом малом употреблении, и родители детей своих обучают для того только, чтобы они приносили со временем какую-либо пользу для поддержания быту их, что весьма редко удается, а затем они к предмету сему весьма равнодушны». Выслушав советы «разумнейших людей», карелы, утверждал исправник, «дают такие ответы, которые доказывают невыгодное мнение их о грамоте». Характерные высказывания приводились в этом же документе: «...пусть-ка дети придерживаются определенной им середины природою и будут скромнее и не испортят своей нравственности, а с грамотою пойдут бурлачить (т. е. работать по найму. — *М. П.*) и приобьихнут всему дурному»⁵.

Отчасти такое отношение к образованию сложилось под влиянием низкого уровня преподавания, характерного для местных домашних учителей: «...здесь обученный домашними учителями юноша оканчивает курс свой тем, что едва умеет читать и писать правильно, не понимая значения слов». Русский язык «остаётся ему столько же неизвестным и при выпуске из класса, как был при вступлении в оный»⁶. Тупая зубрежка русских текстов провозглашалась своего рода нормой, важным этапом при изучении русского языка. Так, в 1916 году совещание «по вопросу о наилучшей постановке преподавания Закона Божия» рекомендовало использовать в карельских школах «механическое изучение первоначальных молитв», при одновременном объяснении непонятных учащимся слов на «местном языке» (Совещание по вопросу..., 1916, 3). После того как в Карелии начала разви-

³ Там же. Ф. 1. Оп. 11. Д. 33/35. Л. 1—1, об.

⁴ Там же. Л. 10, 11—11, об.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 8/4. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 79, об.

ваться сеть училищ с профессиональными педагогами, ученики-карелы постепенно начали приобщаться к школьному образованию и, соответственно, овладевать русским языком.

В Архангельской губернии сходные проблемы испытывали преподаватели «зырянских» школ. Здесь даже возник вопрос о внедрении четырехлетнего курса обучения. Обосновывая это предложение, Мезенско-Печерское отделение сообщало Училищному совету, что «в помянутые школы поступают дети, большую часть не понимая русский язык». Поэтому учитель «на первых порах своих занятий должен преподавать начатки того языка, на котором будет ведено общее обучение». Отсутствие знания русского языка заведомо обрекает «инородцев» на отсталость. Как говорилось далее в цитируемом документе, мало надежды на то, чтобы ученики, плохо знакомые с разговорным и литературным русским языком, «по выходе своем из школы, могли заинтересоваться книгой и сохранили желание вести самостоятельно свое пошкольное образование» (От Мезенско-Печерского отделения, 1904, 194).

В другой части Архангельской губернии, на Кольском полуострове, задачей «инородческой» школы стало обучение саамов. Здесь она опиралась на энтузиазм отдельных представителей духовного сословия, а не на правительственные мероприятия. Начиная с 1886 года священник Пазрецкого прихода К. Щеколдин «решился по звуковому способу выучить лопарских детей самым употребительным молитвам, чтобы они их правильно читали и пели; он при каждом удобном случае собирал детей в одно место, произносил слова молитвы — дети повторяли вслед» (Харузин Н., 1890, 70). Скоро у К. Щеколдина нашлись последователи во «внутренних погостах русской Лапландии». С сентября 1889 года началось обучение грамоте в только что освященной церковно-приходской лопарской школе в Нотозерском приходе Кольского уезда. Непродолжительное время спустя открылась третья школа — у лопарей Кильдинского погоста (Харузин Н., 1890, 72).

К началу XX века начинания в области образования стали более планомерными и в гораздо большей степени ориентировались на потребности «инородцев». Так, в Олонецкой губернии проявилось пристальное внимание к проблеме использования карельского языка в образовании. Докладная записка олонецкого губернатора Протасьева на имя П. А. Столыпина указывала, что для успешного противостояния панфинской пропаганде необходим ряд мер в образовательной сфере. Прежде всего, нужна модернизация существующей системы школ — создание «целого ряда ночных приютов и общежитий», преобразование имеющихся одноклассных школ в «министерские училища с повышен-

ным — в шесть отделений — курсом». Поскольку, говорилось далее в записке, «население глухих корельских местностей почти не говорит по-русски, учителю начальной школы в такой местности совершенно необходимо знать корельский язык, как для первоначальных занятий с детьми в школе, так, особенно, при устройстве бесед и чтений со взрослыми». Для достижения этой цели предполагалось учредить 10 стипендий для «кореляков» при учительской семинарии в Петрозаводске.

В этом же документе говорилось о необходимости ввести в духовной семинарии и женском епархиальном училище «изучение корельского языка для всех учеников и учениц, имевших в виду посвятить себя деятельности в Карелии»⁷. Но в то же время руководство органов образования категорически запрещало принимать меры, способствующие развитию карельского языка или просто повышающие его престиж. Инспектор народных училищ в мае 1907 года наставлял своих подчиненных: «Учитель корельской школы должен быть до некоторой степени знаком с корельским языком, чтобы понимать местное население и не особенно затрудняться для выяснения русских понятий детям». Этим следовало ограничиться: «...ни в коем случае не должно быть допуская преподавание на корельском языке»⁸. В то же время учителя, вовсе не знающие карельского языка, подвергались суровой критике. Так, один из участников съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий счел необходимым опубликовать свои замечания в адрес молодой сельской учительницы из Вокнаволока, которая, как он обнаружил при посещении школы, «плохо знает местный карельский язык и совсем как будто незнакома с новыми методами обучения в иностранных школах» (Панфинская пропаганда в Русской Карелии, 1907, 45). Через приобщение детей к русскому языку планировалось оказать влияние и на родителей.

Вскоре успехи школьного образования в некоторых местностях стали очевидными. С одной стороны, как отмечал олонекский губернатор Протасьев, работа Повенецкого уездного земства в образовательной сфере была «прямо поразительна»: «...с осени 1907 г., когда правительством было ассигновано пособие уезду на введение всеобщего образования, оно стало свершившимся фактом». В результате в этот же период, отчасти выдавая желаемое за действительное, утверждал олонекский губернатор, «почти все корельское население до 25-летнего возраста прошло народную школу и совершенно свободно говорит по-русски».

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 3, об.

⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/1. Л. 141.

Лишь среди женщин и стариков «встречаются иногда лица плохо или совсем не говорящие по-русски, особенно в глухих деревнях»⁹. С другой стороны, по данным этого же источника, сами карелы предпочитали обучение на русском языке. Губернатор лично посетил с. Реболы и беседовал с местным населением. «На вопрос, предложенный корелям, они ответили, что им очень приятно дополнительное богослужение на карельском языке (чтение Евангелия, Отче наш и проповедь), так как они лучше понимают по-карельски, но на вопрос — на каком языке они желают учиться в школе? — карелы в один голос (человек 200) ответили: “Мы сами русские и желаем учиться по-русски”»¹⁰.

И тем не менее обучение русскому языку сопровождалось серьезными трудностями. Родители боялись утратить контроль над своими детьми в том случае, если последние, в отличие от них самих, получают систематическое школьное образование. Но не в меньшей степени они опасались того, что дети не смогут занять достойное положение в обществе. Они понимали: добиться определенного статуса в российском обществе можно было только овладев русским языком. Здесь совпали интересы старшего и подрастающего поколений. Среди представителей финских народов Европейского Севера «говорить по-русски даже в родной культурной среде уже в конце XIX в. должно было означать принадлежность к “высшему” обществу примерно так же, как у русских дворян конца XVIII—XIX в. говорить по-французски значило демонстрировать свою культурную общность с “Европой»» (Калинин И. К., 2000, 77).

Представление о престижности русского языка, русских форм времяпрепровождения проявилось в карельской деревне весьма отчетливо и на бытовом уровне, влияя и на образование. К началу XX века среди карельской молодежи получили распространение те же увеселения, что и у русских: «...те же “беседы” всю зиму с русскими песнями, частушками и плясками — “кадрель”, “водят утушку”». При этом, не освоив еще в совершенстве русский язык, карельская молодежь стремилась выучить русские плясовые, хороводные и «утушные» песни (В-гов А., 1913, 256).

Получая столь отрадную информацию с мест, олонекский губернатор совершенно не собирался почивать на лаврах. Собранное им совещание из представителей духовно-учебного ведомства, дирекции народных училищ и председателей земских управ «пришло к заключению о необ-

⁹ Там же. Л. 8—8, об.

¹⁰ Там же. Л. 8.

ходимости еще целого ряда просветительных мер в Олонецкой Карелии». Предполагалось учредить 10 стипендий для «кореляков при учительской семинарии в городе Петрозаводске, с специальной подготовкой их для деятельности в корельских школах в православно-русском направлении». Эта мера признавалась весьма актуальной, поскольку «население глухих карельских местностей почти не говорит по-русски. Учителю в такой местности совершенно необходимо знать карельский язык, как для первоначальных занятий с детьми в школе, так, особенно, при устройстве бесед со взрослыми»¹¹.

В Беломорской Карелии, относившейся в то время к Архангельской губернии, планировалось использовать для преподавания в школах финский язык. Таким способом пытались повысить престиж школ, сделать их более привлекательными для карелов. На это прямо указывают материалы Ухтинского съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий, состоявшегося в 1906 году. Делегаты съезда, идя навстречу пожеланиям карелов, высказывались за обучение детей финскому языку «для более сознательного усвоения народом православного богослужения и веры», «для ослабления в карельских приходах пропаганды панфинства и протестантства». Планировалось «ныне же ввести в церковных школах карельского края обучение финскому языку», а также «возбудить ходатайство» о создании «передвижных школ» для отдаленных деревень (Панфинская пропаганда в Русской Карелии, 1907, 6).

Одновременно в начале XX века активизировалась работа по подготовке кадров для «инородческих» школ. Так, отмена преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии была признана ошибочной: планировалось вновь ввести в духовной семинарии, в женском епархиальном училище и учительской семинарии в г. Петрозаводске, из которой выходят учителя и учительницы народных школ, «изучение карельского языка для всех учеников и учениц, имеющих в виду посвятить себя деятельности в Карелии»¹². Наконец, «так как наречие карел Олонецкого уезда (в западной части губернии) настолько отличимо от карельского наречия северной части Повенецкого уезда, а также Кемского уезда Архангельской губернии, что те и другие карелы совершенно не понимают друг друга, то для обслуживания карельских школ Повенецкого и Кемского уездов совершенно необходимо было бы открыть

¹¹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/1. Л. 3, об.

¹² Там же. Л. 4.

учительскую семинарию в центре Северной Карелии в селе Ругозере или Паданах Повенецкого уезда»¹³.

Аналогичные проекты выдвигались и в отношении «зырянских» школ. Профессор К. Жаков предлагал активнее использовать родные языки в «инородческой» школе. Он писал: «...для инородцев необходимо преподавание в младших классах на их языке, а в старших — на русском. Тогда отношение к литературе русской было бы осмысленным, и ученик, пребывая в школе, не терял бы навсегда своей почвы». Существующий порядок вещей он подвергал суровой критике: «...в наши дни и в прошлые, когда преподавание начиналось сразу с русского языка, выходило то, что ученик, окончивший сельскую школу, не знал ни русского, ни зырянского языка». Но существующая система образования имела и более далеко идущие последствия: выпускник в итоге «не имел ни уважения к своей родине и быту крестьян, ни развития умственного» (Жаков К., 1915, 69).

В целом можно отметить, что именно школы, в том числе и церковно-приходские, стали одним из наиболее значимых центров массового обучения «инородческого» населения империи русскому языку. Появление школ стимулировало издательскую деятельность. Так, всего до 1914 года в Петрозаводске, Санкт-Петербурге и Выборге было опубликовано «более 25 изданий религиозной тематики (на карельском языке. — М. П.) с использованием модифицированного русского шрифта» (Анттикоски Э., 2000, 35). Аналогичные цели ставили перед собой преподаватели церковно-приходских школ многих других российских епархий со значительным процентом «инородческого» населения, в том числе, например, Казанской (Мироносицкий И., 1903, 12).

Использование карельского языка в учебном процессе в значительной степени опиралось на энтузиазм преподавателей школ. На этот факт неоднократно обращала внимание епархиальная пресса. «Учащие инородческих школ, — утверждали авторы заметки в 1904 г. в “Архангельских епархиальных ведомостях”, — глубоко чувствуют необходимость усвоения учениками русской речи, необходимость как для ближайших целей обучения, так и для целей образовательных» (От Мезенско-Печерского отделения, 1904, 195). В некоторых случаях учителя не ограничивались только воспитанием детей, но старались удовлетворять культурные запросы выпускников сельских школ. Так, учителя из Видлицкой волости пришли к выводу о том, что «существующие при школах библиотеки удовлетворяют лишь читателей школьного возраста, по

¹³ Там же.

выходе же из школ им читать нечего, и потому все пройденное в школе в скором времени забывается». Между тем население по другую сторону границы имеет возможность читать «взрослую» литературу. Как говорилось в рапорте губернатору от Олонецкого уездного исправника, «в соседних финских школах и вообще в Финляндии можно пользоваться и доставать чтение, вполне удовлетворяющее и взрослых читателей, что известно также и здешнему населению»¹⁴.

Для того чтобы успешнее противостоять распространению финской культуры, учителя решили создать «Образовательное общество». Фактически целями общества стала, во-первых, попытка не позволить населению «пользоваться литературой финского происхождения» и, во-вторых, приучить «местное карельское население к осмысленному пониманию русской речи». Конечно, выполнение поставленной задачи требовало серьезных познаний в карельском языке. Учителя — создатели общества — обладали необходимой для этой цели квалификацией: еще до создания общества они нередко собирали учащихся и местное население в училище и совместно пели на карельском языке песнопения и другие молитвы¹⁵.

В целом, опираясь на значительный опыт преподавательской деятельности, учителя довольно оптимистично оценивали перспективы распространения русского языка в карельской среде. Так, юшкозерский священник писал в 1912 году: «Как и все карелы, прихожане — народ сметливый, но малоразвитый, и в то же время обладающий изумительной способностью к изучению языков». В течение года пребывания в Финляндии почти каждый карел «вполне усваивает» финский и отчасти шведский языки, а побывав в Америке, «карел скоро привыкает говорить по-английски». Он же отмечал, что учащиеся на второй год обучения, разговаривая дома только на родном языке, «удовлетворительно для инородцев начинают объясняться по-русски, хотя и с неизбежными неправильностями. Можно надеяться, что уже скоро и русский язык в нашей Карелии получит право гражданства, совершится важный шаг по пути обрусения, особенно же ускорит этот процесс ожидаемая дорога, и тогда финские сепаратисты уже не найдут почвы мечтать о слиянии с карелами» (Юшкан-ярвен паппи А. П., 1912, 133).

Усилия учителей в соседней Вологодской епархии также оказались ненеправильными. Итогом их деятельности стала как подготовка интеллигенции из числа коренных народов, так и создание литературы. По мнению исследователя истории коми П. Домокоша, благодаря школам, ко-

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107/89. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 24.

ми стали «богаче и подвижнее русских, цивилизованнее, просвещенней южных соседей-братьев удмуртов; во второй половине XIX в. они уже располагали значительной литературой, а 1917 г. встретили с более многочисленной и подготовленной интеллигенцией, чем иные» (цит. по: Калинин И. К., 2000, 59).

Таким образом, к концу XIX века на Европейском Севере России возникла система учреждений народного образования, целенаправленно и систематически работающая во имя приобщения «инородцев» к русскому языку. Деятельность школ с самого начала приобрела парадоксальный характер. По ироническому замечанию современника, «отличие инородческой школы от неинородческой заключается лишь в том, что в одной из них (великорусской) узаконено преподавание на родном языке, а в другой — воспрещено» (Зеленко В., 1916, 8).

Парадокс заключался и в другом. Школы предназначались для постепенного вытеснения «инородческих» языков из повседневного обихода местного населения. В Карелии эта задача еще более усложнялась: здесь предполагалось поставить заслон распространению финского языка и лютеранской пропаганды. Но в реальности еще в советское время бытовало мнение о том, что русские школы «способствовали распространению и финской грамотности», поскольку человек, знающий русскую грамоту, приобретал тягу к образованию и впоследствии «самостоятельно изучал финский язык» (Богданов Г. Х., 1929, 76). Кроме того, именно в процессе формирования системы учебных заведений возникла та часть местной интеллигенции, благополучное существование которой напрямую было связано с сохранением родных языков.

Список литературы

Анттикоски Э. Проблема карельского языка в деятельности карельского национального движения в Финляндии (1905—1945 гг.) // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 165—171.

Богданов Г. Х. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии. По материалам Северо-Западной Этнологической экспедиции Академии наук // Карельский сборник. Л., 1929. С. 67—81.

В-гов А. О Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 6. С. 253—256.

Жаков К. Пути возрождения русского Севера вообще и в частности зырянского края // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 3. С. 67—69.

Зеленко В. Что такое инородческая школа? // Инородческая школа: Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 3—16.

Илюха О. П. Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 64—87.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.

Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973.

Малиновский Н. П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа: Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 45—87.

Мироносицкий И. Об улучшенной постановке миссионерского дела. Казань, 1903.

Об обращении в православную веру вотяков, мордвы и других инородцев // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 1. СПб., 1868. С. 145—146. Приложение № XVI.

Освящение здания двухклассной церковно-приходской школы в селе Онежье Яренского уезда // Вологодские епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 48—51.

От Мезенско-Печерского отделения. Распределение учебного материала по предметам одноклассной церковно-приходской школы в зырянских школах // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 4. С. 190—194.

Панфинская пропаганда в Русской Карелии. СПб., 1907.

Правила о церковно-приходских школах. Высочайше утверждены в 13 день июня 1884 г. // Сборник правил о школах церковно-приходских и грамоты. С относящимися к ним определениями и указами св. Синода, Училищного при оном Совета и Новгородского епархиального начальства. СПб., 1898. С. 3—23.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения (1802—1902 гг.). Т. 1. СПб., 1902.

Совещание по вопросу о наилучшей постановке преподавания Закона Божия в русских начальных училищах Министерства Народного Просвещения в Финляндии // Карельские известия. 1916. № 13. С. 3—5.

Узаконение мнений Н. И. Ильминского в высочайше утвержденных 26 марта 1870 г. правилах о мерах к образованию инородцев и в действующих ныне правилах 1 ноября 1907 г. об инородческих начальных

училищах // Ильминский Н. И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. 20—28.

Харузин Н. Русские лопари (Очерк прошлого и современного быта). М., 1890.

Юшкан-ярвен паппи А. П. Юшкозерский приход Кемского уезда (К вопросу о современном состоянии карельских приходов) // АЕВ. 1912. № 5. С. 132—133.

© *А. П. Родионова*

ПОСЛЕЛОЖНЫЕ ПАДЕЖИ В НОВОПИСЬМЕННОМ КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИВВИКОВСКОЕ НАРЕЧИЕ)

На многих научных конференциях и симпозиумах, международных конгрессах в последнее время обсуждаются проблемы развития новописьменных языков. Постоянно подчеркивается идея о нормировании данных языков, о пополнении их лексического состава, образовании новейшей терминологии. Одним словом, новописьменные языки должны начать полностью отражать окружающий мир своими собственными средствами, и прежде всего собственной лексикой. На наш взгляд, не менее важна проблема и нормирования в области грамматики, поскольку от этого во многом зависит орфография языка. Одной из наиболее проблемных для карельского языка является, прежде всего, проблема так называемых послеложных падежей, от теоретического решения которой зависят многие правила орфографии молодого письменного языка.

Карельский язык входит в прибалтийско-финскую ветвь финно-угорской языковой семьи. По своей типологической характеристике карельский язык является агглютинативным языком, в котором после корневой морфемы следует цепочка словоизменительных аффиксов: *talo-loi-s* ‘в домах’, где *talo-* — основа существительного, *-loi-* — суффикс множественного числа, *-s* — показатель инессива; *čometbil* ‘на более красивых’, где *čome-* — основа прилагательного, *-mb-* — показатель компаратива, *-i-* — показатель множественного числа, *-l* — окончание адессива. Как следует из примеров, падежная морфема занимает в слове конечную позицию и именно после нее следуют послелогии, если они употребляются с той или иной падежной формой. В результате развития карельского языка многие слова и формы слов в определенной позиции преобразовали конечную гласную *a* на *u* (например: *akku* ‘старая

женщина; жена', ср. фин. akka; selgü 'спина', ср. фин. selkä и т. д.). Как свидетельствуют исследования по исторической фонетике прибалтийско-финских языков, названное явление проходило через ряд ступеней, одна из которых могла привести и к отпадению звуков через их редукцию (mečäs 'в лесу', ср. фин. metsässä; lat't'iel 'на полу', ср. фин. lattialla и т. д.). Таким образом, возникли предпосылки для слияния отдельных падежных форм, в результате чего изменился падежный состав ливвиковского наречия карельского языка. Прежде всего, мы имеем в виду формы падежей инессива и элатива, адессива и аблатива. Утратив конечные гласные -a, -ä, а также и один из конечных согласных звуков, названные падежи старого образования совпали в языке по форме: инессив совпал с элативом, а адессив — с аблативом. Однако язык стремился преодолеть это препятствие в выражении значений, приспособив для этого послеложные конструкции, отдельные из которых стали превращаться в падежные формы. И, таким образом, мы наблюдаем на данный момент образование падежей позднего развития — послеложных падежей.

Послелогои в агглютинативных языках можно считать идеальным строительным материалом для словоизменительных формантов: они являются служебными словами с несколько размытым значением и употребляются постпозиционно. Еще Д. В. Бубрих в свое время, говоря о падежах позднейшего образования в финно-угорских языках, указывал на сращение послелога с именем (Бубрих Д. В., 1948, 69). По его мнению, уже внутреннеместные падежи возникли из послеложных конструкций (Бубрих Д. В., 1955, 27). Известный финноугровед Б. А. Серебренников также обращал внимание на поразительную способность агглютинативных языков к образованию новых падежных формантов из послелогов (Серебренников Б. А., 1964, 10). Л. Хакулинен в исследованиях по финскому языку выявлял закономерность расширения падежных систем финно-угорских языков (Хакулинен Л., 1953, 84).

В последние годы в прибалтийско-финской науке обращали пристальное внимание на проблему послеложных падежей (см.: Дубровина З. М., 1956; Зайцева Н. Г., 1981; Oinas F., 1961; Tikka T. 1992; Grünthal R., 2003 и др.); выявлены многие критерии, которые свидетельствуют о слиянии послелога с формой имени и о превращении его в часть падежного форманта. К ним относятся:

1) фонетические: полная утрата ударения (падежные окончания, в отличие от послелогов, никакого ударения не имеют); полная утрата паузы (между основой слова и падежным окончанием паузы нет); ассимиляция (конечный гласный главного слова и начальный гласный ново-

го падежного окончания подвергаются ассимиляции); гармония гласных (падежное окончание начинает подчиняться вокализму того слова, к которому оно присоединяется); редукция послелого (происходит деформация прежнего звукового облика послелого, он сливается со знаменательным словом и превращается в морфему);

2) морфологические: новые падежные окончания входят в парадигматический ряд каждого слова;

3) синтаксические: в отличие от послелого невозможно употребление нового форманта в функции наречия; возникает также частичное или полное согласование определения с определяемым словом; постоянное употребление нового форманта у однородных членов предложения и т. д. (см., например: Зайцева Н. Г., 1981, 38—43).

На наш взгляд, названные критерии годятся и для карельского языка. На их основе в карельском языке можно выделить ряд послеложных падежей. Однако до сих пор вопросу формирования падежей не уделялось достаточного внимания. В учебных и учебно-методических пособиях по карельскому языку, а также и в учебниках для школ (ливвиковское наречие) в основном выделены три падежа послеложного образования, которые по своей сути являются своеобразной заменой падежей старого образования: элатива, аблатива и комитатива, падежные окончания которых сложны по своей структуре, они состоят из части старого падежного окончания (-s-, -l- или -n-) плюс редуцированный послелог.

Если пронаблюдать, каким образом названные выше критерии преломляются в карельском языке, то можно отметить, что, например, фонетические критерии при выделении падежей послеложного образования практически все действуют и на карельском материале: полная утрата ударения, полная утрата паузы, ассимиляция, редукция послелого. Что касается редукции послелого в новых падежах, то, например, в элативе и аблативе исторически произошло выпадение конечной согласной: -spräi < -s + -päi < -s + päin; -lpäi < l + -päi < l + päin (см., например: Tikka T., 1992, 60).

Однако такой важный и надежный критерий, как гармония гласных в старых падежах (например, *vahnappu* 'старым', *köühänpü* 'бедным'), в отношении окончаний элатива и аблатива не работает: в них новое падежное окончание сохраняет постоянную переднерядную огласовку (*talospäi* 'из дома', *levolpäi* 'с крыши'). Но, тем не менее, выделение данных падежных форм является очень важным для грамматики карельского языка, и вопреки названному критерию их справедливо выделяют все лингвисты, с которыми следует согласиться. Хотя если сравнивать значения новейших падежных форм в карельском языке со значениями

подобных падежных форм в других прибалтийско-финских языках (прежде всего финском), то можно заметить, что их значения не совпадают. В карельском языке окончания элатива *-späi* и окончание аблатива *-lpäi* употребляются только в том случае, когда речь идет о явной исходности, т. е. когда видно, что что-то откуда-то приближается, удаляется, достается и т. д.: *Minä tulin laukaspäi* (Markianova L., 1993, 28) 'Я пришел из магазина'; *Miša tänäpäi tuli hüväs mieles školaspäi* (Boiko T., 1993, 11) 'Миша сегодня вернулся из школы в хорошем настроении'; *A iče ülen hil'l'akazin loittonou kohtaspäi* (Mišina O., 2003, 16) 'А сам потихонечку отходит все дальше от места'; *Anuksespäi Petroskoissah on 158 kilometrii, a Priäžäspäi vai 50 kilometrii* (Markianova L., 1992, 76) 'От Олонца до Петрозаводска 158 километров, а от Пряжи всего 50'; *Lopul kezäi lapset tuldih kezäleirilpäi da mendih ogorodua kaččomah* (Boiko T., 1993, 75) 'В конце лета дети вернулись из лагеря и отправились посмотреть на огород'; *Hüö ühtes lähtietih bazarilpäi* (Sem'onov P., 1998, 16) 'Они вместе пошли с рынка'. Это отсутствие параллелизма в значениях еще предстоит исследовать.

При обращении к послеложному комитативу в карельском языке мы можем констатировать тот факт, что он единодушно выделяется, и в нем соблюдаются все фонетические критерии. Исторически он сформировался путем синтеза: генитивное окончание *-n* + послелог *kera* [*-nke* < *-n* + *kera*; **kerda* > *kerd* > *ked* > *ke* (Tikka T., 1992, 58)], подвергшийся значительной редукции, например: *Minunke livvikse paista vanhembat maltetah vai* (Brendojev V., 1999, 16) 'Со мной поговорить по-ливвиковски могут лишь старики'; *Sil, gu ainos sinunke elin* (Dubinina Z., 2003, 32) 'Тем, что с тобой всегда жила'.

Таким образом, в новописьменном карельском языке признается существование трех падежей послеложного образования: элатива, аблатива и комитатива. Исторические причины возникновения новых падежей, а также их количество должны стать предметом специального исследования. Интересно проследить также в дальнейшем, имеются ли отличия употребления данных падежных форм в говорах и диалектах и каково их историческое развитие. Кроме того, и новописьменный карельский язык крайне нуждается в разрешении названной проблемы, поскольку новейшие учебные пособия и учебники составляются исходя из теоретической разработанности проблемы. С этой точки зрения исследование путей развития послеложных конструкций в карельском языке актуально и продиктовано современностью, как с точки зрения теории, так и практики.

Список литературы

- Бубрих Д. В.* Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Вып. 2. Л., 1948.
- Бубрих Д. В.* Историческая морфология финского языка. М.; Л., 1955.
- Дубровина З. М.* Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник ЛГУ. Л., 1956. № 14.
- Зайцева Н. Г.* Именное словоизменение в вепском языке. Петрозаводск: Карелия, 1981.
- Серебрянников Б. А.* Основные линии развития падежной и глагольной системы в уральских языках. М., 1964.
- Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
- Boiko T.* Oma sana. Petroskoi: Karjala, 1993.
- Brendojev V.* Jättie hüvä jälgi muale. Petroskoi: Karjala, 1999.
- Grünthal R.* Finnic adpositions and cases in change. Societe finno-ougrienne. Helsinki, 2003.
- Dubinina Z.* Valgei koivikko. Petroskoi: Periodika, 2003.
- Markianova L.* Kirjuniekkku. Petroskoi: Karjala, 1992.
- Markianova L.* Livvin murdehen morfolougii (nominat da abusanat). Petroskoi, 1993.
- Mišina O.* Marin kukku. Petroskoi, 2003.
- Oinas F.* The Development of some postpositional cases in Balto-Finnic languages / SUST, 123. Helsinki, 1961.
- Sem'onov P.* Ruadajat. Petroskoi, 1998.
- Tikka T.* Vepsän suffiksoituneet postpositiot / Studia Uralica Upsaliensia 22. Uppsala, 1992.

© **А. П. Сидорова**

ПЕРЕВОД И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕСКАЗ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Детская литература имеет особый статус в общем литературоведении. Обладая практически всеми признаками, присущими взрослой литературе, она долгое время находилась в исключительном (скорее, даже исключенном) положении. Израильская исследовательница Зохар Шавит называет детскую литературу Золушкой литературоведения (Shavit Z., 1992, 4), ссылаясь на то скудное внимание, которое долгое

время уделялось ей в академическом литературоведческом мире. И действительно, занимающаяся столь простым, на первый взгляд, предметом, воспринимаемая «без усилий» и ориентирующаяся на юную аудиторию, детская литература является часто непрестижной для исследования областью. Финская детская литература яркое тому подтверждение. За всю историю отечественного литературоведения лишь в журнале «Детская литература» (1975. № 12; 1992. № 4) было опубликовано несколько небольших заметок, посвященных детской литературе Финляндии, в том числе литературе, написанной на финском языке.

Детская литература шведоязычной Финляндии, напротив, довольно хорошо известна русскому читателю и ей посвящен целый ряд исследований. Самыми яркими представителями этой литературы являются Туве Янссон и Сакариас Топелиус. Работы, касающиеся творчества этих авторов, включены в сборники исследований скандинавской детской литературы (например: *Брауде Л.* Скандинавская литературная сказка, 1979), а самих писателей, несмотря на то, что они жили в Финляндии, называют писателями-скандинавами. Некоторые издания, так, например, учебное пособие Н. В. Будур и Э. И. Ивановой по зарубежной детской литературе для студентов средних и высших учебных заведений (М.: Изд-во «Академия», 2000), причисляют Туве Янссон к авторам, «прославившим детскую литературу Швеции» (Будур Н. В., Иванова Э. И., 2000, 179).

Однако финская детская литература явление не столь уж незнакомое в России. Многим знаком цикл мультипликационных фильмов «Дядюшка Ау», снятый творческим объединением «Экран» в 1979 году по мотивам одноименной повести финского писателя Ханну Мякеля. Авторами сценария выступили тогда сам автор и детский писатель Эдуард Успенский. В 1980 году в издательстве «Детская литература» вышла книга Ханну Мякеля «Господин Ау» в сокращенном пересказе Эдуарда Успенского. Двамя годами позже в издательстве «Карелия» была опубликована сказочная повесть финской писательницы Марьи-Леены Миккола «Анни Маннинен» в переводе Тертту Викстрем. Эти повести стали первыми литературными сказками финских писателей, появившимися на русском языке, и приобрели достаточно широкую известность. Для нас они представляют особый интерес как два диаметрально противоположных подхода к вопросу перевода детской литературы.

А. Паршин в своем труде «Теория и практика перевода» отмечает, что еще переводчики античного мира широко обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу (Паршин А., 2000). Теоретические споры о допустимости буквального или вольного переводов продолжа-

ют оставаться актуальными и по сей день. В отношении детской литературы этот вопрос встает особенно остро. Книга для детей должна быть, прежде всего, понятной и доступной для детского восприятия, в противном случае ребенок не будет ее читать. Должен ли перевод передавать полностью идеи оригинала и сохранять стиль и манеру изложения автора, если речь идет о литературе для детей? Имеет ли переводчик право на дополнительные изменения, так называемую адаптацию текста, которая в детской литературе не всегда обусловлена отсутствием в языке перевода адекватных лексических эквивалентов и реалий?

Обратимся к переводам, чтобы на конкретных примерах пронаблюдать, какие трансформации происходят (или не происходят) при переводе детской литературы с финского языка на русский. Как уже ранее упоминалось, повесть Ханну Мякеля «Господин Ау» вышла на русском языке в сокращенном пересказе Эдуарда Успенского. Перевод в данном случае не даром называется пересказом: события, описанные в книге, претерпели значительные изменения, переводчик заметно переработал предоставленный ему материал.

Изменения, прежде всего, заметны в трансформации композиции произведения. Оригинальная повесть состоит из 15 глав, перевод-пересказ Э. Успенского — из 11 историй. Фактически книга стала меньше, и можно было бы предположить, что Э. Успенский просто сократил произведение. Однако детальный анализ показывает, что глав стало не просто меньше, в переводе они расположены в ином порядке, и часто имеют другие, отличные от оригинала, сюжетообразующие детали. Текст произведения, наряду с изменениями и опущениями, наполнился новыми эпизодами, лирическими отступлениями, которых в оригинале нет. Главный герой Х. Мякеля господин Хуу (Herra Huu) значительно отличается по характеру и поведению от «обрусевшего» дядюшки Ау Э. Успенского. Господин Хуу стал в России более разговорчивым и более вредным, приобрел натуру, склонную к самоиронии и философским рассуждениям.

Так, например, показательными являются появившиеся в пересказе и отсутствующие в оригинале реплики дядюшки Ау о неких «этих» (местоимение в кавычках), свойственные, скорее, взрослым, рассуждающим о советской и российской действительности, и абсолютно не характерные для финского Господина Хуу:

«Отчаянный господин Ау очень часто ругал ЭТИХ.

Он говорил:

— ОНИ небось не ходят по ночам под дождем.

— У НИХ-ТО все есть! И шубы, и шапки! — И валенки!

А если расспросить господина Ау, кто такие ЭТИ и ОНИ, которые так хорошо живут, у которых все есть и которые не дают хорошо жить господину Ау, он бы, наверное, не ответил.

— *ОНИ, и все тут!»* (Мякеля Х., 1980) (в оригинале представленный отрывок отсутствует.)

Во второй главе Дядюшка Ау (так же, как и господин Хуу) пытается вернуть на место опадающие с яблони осенние листья, окрашивает их в зеленый цвет и приклеивает к ветвям лейкопластырем. Перевод в данном случае соответствует оригиналу, однако появляется несколько новых деталей. Во-первых, дядюшка Ау, поливая свое большое дерево, использует не просто лекарство, а *«дедушкино лекарство от кашля и облысения»*, а во-вторых, в отличие от господина Хуу он находит еще одно верное средство спасения увядающей флоры. Он пишет на большом листе бумаги *«Дереву быть зеленым!»* и ходит с этим плакатом вокруг яблони (этой очень рельефной детали в оригинале нет). По завершении мероприятия по омолаживанию яблони дядюшка Ау Э. Успенского рассуждает: *«Да, есть во мне что-то крестьянское! Не зря я живу в сельской местности. Только не надо давать этому волю. Моя цель в жизни должна быть значительнее. — Он походил под деревом, держа руки за спиной. — Не забывай, — сказал он сам себе, — на тебя смотрит вселенная»* (Мякеля Х., 1980).

Изменения претерпел не только характер главного героя. Так, девочка Римма стала в переводе более гостеприимной, она угощает дядюшку Ау пирожком. Бобр в лесу подсаживает на крючок неумелому рыболову дядюшке Ау не просто большую серебряную мертвую рыбу (как в оригинале), а *леща сушеного, вяленого и очень вкусного*. Происходят и обратные изменения: дедушка Господина Хуу (в оригинале) был добродушным, белобородым стариком, который научил внука читать, а потом и колдовать. Господин Хуу с теплом вспоминает дедушку и пытается следовать его урокам. Несколько иной образ рисует нам Эдуард Успенский. Дедушка русскоязычного дядюшки Ау был *«человеком темным»* и *«не мог толком объяснить»* внуку, почему же дядюшка Ау должен пугать людей: *«Скорее всего, дедушка дядюшки Ау не был маяком разума. Да и лучом света в лесном царстве, пожалуй, его никто бы назвать не рискнул. Слава богу, что он еще научил господина Ау читать, заниматься волшебством и пользоваться волшебной книгой. Что он передал внуку основные азы пугания, кричания, шастанья по лесам и чердакам. “Конечно, — иногда думал дядюшка Ау, — мой дедушка был темный. Но он был умелец. Одних видов скрипа он знал двести! А по части*

кляцания, чавкания и воя он мог бы просто выступить в художественной самодейтельности!"» (Мякеля Х., 1980).

Таким образом, повесть претерпевает помимо количественных заметные качественные изменения. Если произведение Ханну Мякеля было ориентировано только на детского читателя, то Э. Успенский делает текст амбивалентным, интересным как детской, так и взрослой аудитории. Повесть с интересом воспринимается детьми на повествовательном уровне как сказка, и ценится взрослыми за тонкий юмор. Все же здесь есть и свое «но», искусно вписанный в русский контекст изначально финский Господин Ау окончательно «обрусел». Многие читатели даже и не предполагают, что сказка про дядюшку Ау была когда-то написана на финском языке.

Итак, мы имеем дело с адаптированным переводом, или так называемой контекстовой адаптацией. А. Паршин для обозначения контекстовой адаптации использует термин «*адаптивное транскодирование*» и подчеркивает, что при этом происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации (Паршин А., 2000). Сложно сказать, что побудило Э. Успенского внести столь заметные изменения в текст оригинала, но можно предположить, что как человек творческий он подошел к данному переводу с присущей ему долей творчества.

Более традиционной в отношении перевода является повесть финской писательницы Марьи-Леены Миккола «Анни Маннинен». Издание было красочно оформлено и привлекло внимание многих читателей. Вместе с тем сам перевод оказался тяжелым для детского чтения и понимания. Т. Викстрем постаралась как можно более точно передать содержание оригинала, а также сохранить большую часть топонимов и имен: Казармимяки, Лехиёки, Лехилампи, Мустасуо, Кайя Куккала, Муттиска и Юлкуска (как сокращения от Муттинен и Юлкунен), Иозеппи Кямярйнен, Уолеви Тёрхеля, но тем самым текст произведения стал сложным для произношения и запоминания (ведь дети часто пересказывают друг другу понравившиеся в книге места, обыгрывают их).

Главной героине повести шесть лет, и она еще не ходит в школу. Книга адресована ее сверстникам — детям младшего и среднего школьного возраста (так написано на обложке). Тем не менее некоторые слова и обороты, встречающиеся в тексте повести «Анни Маннинен», на порядок сложнее тех языковых структур, которые обычно используют в своей речи дети. Насколько 6—8-летнему читателю будет понятна и интересна следующая

фраза: «Мать была “варатон”, что значило — “без средств к существованию”. Это слово звучало так изысканно — “варатон”, на самом же деле оно просто означало: бедная женщина без мужа, почти вдова. Мать ткала на фабрике полотно и получала за это “несколько пенни”, как она сама любила повторять. Эти пенни уходили на питание и на квартирную плату за аренду комнаты со спальней нишей» (Миккола М.-Л., 1982, 5).

Переводчик стремится сохранить верность оригиналу и передать его содержание на русский язык как можно точно. Он не старается облегчить текст, сделать его более понятным для читателя. Оправдан ли данный подход? Результаты небольшого опроса, проведенного мной среди знакомых, показали, что большинство опрошенных считали повесть «Анни Маннинен» скучной сказкой, несмотря на яркие картинки. Однако тем, кто встретился с этой книгой уже будучи взрослым, она показалась интересной.

Финская исследовательница Р. Ойттинен (Oittinen R., 1993, 12), говоря о переводах детской литературы, подчеркивает, что переводчик должен всегда учитывать тот жизненный опыт и те представления о мире, которые существуют (или отсутствуют) у маленького читателя. Качество перевода во многом зависит от того, какое представление имеет сам переводчик о современных детях. По мнению шведского исследователя Г. Клингберга (Klingberg G. et al., 1978, 27), важная задача переводчика детской литературы — донести до читателя новые знания об окружающем мире. Но расставляя приоритеты, переводчик не должен забывать, что ребенок не станет по доброй воле читать сложную и неинтересную книгу. Язык произведения должен быть понятным и доступным для детского восприятия, последнее необычайно важно, так как многие книги читаются детям и самими детьми вслух.

Не стоит забывать и о взрослом читателе. Т. Пууртинен в работе «Лингвистическая адаптация в переводах детской литературы» (Puurtinen T., 1995, 20) отмечает, что отличительной чертой детской литературы является ее ориентированность на обе группы читателей: на взрослых и детей. При этом их интересы и литературные пристрастия могут заметно расходиться. Но именно взрослые (родители, учителя, библиотекари), а не дети определяют тенденции в развитии детской литературы. Именно взрослые решают, какую детскую литературу издавать, продавать, переводить. Поэтому в своей деятельности и автор, и переводчик детской литературы должны ориентироваться на обе группы потребителей своего продукта: на непосредственного читателя — ребенка, а также на авторитетного читателя — взрослого. И в этом заключается еще одна сложность перевода детской литературы.

Список литературы

- Будур Н. В., Иванова Э. И. Зарубежная детская литература: Учеб. пособие. М.: Академия, 2000.
- Миккола М.-Л. Анни Маннинен. Петрозаводск: Карелия, 1982.
- Мякеля Х. Господин Ау. М.: Детская литература, 1980.
- Паршин А. Теория и практика перевода (23.9.2004). 2000. http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_theoria-i-praktika-perevoda.htm
- Klingberg G., Mary Ø., Stuart A. Children's Books in Translation. The Situation and the Problems. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1978.
- Oittinen R. I am Me — I am Other: On the Dialogics of Translating for Children. Väitöskirja / Tampereen yliopisto, kieli- ja käännöstieteiden laitos. Tampere, 1993.
- Puurtinen T. Linguistic acceptability in translated children's literature / University of Joensuu. Joensuu, 1995.
- Shavit Z. The Study of Children's Literature: The Poor State of the Art. Why Do We Need a Theory and Why Semiotics of Culture? Barnboken 1, 1992.

© Е. Г. Сойни

ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920—30-х годов

Как известно, русская эмиграция в Финляндии была весьма разнообразной, большую ее часть составляли жители Карельского перешейка, оказавшиеся эмигрантами поневоле после закрытия границы между Финляндией и Советской Россией. Одним из них был Вадим Данилович Гарднер (1880—1956), уроженец г. Выборга, сын американского инженера Даниэля Томаса Гарднера и писательницы Екатерины Ивановны Дыховой. Вадим Гарднер жил в имени матери в Метсякюля на Карельском перешейке, откуда был вынужден переехать в Хельсинки в 1939 году. В Петербурге и Москве вышли его первые поэтические сборники «Стихотворения» (1908) и «От жизни к жизни» (1912).

Американский гражданин, потомок очень знатной фамилии де Пайва-Перера Гарднер, к которой принадлежали основатель Бразильского университета Даниэль Гарднер де Пайва-Перера и придворный врач бразильского императора, Вадим Гарднер выделялся среди петербуржцев своим южным обликом, страстностью и особой любовью к России. В 1916 году он решил поменять американское гражданство на русское,

после чего был призван на военную службу и отправлен в Лондон в Комитет по помощи союзникам. Вернулся он оттуда на военном корабле через Мурманск вместе с Николаем Гумилевым в 1918 году и поселился в фамильном имении, которое вскоре оказалось на финской территории. Третий сборник поэта «Под далекими звездами» со стихами о трагедии одиночества, о реалиях XX века, о перипетиях собственной судьбы был издан уже в Париже в 1929 году в издательстве «Concord». Как бы трагично ни складывалась жизнь поэта, рядом с ним находилась Она — любимая, юная, боготворившая его жена, Мария Францевна Гарднер (урожденная Череп-Спиридович).

Веришь ты в мое предназначенье
Мир потоком Света озарить.
Только ты достойна в царстве тленья
Чашу ярких чар со мною пить!¹
(«Знаешь только ты мои мученья...»)

Мария Францевна была уроженкой Карельского перешейка. Польша по отцу, католичка по вероисповеданию, она до конца своих дней сохранила преданную любовь к России, куда ей уже не суждено было вернуться. Вадиму Гарднеру было с кем разделить свое одиночество: «И спасала только вера в вечную любовь»². «Мусе на вечность» — с такой надписью хранился в архиве Марии Францевны экземпляр книги «Под далекими звездами».

Образ Финляндии — один из центральных в творчестве Гарднера. Это многозначный и даже противоречивый образ. Видоизменяясь, он появляется во всех трех сборниках поэта и как самостоятельный, и соотношенный с образом России. Хотя поэт в первом сборнике постоянно сетует, что он, южанин, «по ярости судьбы — сын студеных стран» (с. 36), северная студеная страна ему мила, и это — его родная страна:

Ты мне мила, суровая природа
Финляндии, страны моей родной —
Сосна, гранит, на море непогода.
(«Финский сонет», с. 25)

В «Лунной газзле» (1914) из сборника «Под далекими звездами» Гарднер называет Финляндию «каменной», а свои стихи «не северными»:

¹ Гарднер В. Избранные стихотворения. СПб., 1995. С. 68 (далее при ссылках на это издание в тексте в скобках указываются год издания и страница).

² Гарднер В. У Финского залива. Хельсинки, 1990. С. 139 (в дальнейшем при ссылках на это издание в тексте в скобках указываются страницы).

В Суоми каменной, рунической
Слагал не северные руны я. (с. 78)

В традиции русской поэзии Гарднер восхищается «каменной» Финляндией — финскими скалами. По мнению поэта, «сокровенное скал размышленье», «мудрость большой глубины» истолковать невозможно, но в камнях и скалах он видит

Мир забытых, но чудных сказаний... (1995, с. 62)

Калевальской метрикой — четырехстопным хореем написано одно из ранних пейзажных стихотворений Гарднера «Волны мелки, лысы камни...» (из сборника 1908 г.), где есть строки об обнаженности камней: «даже мхом они не крыты», о суровой и безмолвной зелени можжевельника, о рокоте моря, похожем на волю северян:

Тех, чьи мысли так прозрачны... (1995, с. 12)

Гарднеру близки образы финской народной поэзии, в его стихах звучит кантеле, а сосны и болота слагают свои «руны»:

И тишину седого пара
Люблю я по утрам,
Когда на финском небе хмаро.
Рассветный красный храм.
(«Из дневника поэта», с. 124)

Калевальским стихом он пишет в 1932 году свою руну об Илмаринене, одном из главных героев «Калевалы». Гарднер останавливает свой выбор на ковatele Сампо и потому, что с этим героем связан образ огня, любимый поэтом, и потому, что Илмаринен — кузнец, кователь, человек труда:

В очаге огонь ретивый,
И пылает и искрится.
Алым блеском озаренный,
Показался Ильмаринен.
(«Купол церкви православной...», с. 130)

Илмаринен необходим Финляндии, чтобы рассеять «тучи серые <...> над Суоми», разогнать «чернокрылых ворон». «Огонь ретивый» в кузнице Илмаринена перекликается в стихотворении с блеском от купола православной церкви:

Купол церкви православной
Бледным золотом блистает
Над туманным финским лесом.

Тучи серые проходят.

Бродят тучи над Суоми.

Чернокрылые вороны пролетают над полями. (с. 130)

«Алый блеск» Илмаринена и блеск «купола православной церкви» в стихотворении соединены, это два источника света, поддерживающие друг друга.

С началом советско-финляндской войны всем жителям Карельского перешейка пришлось срочно покидать родовые имения. В разговоре с автором этих строк Мария Францевна Гарднер рассказывала, что русские жители Карельского перешейка собирались с приходом советских войск остаться жить в своих домах, но уже на территории Советского Союза. Они не были наивными, знали о ГПУ, о ссылках в Сибирь. Еще в 1928 году Гарднер писал:

Родины предатели пируют,

Г.П.У. справляет шабаш свой. («Наводнение 1924 г.», с. 100)

Они были готовы ко всему в России, но не к переезду в Хельсинки. Правительства не договорились. Остаться в своих домах было запрещено³:

Мчит нас, мчит автобус. Все родное,

Все, что близко было нам, — вдали.

(«Едем мы. Позади нас пожары», 1995, с. 79)

Поэт познает всю тягость «лямки беженца», предчувствуя, что жизнь в Хельсинки будет «не его жизнью» («Вся эта жизнь не моя», с. 126), что ему будет «трудно жить в этой пропасти мрачной/Меж жестоких и гордых людей» (с. 102). В 1942 году поэт создает «Нюландский сонет», где признается, что в душе все оборвалось, что не вызывают больше сочувствия ни «безмолвие камней», ни «закрытые сердца»:

О, Гельсингфорс, излюбленный ветрами,

Ты мало, горделивец, мне знаком.

По стогнам я твоим бродил пешком.

Но ты с двумя своими языками

Не близок мне; стеной они меж нами. (с. 111)

В поэзии позднего Гарднера образ Финляндии-родины, созданный в сборнике 1908 года, превращается в образ Финляндии-чужбины:

Мы маемся тут на чужбине,

И катятся слезы из глаз. («Твои неохватные дали...», с. 143)

³ Запись беседы с М. Ф. Гарднер от 4 июня 1997 года, Хельсинки. Архив автора.

А родиной становится уже недостижимая Россия:

В груди мы храним твою душу,
Родимая наша страна. («России», 1995, с. 61).

В «Алкеевых строках» 1943 года поэт будет уже не Илмаринена, а славянского бога Сварожича молить «рассеять мрак финский»:

Сварожич мощный, щит и оплот славян,
Рассей мрак финский, дай нам тепла опять. (с. 161)

В стихотворении «Здесь и там» Гарднер сравнивает зимнюю Россию и Финляндию, казалось бы, один и тот же ландшафт, один и тот же снег, так же дети катаются на лыжах и коньках, играют в снежки,

Но все ж эти шалости, игры —
Забавы не русских детей.
Не наши здесь деды морозы
Хрустят под ногами ветвей. (с. 93)

В чем разница между финской и русской зимой? Для поэта зима в России «как-то сказочней». Именно в Финляндии во времена «жестокого тиранства и распятой красоты» (с. 160) возникает подлинная любовь поэта к России, он пишет цикл стихотворений: «Я в Руси», «Святой Руси», «Грядущей Руси», как Алеша Карамазов у Достоевского, Гарднер приемлет в России все:

Все приемлю и нежно люблю —
Вот зачем о Руси я скорблю. (с. 72)

И очевидно, полемизируя с Владимиром Соловьевым, с его стихотворением «Панмонголизм» о наступающей угрозе с Востока, Гарднер обращается к России:

И что тебе китайский ураган?..
Се, Иисус над пеной желтой бури!
<...>
И длань Его Россию вознесла. («Грядущей Руси», с. 74)

Ну а Финляндия? Она осталась «белозвездной вселенной» с «чуждыми душами». В 1942 году Гарднер пишет «Октавы», в которых признается:

Мне север люб. Мила его природа,
Но чужды часто души северян. (с. 158)

Несмотря на «чуждость» северян, Гарднер любил «воздух севера», «мир таинственных сказаний», «полночную Красоту». И если бы не война 1939 года, не потеря дома, не оборванные струны гарднеровской лиры, возможно, образ Финляндии, созданный поэтом, был бы более светлым, а сам

Гарднер остался бы в истории русской поэзии певцом «разноцветного» гранита, сосен и моря — всего того, что он так любил в молодости.

В «век жестокого тиранства», в эпоху между двумя войнами русским, живущим в Финляндии, было не так легко писать о северной стране в мажорном ключе. Мало кто чувствовал гармонию в собственной душе, гармонию с окружающим миром. Именно в это время начинает создавать сказки работница Славянского отдела библиотеки хельсинкского университета Вера Сергеевна Булич (1898—1954), так же, как и Вадим Гарднер, оказавшаяся после закрытия границы в собственном родительском доме на территории нового государства. Живя на Карельском перешейке, а потом в Хельсинки, Вера Булич быстро выучила финский и шведский языки. Знание языков сделало литературу Финляндии понятной и близкой поэтессе. Булич переводила с финского и шведского языков поэзию Катри Вала, Ууно Кайласа, Эдит Сёдергран, Элви Синерво.

Сборник сказок Веры Булич вышел в 1927 году в Хельсинки на финском языке и только через семь лет, в 1934 году появились в Хельсинки отдельной книгой «Маятник» ее русские стихи, второй сборник «Пленный ветер» увидел свет в Таллинне в 1938 году, третий — «Бурелом» — в 1947 году снова вышел в Хельсинки, а последний — «Ветви» — в 1954 году в Париже. Уже в первом сборнике появляется образ Финляндии, но лишь как фон, на котором разворачивается лирический сюжет ее стихотворений.

Чуткая к искусству, поэтесса создает образ Финляндии, и конкретно — образ Хельсинки через призму финской культуры — музыку, скульптуру, архитектуру. Финское искусство наводит поэтессу на размышление о человеческой жизни и о свободе. Воле, побегу из-под гнета посвящено стихотворение «Лось» (1937). Чугунный хельсинкский лось — один из символов Финляндии. Лось, вообще, очень любим финнами. Однако поэтессе жаль именно чугунного городского лося, она мечтает о его свободе:

... Сбежать бы вниз и не по твердым плитам,
А по сырой земле ступать копытом,
Разбрызгивая воду мелких луж,
Вдыхая запах мха, коры, болота,
Из каменной неволи, из под гнета —
В лесную, дикую, родную глушь!

Родная глушь желаннее столичного парка, а сырая земля — твердого асфальта, в этом убеждена поэтесса. Но ее картины Хельсинки написа-

ны с явной симпатией. Ей, горожанке по рождению и мироощущению, финская столица близка, это город огней:

Вокзальной башни — головы свиной —
Два круглых, желтых глаза-циферблата
Зажглись над площадью. Просвет заката
Застыл за башней розоватой льдиной.
Огни, огни прозрачно-золотые
Идут по улицам и вдаль уводят. (с. 37)

В сборнике В. Булич «Бурелом» 1947 года почти все стихотворения связаны с прошедшими войнами. Поэтесса, для которой обе страны были родными, создает свои стихи-молитвы и за Россию, и за Финляндию — за «две рядом стоящие планеты»:

И знаменем над зарею —
Двух рядом стоящих планет
Сверкает двойною игрою
Апокалиптический свет⁴. («Суровая зима». 1939—1941)

Образ Финляндии в этом «военном» сборнике не становится негативным. Но в стихотворениях о Хельсинки, о финской природе и финнах теперь постоянно присутствует «взгляд на восток» («Гельсингфорс на заре», «Папироса “Беломорканал”», «Эмигрант», «Бурелом»). Поэтесса включает в сборник и довоенные стихотворения 1930-х годов, написанные после «Пленного ветра», одно из которых «Гельсингфорс на заре» (1938) содержит вдохновенное описание финской архитектуры и сюжет о чувстве Е. Баратынского к красавице Авроре Карамзиной, возникшем «под светом северных небес». Город предстает с «воздушной зеленью», здания «теряют каменный вес», а «под розовыми облаками как будто дышит гранит». В стихотворении лирическая героиня «угадывает след» шагов поэта и идет по тем же улицам:

Быть может, здесь однажды он стоял,
Где входит в море каменный канал.

Осталось ли что-нибудь в Хельсинки в наследие от времен Баратынского и Авроры, задумывается поэтесса. Да, осталось. Сам простор утренного города и «взгляд на Восток»:

И ветра западного холодок,
И тот же взгляд — в разлуке — на восток. (с. 9)

⁴ Булич В. Бурелом. Гельсингфорс, 1947. С. 64 (далее при ссылках на это издание в скобках указываются страницы).

Трагизм судьбы В. Булич проявился в стихах военного времени, в ее известном стихотворении «Бурелом», в цикле «Суровая зима». Мажорная интонация здесь полностью отсутствует. Поэтесса убеждает себя «чужой не обольщаться теплотой». Но тепло она находит именно в «чужом углу», ибо в своем — «тьма нежилая»:

Из милости в чужом углу
Мы приютились втихомолку.
Ты смотришь в печку на золу,
Я вспоминаю нашу елку. (с. 30)

На земле нет благополучия, но и звезды над головой — чужие, ведь родина это — «небо в знакомых звездах» («Родина», с. 59). Поэтесса испытывает ненависть к войне, но к солдатам обеих воюющих сторон она относится по-матерински. Без злобы пишет В. Булич о финнах, рассматривающих фотокарточки двух девушек, друг погибшего русского политрука:

Русских женщин красота нежна,
Любовались финны-офицеры («Папироса “Беломорканал”», с. 46)

Финны для поэтессы — народ, судьба которого не менее трагична, чем судьба народа русского. В статье «Ууно Кайлас и Катри Вала» (1947 год) она печалится о ранней смерти финских поэтов, показывает свое доскональное знание финской литературы и с особой симпатией пишет о направлении «*Tulenkantajat*». Поэтесса восхищается и новаторством их поэзии, и той упорной волей, с которой они вели борьбу за утверждение своих идеалов и за свою собственную жизнь. Кайласа Вера Булич называет «поэтом совести». В его позднем творчестве В. Булич увидела «победу сильного и свободного человеческого духа над страданиями», путь, приводящий к утверждению жизни, как бы тяжела она ни была. Катри Вала, по мнению В. Булич, хотела бы оградить человечество «своей любовью от всех бед и несчастий» (Булич В., Ууно Кайлас..., 1947, 5—8). Булич делала все возможное, чтобы русские знали творчество Катри Вала. Она удачно переводила ее стихи, приближаясь к живому разговорному языку оригинала. Даже при первоначальном сравнении этих переводов с позднейшими переводами Б. Окуджавы, Ю. Мориц бросается в глаза простота лексики, безыскусственность, отсутствие филологических ухищрений. Она озаглавила сборники Катри Вала «У земной пристани» и «Дерево с гнездом горит», что, по крайней мере, понятнее, чем «У причалов земли» и «Горит дерево гнезд» в сборнике «Далекий сад» 1964 года.

Вера Булич сокрушалась, что в России не знают финской поэзии, не знают ее и русские, живущие в Финляндии: «Мы знаем природу Финляндии, мы имеем представление об ее истории и культуре, о характере и обычаях народа, мы знакомы с ее музыкой, живописью, скульптурой и архитектурой, но большинство из нас не знает современной финской поэзии» (Булич В. Ууно Кайлас..., 1947, 5). Финские поэты, в особенности Катри Вала, были для Веры Булич действительно «огненосцами», их творчество внушало ей стойкость, веру в жизнь, умение бороться. Стихи самой Веры Булич поддерживали во многих русских волю к жизни, оптимизм и надежду.

Еще один русский финляндец — Иван Иванович Савин (Саволайнен) (1899—1927) — считается одним из талантливейших поэтов русского зарубежья. «Белый воин», «рыцарь белой идеи», «поэт белой мечты» — так любовно называли русские эмигранты поэта, умершего в возрасте 27 лет. Русской у поэта была только бабушка, дед — финский моряк Йохан Саволайнен переехал в Россию, женившись на русской гречанке. Старшие братья Ивана Савина (по матери) были расстреляны в Крыму, младший — убит в бою, а сам поэт пережил плен. Переезд в Финляндию в 1921 году, где уже к тому времени жил и работал отец, был для Ивана спасительным. Он сразу же получил работу и не знал нужды, с которой были знакомы русские эмигранты. Финны не могли быть для него «чуждыми душами», хотя Савин не знал даже финского языка.

В сборнике «Ладонка», изданном в Белграде, почти все стихи — о пережитом в России. Родившийся в Одессе, Иван Савин не осознает Финляндию как родину (даже как родину своего деда), для него это одна из дорог, перекресток:

Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,
Маячим выветренным сердцем
На перекрестках всех дорог⁵. («Законы тьмы неумолимы»)

Себя он ощущает «блудным сыном» России, «кротким иноком». Для поэта ласковые годы остались в России, теперь же русские звезды светят на чужих небосводах:

⁵ Савин И. Только одна жизнь. Нью-Йорк, 1988. С. 174 (в дальнейшем при ссылках на стихи и прозу из этого издания в тексте в скобках указываются страницы).

Клубились ласковые годы,
И каждый день был свят и прост.
А мы в чужие небосводы
Угнали стаю наших звезд. («России», с. 172)

Постепенно Финляндия входит в пейзажную лирику И. Савина. Это и буря со «свинцовым гробом» из туч, и «девичий стан сосны», и «пенное кружево волн» («Буря», 1925—1926).

Природа успокаивает поэта, утешая, что «не надо так много плакать», в его экспрессивной лирике, в стихотворении «Закат» (1924) появляется образ северного заката, «такого медлительного», какой не снился никому. И этот закат «цветет». Поэт называет север «своим», а снег «желанным», его лирический герой уже лихо бежит на лыжах «по сказочным полянам», но еще не знает куда, ему этот бег еще «неведом»:

Все строже север мой, все ближе
Столетьем скованные льды. («Закат», с. 182)

В пейзажной лирике Ивана Савина прежде всего обращают на себя внимание стихи о море. В них дает себя знать и происхождение рода Савина — Саволайнена от потомственных мореходов, и любовь русских поэтов к водной стихии вообще. Поэт ощущает морской берег настолько своим, что позволяет себе употребить в стихотворении «Когда палящий день остынет...» броское выражение: «береговые камни метить». Лирический герой метит камни «иероглифами стихов», но совершенно естественно возникает грубоватая матросская аналогия с бродяжкой-котом, охраняющим свою территорию. Свет маяка напоминает поэту «изумрудную слезу», стекающую по скале, а лунный свет — «густое вино». Казалось бы, все прекрасно: остывает «палящий день», маяк открывает «круглые глаза», наконец, «густое лунное вино» льется с неба. Но в полночь никуда не деться от воспоминаний.

И, опьяненный бредом лунным,
Ее сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам,
Забытым сердцем, как смычком. (с. 179)

Море может подарить покой, но не может подарить забвения, ибо само море — это граница, это связь с минувшим, это — последняя черта.

Стихотворение, посвященное Ивану Бунину, так и называется — «У последней черты» (1926).

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,

Тем с большей нежностью и грустью
России «здравствуй» говорю. (с. 187)

Стихотворение «У последней черты» напоминает блоковское «В дюнах». И у Савина, и у Блока — золотой песок, море, граница, и даже написаны эти стихотворения в одном и том же месте, правда, с разницей почти в двадцать лет. У обоих поэтов лирический герой находится у границы и описывает, что он видит «там». Но если у Блока «там» — это Финляндия, то у Савина «там» — это Россия:

Там за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбегал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнятся, из-за скал. (с. 187)

Далее Блок увлекается темой «погони», от его лирического героя убегает юная финская дева, а в стихотворении Савина улетает птица:

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла —
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла. (с. 187)

Герой Блока уверен, что он догонит беглянку, герой Савина тоже уверен, что «след крыла» исчез навсегда.

Продолжая традицию Вл. Соловьева, В. Брюсова, О. Мандельштама, Иван Савин прибавляет к сайменскому циклу в русской поэзии свое стихотворение «На Сайме» (1925) и достигает подлинной поэтической высоты в описании финского озера. «На Сайме» — это образ Финляндии Ивана Савина, образ, сочетающий в себе радостное и трагическое, светлое («все в огнях кольцо береговое») и темное («черный бархат залива»). И опять корабельная лексика, даже лес сравнивается со «стомачтовым бригом», описание ночной рыбалки, хотя ни лирическому герою стихотворения, ни «глухому рыбаку у руля» не до нее — у каждого свое горе. Рыбак поет об убитой девушке, а лирический герой дремлет, «сердце уронив в былое». Но все понимающая Сайма внемлет их горю, посылая как знаки утешения «кудри волн», «лунный одуванчик», «шелка лилий»:

Чего здесь больше, капель или игл?
Озерных брызг или сосновых хлопьев?
Столетний бор, как stomachовый бриг,
Вонзился в небо тысячами копьев. (с. 180)

Русские поэты рубежа XIX—XX веков воспринимали Финляндию как сказку, «тайну тайн». Для русских поэтов-эмигрантов 1920—1930-х годов Финляндия была, напротив, не сказкой, а реальностью, порой жестокой. В их сознании образ Финляндии эволюционировал от образа родины к образу чужбины — теплого, но «чужого уголка».

Список литературы

Гарднер В. Избранные стихотворения. СПб., 1995.

Гарднер В. У Финского залива. Хельсинки, 1990.

Булич В. Бурелом. Гельсингфорс, 1947.

Булич В. Ууно Кайлас и Катри Вала // Русский журнал. Хельсинки, 1947. С. 5—8.

Савин И. Только одна жизнь. Нью-Йорк, 1988.

© **З. И. Строгальщикова**

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ПО ПРЕПОДАВАНИЮ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

В принятой 17 июля 1937 года первой конституции Карелии статус карельского языка впервые указан как равный с финским и русским языками. Ранее в официальных документах автономии упоминались лишь русский и финский языки¹. Конституция обязывала публиковать все решения органов власти, вести судопроизводство, иметь надписи на флаге и гербе на трех языках — карельском, финском и русском² и провозглашала, что для всех право на образование обеспечивается и «обучением в школах на родном языке»³. Ее принятие совпало с завершением в Карелии правления

¹ Подробнее об этом см.: *Строгальщикова З. И.* Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. статей и докладов. М., 1992. С. 3—15; *Она же.* Вопросы языковой политики в Конституциях Республики Карелии // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 161—167.

² Конституция (Основной закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1937. С. 12, 25, 33.

³ Там же. С. 27.

«красных финнов»⁴, языковая политика которых в литературе характеризуется как период «первой финнизации»⁵. С устранением финского руководства, управлявшего республикой с 1920 по 1935 год, в Карелии значительно ослабли позиции финского языка, который выполнял наряду с русским языком функции официального. К концу 1920-х годов он стал языком обучения в школах с карельским и вепсским составом учащихся⁶. Хотя за пределами Карелии уже в 1930 году для карелов⁷ и вепсов⁸ были созданы карельская и вепсская письменности, а с 1931 года начался перевод школ на обучение на родном языке карельских детей в Калининской и Ленинградской областях⁹, а с конца 1932 года — у вепсов в Ленинградской области¹⁰.

⁴ «Красными финнами» принято называть участников социалистической революции в Финляндии в феврале 1918 года, вынужденных после ее поражения эмигрировать за ее пределы, в том числе и в Россию.

⁵ *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 135—146; *Килян Ю.* Карелия в политике советского государства. 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 139—145.

⁶ По данным Президиума ВЦИК в июне 1929 года, школьная «финская сеть» только в период с 1924 по 1928 год возросла с 10 до 31,9%. См.: Советы Карелии. 1917—1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 99—100.

⁷ В 1930 году для карелов Ленинградской и Калининской областей создается письменность на латинице. См.: *Смирнова Т. М.* Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области. СПб., 2002. С. 161; *Баранцев А. П.* Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 99; *Анттикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 208—211.

⁸ Вепсская письменность и первый вепсский учебник «Азбука и первая книга для чтения» на латинице были подготовлены в 1930 году, но ее издание состоялось только в ноябре 1932 года из-за потери рукописи в Центроиздате в Москве. См.: *Смирнова Т. М.* Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области. С. 156—161.

⁹ В Ленинградской области к концу 1937 года насчитывалось 5 карельских начальных школ, в которых на родном языке обучалось около 300 детей. См.: *Смирнова Т. М.* Указ. соч.; *Баранцев А. П.* Указ. соч. С. 100.

¹⁰ В конце 1932 года началось обучение детей на родном языке в 37 из 57 школ у вепсов Ленинградской области. Судя по официальным данным, процесс перехода на вепскую письменность практически завершился в Ленинградской области к 1935 году. См.: *Смирнова Т. М.* Указ. соч. С. 156—161, 169.

Смена языковой политики началась с принятия в сентябре 1937 года Советом Народных Комиссаров Карельской АССР постановления «О переводе карельских и вепсских школ на родной язык обучения»¹¹, хотя упоминание о финском языке было изъято из Конституции Карелии только в июне 1938 года¹².

Новая политика продолжалась недолго. По воспоминаниям учителей, прошедших осенью 1937 года курсы переподготовки в связи с переходом на обучение на вепсском языке, преподавать им на родном языке в школах Шелтозерского района пришлось всего несколько дней¹³. Ленинградский обком ВКП(б), опережая принятое 24 января 1938 года постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ», в декабре 1937 года уже приступил к переводу обучения в национальных школах на русский язык. В проекте решения по предстоящей реорганизации указывалось, что «искусственное насаждение вепсских и ижорских школ является грубым извращением политики партии», и предлагалось перевести в них обучение на русский язык с 1 января 1938 года¹⁴. Перевод вепсских школ в школы «обычного» типа провели во всех регионах проживания вепсов: Ленинградской и Вологодской областях¹⁵, а также в Карелии. Запрет на использование вепсского языка в школах реально означал и

¹¹ Постановление Совета Народных Комиссаров Карельской АССР № 1064 «О переводе карельских и вепсских школ на родной язык обучения» было принято 21 сентября 1937 года. См.: НАРК. Ф. 630. Оп. 6. Д. 13/39. Л. 115, 116.

¹² *Строгальщикова З. И.* Вопросы языковой политики в Конституциях Республики Карелии // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 164.

¹³ Прионежье. 2004. Октября.

¹⁴ Но уже с 1936 года стал очевиден процесс сворачивания у вепсов образования на родном языке. В конце 1937 года в Ленинградской области началась подготовка к реорганизации национальных школ «в советские школы обычного типа». В январе 1938 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ», во исполнение которого ленинградскими властями уже через неделю — 5 февраля принимается аналогичное решение. В докладной о его исполнении от 5 марта 1938 года сообщалось, что с начала второго полугодия преподавание в вепсских школах уже переведено на русский язык. См.: *Смирнова Т. В.* Указ. соч. С. 168.

¹⁵ В 1937 году с созданием Вологодской области к ней отошла часть территории Ленинградской области с вепсским населением, где находились 4 вепсских и 6 вепско-русских начальных школ и одна вепско-русская неполная средняя школа с общим числом учащихся 729 человек. См.: *Смирнова Т. М.* Указ. соч. С. 159.

ликвидацию вепсской письменности¹⁶. Недолго просуществовала и созданная в 1937 году под руководством Д. В. Бубриха единая карельская письменность на кириллице¹⁷. После окончания советско-финской войны и преобразования в 1940 году КАССР в Карело-Финскую ССР в Карелии начинается период «второй финнизации»¹⁸. В принятой 9 июля 1940 года Конституции КФСР роль национального языка как обязательного атрибута союзной республики вернулась к финскому языку¹⁹, а карельская письменность ликвидировалась. После возвращения в 1956 году Карелии статуса автономной республики содержание статей новой конституции об использовании языков не изменилось²⁰. Однако статья с правом на образование в школах на родном языке сохранилась во всех конституциях Карелии до 1993 года²¹.

Сведения о том, какой язык карелы и вепсы считали родным, дают итоги переписей. По переписи 1939 года из 108,6 тыс. карелов родным язык своей национальности указали 96,0%, из 9,4 тыс. вепсов — 86,2%²². Ликвидация письменностей у карелов и вепсов, безусловно, стала в даль-

¹⁶ С 1936 года латинизированная письменность, в том числе и у многих малочисленных народов, стала переводиться на кириллицу, но решение о переводе вепсской письменности на кириллицу принято не было.

¹⁷ Баранцев А. П. Указ. соч. С. 101—103; Анттикоски Э. Попытка создания единой карельской письменности в конце 1930-х годов // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 154—160.

¹⁸ Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 228—232; Клиш Ю. Указ. соч. С. 221—228; Общая численность финского населения в Карелии в то время составляла всего 1,8% от населения республики (8 322 человека). См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 66.

¹⁹ Конституция (Основной закон) Карело-Финской Советской Социалистической Республики. М., 1940. С. 7, 15, 19, 20. При утверждении Конституции Карело-Финской ССР на Верховном Совете 9 июля 1940 года каждая статья проекта Конституции перед голосованием зачитывалась на финском и русском языках. См.: Советы Карелии. С. 208.

²⁰ Конституция (Основной закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1957. С. 10, 21—22, 31.

²¹ Стрoгальщикoвa З. И. Вопросы языковой политики... С. 164—165.

²² Сведения о родном языке у карелов, вепсов и финнов Республики Карелия по данным переписи 1939 года ранее не публиковались. Они суммированы по архивным данным Е. Клементьевым и любезно переданы автору. См.: Фонд Национального архива Республики Карелия. Оп. 1. Д. 128/1390. Л. 13—50.

нейшем одной из важнейших причин быстрой утраты ими родных языков, ускорила их этническую ассимиляцию, что вело к снижению их численности. К 1989 году карелов в республике насчитывалось 78,9 тыс. человек, а вепсов — 5,9 тыс. человек, из них родным свой язык считали 51,5% карелов и 37,5% вепсов²³.

Долгое время тема карельской и вепсской письменностей для исследователей была запретной. Ученый секретарь Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (далее — ИЯЛИ) Г. Макаров, выступивший в конце 1950-х годов на собрании карельских писателей о необходимости восстановления карельской письменности, был снят со своей должности²⁴. Спустя десятилетие появились статьи А. Баранцева²⁵ и М. Муллонен²⁶ о недолгой истории развития карельской и вепсской письменностей как лишь о событиях прошлого.

Ситуация стала меняться в начале 1980-х годов. Власти Карелии, скорее всего под воздействием каких-то внешних обстоятельств, обеспокоились организацией преподавания в школах финского языка. Карельский обком КПСС и Совет Министров принимают «в свете Конституции СССР и решений партии и правительства о развитии советской школы» совместное постановление от 12 февраля 1981 года «О состоянии и мерах улучшения преподавания финского языка в школах КАССР»²⁷. Ответственность за прежние упущения по укреплению позиций финского языка в республике возлагалась на министерство просвещения. В нем отмечалось, что оно «не координирует в должной степени научно-методические силы республики, не направляет их на разработку актуальных проблем преподавания финского языка»²⁸. Многочисленным организациям и ведомствам предлагалось принять меры по созданию условий для обучения учащихся на финском языке, расширению числа классов и групп, изучающих финский язык, изданию учебников, методических пособий и словарей, периодической и художественной лите-

²³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 3, 32.

²⁴ Керт Г. М. Очерки по карельскому языку. Петрозаводск, 2000. С. 76—77.

²⁵ Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967.

²⁶ Муллонен М. И. Вепсская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 105—109.

²⁷ Архив ГАОПДФ Карелии (Государственный архив общественно-политических движений и формирований Республики Карелия). Ф. 3. Оп. 37. Д. 56. Л. 2—6.

²⁸ Там же. Л. 3.

ратуры на финском языке, определить потребность республики в специалистах, владеющих финским языком до 1990 года, расширить тематику и качество теле- и радиопередач на финском и карельском языках. Ректорату ПГУ поручалось добиваться повышения качества подготовки учителей финского языка, улучшения материально-технической базы кафедры финского языка. В том же году с целью оценить перспективы преподавания финского языка в школах республики по приглашению Карельского обкома и Совета Министров республики в Карелии работала бригада из Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР, которая провела встречи с учителями, с представителями кафедры финского языка, ИЯЛИ, Союза писателей, Института усовершенствования учителей. Заключение московских специалистов расходилось с представлением карельской власти о роли финского языка в системе образования. По их мнению, финский язык должен изучаться по плану нерусских школ как родной язык только для финнов, а для карелов — лишь как иностранный и в таком качестве учитываться при поступлении абитуриентов в вузы. При этом предлагалось восполнить увеличивающуюся потребность в педагогических кадрах по финскому языку, организовав их подготовку в КГПУ²⁹. Взгляд со стороны не был воспринят руководством республики. Статистика, как и прежде, собиралась по четырем формам изучения финского языка: язык автономной республики, изучаемый углубленно, факультативно и как иностранный³⁰.

Постановление действовало до февраля 1986 года³¹. За пять лет его работы число изучающих финский язык увеличилось с 2 717 до 5 025 человек, а число школ с его преподаванием с 30 до 38³². Однако его итоги оценивались как неудовлетворительные: слабой признавалась разъяснительная работа о значении финского языка в социально-экономическом развитии республики и о возможностях его изучения, отмечались большая текучесть педагогических кадров и недостатки в учебно-воспитательном процессе³³. Но своеобразная попытка третьей финнизации дала противоположный результат. В процессе работы по расширению преподавания финского языка в национальных районах у карельской и вепсской интеллигенции возникли вопросы о будущем развитии языков своих народов, необходимости восстановления карельской и

²⁹ Там же. Л. 17, 49.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 97.

³² Там же. Л. 16, 31, 34, 81, 88, 94, 95.

³³ Там же. Л. 91, 93.

вепсской письменностей и их преподавании в школе. В ноябре 1981 года в районной газете «Коммунист Прионежья» появилась заметка заведующего Шелтозерским музеем А. Максимова о необходимости изучения вепсского языка в вепсском Прионежье³⁴. В 1983 году сотрудники ИЯЛИ Г. Керт и Л. Маркианова направили в Карельский обком КПСС «Записку по вопросу о воссоздании карельской письменности и усилении общественных функций карельского языка в Карельской АССР», которая, как отмечает Г. Керт, после двух обсуждений «тихо уплыла в архивы обкома»³⁵.

В 1986—1987 годах вопросы о необходимости восстановления карельской и вепсской письменностей, выборе основы для их алфавитов — латиницы или кириллицы, организации изучения карельского и вепсского языков в школах начинают активно обсуждаться в прессе³⁶. Они повлекли за собой обращения к властям о необходимости приступить к работе по возрождению языков коренных народов. В июне 1987 года директор Шелтозерской средней школы Р. М. Максимова направила в Совет Министров КАССР и исполком Прионежского районного Совета ходатайство с просьбой «ввести изучение вепсского языка, так как изучается финский язык, т. е. с введением в учебный план»³⁷. Исполком поддержал ее ходатайство и обратился в Совет Министров КАССР за содействием «в решении вопроса о введении вепсского языка как учебного предмета для учащихся Шелтозерской средней школы»³⁸. Министерство просвещения КАССР, которому поручалось ответить на письмо исполкома, заявило о своей поддержке этой инициативы и сообщило, что, ознакомившись с подготовленной Н. Г. Зайцевой «Краткой запиской по вопросам изучения вепсского языка и истории создания письменности», предлагает организовать под руководством Н. Г. Зайцевой инициативную группу по подготовке необходимых учебных программ и пособий и после их создания «получить разрешение Минпроса

³⁴ Коммунист Прионежья. 1981. 21 ноября.

³⁵ Керт Г. М. Указ. соч. С. 77.

³⁶ Подробнее о роли национальной интеллигенции в начальный период демократизации в просветительской и организационной деятельности по постановке и решению проблем возрождения и развития прибалтийско-финских народов Карелии. См.: *Строгальщикова З. И.* Национальная политика в Карелии во время перемен: проблемы, особенности, решения // Петрозаводск 300: Карелия в процессе перемен: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2004. С. 229—231.

³⁷ НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2.10—1. Л. 29.

³⁸ Там же. Л. 28.

РСФСР о включении вепского языка как предмета в учебный план Шелтозерской средней школы», а также «поручить кафедре финского языка и литературы госуниверситета подготовку кадров (возможно, за счет факультативных занятий)»³⁹. Но принятие решения об утверждении вепской письменности и организации преподавания вепского языка задерживал Карельский обком КПСС. Как пишет 13.08.1987 года И. Попов, старший референт Совета Министров, «Министерство просвещения КАССР не решает вопрос о возможностях введения вепского языка как учебного предмета для учащихся Шелтозерской средней школы. Эта проблема идеологического характера и должна решаться в Карельском обкоме КПСС... в обкоме изучается представленный материал по данной проблеме, он требует длительной проработки»⁴⁰.

С сентября 1987 года в Шелтозерской школе началось факультативное изучение вепского языка. Для поддержки решения учительского коллектива о включении вепского языка в учебный план в декабре 1987 года состоялось собрание граждан села Шелтозеро⁴¹. На него были приглашены члены инициативной группы по разработке вепского алфавита Н. Г. Зайцева и З. И. Строгальщикова⁴². Собрание приняло решение, что «все единодушны в том, что изучать вепский язык», и поручило инициативной группе под руководством зав. кафедрой финского языка и литературы М. И. Муллонен с участием научных сотрудников ИЯЛИ Н. Г. Зайцевой, И. И. Муллонен, З. И. Строгальщиконой и члена Союза писателей СССР А. В. Петухова «разработать алфавит вепского языка на русской основе», а после утверждения алфавита в том же составе начать подготовку программ и учебно-методической работы. Для оказания им «практической помощи в создании учебно-методической литературы» была избрана инициативная группа села, в основном из работающих и бывших учителей. Коллективу школы поручалось прове-

³⁹ Там же. Л. 30—33.

⁴⁰ Там же. Л. 34.

⁴¹ Там же. Л. 19—23.

⁴² Инициативная группа в составе М. М. Муллонен (председатель) и членов группы Н. Г. Зайцевой, И. И. Муллонен, З. И. Строгальщиконой и А. В. Петухова на заседании 27 августа 1987 года в документе «О разработке вепского алфавита и авторском коллективе Вепского букваря» предложила вариант алфавита вепского языка на основе кириллицы и поручила авторскому коллективу в составе Н. Г. Зайцевой (руководитель), М. И. Муллонен, З. И. Строгальщиконой к 1 декабря 1989 года представить рукопись вепского букваря. См.: НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2.10—1. Л. 17—18.

дение родительского собрания по вопросу изучения вепсского языка⁴³. Протокол и решение собрания направили в исполком Прионежского районного Совета с просьбой о содействии в получении положительного ответа от Совета Министров КАССР. Совмин переадресовал в начале 1988 года просьбу исполкома в Министерство просвещения РСФСР, приложив подготовленный М. Муллонен и Н. Зайцевой «Краткий свод правил орфографии по вепсскому языку для начальной школы», решение инициативной группы «О разработке вепсского алфавита и авторском коллективе Вепсского букваря», протокол и решение собрания жителей села Шелтозеро⁴⁴. В мае 1988 года в Совмине КАССР состоялось совещание совместно с представителями ИЯЛИ с целью обсудить «проект постановления о вепсском алфавите» для принятия решения на Президиуме Совмина. На нем возник вопрос и о карельском алфавите. Совещание предложило вынести на утверждение два варианта вепсского алфавита — на кириллице и латинице⁴⁵, а относительно карельского алфавита решило «провести опросы населения (родителей, учащихся, представителей партийных, советских органов) в Олонецком и Пряжинском районах в срок до 15 июня 1988 года»⁴⁶.

К концу 1988 года Карельский обком, как свидетельствует письмо (от 30.12.1988 г.) секретаря Карельского обкома КПСС В. С. Степанова в ЦК КПСС «О ходе подготовки Карельской областной партийной организации к Пленуму ЦК КПСС “О совершенствовании межнациональных отношений в СССР”»⁴⁷, уже признавал отсутствие письменности у карелов и вепсов как ошибки, допущенные в национальной политике, и сообщал о работе по их устранению. В нем впервые высказано мнение о необ-

⁴³ Там же. Л. 24.

⁴⁴ Там же. Л. 15—24.

⁴⁵ В рекомендациях регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки», которое состоялось спустя полгода (октябрь, 1988 год), предлагалось в 1989 году «объявить конкурс на создание Вепсского букваря» и «считать целесообразным в экспериментальном варианте создание букваря на кириллице». См.: Рекомендации регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 168.

⁴⁶ НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2.10—1. Л. 56—57.

⁴⁷ Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 45. Д. 120. Л. 155—161.

ходимости изучения вопроса о создании отдельной письменности для собственно карелов⁴⁸.

Совет Министров КАССР почти через два года с момента обращения вепсской общественности одобрил постановлением № 119 от 20 апреля 1989 года рекомендованные Ученым Советом ИЯЛИ «Алфавит и основные правила правописания карельского языка ливвиков», «Алфавит вепсского языка (на латинской основе)» и «Краткий свод правил орфографии по вепсскому языку для начальной школы (на латинской основе)»; «Алфавит вепсского языка (на основе кириллицы)» и «Краткий свод правил орфографии по вепсскому языку для начальной школы (на основе кириллицы)». Постановление обязывало Министерство народного образования КАССР, ИЯЛИ и Карельский институт усовершенствования учителей организовать работу по составлению программ, учебников, учебно-методических и наглядных пособий, обеспечить издание «букварей карельского и вепсского языков к 1990/91 учебному году и в последующие годы — необходимой учебной литературы и дидактических материалов»⁴⁹. Но оно не касалось вопросов организации преподавания карельского и вепсского языков в школах республики.

Утверждение Совмином карельской и вепсской письменностей санкционировало публикацию карельского и вепсского букварей, по рукописям которых преподавание карельского и вепсского языков проводилось уже с 1988/89 учебного года в некоторых школах Олонецкого района, а также в Рыборецкой и Шелтозерской школах Прионежского района.

В 1991 году из печати вышло два вепсских букваря — в Санкт-Петербурге на кириллице (авторы: Э. В. Коттина, Р. Ф. Максимова) и в Петрозаводске на латинице (авторы: Н. Зайцева, М. Муллонен)⁵⁰. Позднее учителя вепсского языка свой выбор сделали в пользу букваря на латинице.

Первым документом по организации преподавания карельского, вепсского и финского языков стала утвержденная в ноябре 1990 года Коллегией Министерства народного образования республики «Программа обновления и развития национальной школы в Карельской

⁴⁸ Там же. Л. 157.

⁴⁹ НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 1125/4873. Л. 27—40.

⁵⁰ Максимова Р. Ф., Коттина Э. В. Букварь для 1 класса вепсских школ. СПб., 1991; Zaicva N., Mullonen M. Abekirj. Petroskoi, 1991.

АССР на 1991—1995 гг.» (авторы: Н. Г. Зайцева, С. П. Пасюкова)⁵¹. Учитывая слабое владение детьми карельским и вепсским языками, в ней, в отличие от общепринятого представления о национальной школе как школе с преподаванием всех предметов на родном языке, национальной школой в Карелии было определено учебное заведение в местах компактного проживания карелов и вепсов, где «пятьдесят и более процентов учащихся — это дети, родители которых являются представителями коренных национальностей»⁵². К национальным карельским отнесли 51 школу с числом учащихся 10 078 человек, из них на тот период 5 842 человека являлись детьми из карельских семей, а в местах проживания вепсов — 3 школы с 524 учащимися. У 313 из них родители были вепсы⁵³. Здесь в процесс воспитания и обучения должен был активно вводиться родной язык и одновременно необходимо было проводить знакомство с историей, географией, фольклором, литературой Карелии. В дальнейшем предполагался перевод ряда гуманитарных предметов на родные языки. Школа должна была стать «реальным центром возрождения родного языка и культуры»⁵⁴. Разрешалось открывать классы, группы и кружки для факультативных занятий по языку в детском саду и в школе при пяти и более желающих. На изучение родных языков как предмета отводилось по 4 часа в неделю в начальной школе. Программа должна была переориентировать педагогическую общественность от ранее существующего запрета на употребление карельского и вепсского языков в детских садах и школах на максимально широкое использование навыков родной речи в учебном процессе и во внешкольной работе. Первыми преподавателями родных языков стали педагоги разных специальностей, владеющие своим языком и прошедшие специальную курсовую подготовку. Предстояло подготовить и издать 34 учебника и учебно-методических пособия⁵⁵, большая часть их, хотя и позднее, чем намечалось, была издана. Резкий поворот не мог произойти сразу — не было учебников, профессиональных кадров для преподавания языков, еще сохранялось представление о карельском и вепсском языках как неprestижных. Но успехи были очевидны: если в 1989/90 учебном году карельский язык изучал 301 ученик в 11 школах,

⁵¹ Программа обновления и развития национальной школы в КАСР на 1991—1995 годы. Петрозаводск, 1991.

⁵² Там же. С. 2.

⁵³ Там же. С. 24—26.

⁵⁴ Там же. С. 3.

⁵⁵ Там же. С. 30—36.

вепсский — 59 учеников в 2 школах, то к 1993/94 учебном году число изучающих вепсский язык в тех же школах увеличилось до 143, т. е. в 2,5 раза, а изучающих карельский язык — в 5 раз, т. е. до 1 487 учеников. Число школ с преподаванием карельского языка возросло в 5 раз — до 55. Показательно, что в 2002/03 учебном году их в республике стало меньше — 47, а число учеников, изучающих карельский язык (в 1995—1996 годах изучали 2 522 человека), уменьшилось до 1 792 человек. Такому успеху, безусловно, содействовало то, что организация преподавания родных языков являлась в то время непосредственной компетенцией одного из заместителей министра образования. К сожалению, такая должность в Министерстве народного образования просуществовала лишь до апреля 1994 года.

Важную роль в привлечении кадров к преподаванию карельского, вепсского и финского языков сыграло решение Государственного комитета по труду и социальным вопросам РК о предоставлении права органам местного самоуправления и Министерству образования «в целях содействия условий для возрождения национальных языков и культур» увеличивать до 50% тарифные ставки (оклады) педагогическим работникам (учителям, воспитателям) карельского, вепсского и финского языков⁵⁶.

Языковая политика в Карелии с самого начала демократизации имела свои особенности. Большинство бывших автономных республик в своих декларациях о Государственном суверенитете заявили о повышении статуса языков коренных народов, признании их наравне с русским государственными⁵⁷. Позднее статус их как государственных был утвержден в республиках конституционно. В Декларации о государственном суверенитете КАССР, принятой Верховным Советом 9 августа 1990 года, лишь указывалось, что республика гарантирует «возрождение национальной самобытности коренных народов»⁵⁸. Это объяснялось тем, что карельский язык только что вновь обрел письменность, им владела лишь половина карелов, а доля их среди населения республики состав-

⁵⁶ Письмо Государственного комитета Республики Карелия по труду и социальным вопросам от 17.02.1993 года уже 19.02.1993 года с резолюцией «для сведения и руководства» было доведено Министерством народного образования до районных и городских органов управления образованием, директоров педучилищ.

⁵⁷ Тексты деклараций о суверенитете республик в составе Российской Федерации. См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. Кн. 3. Ч. 2. М., 1993. С. 20—57.

⁵⁸ Ленинская правда. 1990. 11 августа.

ляла всего 10%. Какой из языков — карельский или финский — должен стать государственным? Этот вопрос был в то время дискуссионным даже среди карельской общественности. Поэтому законодательно предлагалось дать возможность принятия решений по интенсивному развитию языков коренных народов в самой заинтересованной среде — в местах компактного проживания карелов, вепсов и финнов. Это являлось одной из основных целей принятого Верховным Советом Карелии в ноябре 1991 закона «О правовом статусе национального района, национального поселкового и сельского Советов в Республике Карелия»⁵⁹. В соответствии с ним местные органы власти на национальных территориях получали право открывать в детских садах группы с воспитанием детей на родных языках, вводить преподавание на нем в школах или его изучение как обязательного предмета, использовать наряду с русским в деятельности предприятий, учреждений и организаций.

Решение о создании национальных районов и сельсоветов принималось референдумом всего населения территории, претендующей на данный статус. В соответствии со ст. 10 данного закона для дополнительного финансирования языкового и культурного развития коренных народов на национальных территориях Советом Министров в мае 1992 года был создан Фонд национального возрождения малочисленных народов Карелии⁶⁰, который просуществовал до 1994 года. В 1992 году статус национальных получили карельский Калевальский район и вепсский Шелтозерский сельсовет⁶¹, в 1993 году — Рыборецкий и Шокшинский вепские сельсоветы Прионежского района⁶². В начале 1994 года все вепские сельсоветы объединились в самостоятельную единицу местного самоуправления — Вепскую национальную волость⁶³. Попытки проведения референдумов в других местах компактного проживания карелов по приданию им статуса национальных оказались неудачными. Но возможностями данного закона не в полной мере воспользовались и те территории, которые получили статус национальных. В Вепской волости с 1994/95 учебного года вепсский язык во всех школах начали изучать как предмет. В Калевальском районе по числу изучающих карельский язык уступал финскому. В 2002/03 учебном году его изучали как предмет всего 45 учеников, а финский — 812.

⁵⁹ Ведомости Верховного Совета. 1992. № 2(14). Ст. 256, 257.

⁶⁰ Ведомости Верховного Совета. 1992. № 5(17). Ст. 319.

⁶¹ Ведомости Верховного Совета. 1992. № 3(15). Ст. 270.

⁶² Ведомости Верховного Совета. 1993.

⁶³ Ведомости Верховного Совета. 1994. № 3—4(39—40). Ст. 625.

Период с 1990 по 1994 год стал временем самого активного и плодотворного диалога общественных национальных организаций с властью. Все решения властей в сфере развития национальных языков и культуры принимались по их инициативе. С учетом резолюции Национального конгресса карелов, вепсов и финнов, состоявшего в г. Петрозаводске в ноябре 1992 года⁶⁴, Президиумом Верховного Совета Республики Карелия в январе 1993 года принимается Постановление, в котором поручалось Совету Министров подготовить «Государственную программу возрождения языка и культуры карелов, вепсов и финнов», разработать и внести предложения по организации изучения карельского, вепсского и финского языков в детских дошкольных учреждениях и школах республики, создать отделы в Министерстве народного образования по национальной школе, а в Министерстве культуры — по вопросам возрождения и развития культуры. Ректорату и Ученому Совету ПетрГУ было предложено рассмотреть вопрос о создании факультета финно-угорской филологии и культуры. Значительная часть этих предложений была реализована республиканскими органами власти. В это время создаются все ныне действующие государственные учреждения и организации, ответственные за развитие карельского, вепсского и финского языков и культуры: издательство «Периодика» — по изданию литературы на карельском, вепсском и финском языках, начавшее выпуск газет на карельском («Ома муа») и вепсском («Кодима») языках, Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете Министров (ныне Государственный комитет по делам национальной политики), Республиканский центр национальных культур; открыты кафедра карельского и вепсского языков в ПетрГУ на факультете прибалтийско-финской филологии и культуры и межфакультетская кафедра родных языков (карельского и вепсского) в Карельском государственном педагогическом университете, Финно-угорская школа им. Э. Лённрота в г. Петрозаводске. На принятую в 1994 году «Государственную программу возрождения языка и культуры карелов, вепсов и финнов» средства выделялись отдельной строкой в бюджете республики. В 2000 году ее действие прекратилось.

Вопросы образования и культуры коренных народов регулируют и принятые в 1994 году республиканские законы «Об образовании» и «О культуре», подготовленные после принятия соответствующих федеральных законов. В ст. 6 «Языки обучения» закона Республики Карелия «Об образовании» гарантировалось «создание условий для получения

⁶⁴ Карелия. 1993. 21—27 января.

основного общего образования на родном языке для представителей коренных малочисленных народов (карелов, вепсов)»⁶⁵. В новой редакции закона (1997 г.) ее формулировка изменилась. Названия народов не упоминались, а получение основного общего образования на родном языке гарантировано республикой «для коренных и малочисленных народов»⁶⁶. Законом вводилась обязанность Министерства образования Карелии оказывать методическую и консультационную помощь в преподавании карельского и вепсского языков органам управления образованием регионов компактного проживания карелов и вепсов — Тверской, Ленинградской и Вологодской областей. В карельский закон вошла и норма Федерального Закона о финансировании из региональных бюджетов затрат на внедрение национально-регионального компонента в вузовское образование. Это позволило оказывать финансовую помощь из бюджета республики факультету прибалтийско-финской филологии и культуры ПетрГУ и кафедре родных языков КГПУ.

В республиканском законе «О культуре»⁶⁷ в числе приоритетных направлений в сфере культуры определена и государственная поддержка по развитию культуры коренных малочисленных народов (карелов, вепсов), сохранению культурного наследия. Закон устанавливал 25% надбавку к окладу специалистам, использующим в работе карельский, вепсский и финский языки в редакционно-издательской работе, библиотеках, музеях, архивах, на радио, телевидении и в других учреждениях, связанных с культурной деятельностью.

С окончанием срока действия «Программы обновления и развития национальной школы в Карельской АССР на 1991—1995 гг.» возникла необходимость дальнейшего уточнения путей развития национальной школы в Карелии. В апреле 1997 года правительством Карелии была утверждена «Концепция развития финно-угорской школы Республики Карелия». В ней современная финно-угорская школа была определена как «общеобразовательное учреждение со смешанным контингентом учащихся, расположенное в местах компактного проживания карелов, вепсов и финнов, в содержании образования которого в рамках национально-регионального компонента присутствует изучение языка, культуры, истории, быта и традиций указанных народов, а организация образовательного процесса строится с учетом интересов этносов». «Кон-

⁶⁵ Закон Республики Карелия «Об образовании», принят на 23-й сессии Верховного Совета Республики Карелия 18 января 1994 года. Петрозаводск, 1994.

⁶⁶ Собрание законодательства Республики Карелия. 1997. № 4. Ст. 356. С. 7, 19.

⁶⁷ Собрание законодательства Республики Карелия. 1995. № 2(5). Ст. 294.

цепция» в развитии идей, заложенных в предшествующей «Программе», более последовательно утверждала преемственность национального образования, определяя задачи каждого этапа — от дошкольного до послевузовского профессионального, связанного с национальным языком и культурой. Для самой важной ступени — начальной школы, как и ранее, на преподавание предметов «Родной язык» и «Родное чтение» должно отводиться не менее 4 часов в неделю. При изучении языков классы с числом учащихся более 12 человек должны делиться на подгруппы. В начальной школе планировались переход ряда предметов на преподавание на карельском, вепсском, финском языках или хотя бы частичное их использование при преподавании отдельных предметов (например, природоведения, музыки, физического и трудового воспитания).

При утверждении «Концепции» Председателем Правительства поручалось Министерству образования и Государственному комитету по национальной политике до 1.07.1997 г. разработать «Программу развития финно-угорской школы Республики Карелии на 1997—2001 годы» как составную часть «Республиканской программы развития образования». Это поручение осталось невыполненным. Его подготовка в тот период была особенно важна, поскольку уже тогда наметилась тенденция к сокращению численности учеников, изучающих карельский, вепсский и финский языки, и числа школ с преподаванием этих языков. Ослабление внимания органов исполнительной власти к решению национальных проблем побудило депутатов в марте 1998 года обсудить на парламентских слушаниях вопрос: о ходе выполнения в Карелии Федеральных Законов и законов Республики Карелия «Об образовании», «О культуре» в части положений по возрождению и развитию культур карелов, вепсов и финнов и организации школьного преподавания языков этих народов. В рекомендациях парламентских слушаний отмечались как достижения, так и недостатки в работе исполнительных органов власти и предлагались меры по их устранению⁶⁸. Но предложения парламентских слушаний остались без внимания избранных в 1998 году депутатов ЗС и нового состава Правительства Карелии. С целью привлечь новое руководство Министерства образования к проблемам национальной школы общественные организации добились принятия в июне 1999 года Постановления Правительства Республики Карелия «О мерах по совершенствованию обучения карельскому, вепсскому и финскому

⁶⁸ Собрание законодательства Республики Карелия. 1998. № 8—9. Ст. 638; № 6. Ст. 471.

языкам в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия»⁶⁹. В нем наряду со многими другими поручениями предусматривалось учреждение в Министерстве образования должности заместителя министра образования с поручением курирования ему вопросов развития национального образования и создание отдела по национальной школе. К сожалению, они остались невыполненными.

В соответствии с данным постановлением Министерством образования и Государственным комитетом по делам национальной политики была подготовлена Республиканская программа «Финно-угорская школа Республики Карелия на 2000—2002 годы». Цель программы определена как «создание условий для развития финно-угорской школы республики как основного звена в возрождении языков и культур карелов, вепсов и финнов в рамках возможностей, предоставляемых действующей системой образования». Последнее дополнение противоречит положению республиканского закона «Об образовании», гарантирующего для коренных и малочисленных народов, независимо от имеющихся в настоящее время возможностей, даже получение образования на родном языке. В конце 2001 года Министерство образования Карелии сделало попытку снять это положение из республиканского закона «Об образовании», а также статью о его обязанности оказывать методическую помощь органам управления образованием регионов, где также проживают карелы и вепсы. Это намерение министерства входило в противоречие со статьей, внесенной в феврале 2001 года по настоянию национальных организаций в текст Конституции Карелии: «В Республике Карелия осуществляются меры по возрождению, сохранению и свободному развитию карелов, вепсов и финнов, проживающих на ее территории»⁷⁰. Поправки в республиканский закон «Об образовании» представлялись министерством в «целях приведения его в соответствие с федеральным законодательством». Предложенный проект изменений в закон был принят Законодательным Собранием РК в первом чтении, но после обращения к Председателю Правительства РК Председателя Общества вепсской культуры нормы закона в части национального образования при его окончательном принятии были восстановлены в прежней редакции.

Самые длительные дискуссии в республике велись о необходимости принятия закона о языках в Республике Карелия, который, по мнению национальных организаций, должен был придать карельскому языку статус государственного. Однако впервые его проект был представлен в

⁶⁹ Собрание законодательства Республики Карелия. 1999. № 6. Ст. 885.

⁷⁰ Карелия. 2001. 15 февраля.

Законодательное Собрание только в январе 1998 года, но не прошел даже первое чтение⁷¹. Определенным компромиссом власти и национальных организаций явился принятый в марте 2004 года закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», который определяет меры защиты данных языков как языков этнических меньшинств⁷². Его реализация предусмотрена через «Программу по сохранению, изучению, развитию и использованию карельского, вепсского и финского языков», работа над которой Государственным комитетом по делам национальной политики пока не завершена.

Подводя итоги сложному и насыщенному периоду становления национального образования в Республике Карелия, следует отметить, что демократизация общественной жизни страны обусловила возможность непосредственного и активного участия в формировании государственной политики в этой сфере представителей общественных национальных организаций, в том числе научной интеллигенции. Подготовленные с ее участием в этот период республиканские законодательные акты, концепции и программы, определяющие идеологию и стратегию развития национального образования, в большей степени отражали представления карельской и вепсской интеллигенции о путях развития национальных школ, чем ответственных за их исполнение государственных структур. Однако такие важные предложения национальной общественности, как создание отдела по национальной школе в Министерстве образования, отдела по развитию национальной культуры в Министерстве культуры, хотя и были поддержаны решениями Президиума Верховного Совета Республики Карелия, так и остались нереализованными. Как и прежде, несмотря на радикальные изменения периода демократизации, многие государственные гарантии по развитию карельского, вепсского и финского языков в республике остаются декларативными, а перспективы их дальнейшего существования весьма проблематичными. В определенной мере слабую эффективность действующего законодательства в республике по развитию языков и культуры прибалтийско-финских народов Карелии исследователи связывают и со снижением в последние годы активности национальных общественных организаций в отстаива-

⁷¹ Подробнее об этом см.: *Клементьев Е. И.* В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия // *Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации.* М., 2003. С. 40—53.

⁷² Карелия. 2004. 23 марта.

нии прав своих народов⁷³. Как и везде, права предоставляются только тем, кто способен их добиться.

© М. А. Титова

КАРЕЛЬСКИЙ ВЕДУН «TIEDOINIEKKU»: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (НА ЮЖНО-КАРЕЛЬСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Зарубежная и отечественная научно-публицистическая литература накопила достаточное количество сведений о разного рода ведунах, колдунах, знахарях вообще и о карельских ведунах, в частности. Используя литературу, а также материалы фонотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН и собственные полевые наблюдения, попытаемся воссоздать социально-психологический портрет карельского ведуна «*tiedoiniekku*». Основные вопросы здесь: мужчина это или женщина; его/ее возраст; социальный статус в деревенской общине; взаимоотношения с окружающими; его/ее магическая сила.

Для начала обратимся к понятию «*tiedoiniekku*». Перевести его на русский язык одним словом достаточно сложно, т. к. «в соответствующей русской мифологической лексике существует огромное количество наименований персонажей, владеющих магическими знаниями и силой» (Криничная Н. А., 2000, 12). Известный российский фольклорист Н. А. Криничная в монографии «Русская народная мифологическая проза», обращаясь к дифференциации ведьм, колдунов и т. д. и пытаясь определить место знахаря среди них, приводит наиболее часто встречающиеся из этих наименований: «*ведун, ведунья* — колдун, волшебник, знахарь, ворожея; *вещей, вещун, вещунья* — ведун, колдун, волхв; знахарь, гадальщик, ворожея; предсказатель, прорицатель; *ворожбит, ворожец, ворожея* — промышляющий ворожею, шёптами, лечением; знахарь, шептун, ведун; *кудесник* — тот, кто кудесит, т. е. волхвует, колдует, занимается чарами, ворожею, заговорами и т. д.». «Кроме того, — отмечает Н. А. Криничная, — основные наименования буквально растворяются во множестве синонимов» (Криничная Н. А., 2000, 12—15).

Карельская лексика на удивление скудна в этом отношении и дает нам два основных наименования: «*tiedoiniekku (tiedoinikka, tiedoinik)*» и «*tiedäi (tiedäjä, tietäjä)*». Для карела *tiedoiniekku* — это и знахарь, и кол-

⁷³ Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 59.

дун, и ворожея, и весь прочий «приколдовывающий люд». Этимологический словарь финского языка объясняет понятия *«tiedoiniekku»* и *«tiedäi»* следующим образом: *tietäjü, tiedäjü, t'-, tiedäi* — taikuri, noita ('колдун/чародей, ведьма'); *tietävä* ('знающий, ведающий'); *osaava* ('умеющий, знающий, обладающий знанием, осведомленный'); *tiedokas* ('умный, мудрый, толковый') (перевод здесь и далее мой. — М. Т.). *Tiedoinik, -ikke, tiedoiniekke* — *tietäjä* (taikan yms) ('знающий волшебство, колдовство и т. д.); *noita* ('колдун/колдунья, ведьма') (SKES, 1975).

Возвращаясь к вопросу о дифференциации различных ведунов, отметим, что всех знатоков знахарского искусства в карельских деревнях делят на две основные группы — *плохой/хороший*: *«hyvät tiedoiniekat»* («хорошие, делающие добро ведуны»), *«pahat tiedoiniekat»* («плохие, злые, наносящие вред ведуны»). Это «народное» деление восходит к одной из основных культурных оппозиций — *«добро/зло»* (Кляус В. Л., 2000, 7).

Нам встретился также термин *pahoittajat* («порчельники»), употребленный в качестве синонима определения *«pahat tiedoiniekat»* («On hyvii dai pahoi tiedoiniekkoi, pahoittajii, kuduat pahua ristikanzale luajitah». «Есть хорошие и плохие знахари, порчельники, которые плохое человеку делают») (Фонотека, кассеты 3528, 3530).

Обращает на себя внимание употребление русского заимствования *koldovšiekkü* — «колдун». Данное наименование несет в себе, скорее, негативное значение. По представлениям деревенских жителей, это персонаж, обладающий огромной магической силой, таящей угрозу. В отношении него чаще всего употребляются два определения *«suuri»* («большой») и *«paha»* («плохой, злой»).

Репутация ведунов приписывается также людям определенных профессий. Человек, владеющий каким-либо особым ремеслом, был «как правило, в общине обособлен, нетипичен, отличался социальным статусом», обладал индивидуальным (негрупповым) знанием. Носителями такого знания были пастухи, мельники, печники, кузнецы и т. д. (Никитина Н. А., 1928, 301; Новик Е. С., 1984, 195).

В качестве ведунов осмысляются и всевозможные распорядители семейно-родовых обрядов: бабка-повитуха, причитальщица, свадебный дружка и др. (Криничная Н. А., 2000, 20).

В Карелии к разряду знахарей причисляют людей таких профессий, как пастух — *paimoi*, который вступает в сговор с «хозяйном леса», что помогает ему уберечь стадо от лесного зверя, найти заблудившуюся скотину. Ему известны магические обряды, обеспечивающие сохранность и послушание скота, а также способы его лечения.

Интереснейшей фигурой с точки зрения мифологического миропонимания карелов является кузнец — *seppu*, которого также воспринимали как носителя тайного знания. Ведь ему были известны происхождение огня и железа, истоки их силы. Согласно логике наших предков, лишь тот, кто знает родословную вещей, тайну их происхождения, может одержать верх над ними. А кузнец смог укротить одну из самых могущественных стихий — огонь, да к тому же с его помощью «родил» металл, к которому древний человек испытывал благоговейное отношение. Не удивительно, что в глазах первобытного общества кузнец стал фигурой, наделенной сверхъестественными способностями. Он становится одним из главных культурных героев древних карельских рун, который известен нам как кузнец Илмаринен. Очень точно подметил исследователь эпических песен и «Калевалы» Э. С. Киуру: «Похоже, что процесс превращения обычной болотной «грязи» (т. е. руды — *M. T.*) в металл представлялся для далеких наших предков столь удивительным, что древний поэт выразил его как возникновение из пламени кузнечного очага различных предметов, диковинных животных и в конце концов даже золотой девы как венца кузнечного искусства» (Киуру Э. С., Мишин А. И., 2001, 108). В древних заклинаниях его называют не иначе как «*Itse Ilman Jumala*», «*Itse Ilma*» и просят помощи в лечении ран (см., например: SRVR, II, 776; SKVR, V, 3157; SKVR, VII, 1629).

Отголоски таких представлений дошли и до наших дней. Например, в беседе один из наших информаторов заметил, что если бы сейчас в деревне был кузнец, можно было бы «к нему за ключами от сыновей сходить»* (т. е. чтобы родился сын), подчеркнув тем самым роль кузнеца как магического кователя.

Сильным колдуном у карелов считался *pai'v'aška* — свадебный чин, мужчина-колдун, сопровождающий молодых на свадьбе. В его обязанности входило защищать молодых от всего дурного в особо опасный переходный момент их жизни, обеспечить посредством магических действий дальнейшее процветание и плодovitость семьи. У Ю. Ю. Сурхаско, специалиста в области свадебной обрядности, читаем: «Одной из особенностей дошедших до нашего века представлений карел о человеке как индивидууме и его взаимоотношениях с окружающими людьми являлась вера в существование у каждого человека своего собственного духа покровителя “халдиа” (букв. “хозяин”, “владыка”). Эти личные халдиа у всех разные: у одного он сильный, у другого — послабее, у третьего — еще слабее. Именно от силы хал-

* Из личной фонотеки автора.

диа якобы зависит способность человека противостоять бедам, а также способность воздействовать на окружающий мир. Но в жизни человека бывают опасные моменты, когда халдия покидают его. В частности, к таким ответственным моментам относили время вступления в брак: считалось, что жених и невеста, оставшись без халдия в связи с переходом из сословия неженатой и незамужней молодежи в сословие взрослых, семейных людей, чрезвычайно подвержены “порче” и вообще всяким заболеваниями» (Сурхаско Ю. Ю., 1989, 100; 1977).

Особым почтением в Карелии всегда пользовалась повивальная бабка — *n'ababuabo*, знавшая «женские» недуги и детские хвори, умевшая помочь женщине в родах, защитить роженицу и новорожденного от нечистой силы.

Магическими функциями обладала *ikettäi, ikijä* — плакальщица, вопленица. Она выступала «посредницей между живыми и мертвыми» в процессе похоронного обряда и между невестой и родовыми духами-хранителями в ходе свадьбы (Конкка У. С., 1992, 262).

Как видим, среди карельских ведунов есть и мужчины и женщины. Подтверждением этому могут служить также персонажи карельского фольклора. К примеру, *злая ведьма Сюятар* из карельских сказок — яркий пример женщины-колдуньи. Обратившись к рунам карело-финского народного эпоса «Калевала», мы познакомимся с его основными героями: *Вяйнямёйненом* — *искусным ведуном*, использующим заклинания для обустройства Калевы и в борьбе с *Лоухи* — *колдуньей*, хозяйкой враждебной миру Вяйнямёйнена Похьёлы, которая, применяя свою магическую силу, вредит народу Калевы. Вернувшись из мира мифологического в мир реальный, мы вспомним выражение из карельского языка *«kävvä babiloih»* (досл. «ходить к бабкам»), подразумевающее обращение за помощью к женщинам-знахаркам. А в работе отечественных и зарубежных фольклористов и этнографов найдем упоминания об именитых карельских ведунах-мужчинах, таких как, например, Архиппа Перттунен, Ондрей Малинен, Миина Хуовинен, Миихкали Ремшуев, Пахом Мелентьев и др. (см., например: Siikala A. L., 1980, 54—79; Niemä A. R., 1921; Paulaharju S., 1921, 268—277).

Главное, что отличает ведуна от обычного жителя деревни, — это обладание неким магическим «знанием» и особой «силой». Остановимся подробнее на том, что же знал человек посвященный.

Tiedoiniekku — центральная фигура любого обряда, распорядитель магического действия. «Обряд воспринимается как целое только непосвященным» (Щепанская Т. Б., 1990, 9). Исполнитель же применительно к конкретной ситуации собирает воедино его отдельные составляю-

щие: магические предметы, заговоры, жесты. Но для ведуна знание — это не только знакомство с правилами совершения обряда, порядком манипуляций, набором атрибутов. Он знает, что каждое из этих средств несет определенную информацию, и умеет нужным образом эту информацию использовать. Ему известен тайный смысл магических средств.

Приведем пример. В одном из обрядов поднятия девичьей славы используется в том числе и муравейник: девушка должна опустить в муравейник ленту и произнести: *Kui kudžoit täs ymbäri kerrytäh, mugai brihat minus ymbäri kerrytähes* («Как муравьи вокруг нее собираются, так и кавалеры пусть вокруг меня собираются») (Фонотека, кассета 711). В данном случае муравейник воспринимается как магическое средство, поскольку обладает особой «силой». Смысл манипуляций с муравейником состоит в том, чтобы связать магическое средство (муравейник) с практическим результатом (повышение интереса кавалеров к девушке). Муравейник, а точнее муравьи, — это образ цели. Так же, как сейчас, они снуют вокруг ленты, должны засуетиться кавалеры вокруг девушки. Не случайно и использование ленты. Она тоже превращается в магическую, т.к. несет информацию о девушке (именно об этой девушке хлопочу, именно ей не достает внимания женихов, именно ею они должны заинтересоваться).

Но и знания смысла ритуальных предметов, жестов, слов было недостаточно, чтобы обрядовое действие принесло положительный результат. Знахарь знал, что должно произойти после совершения обряда. «В отличие от непосвященных, он учитывал перспективу практического воплощения своего знания». Только для него обряд был сигналом к началу действия (Щепанская Т. Б., 1990, 19).

К примеру, лечение вывиха — *hiveldys* в южно-карельской деревне выглядит для непосвященного следующим образом: знахарь закрепляет на больном месте сплетенную из двух нитей — шерстяной и хлопчатой — магическую нить, называемую в карельском языке *lugulangu* (букв. нить, на которую наговаривают, заговорная нить). При этом он трижды произносит заговор, слова которого объясняют его действия:

*Pyy pyrähthih, mua jyrähthih,
Jesuksel Kristuksel suoni särähthih,
rabal (nimi) suoni sojahtih.
Kus luu liikui, sih minä luun liitän,
kus suoni sordui, sih minä suonen solmien
alle nahkan nägemöttömäke,
piäle nahkan kuulumattomäke,
täl čuasul, täl minuutal, amin!*

*Рябчик вспорхнул, земля содрогнулась,
у Иисуса Христа жила дрогнула,
у раба (имя) жила подвернулась.
Где кость сдвинулась, там я кость воссоединю,
где жила опустилась, там я жилу (узлом) завяжу
под кожей невидимой,
поверх кожи неслышимой,
в этот час, в эту минуту, аминь!*

(Фонотека, кассета 3528).

После этого пациента отпускают и наказывают прийти снова через три дня. Остальное ускользает от восприятия наблюдателя. Знахарь же знает, что нить «lugulang» заговорена, заговаривая ее, он завязал на ней девять узелков. Таким образом он передал магической нити «память» о недуге и поставил задачу избавиться от него, а также «закрепил» заговор. Этот заговор должен действовать и тогда, когда больной уйдет от знахаря. Все это — сигнал к началу практического действия обряда (борьба с недугом) для достижения конечной цели (изгнание недуга).

Знахарь также знает, что действует заговор три дня, именно поэтому через три дня его нужно будет повторить. Затем будет еще два визита через три дня. Девять дней — именно тот срок, который нужен для лечения вывиха, а числа «три» и «девять» также обретают магический смысл.

Кроме того, знахарю известна роль нити в данном обряде — это еще и оберег. Как отмечает исследовательница карельского фольклора Н. А. Лавонен, здесь прослеживается «вера в магическую роль преграды в форме круга (нить обвязана вокруг больного места — *М. Т.*), не доступную недоброжелательным духам» (Лавонен Н. А., 1977, 78). Оберег необходим, т. к. человек «поврежден» (*oigen hengi on rikottu 'праведная душа повреждена'*) и поэтому наиболее уязвим для действия злых сил.

Еще знахарь может предположить, что в указанный срок пациент, возможно, придет без нити. Он даже не сможет объяснить, где и когда ее потерял. Для знахаря это сигнал того, что программа врачевания реализована и цель достигнута. Наступило время уничтожения «памяти» о недуге, поэтому магическая нить развязалась и исчезла.

Итак, для ведуна «силу» обряда составляет, в первую очередь, заключенная в нем информация о будущем деле, своего рода подробная программа для достижения цели.

Особое знание обеспечивает ведуну определенные преимущества и влияние в обществе. Основным преимуществом знахаря всегда было осо-

бое почтение к нему остальных жителей деревни. Из страха перед его таинственной силой к нему относятся с подчеркнутым уважением. К числу преимуществ некоторые исследователи относят повышенное вознаграждение и обеспечение в старости. К примеру, Т. Б. Щепанская, рассматривая образ пастуха в качестве «знающего» человека, пишет: «Осенью при расчетах ему дарили “благодарность” — часы, костюм, шапку — сверх положенной по договору платы... Кроме того, «знающий» пастух мог рассчитывать на особое вознаграждение за совершение обрядов... В пастуший праздник — день св. Георгия — для пастуха по всей деревне собирали пироги, масло, творог, яйца. Переставая пасти (т. е. в силу различных причин вообще отказавшись от пастушьих обязанностей — М. Т.), он начинал обучать обходам новых пастухов, причем обучение практическим приемам само по себе осуществлялось бесплатно, за магические же знания и предметы полагалась значительная плата — от 50 коп. до 10 руб. серебром» (Щепанская Т. Б., 1990, 22—23).

Финская исследовательница А. Л. Сиикала называет знахарство «своего рода приработком», приносящим человеку, его практиковавшему, дополнительный доход. «Знахарь не определяет плату, — отмечает она в своей работе «Suomalainen šamanismi», — несмотря на это ему все-таки необходимо что-либо дать, хоть соринку с земли, чтобы колдовство подействовало. И хотя мы не знаем никого, кто разбогател, знахарствуя, известный народный лекарь мог прокормить семью при помощи своей профессиональной деятельности» (Siikala A. L., 1992, 74).

В собранном нами полевом материале имеется информация о получении знахарями дорогих подарков (например, лошади) за лечение, но это было, скорее, исключением, чем правилом. Информаторы отмечают, что за свою работу знахарь денег никогда не брал, но «что-нибудь ему обязательно нужно было дать», отблагодарить, чтобы «сделанное» пошло на пользу (*Passiboija tiedoiniekkü pidäy ob'azat'el'no, tuite tolkuu ei rodie* 'Отблагодарить знахаря нужно обязательно, иначе толку не будет'; *Andua midägi jällespäi pidäy, paikku sie čota, libo čuajuu, midä sie voit* 'Дать после что-нибудь нужно, платок там красивый или чаю, что можешь') (Фонотека, кассеты 3528, 3530).

Магические знания ведун хранит в большой тайне. Поддерживать вокруг себя ауру таинственности ему помогают многочисленные народные поверья и запреты, т. е. «комплекс правил и предписаний, соблюдение которых представляется условием сохранения “силы” обряда» (подробнее см.: Максимов С. В., 1903; Круковский М. А., 1904, 252; Щепанская Т. Б., 1990, 27—30). До наших дней дошел, к примеру, запрет сообщать о магических средствах, если знахарь сам ими еще пользуется.

Некоторые лечебные обряды запрещают принимать пищу и общаться с кем бы то ни было после их проведения до определенного срока; нельзя никому рассказывать, что направляешься за помощью к знахарю (обряд зачастую проводится в тайне от окружающих), и о том, как происходил обряд. Обыватель не всегда четко понимает смысл подобных запретов, но убежден, что несоблюдение традиционных условий уничтожает «силу» обряда.

Подобного рода запреты оставляют ведуну возможность для оправдания в случае неудачи, обвинения самого больного или третьего лица в недостижении желаемого результата. А возможность оправдаться крайне необходима, т. к. авторитет колдуна зависит, в первую очередь, от того, насколько успешна его практика.

С другой стороны, магические запреты ущемляют порой права самого знахаря. Например, карельский ведун не имеет права произносить заговоры, если у него нет зубов. В этом случае ему приходится оставить свое ремесло, даже если физически он еще крепок. Или такой интересный момент: нужно, чтобы у целителя и излечиваемого *«крови подходули»* (*pidäy, štobi veret yhtyttih*). В карельских заговорах повсеместно встречается выражение *«mustinverizet»* (досл. темнокровные) и *«valgeiverizet»* (досл. светлокровные). Отличают одних от других по внешним признакам: одни светловолосые и светлоглазые, другой тип — темноволосые с темными глазами (Фонотека, кассеты 3528, 3529).

Любой ведун, и карельский *«tiedoiniekku»* в том числе, знаком с механизмами психологического давления на общество, которые используются для формирования выгодного о себе мнения. Наиболее распространенными методами являются похвальба тайной силой и угрозы (Щепанская Т. Б., 1990, 27—32). Рассказывая о заслугах своих предков, упоминая случаи из своей практики, перечисляя дальние деревни, откуда обращались к нему за помощью, знахарь поднимает свой авторитет в глазах окружающих.

Угрозы в адрес обидчиков редко звучат напрямую, обычно знахарь ограничивается намеками, опасаясь ответственности за свои слова. Ведь любая медаль имеет оборотную сторону и ведун всегда могли заподозрить в случившемся несчастье и обвинить в колдовстве, что грозило изоляцией от остальных жителей деревни.

И конечно же, карельский *«tiedoiniekku»* — это человек немолодой. По определению финского ученого Т. Коппонена, в древние времена это был «уважаемый руководитель нашего общества, знаток традиционных магических обрядов, который способен контактировать с миром сверхъестественного. Вдобавок к врачеванию сферой его деятельности было

предсказание будущего, обнаружение пропаж, обеспечение удачи в земледелии, рыбной ловле и охоте, улаживание споров и находка дельных советов в различных делах, вплоть до мелких ежедневных хлопот. Одним словом, он являлся столпом жизни нашего общества, без которого деятельность человека была бы невозможной» (Корропеп Т., 1976, 9). Только зрелый человек, обладающий собственным жизненным опытом, может подойти для такой роли.

Итак, карельский ведун «*tiedoiniekku*» представляется нам зрелым человеком — мужчиной или женщиной, прекрасным психологом, знатоком традиций своего народа, носителем его памяти. Его знание не ограничивается умением понять смысл ритуальных предметов или применить магические слова. «Вероятно, в более отдаленном прошлом функции колдунов — блюстителей и исполнителей родовых культов и всех основных видов колдовства принадлежали старейшинам родов... Они являлись хранителями, по сути, всей народной мудрости, народного опыта и традиционной культуры» (Сурхаско Ю. Ю., 1989, 100).

Список литературы

Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки Калевалы. Петрозаводск, 2001.

Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 2000.

Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Петрозаводск, 2000.

Крукковский М. А. Олонецкий край: путевые очерки. СПб., 1904.

Лавонен Н. А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Никитина Н. А. К вопросу о русских колдунах // Сб. МАЭ. 1928. Т. 7.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М., 1984.

Сурхаско Ю. Ю. Карельские колдуны // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — нач. XX в.). Л., 1977.

Фонотека Института ЯЛИ КарНЦ РАН, кассеты 711, 3528, 3529, 3530.

Щепанская Т. Б. Неземледелец в земледельческой деревне: Обрядовое поведение (северно-русская зона XIX — нач. XX в.) // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — нач. XX в. М., 1990.

Korpponen T. Parantajat / SKS. Forssa, 1976.

Niemi A. R. Vienen Läänin runonlaulajat ja tietajat / SKS. Helsinki, 1921.

Paulaharju S. Pera-Pohjolan tietajassa // Kalevalaseuran vuosikirja. Т. 1. Helsinki, 1921.

Siikala A. L. Miina Huovinen // Parantamisen taitajat. Helsinki, 1980.

Siikala A. L. Suomalainen šamanismi / SRS. Helsinki, 1992.

SKES = Suomen kielen etymologinen sanakirja / Toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. V. Peltola. Helsinki, 1975.

© *Е. В. Филиппова*

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМЕННОГО СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Карельский язык обладает достаточно развитой системой словообразования. В языке активно действуют и широко применяются различные способы словообразования: морфологический (суффиксация), синтаксико-морфологический (словосложение), морфолого-синтаксический (переход слов из одной части речи в другую). Морфологический способ является продуктивным способом пополнения класса имен существительных и прилагательных, причем карельскому языку, как и большинству финно-угорских языков, свойственна лишь суффиксация. Префиксальное же словообразование в финно-угорских языках отсутствует или развито довольно слабо.

Характерной чертой карельского языка является обилие именных словообразовательных суффиксов, большинство из которых находит соответствия в родственных языках. При образовании имен существительных и прилагательных в качестве производящей основы используются основы имен или глаголов. Причем прилагательные и существительные в карельском языке могут образовываться с помощью одних и тех же словообразовательных элементов.

Вопросам именного суффиксального словообразования в финно-угорских языках посвящено немало работ. Наиболее полно они раскрыты в исследованиях К. Е. Майтинской, Д. В. Бубриха, Л. Хакулинен, О. Икола,

А. Пенттиля, Й. Весиканса, П. Ринтала, М. Коски, А. Ряйсянена, Т. Лехтинена, Г. В. Федюновой, И. Коньт, Э. Вяари, П. Аристе и др.

Именное суффиксальное словообразование в диалектах карельского языка до сих пор не было объектом специального исследования. Имеющиеся в данной области публикации ограничиваются лишь перечислением словообразовательных суффиксов, в той или иной степени определяется их семантическое значение. Исторические грамматики и очерки по словообразованию в основном рассматривают происхождение суффиксов.

Уже в первых исследованиях по карельскому языку Арвида Генетца «Исследование о языке Русской Карелии» (Genetz A., 1880) и «Исследование языка олонецких карел» (Genetz A., 1885) выявлен основной инвентарь суффиксов именного словообразования карельского языка. Он выделяет суффиксы отглагольные и отыменные, определяет их общие семантические значения. Среди deverбальных суффиксов существительных выделяются суффиксы со значением деятеля, названия действия, названия предмета, посредством которого совершается тот или иной вид деятельности. Отыменные дериваты обладают значением деиндивидуальности, коллективности, места, качества и свойства. У производных прилагательных А. Генетц отмечает следующие значения: деиндивидуальное, умеренное, каритивное, качества, а также выделяет суффиксы, которые обозначают большое количество того, что называет производящая основа. Кроме того, А. Генетцом впервые были отмечены некоторые случаи чередования и выпадения конечных гласных на стыке производящей основы и суффикса.

В исследовании А. Генетца «Северный авангард велсов» представлен лишь небольшой перечень словообразовательных суффиксов людиковского наречия. Следует отметить, что в данной работе А. Генетц указывает на общее происхождение людиковских суффиксов *-(u)ška*, например: *t'irušk* 'птичка, курочка' и *-n'ikka*, например: *mettšn'ikk* 'лесник' с русскими *-ушка* (ср. финск. *-ukka*) и *-никъ* (ср. финск. *-niekka*) (Genetz A., 1872, 16—18).

В «Грамматике карельского языка» Э. В. Ахтия (Ahtia E. V., 1936) нет специального раздела по словообразованию имен. Любопытно то, что отглагольные образования с суффиксами *-mine* и *-nda / -ndä* в данной монографии рассматриваются как формы 4-го и 5-го инфинитивов, например: *sinul on kodih lähtemine* 'тебе нужно идти домой'; *ei ole händä vuottamista* 'не стоит его ждать'; *roadoh minul on menendä* 'мне нужно идти на работу'; *olendas on* 'конечно, есть'; *se pidäv olla maksandal* 'нужно заплатить' (Ahtia E. V., 1936, 79). Автор также относит образо-

вания на *-ndähine* к так называемому 3-му причастию актива, например: *pidndähine* 'предназначенный для носки'; *reävündähine* 'случайный' (Ahtia E. V., 1936, 80).

В школьном грамматическом пособии карельского языка Н. А. Анисимова (Анисимов Н. А., 1939) отдельно выделены словообразующие и формообразующие суффиксы имен. К последним он относит деминутивные суффиксы существительных *-ine*, *-ut* / *-üt*, *-hut* / *-hüt*. При этом автор отмечает, что аффикс *-hut* / *-hüt* присоединяется к основе, заканчивающейся на дифтонг, например: *suohut* 'болотце'. К формообразующим суффиксам прилагательных Н. А. Анисимов относит также следующие суффиксы: *-ine*, *-itava* / *-itävä*, например: *kallehettava* 'дороговатый'; *-hko*, например: *rimiehkö* 'темноватый'. Автором также выявлены некоторые чередования согласных и гласных на морфемном шве основы и суффикса. Так, словообразующие суффиксы прилагательных *-kas* / *-käs*, например: *jallakas* 'с ножками', *meäkäs* 'обильный лесами' и *-toi* / *-töi*, например: *väetöi* 'бессильный', *n'okatoi* 'безносый; без кончика, без острия' присоединяются к слабоступенной гласной основе, а конечные гласные производящих основ *-a* и *-e* при присоединении суффиксов прилагательных *-ne*, *-ine*, *-hine* чередуются с *-i*, например: *vaski* (*vaske-*) — *vaskine* 'медный', *pelvas* (*pelvaha-*) — *pelvahine* 'льняной'. Хотя в последнем случае стоит говорить не о чередовании, а о выпадении конечной гласной основы при присоединении к ней суффикса *-ine*, а не суффикса *-ne*.

В статье Г. Н. Макарова «Карельский язык», написанной на основе тверских говоров, выделены два основных способа именного словообразования: суффиксация и словосложение, при этом автор отмечает, что суффиксация широко представлена в словообразовании существительных. Ввиду обзорного характера работы в ней дан далеко не полный перечень словообразовательных элементов. Необходимо отметить, что автор обратил внимание на то, что существует группа слов, которые могут одновременно выступать как прилагательными, так и существительными: *rakkan'e üö* 'морозная ночь', *pihalla on rakkan'e* 'на улице мороз' (Макаров Г. Н., 1966, 67—68). Тем самым прилагательные и существительные, как мы видим, могут образовываться при помощи одних и тех же словообразовательных элементов.

В монографии В. Д. Рягоева «Тихвинский говор карельского языка» проблемам словообразования отведен специальный раздел, охватывающий все способы образования новых слов. В работе выявлен состав словообразовательных суффиксов имен тихвинского говора. В данной монографии отдельно рассматриваются словообразовательные и формообразовательные суффиксы. Среди особенностей тихвинского говора

хотелось бы отметить то, что в настоящее время в нем не функционируют каритивные суффиксы, широко представленные в остальных говорах карельского языка. Каритивность здесь выражается абессивной формой имени или инфинитива, например: *l'ehmä on tullun kellonke / a kellotta jolu* 'корова с колокольчиком пришла, а без колокола не пришла'. На грамматический строй тихвинского говора оказал сильное влияние русский язык, что прослеживается и на уровне словообразования. Так, в собственных словах этого говора встречается заимствованный из русского языка умеренный суффикс *-vuatoi (+n'e)*, например: *a üks' i ol' i roiga / vrod' i hää hokovuatoi* 'а один из парней был вроде придурковатый' (Рягоев В. Д., 1977, 189—191).

Объектом исследования П. Виртаранта стал галезерский диалект людиковского наречия. Судя по грамматическому материалу, представленному в книге П. Виртаранта, в галезерском говоре функционируют те же словообразовательные суффиксы, что и в остальных говорах карельского языка (Virtaranta P., 1986, 26—72).

Особое внимание привлекает работа П. Пальмеос «Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках» (Пальмеос П., 1982). В данной статье достаточно подробно рассмотрено использование и дана семантическая классификация функций словообразовательного суффикса *-nik*. Автор отмечает, что данный суффикс один из древнейших и наиболее распространенных заимствованных суффиксов в прибалтийско-финских языках. По мнению П. Пальмеос, суффикс *-nik* в эстонском, вепском, карельском, ижорском и водском языках был заимствован из русского языка, в котором с помощью его образуются слова со значением лица, производящего действия. В финский язык, по ее мнению, он проник через олонецкий диалект карельского языка; в ливском же языке, скорее всего, он является латышским заимствованием. В карельском языке данный суффикс по диалектам имеет различную форму: 1) в северно-карельских и переходных *-niekka* : *-niekan* (~ *-nikka* : *-nikan*); 2) в южно-карельских *-n'ikka* : *-n'ikan*; 3) на диалектных островах *-n'iekka* : *-n'iekan*, *-n'iekkä* : *-n'iekän*, *-n'ik* : *-n'ikan*; 4) в олонцких *-n'iekku* : *-n'iekan*; 5) в людиковских *-n'ik*, *-n'ik*, *-n'ik*, редко — *-n'ikke*, *-n'iekke*. В статье автор уделяет особое внимание семантике производных с данным суффиксом. Что касается карельского языка, то в нем производные с рассматриваемым суффиксом в основном обозначают лиц: а) по профессии или роду деятельности, например: *harjan'ikka* 'торговец щетками, человек, изготавливающий щетки' (< *harja* 'щетка'); б) по существенному признаку, например: *jalkan'iekka* 'пешеход, пеший' (< *jalka* 'нога'); в) по участию в какой-либо деятельности, например: *nuottun'iekku* 'человек, который ловит рыбу неводом' (< *nuottu* 'невод'); г) по месту жительства, на-

пример: *kül'än'iekkä* 'деревенский человек' (< *kül'ä* 'деревня'). Встречаются и производные слова на *-nik* с другими значениями. Анализируя продуктивность словообразовательного суффикса *-nik* в родственных прибалтийско-финских языках, П. Пальмеос приходит к следующим выводам. Наиболее продуктивным суффикс *-nik* является в вепсском языке, достаточно продуктивен он в эстонском и водском, в карельском языке он распространен неравномерно, в олонекских говорах он значительно употребительнее, чем в остальных. В ижорском же языке рассматриваемый словообразовательный суффикс непродуктивен (Пальмеос П., 1982, 1—7).

П. Виртаранта в статье «О карельско-вепсском коллективном суффиксе» (Virtaranta P., 1959), анализируя употребление коллективного суффикса *-oveh* в карельском языке, приходит к выводу, что в севернокарельских и тверских говорах он является продуктивным. В южнокарельских, олонекских, людиковских говорах, а также в вепсском языке производные с рассматриваемым суффиксом встречаются гораздо реже. По мнению автора, непродуктивность суффикса *-oveh* в этих говорах, по-видимому, объясняется тем, что в них функционируют синонимичные данному суффиксу словообразовательные элементы. Таким, например, в олонекских говорах является суффикс *-(l)isto*, например: *linnalisto* 'жители города'. Автор обращает внимание также на то, что в севернокарельских говорах употребляется коллективный суффикс *-jaš*, например: *haiko'oaš* 'жители деревни Хайколя', тогда как в олонекских говорах такие производные не встречаются. Ранее подобное употребление словообразовательного суффикса *-jaš* было отмечено А. Генетцом (Genetz A., 1880, 180). Исследуя происхождение суффикса *-oveh*, П. Виртаранта приходит к выводу, что он является русским заимствованием (ср. русск. сыновье, домовье) (Virtaranta P., 1959, 403—422).

П. Пальмеос исследовала употребление деноминальных суффиксов имен в дёржанском говоре карельского языка (Palmeos P., 1981). В ее статье выделено 49 отыменных суффиксов, из которых первичных — 19, вторичных — 30 (из них составных — 26, заимствованных — 4). В работе также отмечены продуктивные суффиксы (их 15), среди них и заимствованный суффикс *-nik*. Продуктивными также являются демутивныи суффиксы *-ut / -üt, -n'*, причем последний из них наиболее продуктивен, он может присоединяться почти к каждому существительному (Palmeos P., 1981).

Из грамматических пособий, опубликованных за последние годы, необходимо отметить грамматики П. М. Зайкова (Зайков П. М., 1999; Zaikov P., 2002) и Л. Ф. Маркиановой (Markianova L., 1993, 2002), в которых имеются целые разделы, посвященные вопросам словообразова-

ния карельского языка. Отметим, однако, что такие проблемы суффиксального словообразования имен, как их частотность употребления, морфонологические чередования фонем на стыках морфем, в них не затрагиваются.

Во многих исследованиях, посвященных словообразованию в прибалтийско-финских языках, попутно затрагиваются и отдельные вопросы словообразования карельского языка. Употребление суффиксов субъективной оценки, образованных от самостоятельных слов, в вепсском языке рассмотрено в статье М. Зайцевой (Зайцева М. И., 1967). Автор отмечает, что в вепсском языке наблюдается явление, когда суффикс употребляется как самостоятельное слово. Таковыми являются словообразовательные суффиксы *-zom* и *-kišt*, например: *koivzom* 'березняк', *manzikkišt* 'место, где растет много земляники', с другой стороны, например: *suren kištom mar'g'oad' lüuzin'* 'я нашел большое ягодное место', *kivin'e zom püudou* 'место в поле, где много камней'. Подобное явление встречается и в тулдозерском и сяозерском говорах карельского языка, например: *emmo sinuw vietä zikkoh* (Колатсельга) 'мы не отведем тебя на ягодное место', *puwtuimmo zikkoh* (Вешкелицы) 'мы попали на ягодное место' (Зайцева М. И., 1967).

Происхождению словообразовательного суффикса *-zikko* в ижорском и водском языках посвящена статья М. Норвик. Данный суффикс, как было сказано выше, функционирует и в карельском языке. Согласно мнению М. Норвик, рассматриваемый суффикс образовался от суффикса *-ikko* в таких словах, у которых корень уже имеет элемент *-s* (водское *mätäzikko* 'кочки', ижорское *künkkäsikko* 'гряда холмов') (Norvik M., 1959, 244—250).

Как свидетельствует обзор научной литературы, специальному исследованию именное словообразование карельского языка до сих пор не подвергалось. Науке в общих чертах известен основной инвентарь суффиксов карельского языка, тем не менее, большинство грамматик ограничивается только перечислением состава словообразовательных суффиксов и лишь в общих чертах определяет их семантические значения. Нередко производные с одним и тем же суффиксом могут иметь разные значения, на что следовало бы обращать более пристальное внимание. Необходимо также исследовать вопросы тождественности словообразовательных типов, когда один суффикс может быть заменен другим. Проблема продуктивности именных словообразовательных суффиксов также мало исследована. При этом совсем не выявлены те ограничения, которые могут препятствовать соединению деривационных морфем с производящей основой. Малоизученным остается и вопрос морфоноло-

гических изменений, происходящих на стыке суффикса и производящей основы. И наконец, отсутствует полная картина именного словообразования по всем говорам и диалектам карельского языка. Все эти вопросы требуют еще дополнительного исследования.

Список литературы

- Анисимов Н. А.* Карельской кизлен грамматика. I чаusti. Петрозаводск, 1939.
- Бубрих Д. В.* Историческая морфология финского языка. М.; Л., 1955.
- Вяари Э.* Продуктивные суффиксы имен в ливском языке // Вопросы финно-угорского языкознания 3. М., 1965.
- Зайцева М. И.* О суффиксах субъективной оценки в вепском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967.
- Зайков П. М.* Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.
- Коньт И. О.* заимствованных словообразовательных суффиксах эстонского языка // Вопросы советского финно-угорского языкознания. Саранск, 1972. С. 66—67.
- Майтинская К. Е.* Венгерский язык. Ч. II. Грамматическое словообразование. М., 1959.
- Макаров Г. Н.* Карельский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. III. С. 67—68.
- Маркианова Л. Ф.* Глагольное словообразование в карельском языке. Петрозаводск, 1985.
- Пальмеос П.* Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1982. № 1. С. 1—7.
- Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.
- Ahtia E. V.* Karjalan kielioppi. Suojärvi, 1936.
- Ariste P.* Vadjä keele grammatika. Tartu, 1948.
- Genetz A.* Tutkimus Venäjän karjalan kielestä // Suomi II:14. Helsinki, 1880.
- Genetz A.* Tutkimus Anuksen kielestä // Suomi II:17. Helsinki, 1885.
- Genetz A.* Wepsän pohjoiset etujoukot // Kieletär I:4. Helsinki, 1872.
- Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979.
- Ikola O.* Nykysuomen käsikirja. Tapiola, 1974.
- Kont I.* Suffiks *-nik* eesti keeles // Centum. Tallinn, 1974. S. 147—156.
- Koski M.* Suomen johto-opin morfologiaa. Fennistica 4. Turku, 1982.
- Lehtinen T.* Johto-opin periaatteita // Virittäjä. 1978.
- Markianova L.* Livvin murdehen morfologii. Nominat da abusanat. Petroskoi, 1993.
- Markianova L.* Karjalan kielen kielioppi. 5—9. Petroskoi, 2002.

Norvik M. Isuri ja vadja keele sufiksi -zikko päritolust // Emakeele Seltsi Aastaraamat V. Tallinn, 1959.

Palmeos P. Denominaalsed noomenisufiksids karjala Djorza murrakus // Emakeele Seltsi Aastaraamat 25. Tallinn, 1981. S. 5—24.

Penttilä A. Suomen kielioppi. Helsinki, 1957.

Rintala P. Sanajohdon produktiivisuudesta ja sen rajoituksista // Tietolipas 93.

Räsänen A. Kantasanan ja johdoksen suhteesta // Virittäjä. 1978. № 4. S. 321—344.

Vesikansa J. Nykysuomen oppaita 2. Johdokset. Porvoo, 1978.

Virtaranta P. Eräästä karjalais-vepsäläisestä kollektiivijohtimesta // Verba Docent. Helsinki, 1959. S. 403—422.

Virtaranta P. Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1986. № 190.

Zaikov P. Karjalan kielen kielioppi. 5—9. Petroskoi, 2002.

© *О. А. Храпцова*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В РАМКАХ КУРСА ЛЕКСИКОЛОГИИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

Согласно Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования, лексикология современного финского языка изучается в педагогическом вузе в 6-м семестре на III курсе как дисциплина предметного блока ДПП.Ф.04 в рамках освоения теоретического курса ФЯ. Обучение проходит по специальности 033200 «Иностранный язык», квалификация — учитель иностранного языка. Всего на освоение курса, включая самостоятельную работу студентов, выделяется 130 часов. Аудиторные занятия (лекции, семинары и практикумы) рассчитаны на 36 часов.

Задачи дисциплины — научить студентов использовать теоретические знания по лексикологии в практике преподавания финского языка в средней школе, сформировать у будущих учителей финского языка теоретическую базу, необходимую для написания курсовых и дипломных работ по лексикологии СФЯ, а также создания практических пособий, которые могут быть использованы в процессе обучения финскому языку (тематических словариков, двуязычных лексических минимумов, линг-

вострановедческих пособий для изучения фоновой лексики и реалий финского языка и др.).

Одним из способов достижения поставленных целей является, на наш взгляд, такая организация учебной работы, при которой рассматриваемый теоретический материал может быть в значительной степени применен на практике и усвоен как результат проведения комплексного анализа лексической единицы.

Под комплексным анализом в данном случае мы имеем в виду не только рассмотрение эпидигматических, парадигматических, синтагматических связей слова в лексической системе СФЯ, но и определение места лексической единицы в системе языка в целом, ее функционирования на разных уровнях языка.

Этому, в свою очередь, может способствовать тесная связь преподавания лексикологии ФЯ с содержанием ранее изученных теоретических и практических дисциплин (общее языкознание, теоретическая фонетика СФЯ, история ФЯ, стилистика ФЯ, практический курс СФЯ), а также определение места полученных в рамках изучения данного курса знаний в дальнейшей учебной деятельности (при освоении теоретической грамматики СФЯ, теории перевода, лингвистики текста, сравнительной типологии русского и финского языков и др.).

Далее мы предлагаем примерную схему комплексного анализа лексической единицы СФЯ, которая может служить также планом проведения практических занятий по лексикологии СФЯ или планом написания экзаменационной работы по лексикологии СФЯ в рамках часов, выделенных на самостоятельную работу студентов.

В ходе практического применения схема может быть дополнена и детализирована по отдельным аспектам анализа, снабжена комментариями и указаниями на ряд проблем частного характера, связанных с иллюстративным материалом, с особенностями структуры используемых словарей и т. д. Выполнение комплексного анализа лексической единицы по данной схеме предполагает также формирование у обучаемых устойчивых навыков и умений работы со словарями разных типов с целью получения разнообразной лингвистической информации.

Примерная схема комплексного анализа лексической единицы ФЯ

№ п/п	Содержание	
1	Тема	Слово как основная единица языка. Проблема отдельности слова
	Вид анализа	Анализ конститутивных признаков слова
	Аспекты анализа	Определение конститутивных признаков слова, отграничивающих его от других лингвистических единиц
	Методика проведения анализа	Сопоставительный анализ актуализированного слова (аутентичный иллюстративный материал) и лексикографического слова (словарная статья в толковом словаре СФЯ). Делимитация слова в тексте. Определение границ слова в речевой цепи в графическом, структурном, морфологическом, синтаксическом, семантическом аспектах
	Трудности при проведении анализа	Проблема непроницаемости слова в случае с аналитическими формами глаголов в ФЯ. Проблема цельнооформленности слова в случае со сложными словами типа «omatunto» или словосочетаниями типа «rouva Nieminen». Проблема идиоматичности значения в случае с фразеологическими словосочетаниями
2	Тема	Слово как основная единица языка. Проблема тождества слова
	Вид анализа	Анализ референтной соотнесенности слова
	Аспекты анализа	Идентификация слова (установление словесного тождества различных словоупотреблений). Референтная соотнесенность слова в конкретных речевых актах, кореферентность имен. Фонетические варианты слова в ФЯ

	Трудности при проведении анализа	Фонд знаний адресата в связи с конкретным речевым актом. Действие прагматических факторов в сфере конкретной референции (интродуктивная референция и др.). Референтное (в позиции актантов) и нереферентное (в позиции предикатов) употребление именных выражений
3	Тема	Денотативный аспект лексического значения
	Вид анализа	Анализ денотативного значения лексической единицы
	Аспекты анализа	Выбор объектов реальной действительности, отражающих содержание данной языковой единицы. Определение признаков, свойственных всем предметам данного класса (характеристики реалемы)
	Трудности при проведении анализа	Различия в определении денотата языкового выражения в научной и наивной картинах мира. Различная направленность лексической единицы на обозначаемый объект: прямая (соответствует главному значению) и опосредованная (соотносится с переносным значением)
4	Тема	Сигнификативный аспект лексического значения
	Вид анализа	Анализ сигнификативного значения лексической единицы
	Аспекты анализа	Определение основного языкового содержания лексической единицы с помощью словарей ФЯ. Сравнение объемов понятия и значения, передаваемых словом. Внутренняя форма слова в ФЯ в сравнении с внутренней формой слова-соответствия в РЯ
	Трудности при проведении анализа	Отграничение данной языковой единицы от других, особенно близких по значению и функциям в речи (руи — pensas). Отличие наивного понятия от научного. Отражение национальной специфики в лексическом значении

5	Тема	Синтагматическое структурное значение лексической единицы. Слово в толковых словарях современного финского языка
	Вид анализа	Анализ синтагматического структурного значения лексической единицы
	Аспекты анализа	Определение синтагматического структурного значения лексической единицы в СФЯ. Примеры сочетаемости лексической единицы с другими словами СФЯ. Определение в каждом случае общего семантического элемента в значениях слов ФЯ, способствующего их сочетаемости. Сравнение сочетаемости финского слова и его русского соответствия
	Трудности при проведении анализа	Существенные различия сочетаемости соотносительных слов в финском и русском языках
6	Тема	Парадигматическое структурное значение лексической единицы
	Вид анализа	Анализ парадигматического структурного значения лексической единицы
	Аспекты анализа	Определение значимости (дифференциального значения) лексической единицы в СФЯ. Сравнение значимости финского слова и его русского соответствия
	Трудности при проведении анализа	Отрицательная языковая интерференция вследствие различной значимости соотносительных лексических единиц в финском и русском языках
7	Тема	Эмотивное значение лексической единицы
	Вид анализа	Анализ эмотивного (прагматического) значения лексической единицы

	Аспекты анализа	Определение оценочного, эмоционального, экспрессивного, стилистически характеризующего компонента в значении лексической единицы. Анализ дефиниции слова в толковом словаре СФЯ, наличие в дефиниции компонентов экспрессивности. Фиксация в словарной статье эмоционального компонента значения с помощью специальных помет. Соотнесение содержания лексической единицы с определенным стилистическим регистром по данным словарей ФЯ
	Трудности при проведении анализа	Отсутствие в словарях ФЯ регулярных специальных помет, указывающих на дополнительное содержание слова (коннотацию)
8	Тема	Семная структура лексического значения слова
	Вид анализа	Анализ семной структуры лексического значения слова (компонентный анализ)
	Аспекты анализа	Лексико-грамматический семный анализ слова. Лексико-семантический семный анализ слова. Анализ видовых сем (гипосем) в значении слова с использованием системы противопоставлений. Анализ семной структуры соотносительных лексических единиц в финском и русском языках
	Трудности при проведении анализа	Отсутствие описательной дефиниции в толковом словаре ФЯ. Анализ контекстуальных сем, возникающих в различных ситуациях употребления слова, их влияние на устойчивость смысловой структуры слова
9	Тема	Синтагматические и парадигматические отношения в лексике. Прагматические свойства лексической единицы
	Вид анализа	Анализ прагматических свойств лексической единицы

	Аспекты анализа	Закрепление слова в лексической системе СФЯ по горизонтали и по вертикали. Определение типа взаимоотношений, в которые данная лексическая единица вступает с другими лексическими единицами финского языка (дистрибуция соотносительных единиц и тип образуемой ими оппозиции). Сопоставление дистрибуции финского слова и его соответствия в русском языке
	Трудности при проведении анализа	Выбор лексических единиц для проведения сопоставительного анализа синтагматических и парадигматических характеристик
10	Тема	Смысловая структура слова
	Вид анализа	Анализ смысловой структуры слова (полисеманта)
	Аспекты анализа	Определение количества ЛСВ многозначного слова с помощью толкового словаря СФЯ. Проведение анализа семной структуры значения каждого ЛСВ для установления непрерывной последовательности их внутренних форм и инвариантного значения. Определение главного (первичного) значения слова, сопоставление его с тем значением, которое дается в словарной статье толкового словаря первым. Анализ вторичных значений слова
	Трудности при проведении анализа	Установление главного значения (первичной семантической функции) слова по данным толковых словарей ФЯ
11	Тема	Многозначность. Метафорические и метонимические связи значений (ЛСВ)
	Вид анализа	Лексико-семантический анализ многозначного слова

	Аспекты анализа	Количество ЛСВ у многозначного слова по данным толковых словарей ФЯ. Определение прямого и переносного значений слова. Условия появления у данной лексической единицы переносных значений. ЛСВ полисеманта, являющиеся результатом: а) метафорического переноса; б) метонимического переноса. Сравнение структуры финского слова — полисеманта и его соответствия в русском языке на предмет установления общих механизмов устойчивой связи элементарных единиц (ЛСВ)
	Трудности при проведении анализа	Сложность вычленения и отграничения всех возможных ЛСВ полисеманта по данным словарной статьи толкового словаря ФЯ
12	Тема	Омонимия. Классификация омонимов. Разграничение омонимии и полисемии
	Вид анализа	Лексико-семантический анализ омонимической парадигмы
	Аспекты анализа	Наполнение омонимической парадигмы лексической единицы. Установление интегральных и дифференциальных признаков омонимов — членов парадигмы. Проведение разграничения омонимии и полисемии по семантическому, словообразовательному и синтагматическому критериям. Определение типов омонимов
	Трудности при проведении анализа	Несовпадение в числе омонимов по данным разных словарей финского языка
13	Тема	Лексическая синонимия. Функции синонимов
	Вид анализа	Лексико-семантический анализ синонимической парадигмы

	Аспекты анализа	Наполнение синонимических рядов, в которые данное слово ФЯ входит своими значениями. Определение доминанты синонимического ряда. Идентификация слова относительно доминанты синонимического ряда. Характеристика семной структуры синонимов (интегральные и дифференциальные семы). Определение типа синонимов. Сравнение прагматических характеристик синонимов — членов парадигмы
	Трудности при проведении анализа	Различное понимание синонимии как свойства слов
14	Тема	Антонимия как одно из важнейших семантических отношений лексических единиц. Классификация антонимов. Функции антонимов
	Вид анализа	Лексико-семантический анализ антонимической парадигмы
	Аспекты анализа	Установление антонимических противопоставлений, в которые входит данное слово своими значениями. Причины возможного отсутствия антонимов. Анализ семной структуры антонимов (определение интегральных и дифференциальных сем). Тип антонимов
	Трудности при проведении анализа	Отграничение комплементарной противоположности (молодой — старый) от отношения противоречащих понятий (молодой — немолодой). Реализация логической модели противоположностей как антонимии только у слов, обозначающих качество, противопоставленную направленность действий, состояний, признаков, свойств, а также у небольшого количества единиц со значением пространственных и временных координат
15	Тема	Конверсия в финском языке. Основные типы конверсивов и их функции
	Вид анализа	Анализ конверсных отношений языковых единиц в исходном и производном высказываниях

	Аспекты анализа	Конверсные отношения данной лексической единицы с другими лексическими единицами ФЯ. Использование конверсивов в прямой и обращенной ролевых структурах. Определение предметной соотнесенности и значения конверсивов. Структурный и семантический тип конверсивов
	Трудности при проведении анализа	Отсутствие готовых словарных решений, сложность поиска взаимно обратного слова вследствие различий в синтагматике финского слова и его соответствия в русском языке
16	Тема	Явление паронимии в СФЯ
	Вид анализа	Анализ контекстуального употребления паронимов
	Аспекты анализа	Проблема внутриязыковой паронимии в связи с данной лексической единицей. Определение с помощью толкового словаря СФЯ значения паронимов. Примеры контекстуального употребления паронимов. Определение степени семантического сходства паронимов
	Трудности при проведении анализа	Разграничение паронимии как внутриязыкового явления и как следствия отрицательной интерференции родного (русского языка)
17	Тема	Лексико-семантическая парадигматика. Тематическая парадигма
	Вид анализа	Лексико-семантический анализ тематической парадигмы
	Аспекты анализа	Определение тематического ряда, в который входит данное слово. Установление значения каждого члена парадигмы. Определение интегральных и дифференциальных сем в значениях слов
18	Тема	Лексико-семантическая парадигматика. Гиперо-гипонимическая парадигма
	Вид анализа	Лексико-семантический анализ гиперогипонимической парадигмы

	Аспекты анализа	Определение состава гиперо-гипонимической парадигмы, в которую входит данная лексическая единица (родовое понятие, видовые понятия). Интегральные и дифференциальные семы в значениях членов гиперо-гипонимической парадигмы
19	Тема	Семантическое поле и идеографическое описание лексики
	Вид анализа	Анализ структуры семантического поля
	Аспекты анализа	Краткая характеристика структуры семантического поля, в которое входит данная лексическая единица. Характеристика синтагматических, парадигматических, ассоциативно-деривационных отношений данной лексической единицы как единицы семантического поля с другими словами. Определение места данной лексической единицы в структуре семантического поля (центр, периферия)
	Трудности при проведении анализа	Попадание лексической единицы в зону взаимодействия семантических полей. Использование слов смежных семантических полей во вторичных семантических функциях
20	Тема	Активный и пассивный словарный запас. Устаревшая лексика. Неологизмы
	Вид анализа	Анализ функционирования лексической единицы в СФЯ
	Аспекты анализа	Установление принадлежности данного слова к активному или пассивному запасу лексики ФЯ. Определение сферы функционирования данной лексической единицы в современном финском языке и соотнесение ее с устаревшей лексикой (архаизмами, историзмами) или неологизмами в ФЯ. Анализ реализованного слова
	Трудности при проведении анализа	Определение точного значения историзма. Формальное варьирование неологизма в СФЯ. Анализ функционирования в СФЯ неологизмов — иноязычных вкраплений

21	Тема	Историческое формирование финской лексики. Исконная финская лексика
	Вид анализа	Этимологический анализ исконного слова ФЯ (генеалогическая характеристика)
	Аспекты анализа	Генеалогическая характеристика слова: а) определение принадлежности слова к уральской семье языков и ее подгруппам; б) установление по данным этимологического словаря ФЯ родственных слов в группах языков уральской языковой семьи; в) этимология слова как совокупность закономерных звуковых соответствий и регулярных соответствий значений в родственных и неродственных языках; г) лингво-хронологический пласт исконной лексики ФЯ, с которым соотносится данное слово; д) реконструкция архетипа (праформы) на основании сравнительных данных в группах языков (по данным этимологического словаря); е) описание генетического развития слова с учетом источника его происхождения и дальнейших преобразований по уровням системы языка
	Трудности при проведении анализа	Описание генетического развития слова с учетом его преобразований по уровням системы языка
22	Тема	Заемствованная лексика в СФЯ
	Вид анализа	Этимологический анализ заимствованной лексической единицы ФЯ (контактирующее описание)

	Аспекты анализа	Контактирующее описание лексической единицы (по данным этимологического словаря ФЯ): а) регулярные звуковые соответствия и соответствия значений в родственных и неродственных языках; б) лингво-хронологический пласт заимствованной лексики, с которым соотносится данное слово; в) источник заимствования; г) временной период проникновения слова в язык-реципиент; д) входение слова в язык-реципиент (прямое или опосредованное); е) характер адаптации лексической единицы в языке-реципиенте, сравнение его с архетипом и регулярными звуковыми соответствиями в родственных и неродственных языках
	Трудности при проведении анализа	Условность выводов, касающихся определения источника заимствования и временного периода входения слова в язык-реципиент
23	Тема	Пути развития словарного состава финского языка. Изменения значений слов
	Вид анализа	Анализ изменения семантической структуры слова
	Аспекты анализа	Этимологический анализ слова на основании данных этимологического словаря ФЯ. Определение значения регулярных фонетических соответствий слова в родственных / неродственных языках. Определение значения архетипа по данным этимологического словаря. Установление причин, повлиявших на изменение семантической структуры слова (появление у лексической единицы нового значения)
24	Тема	Лексика финского языка с точки зрения сферы ее употребления. Диалектная лексика
	Вид анализа	Сопоставительный анализ общеупотребительного слова ФЯ и его соответствий в территориальных диалектах ФЯ (диалектизм)

	Аспекты анализа	Установление лексико-семантических, семантических, словообразовательных, фонетических различий общеупотребительного слова и его соответствий в разных диалектах СФЯ
25	Тема	Лексика финского языка, ограниченная в своем функционировании социальной средой. Сленг как один из социальных вариантов речи
	Вид анализа	Сопоставительный анализ общеупотребительного слова ФЯ и его соответствий в социальных диалектах ФЯ (жаргонизмов)
	Аспекты анализа	Установление лексико-семантических, семантических, словообразовательных, фонетических различий общеупотребительного слова и его соответствий в социальных диалектах СФЯ
26	Тема	Фразеология. Состав финской фразеологии. Значение фразеологической единицы
	Вид анализа	Фразеолого-семантический анализ
	Аспекты анализа	Примеры фразеологизмов (2—3), в состав которых входит данная лексическая единица. Характеристика фразеологизма по плану: а) конститутивные признаки ФЕ; б) семантический тип фразеологической единицы; в) внутренняя форма ФЕ; г) дополнительные оценочные (аксиологические) смыслы, сопутствующие значению фразеологической единицы; д) функционально-стилевая принадлежность данной ФЕ в СФЯ; е) парадигматический анализ ФЕ; ж) перевод на РЯ
	Трудности при проведении анализа	Распознавание дополнительных оценочных смыслов, сопутствующих значению фразеологической единицы. Поиск фразеологического эквивалента или аналога в русском языке

Список литературы

Hyperkielioppi. Multimediasovellus suomen kieliopista ja murteista sekä kirjakielen kehityksestä ja huollosta. CD-ROM. ISBN 951-792-027-X. Finn Lectura, 1997.

Häkkinen K. Mistä sanat tulevat / SKS. Helsinki, 1990.

Kostera P. Leksikologia saksasuomi I WORT FÜR WORT — oppi- ja harjoituskirja. Finn Lectura, 1996.

Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Шеболева И. И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 3 ч. Ч. 1 / Под ред. Е. И. Дибровой. 2-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.

Современный русский язык: Учебник. 2-е изд. / Под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань», 1999.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яцева. 2-е изд. М., 1998.

Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995.

<http://www.ling.helsinki.fi/~lcarlson/ctl106se>.

© *Н. В. Чикина*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КАРЕЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

В последнее десятилетие XX века в дискуссиях вокруг национального вопроса в Карелии на первый план вышли проблемы возрождения языка и культуры, национального самосознания карельского народа, что означает «осознание себя в качестве и роли полноправного, самостоятельного субъекта исторического развития» (Султанов К., 2001, 20).

Как известно, национальная литература Карелии долгие десятилетия развивалась на финском языке. В этом процессе участвовали прозаики и поэты, выходцы из Северной Карелии, которые владели собственно-карельским наречием карельского языка, наиболее близким к финскому литературному языку. В становлении финноязычной литературы Карелии участвовали Н. Яккола, Н. Лайне, А. Тимонен, Я. Ругоев, П. Пертту, О. Степанов и другие. Хотя они создавали свои произведения на финском языке, многие диалоги и монологи повестей и романов содержали карельскую речь. Прочитируем для примера диалог героев из романа Ортьё Степанова «Родичи»:

«Ontto ei osannut lukea, mutta numerot hän tunsi, ja tekstin seasta hän löysi summan.

— Mistä mie tuommosen miärän rahua ottasin? Jos sie antanet? Viimeinen kysymys tuli ivallisella äänellä.

Miikula pysyi asiassaan:

— Se on teidän asianne...» (Stepanov O., 2002, 270).

На карельское происхождение писавших в послевоенные годы на финском языке авторов указывают не только диалоги, но и карельские имена (Теппана, Ховатта, Хилиппя), географические названия мест (Венехъярви, Мунанкилахти, Аконлахти) и сами названия произведений: «Сказание о карелах» Я. Ругоева, «Мы карелы» А. Тимонена, «След лодки Вьяйнмёйна» П. Пертту и другие.

В 1990-е годы наряду с финноязычной стала развиваться карело-язычная литература, особая роль в развитии которой принадлежала уроженцам Южной Карелии. Эти авторы, благодаря появлению карельской письменности, которая создана на латинской графической основе, полностью перешли на карельский язык.

Имена героев, названия мест и самих произведений — все это указывает на проявление национального самосознания и принадлежность писателей к карелам не только по национальности, но и по духу. Это «Voi, Kard'al, kalliz kodimua!..» М. Пахомова, «Pieni D'essoilu» А. Волкова, «Oma Karjal» Э. Дубининой и другие.

Одним из актуальных вопросов развития литературы на карельском языке является создание единого литературного языка. На данном этапе литература в Республике Карелия существует на трех наречиях карельского языка: собственно-карельском, людиковском и ливвиковском. Литература на карельском языке развивается и в Тверской области. Таким образом, пишущие на карельском языке поэты и прозаики сегодня имеют возможность создавать свои произведения на том наречии, которым они владеют. Появляется возможность не только сохранять язык, но и развивать литературу на нем.

Над формированием единого литературного языка работает терминологическая комиссия при Государственном комитете по делам национальной политики Республики Карелия. Задача национальных писателей и поэтов — создать высокохудожественные произведения, которые бы имели свою традицию.

Единство экономических связей, территории, языка, а также национальные особенности культуры и психологии порождают сознание национальной общности — полноценное самосознание. Национальное самосознание, возникнув, становится важным условием существования и развития нации, которая объединяется уже не только объективными связями, но и связями, основанными на самосознании в широком смысле, включении в себя сознания этнической общности, приверженности национальному языку, территории, культуре, определенном отношении к другой нации, чувстве национальной гордости (ФЭС, 1989, 405).

При этом следует учитывать, что понятие национального сознания не сводится только к языку, а должно рассматриваться комплексно. По всему миру распространен английский язык, но это не значит, что человек, свободно владеющий им, чувствует и ощущает себя англичанином. Например, англоязычный писатель У. Сароян остается выразителем самосознания армянского народа. Что же касается писавших на финском языке Н. Лайне, П. Пертту, Я. Ругоева и других, то они остались в нашей памяти выразителями национального самосознания карелов.

Однако если учесть, что язык является составной частью национального самосознания, то проблема все-таки существует. Этнограф В. К. Бондарчик, размышляя о состоянии белорусского языка, отмечал, что «с потерей языка нация не погибает», «потеря языка — это один из этапов потери национального самосознания» (Бондарчик В. К., 1989, 11).

Поэтому на современном этапе актуальным становится как процесс формирования карельского литературного языка, так и в более широком плане — проблема развития карельского языка.

С июня 1990 года в Петрозаводске выходит газета «Oma Mua», с ноября 1999 года — газета «Vienan Karjala». Появились литературные страницы на карельском языке в журналах «Carelia» и «Kiripä». К сожалению, читает эти периодические издания лишь небольшая часть населения, проживающего в республике.

Литература на карельском языке слабо пополняется молодыми творческими дарованиями. На сегодняшний день членами Союза писателей являются пишущие на карельском языке А. Волков, О. Мишина, В. Вейкки, З. Дубинина, П. Семёнов и М. Пахомов. Пятеро из них пишут на ливвиковском наречии карельского языка, а М. Пахомов, проживающий в Финляндии, — на людиковском.

Актуальным является вопрос сохранения и передачи литературного наследия. Только писатель-карел может с полной ответственностью, исследовав народную жизнь и национальный характер, передать его в художественной форме, тем самым способствуя духовному возрождению своего народа. К сожалению, возникают трудности с передачей эстафеты от старшего писательского поколения к молодежи, пишущей на карельском языке.

Общепризнано, что литература на карельском языке будет отвечать требованиям национальной литературы тогда, когда будет выполнено одно из главных условий — создан карельский литературный язык. Но здесь хотелось бы привести слова М. Бахтина, который подчеркивал, что «творческое сознание автора-художника никогда не совпадает с языковым сознанием» (Бахтин М. М., 1979, 168).

Современные писатели-карелы — люди разных профессий, разного образования и разной судьбы, но всех их объединяет желание творить на родном карельском языке. Соотношение личного и национального в произведениях авторов различно. Некоторые пишут о судьбе карельского народа подробно и основательно, другие касаются этой темы вскользь.

Повесть в новеллах «Настя» О. Мишиной была представлена читателю в 2000 году. Она опубликована как на карельском, так и на русском языках. Автор прослеживает судьбу карельского народа на примере одной семьи.

М. Пахомов представил нам в том же году свою поэму «Земля людиков», написанную «калевальской» метрикой, в которой описывает историю людиковского народа.

А. Волков в 1997 году опубликовал очерк «Дома ливвиков» в своей книге «Pieni D'essoilu», подробно воссоздав устройство быта и повседневной жизни карелов-ливвиков.

Национальные поэты и прозаики занимают активную позицию в деле возрождения языка. Об этом писали В. Брендоев в стихотворении «Livvin kiel», З. Дубинина — в «Sana karjalan kieles», М. Пахомов — в «Lüüdikiel», А. Волков — в «Meijän kiel», К. Алексеева — в «Oma kiel».

Литература на карельском языке продолжает развиваться. Очередным доказательством этому стал выход в 2003 году антологии карельской поэзии, прозы и драматургии «Karjalan pagin».

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бондарчик В. К. Должна жить концепция единства восточных славян // Вопросы истории. 1989. № 5.

Султанов К. Национальное самосознание и ценные ориентации литературы. М., 2001.

ФЭС = Философский энциклопедический словарь / Ред. кол. С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. М., 1989.

Stapanov O. Kotikunnan tarina. Osa I. Petroskoi, 2002.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Люди́ковское наречие карельского языка, занимая узкую полосу восточнее ливвиковского наречия, представляет собой как бы промежуточное звено между ним и вепсским языком (КНС, 1978, 5). Это наречие имеет значительный вепсский субстрат.

Люди́ковское наречие — совокупность говоров, между которыми нередко наблюдаются существенные фонетические различия (Баранцев А. П., 1978, 5).

Речь карелов-люди́ков, проживающих вдоль западного побережья Онежского озера вблизи городов Петрозаводск и Кондопога, в 1970-е годы, по мнению лингвиста А. П. Баранцева, «рассматривается как одно из распространенных на территории Карелии» наречий карельского языка (Баранцев А. П., 1978, 5).

В начале XXI века ситуация существенно изменилась, и в развитии и преобладании на территории Республики Карелия в настоящее время доминирует ливвиковское наречие карельского языка. Это вызвано тем, что карелы-люди́ки проживают вблизи двух крупных промышленных городов и быстрее ассимилируются по сравнению с другими группами карельского населения (Серебренников Б. А., 1964, 13—14).

В современном прибалтийско-финском языкознании люди́ковское наречие остается малоизученным в научном отношении. На законодательном уровне люди́ковское наречие не имеет утвержденного алфавита, тем более литературного языка.

В отличие от других наречий карельского языка, которые преподаются в образовательных учреждениях г. Петрозаводска и Карелии, люди́ковское наречие до 2004 г. преподавалось лишь в с. Михайловское.

К первым литературным публикациям на люди́ковском наречии можно отнести издания текстов-образцов люди́ковской речи. Впервые такие публикации появились в Финляндии. В 1872—1873 годах Арвид Генетц опубликовал сравнительно-сопоставительное описание речи люди́ков, к которому были приложены 24 страницы текстов (Genetz A., 1873, 1—26). В 1934 году появился сборник «*Lyydiläisiä kielenäytteitä*» («Образцы люди́ковских говоров») с переводом на финский язык, составленный Х. Оянсуу и др. В 1963—1964 годах опубликованы три тома

«Lyydiläisiä tekstejä» («Людиковские тексты») с переводом на финский язык, записанные Пертти Виртаранта.

В России некоторые людиковские пословицы и загадки собрал и опубликовал в журнале «Живая старина» Н. Ф. Лесков в 1893 году. Загадки были собраны Н. Лесковым преимущественно в Святозере, Пряже, Сямозере, Вешкелицах и Салменицах Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Их тексты переданы на двух языках — карельском и русском. Карельский текст написан русскими буквами и только для изображения звуков, для которых нет соответствующих букв в русском языке, Н. Лесков обозначил их особыми знаками. Например, средний звук между «а» и «я» изображается как «ä», средний между «о» и «ё» — «ö» и другие. Например:

Туһа сильмädь, сада киведь —
Верко.

Кодиһь туловь коччiень,
таһналэ мянöвь тачитгаять. —
һейнь.

Тысяча глаз, сто камней —
Съть.

Домой приходит на возу,
а на дворъ заходить
охапками. — Съно.

В 1908 году в Санкт-Петербурге был издан первый словарь людиковского наречия, который составил учитель Михаил Георгиевский. Редактором словаря и автором вступительного слова стал языковед Ф. Ф. Фортунатов. Несколько людиковских сказок приводится в сборнике «Карельские народные сказки», вышедшем в 1967 году, составленном У. Конкка и А. Тупицыной. В 1978 году А. П. Баранцев опубликовал книгу «Образцы людиковской речи», в которую вошли тексты этнографического и фольклорного характера.

Из вышесказанного следует сделать вывод о том, что, как и любая младописьменная литература, литература на людиковском наречии карельского языка берет начало от устно-поэтической традиции. Пословицы, загадки, сказки — вот с чего начиналось развитие литературы карел-людиков.

В июне 1991 года в г. Олонец (Республика Карелия) состоялся съезд представителей карел, на котором обсуждались вопросы развития языка и культуры карельского народа. «К сожалению, на съезде мы ничего не услышали о проблемах людиков, так как людиковская интеллигенция была на нем представлена, кажется, только Н. Н. Пахомовым...», — говорила Г. Е. Леттиева на круглом столе журнала «Север» в Петрозаводске спустя три месяца после съезда (Карелы., 1991, 121).

Однако и спустя 10 лет, Н. Н. Пахомов (Мийкул Пахомов) является единственным представителем людиков среди поэтов и писателей, пишущих на карельском языке. В настоящее время он проживает в Финляндии.

В 1995 году был подготовлен букварь людиковского наречия «Abskird'»), который остался неизданным. Букварь людиковского наречия «ABC—kird'»), который написан в соавторстве М. Пахомова с учителем Лидией Поташовой, был издан в 2003 году в г. Хельсинки (Финляндия). Букварь предназначен для учащихся, которые изучают этот язык. Данная книга является попыткой разработать письменный язык, придать ему должный статус. Букварь содержит стихи В. Брендоева и М. Пахомова, а также словарь.

В конце 1998 года в г. Хельсинки (Финляндия) было образовано «Людиковское общество» («*Luudiläinen Seura*»), его цель — сохранение языка и культуры людиков. Одним из основателей этого общества является исследователь людиковского наречия писатель Мийкул Пахомов.

В 1999 году М. Пахомов подготовил книгу для духовного чтения «*D'umalan Poig*» («Сын Божий»). У национальных представителей появилась возможность читать Библию на родном наречии.

Мийкул Пахомов родился 14 февраля 1967 года в г. Петрозаводске. В семье Пахомовых говорили на людиковском наречии карельского языка. Род Пахомовых происходит из людиковского села Кууярви (с. Михайловское Олонецкого района Республики Карелия), расположенного недалеко от северного берега р. Свирь. Его мать, Майя Фёдоровна Пахомова, была исследователем литературы Карелии, кандидатом филологических наук и членом Союза писателей.

В 1989 году М. Пахомов закончил Петрозаводский государственный университет, где обучался на отделении финского языка и литературы.

С 1989 по 1991 год работал в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН старшим лаборантом-исследователем. Главной темой его исследовательской работы был родной людиковский язык и прибалтийско-финские языки в целом.

В 1996—1997 годах М. Пахомов продолжил свое исследование, работая на кафедре прибалтийско-финских языков университета г. Хельсинки (Финляндия) в качестве научного сотрудника. В 2000 году он закончил аспирантуру финно-угорского отделения университета г. Хельсинки и получил звание кандидата филологических наук. Он исследовал топонимию Кууярви и грамматику людиковского наречия карельского языка. В своем исследовании М. Пахомов пишет о людиковском языке, не называя его наречием карельского языка, тем самым выделяя его в группе прибалтийско-финских языков. Старые людики не относят свой язык ни к наречию карельского языка, ни к вепсским истокам. Они говорят: «Я не говорю ни по-вепсски, ни по-карельски, я говорю по-людиковски». С 2001 года М. Пахомов работает в православном приходе г. Хельсинки.

По классификации людиковских говоров, впервые предложенной Аймо Туруненом, М. Пахомов пишет на лоянском говоре. Старинное поселение карел-людиков Лояницы (ныне с. Михайловское) расположено примерно в 50 км к востоку от г. Олонца. На языке местных карел оно называется поэтическим именем Kujäg'v, что в переводе означает Лунное озеро (Пахомов М., 1997, 139).

Стихи М. Пахомов начал писать в детском возрасте. Пишет, главным образом, на родном людиковском наречии (михайловский говор, близкий к вепсскому языку), а также на финском и русском языках. М. Пахомов — член Союза карельских писателей с 1999 года. Неоднократно выступал со своими стихами, в том числе на IV финно-угорской конференции по этнофутуризму в Эстонии (2001), на Встрече прибалтийско-финских поэтов в Хельсинки (2002), а также на состязаниях рунопевцев «Калевала ММ—2000» и «Калевала ММ—2002», проходивших в финском городе Эспоо.

Первые стихи М. Пахомова на людиковском наречии были опубликованы в журнале «Punalippu» (ныне «Carelia») в 1989 году, и после этого его стихи печатались в других изданиях: в карелоязычной газете «Oma Muu», которая основана в начале 1990 года, финноязычных изданиях «Kipinä», «Karjalan Sanomat», «Vienan Viesti» и других газетах Карелии, также в Финляндии в журналах «Karjalan heimo», «Yliopisto», «Karjala», «Savot ja Elias».

На страницах этих печатных изданий можно встретить статьи, фольклорные материалы, переводы духовных текстов, прозу и поэзию М. Пахомова. В начале своего творчества поэт активно сотрудничал с молодежным отделом «Тандем» журнала «Carelia», а в 1991—1994 годах был членом редакционного совета этого журнала. Сейчас поэт ведет русскоязычную страницу в журнале «Ортодоксивести» и входит в редакционный совет журнала «St. Isaac's News». Это православные журналы, издаваемые в Хельсинки.

Его первая стихотворная книга «Tuohuz ikkunas» («Свеча в окне») вышла в 1993 году. В нее вошли лирические стихотворения, поэма «Lyydimua» («Земля людиков») и стихи для детей.

Одно из важных мест в сборнике занимает поэма «Lyydimua» («Земля людиков»), написанная «калевальской» метрикой. История «Земли людиков», родного племени начинается следующими строчками:

Miel' tuli minun piähä,
Himuotab tozi sanda.
Rubedank sanelemaha,

Suank d' o pajatamaha
Čoman Kuudamdärven randal,
Palolambin pit'kal niemel
Lyydimuan algun sanuud...

Данный отрывок говорит о том, что поэт в своем творчестве использует мотив «Калевалы» Элиаса Лённрота:

Мне пришло одно желание,
Я одну задумал думу,
Чтобы к пенью быть готовым,
Чтоб начать скорее слово,
Чтобы спеть мне предков песню,
Рода нашего напевы... (Калевала, 1989, 29).

Картины древней жизни (поиски лучшей земли, схватки с врагами, испытания войной со шведским королем и т. д.) изображаются лаконично, буквально штрихами, но целостность у поэта есть (Мишин А., 2000, 155). Завершается повествование следующими строками:

Muga ende eletihe,	Так раньше жили,
Lyydin lapsed ruatihe	Дети людииков трудились
Omal armahal Lyydimual,	На своей любимой земле людииков,
Suuren iänišdärven randal.	На берегу большого Онежского озера.

(перевод с карельского Э. Алто).

Тем самым поэт попытался выделить в своем творчестве жанр эпической поэмы. С одной стороны, молодой поэт исходит из традиционной поэзии и фольклора, с другой — экспериментирует со свободным стихом. Стихи о родословном древе, о родовых корнях соседствуют у него с размышлениями о современной жизни и с личными откровениями (Мишин А., 2000, 155).

М. Пахомов тяготеет к небольшим стихам, порой в несколько строк. Стихи его ассоциативны, побуждают искать подтекст (Мишин А., 2000, 155):

Veneh vahn	Старая лодка
airotuo	без весел
itki randas.	плачет на берегу.
Uuden venehen	Новой лодки борта
lauduole	целует море.
anduo	
meri suud.	

(перевод с карельского О. Мишина)

Конечно, читатель вспомнит плачущую лодку в «Калевале» и новую, которую начинает делать Вяйнямейнен. Мысль о неизбежности смены поколений здесь еще усилена чувством — печалью по уходящему. Вторая, констатирующая, часть звучит жестким гимном продолжающейся жизни (Мишин А., 2000, 155).

В 2000 году Институт Снельмана (Финляндия) выпустил стихотворный сборник М. Пахомова «Lüüdiland» («Земля людиков»). Во введении к книге автор рассказывает историю людиковского народа с древнейших времен до наших дней. Все произведения в сборнике систематизированы и включены в одну из трех частей: красную, синюю или зеленую.

Внимательно читая произведения Николая Пахомова, можно проследить состояние самого поэта, увидеть, что его волновало, беспокоило, радовало. В своих стихотворениях поэт выражает теплые и сильные чувства как к своей большой (имеется в виду Карелия), так и к своей малой (имеется в виду Кууярви) родине.

Так, в стихотворении «Kolme K:d» («Три к») автор пишет о том, что самая дорогая для него буква — это буква «к», потому что на эту букву начинаются три самых дорогих для него слова: Калевала, Кууярви, Карелия.

Kalevala, Kujärv, Kard'al —
omad sanad kaunhed.
Kuna kulgen — sinnai kandan
kallehed K-kird'aimed.

В своем творчестве поэт обращается к проблеме людиковского языка. Его беспокоит судьба людиковского народа. Но ему не чужда и идея формирования единого карельского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что уже в 1998 году он пишет стихотворение «Karjalan huomnes» («Утро Карелии»), в котором делает попытку представить свой вариант единого карельского языка. В этом стихотворении поэт называет Карелию дорогой матерью.

В стихотворении «Lüüdiland» («Земля людиков») он пишет: «Kus oled siä, Lüüdiland — ei kai toil ole sindai» («Где ты, земля людиков — нет тебя на карте»). Самому людиковскому языку посвящено стихотворение «Lüüdikiel'»:

Lapsed lüüdikš maltetah,
Omal kielel pagištah:
«Kuulgat, buabad — diedad,
müö sanad tiedam!».

Дети узнают свой язык только от бабушек и дедушек, которые уходят и уносят его с собой. Это стихотворение М. Пахомов включил и в букварь людиковского наречия. Это своего рода обращение к детям-людикам не забывать язык своего народа.

М. Пахомов не обошел в своем творчестве и родной город. В стихотворении, посвященном Петрозаводску («Petrouskoi»), он пишет: «Я не забуду тебя — Петрозаводск!».

Немаловажное место в своих произведениях Н. Пахомов уделяет деревне. В них он описывает деревенскую жизнь, красоту, тишину, быт и жизненный уклад карел.

Во многих стихотворениях М. Пахомов вспоминает о своих родовых корнях. Например, в таких как «Diedan kodi» («Дом деда»); «D'uured» («Корни»); «Kard'alaine külü» («Карельская баня»); «Muaman mua» («Земля матери») и других.

В стихотворении «Ken miä olen?...» («Кто я?...») он пишет:

Pohdaazen ilman — lapsi,
Heimole hubale — roiga,
Kuujarven Iivun Paušin
Obraman Fedyon vunuk...

Ты — дитя суровой Похьи,
Рода древнего потомок,
Из Кууярви Ийву Павши
Обрахама Феде внук...
(Волны трав, 1998, 215).

(перевод с карельского *О. Мишина*)

Из этого же стихотворения видно, что молодого поэта занимают и вечные вопросы — бытие и человеческое существование, предназначение человека и его место в цепи поколений и в космосе.

Lagedas Kosmosas — pöly,
Päivääžen sisteman — muru,
Mual pienel — dyvä...

В безбрежном космосе — пылинка,
В солнечной системе — крошка,
На маленькой земле — зерно...
(Алто Э. Л., 1997, 171).

(перевод с карельского *Э. Алто*)

Природа Карелии также нашла отражение в творчестве Н. Пахомова. Какая она в разные времена года, что характерно для нее, обо всем этом можно узнать из его произведений. Об особенностях карельского лета, осени, зимы мы прочитаем в стихотворениях «Kard'alaine keza»; «Տома лорііһеze keza...»; «Keza, anda väged, keza...»; «Talven suarn» и других.

Однако поэт пишет и об одиночестве. В его произведениях часто встречаются фразы типа üksin häin, üksin elädä, üksinaine ikkun и т. д. В стихотворениях, как в названиях, так и по ходу изложения, читатель сталкивается с вопросами, которые поэт ставит. Кажется, что М. Пахомов сам задает вопросы и сам же пытается найти на них ответы.

«Mida miä vuotan, igavoin?» («Чего я жду, тоскую?») в стихотворении «Sügüztie»; «Konzak tulou minun ahtobus?» («Когда придет мой автобус?») в стихотворении «D'oga päiv on toizen päivän moine...».

М. Пахомов не только пишет стихи сам, но и переводит стихи других авторов — русского поэта Андрея Вознесенского, поэтов Финляндии Валтера Ювы и Юрьё Юлхя, карельских поэтов Яакко Ругоева и Владимира Брендоева, ливского поэта Карла Сталтэ. Он также редактировал переводы на русский и вепсский языки стихов вепсской поэтессы Райсы Лардо, живущей в Финляндии. Ее книга «Замерзшие птицы падают с веток» была издана на трех языках в 2001 году в г. Ювяскюля (Финляндия).

Поэт публикует свои произведения в различных коллективных сборниках: «Голоса» (1994), «Mies joka luki runon» («Человек, прочитавший стихи», Хельсинки, 1995), «Omil pordahil» («У родного крыльца», 1999), «Волны трав» (1998), «Сапо, tuuli» («Скажи, ветер», Хельсинки, 2002), а также в антологии писателей Баренц-региона «Здесь начинаются дороги» (Архангельск, 2001), которая издавалась в разных странах на различных языках.

Ряд стихов М. Пахомова был переведен на финский, вепсский, русский, английский и шведский языки. Творчество М. Пахомова способствует развитию письменного людиковского наречия карельского языка, находящегося под угрозой исчезновения.

Литературное творчество, которое имеется на сегодняшний день на людиковском наречии карельского языка, можно отнести к раннему периоду литературного развития и пробуждения национального самосознания.

Список литературы

Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: В 3 т. Т. 2. СПб., 1997.

Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978.

Волны трав: Стихи поэтов Карелии. Петрозаводск, 1998.

Калевала: Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1989.

Карелы: пути возрождения («Круглый стол» журнала «Север» в Петрозаводске) / Подгот. В. Судаков // Север. 1991. № 12.

КНС = Карельские народные сказки. Л., 1978.

Мишин А. «Дать начало песнопенью...» (Современная карело-язычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10.

Пахомов М. Духовные корни лоянских карел // Север. 1997. № 8.

Серебрянников Б. А. Об основных проблемах советского финно-угорского языкознания // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 13—14.

Genetz A. Vepsän pohjoiset etujoukot. Kieletär. 1873.

© *Я. Ыйснуу*

ОБНОВЛЕНИЕ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: О СУДЬБЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ФЛЕКТИВНОГО СУФФИКСА *-NU-* В ЭСТОНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Непосредственным компонентом каждого национально-культурного движения, зарождения национального литературного языка (национальных литературных языков) и национального самосознания является процесс, известный под названием обновление языка. Обновление языка — это совокупность мероприятий и основательных изменений в литературном языке, осуществленных по инициативе отдельных лиц. Говоря об обновлении литературных языков Европы, прежде всего упоминают венгерский, норвежский и эстонский языки. Процессы обновления отмечаются и в истории многих других литературных языков народов Европы, в частности и в финно-угорских языках.

В Венгрии период обновления венгерского языка, инициатором которого был **Ференц Казинчи** (1759—1831), относится к концу XVIII и началу XIX веков. В результате реформ обновления языка был рожден общий венгерский национальный литературный язык, который в периодизации истории венгерского языка считают началом так называемого нововенгерского языка.

Начало процесса обновления финского языка относится к 1820-м годам. Следует отметить, что аналогичные процессы в этот же период наблюдаются и в Эстонии. К ним относятся реформы в области орфографии, вопрос о роли диалектов в литературном языке, проблематика, связанная с формированием общего литературного языка и т. д.

Известно, что обновление языка всегда является частью общего национального движения и имеет политический характер. Обновление языка приводит к основательным изменениям в языковой политике и в статусе языка. В результате такого обновления своего первого политического статуса достигли венгерский и финский языки (венгерский — в 1844 году и финский — в 1863 году). В связи с этим расширились и сферы использования языков: на их базе зародилась художественная

литература, они стали предметом обучения в школах и вузах и объектами научного исследования.

Реформы 1820—1830-х годов в истории эстонского литературного языка не считаются его обновлением. В данный период в Эстонии параллельно существовали два литературных языка — северно-эстонский и южно-эстонский. Реформы привели к двум с точки зрения развития эстонского литературного языка существенным результатам: переход на новую орфографию и создание общего эстонского литературного языка.

Периодом обновления эстонского литературного языка является период с 1912 по 1926 год.

В начале XX века в развитии эстонского литературного языка наблюдаются три направления развития:

1) **направление обновления языка**, самым существенным представителем которого является **Йоханнес Аавик** (1880—1973) — уроженец острова Сааремаа, выпускник Хельсинкского университета и убежденный поклонник финского языка. Самым существенным критерием Аавика и всех сторонников направления обновления языка являлся принцип эстетичности и звонкости языка. В принципах Й. Аавика наблюдаются общие черты со взглядами обновителя венгерского литературного языка Ференца Казинчи — это, в основном, принцип эстетичности как самого существенного. Цель обновления языка Й. Аавика — он должен быть звонким и красивым. Он делил звуки на красивые и некрасивые. К некрасивым, по его мнению, относились согласные *s* и *t*, к красивым — гласные, особенно гласный *i*. Он был сторонником лексем и морфологических суффиксов, включающих *i* (Aavik J., 1912), например, таких форм, как суперлатив на *-i-*, формы множественного числа на *-i-* и т. д. Этим требованиям, по мнению Й. Аавика, соответствовал финский язык (Õispuu J., 2001, 31). Наряду с эстетическими требованиями он считал необходимым компонентом краткость и стилистико-психологическую красоту (богатая и многообразная лексика и податливость синтаксиса языка). Для достижения названных выше целей Й. Аавик создал около 200 новых слов и заимствовал из финского языка много слов (см.: Aavik J., 1921; Ereht T., 2002, 90). Им было предложено несколько новых флективных суффиксов, например, генитив на предлог *no* (*raamat no poiss = poisi raamat* ‘книга мальчика’), форму транслатива III инфинитива для выражения финальных придаточных конструкций (*elamaks = selleks et elada* ‘для того, чтобы жить’) и другие (Aavik J., 1936). Й. Аавик написал: «К языку надо относиться как к машине» (Aavik J., 1924, 8). Часто направление обновления языка называется и радикальным направлением развития эстонского литературного языка;

2) **умеренное направление**, лозунгом которого стал «революционной анархии — нет, организованной эволюции — да». Самым видным представителем умеренного направления являлся **Йоханнес Вольдемар Вески** (1873—1968) — естествовед по образованию, основоположник систематической научной эстонскоязычной терминологии и основатель традиции ортологических словарей эстонского языка. Й. В. Вески рассматривал язык как живой организм. Принципами его действия служили целесообразность, краткость и конкретность слова и словоформы. По мнению Й. В. Вески, все с точки зрения развития языка важные механизмы находятся в самом языке. Он писал: «Все способы для развития эстонского языка можно найти в эстонском языке». В своей деятельности Й. В. Вески использовал разные способы словоизменения: деривацию, сложные слова, диалектные слова и т. д. Хотя Й. В. Вески не был сторонником заимствования из финского языка, он не отрицал и этой возможности. Он считал, что заимствования должны приспосабливаться к системе эстонского языка (см.: Veski J. V., 1913);

3) **консервативное направление**, типичным представителем которого, как правило, считают **Каарела Лэйтберга** (1867—1945). Консервативное направление не отрицало полностью взглядов названных выше направлений, но оно считало, что самым важным фактором в развитии языка является человек. По мнению К. Лэйтберга, «язык должен рождаться в самом человеке» (Erelt T., 2002, 117). Он неоднократно подчеркивал роль так называемого естественного языкового чувства человека (*inimese keeleteadvus*) (Leetberg K., 1927, 41), так как самым важным потребителем языка является человек. К. Лэйтберг считал ненужными попытки обогащения эстонского языка новыми грамматическими формами. По его мнению, например, формы множественного числа на признак *i* уже забытое прошлое эстонского языка, восстановление и распространение этих форм оказывается ненужным. К. Лэйтберг в своих трудах неоднократно отмечает, что главным в развитии языка является не изобретение новых слов и грамматических форм, а их внедрение в язык. Поэтому он согласился с предложениями обновителей языка лишь частично. В то же время он являлся самым последовательным языковедом в своих требованиях в области порядка слов в предложении (Erelt T., 2002, 121—122).

В современном эстонском литературном языке наблюдаются элементы всех трех направлений развития эстонского литературного языка начала XX века. Самое значительное влияние на развитие эстонского литературного языка имели взгляды Й. В. Вески. Это обусловлено как объективными, так и субъективными причинами: умеренные реформы

Й. В. Вески в развитии эстонского литературного языка в послевоенные годы оказались самыми пригодными. Они оказались приемлемыми и для советских властей. Й. В. Вески в течение многих лет работал преподавателем кафедры и заведующим кафедрой эстонского языка Тартуского университета (1919—1956). Он активно участвовал в языковой деятельности Эстонии до 1968 года.

Следует отметить, что в 1920-е и 1930-е годы за языковыми реформами Эстонии следили и в Советском Союзе, где существовала довольно большая эстонская диаспора. Видимо, именно по этой причине в конце 1925 года Й. В. Вески сделали предложение переехать в СССР. Он отказался (Ertis E., 1986, 605).

Политический характер в отношении властей к предложениям радикальных обновителей и к самим обновителям наблюдается в послевоенной Эстонии.

В 1944 году многие эстонские языковеды, в том числе и Й. Аавик, эмигрировали на Запад. Й. Аавик послевоенные годы, вплоть до своей смерти в 1973 году, прожил в Швеции. Он и остальные видные лингвисты в Советской Эстонии были объявлены эмигрантными и буржуазными, и вся их языковая деятельность считалась бужуазной и вредной. Использование обновительных элементов языка считалось либо нежелательным, либо было запрещено вообще.

К таким буржуазным деятелям относился и Оскар Лоорик (1900—1961) — ученик профессора Лаури Кеттунена, знаменитый фольклорист, один из основоположников международного финно-угорского движения в 1920-е годы. Как правило, не знают, что по его инициативе в эстонский литературный язык была введена одна глагольная форма.

В 1922 году 21-летний О. Лоорик в журнале «Eesti Keel» («Эстонский язык») опубликовал статью под названием «Прошедшее время сослагательного и косвенного наклонений» (Loorits O., 1922). Он пишет: «От имени некоторых языковедов старшего поколения и представителей студентов-лингвистов разрешите мне сделать одно предложение по поводу форм прошедшего времени сослагательного и косвенного наклонений, которые по своему аналитическому характеру — например, *oleksin olnud* ‘я был бы’, *olevat olnud* ‘я якобы был’ — с точки зрения использования являются неуклюжими и неповоротливыми. Вместо таких тяжеловесных форм в наше сознание инстинктивно проникают контаминации: *olnud oleksin* > *olnuksin* ‘я был бы’, *olevat olnud* > *olnuvat* ‘я якобы был’. Наше предложение — санкционировать в эстонском литературном языке формы *olnuksin*, *olduks*, *olnuvat*, *olduvat*». В дальнейшем О. Лоорик останавливается на сущности своего предложения:

«И что отрадно — мы можем констатировать, что потребность в такой конструкции в сознании зарождалась не только у нас и не только сейчас, необходимость в такой форме в семье наших языков является довольно длительной, так как формы такого типа вполне знакомы и в вепсском языке, ливвиковском диалекте карельского языка и даже в финских диалектах» (Loorits O., 1922, 171—172). Здесь он ссылается на рукописные материалы Лаури Кеттунена, на статьи Элиаса Лённрота и Яло Калима. О. Лоориц приводит следующие примеры: вепсский *heitnũž*, эстонский *heitnuks* 'бросал бы', финские диалекты (Аскола, Поervoо) *saannois* < *saannu oisi* < *saanut olisi*, эстонский *saanuks* 'получил бы'. В этой же статье он приводит подходящие примеры и из южно-эстонских диалектов: (*nad*) *olnuvad* 'они якобы были'.

Таким образом, можно констатировать, что предлагаемый О. Лоорицом флективный суффикс *-nu-* для выражения прошедшего времени сослагательного и косвенного наклонений, в отличие от других предложений такого типа обновителей языка, имел общеприбалтийско-финский облик.

О. Лоориц и в дальнейшем стал распространять формы на суффикс *-nu-*. В 1925 году он опубликовал грамматику эстонского языка для школ (Loorits O., 1925). В своей грамматике О. Лоориц повторно знакомит читателей с причиной необходимости такой синтетической формы. В таблице глагольных форм наряду с аналитическими формами перфекта сослагательного и косвенного наклонений он представляет в виде параллельных и формы прошедшего времени на *-nu* (Loorits O., 1925, 46—47). Например:

сослагательное наклонение: *olnuksin* = *oleksin olnud* 'я был бы';

косвенное наклонение: (*ma*) *olnuvat* = (*ma*) *olevat olnud* 'я якобы был'.

Наряду с формами актива представлены и формы пассива. Например:

сослагательное наклонение: *olduks* 'были бы' *oleks oldud*;

косвенное наклонение: *olduvat* 'якобы были' *olevat oldud*.

О. Лоориц и в дальнейшем в своих грамматиках продолжал использование форм прошедшего времени на суффикс *-nu-*, другие же авторы учебников и грамматик (например, Эльмар Муук, Карл Михкла и др.), в том числе и Й. Аавик, суффиксом, предложенным О. Лоорицом, не пользовались и об этой форме в своих грамматиках не упоминали.

Однако в 1930-е годы синтетические формы прошедшего времени (перфект) сослагательного и косвенного наклонений начали использовать, но только в активе (*olnuksin*, *olnuvat*). Формы пассива (*olduks*, *olduvat*) остались в стороне.

В 1944 году О. Лоориз, как было сказано выше, эмигрировал в Швецию. Власти Советской Эстонии включили О. Лоориза в группу так называемых буржуазных и эмигрантных деятелей культуры, упоминание о творчестве которых было нежелательно или запрещено. Ни один учебник и ни одна грамматика эстонского языка послевоенной Эстонии не упоминает об обновлении эстонского языка, происходившего в республике в 1920—1930-е годы.

В 1960-е годы ситуация изменилась. К этому периоду относится возрождение синтетического перфекта сослагательного и косвенного наклонений на суффикс *-nu-*: со второй половины 1940-х и до конца 1960-х годов были разрешены только аналитические формы перфекта названных выше наклонений. В грамматике Йоханнеса Валгма и Николая Реммеля (Valgma J., Remmel N., 1968) синтетические формы в качестве параллельных вновь были упомянуты наряду с аналитическими формами перфекта сослагательного и косвенного наклонений: *tulnuksid sa varem = oleksid sa varem tulnud* ‘пришел бы ты раньше’. Авторы грамматики называют форму обновительной. Аналогичная форма косвенного наклонения в грамматике отсутствует (Valgma J., Remmel N., 1967, 118—119).

Издание грамматики Валгма и Реммеля было важным событием, поскольку на протяжении более тридцати лет не было издано ни одной нормативной и дескриптивной грамматики, кроме школьных. Видимо, именно в результате издания этой грамматики рассматриваемые нами формы начиная с начала 1970-х годов вновь появились и в школьных учебниках. Форма считается синтетической параллельной формой аналитической формы перфекта сослагательного и косвенного наклонений, встречается только в активе (в пассиве возможны только аналитические формы):

Наклонение	Формы	
	<u>Актив (перфект)</u>	<u>Пассив</u>
Сослагательное	<i>ma oleks(in) tulnud = ma tulnuks(in)</i>	<i>oleks tuldud</i>
Косвенное	<i>ma olevat tulnud = ma tulnuvat</i>	<i>olevat tuldud</i>

Живущий в Швеции эстонский лингвист Ааранд Роос в 1970 году аналогичную форму предложил также для перфекта императива, например: *olgu teinud > teinugu* ‘пусть делает’ (Roos A., 1970, 59).

В научной грамматике эстонского языка (ЭКГ, I) и в новейших школьных грамматиках вместо терминов *перфект сослагательного наклонения* и *перфект косвенного наклонения (юсива)* пользуются термином *общее прошедшее время (претерит)*. В грамматике как аналитиче-

ские, так и синтетические формы претерита сослагательного наклонения представлены как одинаковые. Например: *Kui ma temaga varem oleksin kohtunud, võinuks kõik hoopis teisiti minna* 'если бы я встретился с ним раньше, могло бы все произойти иначе'.

Предложенная О. Лоорицом в 1922 году форма продолжает в эстонском литературном языке свое существование. Хотя суффикс *-ni-* находит соответствия и в южно-эстонских диалектах, предложенную О. Лоорицом форму, в первую очередь, можно считать заимствованной из вепсского и карельского языков.

Список литературы

Aavik J. Ilusa keele kõlaline inetus // Eesti Kirjandus. 1912. № 7. S. 267—273.

Aavik J. Uute sõnade ja vähem tuntud sõnade sõnastik. 2 trükk. Tallinn, 1921.

Aavik J. Keeleuuenduse äärmised Võimalused. Tartu, 1924.

Aavik J. Eesti õigekeelsuse õpik ja Grammatika. Tartu: Noor-Eesti, 1936.

Valgma J., Remmel N. Eesti keele grammatika. Käsiraamat. Tallinn: Valgus, 1968.

Veski J. V. Eesti kirjakeele Edasiarendamise-teedest. Võõg I. Tallinn.

Leetberg K. Äpardunud keeleuuendus. Rakvere, 1927.

Loorits O. Tingiva ja kaudse kõneviisi minevik // Eesti Keel. 1922. S. 170—173.

Loorits O. Eesti keele kooligrammatika. I. Hääliku- ja vormiõpetus. Tartu: Odamus, 1925.

Roos A. Vormirikkusest ja -vaesusest eesti keeles // Tulimuld. 1970. № 2. S. 58—64.

ЭКГ = Eesti keele grammatika. I. Morfoloogia. Sõnamoodustus. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia, Eesti Keele Instituut.

Erelt T. Eesti keelekorraldus. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2002.

Ertis E. Eesti kirjakeel Nõukogude Liidus 1920—1930-ndail aastail // Keel ja Kirjandus. 1986. № 10. S. 603—608.

Õispuu J. Soome keele õpetamine Johannes Aaviku hõimuaate ja keeleuuenduse osana. Keelteoskus kui kultuuri osa // TPÜ Kirjastus. Tallinn, 2001. S. 26—34.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беликова А. Е.</i> Экспериментальное исследование финских глаголов звучания	3
<i>Беликова А. Е.</i> Объяснительное описание синонимического ряда <i>havista, kahista, humista, suhista</i>	16
<i>Богданов Е. В.</i> Творчество Л. Онерва в восприятии финляндских академистов	27
<i>Богданова Е. Г.</i> Обучение студентов I курса стратегиям аудирования текстов на финском языке	43
<i>Богданова Е. В.</i> История возникновения возвратного спряжения в карельском языке	50
<i>Богданова Е. Г., Храмцова О. А.</i> Проблемы сравнительной типологии фонологических систем русского и финского языков в аспекте методики преподавания финского языка как иностранного	57
<i>Гилова Н. М.</i> Исторические суффиксы вопросительных местоимений карельского языка	64
<i>Гурин Г. Б.</i> О содержании курса «Общее языкознание» на филологических факультетах	68
<i>Жуков А. Ю.</i> Карельская земля: административно-территориальное оформление в XIII—XV веках	74
<i>Жукова О. Ю.</i> Роль и основные мотивы причитаний в похоронном обряде вепсов	88
<i>Жукова О. Ю.</i> Система метафорических замен в вепсских причитаниях	93
<i>Зайков П. М.</i> Формы I причастия актива в карельском языке	98
<i>Зайков П. М.</i> История происхождения форм I причастия актива в карельском языке	112

<i>Зайцева Н. Г.</i>	
Диалекты и новописьменные языки: противостояние или взаимодействие (на материале прибалтийско-финских языков Карелии)	117
<i>Захарова Е. В.</i>	
Полукальки в топонимии Восточного Обонежья	122
<i>Исламаева Т. И.</i>	
Трудные случаи преподавания грамматики финского языка. Пути их решения (аккузатив как самостоятельный падеж).....	131
<i>Керт Г. М.</i>	
О лингвистическом наследии Д. В. Бубриха	139
<i>Козьяр И. П.</i>	
О социолингвистическом аспекте влияния русского языка на финскую лексику (1920—1940 годы)	144
<i>Козьяр И. П.</i>	
О развитии лексики финского языка в Карелии в 20—30-е годы XX века	148
<i>Кондратьева С. Ф.</i>	
Особенности преподавания карельского языка в Финно-угорской школе им. Э. Лённрота г. Петрозаводска (из опыта работы).....	154
<i>Коробейникова С. В.</i>	
О проблемах проведения педагогической практики студентов факультета прибалтийско-финской филологии и культуры (финский язык).....	160
<i>Криничная Н. А.</i>	
Магия слова в карельских эпических песнях	165
<i>Кузьмин Д. В.</i>	
Топооснова Nämeһ- в топонимии Карелии	172
<i>Лебедева Н. А.</i>	
Ойконимия посессивного типа Центральной Ингерманландии	181
<i>Лебедева Н. А.</i>	
Адаптация русским языком финноязычной ойконимии Центральной Ингерманландии	190
<i>Логинова Е. В.</i>	
Сова как ментальный образ в европейских языках.....	197
<i>Миронова В. П.</i>	
Мотив брачных испытаний в южно-карельских эпических песнях...202	
<i>Миронова В. П.</i>	
Семейно-бытовая тема в южно-карельской эпической поэзии	210

<i>Момотова Н. М.</i>	
Проблема обучения лексике с национально-культурным компонентом семантики в лингвострановедческом аспекте	217
<i>Муллонен М. И.</i>	
Словарь живой народной речи.....	222
<i>Наумова М. В.</i>	
К вопросу об исследовании управления глаголов в финно-угорских языках	227
<i>Пулькин М. В.</i>	
«Инородческая» школа на Европейском Севере России (конец XIX — начало XX в.)	237
<i>Родионова А. П.</i>	
Послеложные падежи в новописьменном карельском языке (ливвиковское наречие).....	249
<i>Сидорова А. П.</i>	
Перевод и литературный пересказ в детской литературе.....	253
<i>Сойни Е. Г.</i>	
Образ финляндии в поэзии русской эмиграции 1920—30-х годов	259
<i>Строгальщикова З. И.</i>	
Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия	270
<i>Титова М. А.</i>	
Карельский ведун « <i>tiedoiniekku</i> »: социально-психологический портрет (на южно-карельском материале)	288
<i>Флиптова Е. В.</i>	
История исследования именного суффиксального словообразования в диалектах карельского языка	297
<i>Храмцова О. А.</i>	
Использование комплексного анализа лексической единицы в рамках курса лексикологии финского языка.....	304
<i>Чикина Н. В.</i>	
Актуальные вопросы развития карелоязычной литературы на рубеже XXI века.....	318
<i>Чикина Н. В.</i>	
Современное состояние литературы на людиковском наречии карельского языка.....	322
<i>Ыйстуу Я.</i>	
Обновление языка и языковая политика: о судьбе прибалтийско-финского флективного суффикса <i>-ni-</i> в эстонском литературном языке.....	330

Научное издание

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

Редактор *О. В. Обарчук*

Компьютерная верстка *Т. Д. Шестаковой*

Оформление обложки — *А. Б. Данилов*

Подписано в печать 20.06.05. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 23. Тираж 300 экз. Изд. № 232.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

